

Политическая

ОНТОЛОГИЯ

российского

гражданина:

содержание ПРОТИВ формы

И.Б. ФАН

Гражданское общество и гражданин
Гражданское общество – Гражданин
Государство – Конституция

Градъ – гражанинь (X в.) - горожанин - гражданинь –
гражданинец – гражанский – гражданский

Черные люди (XIII-XV вв.)

«Небесного града гражданин»(XV в.), «небесный гражданин»

Гражанин – гражанский – гражанство (XVI в.) - гражданство -

Градосожительство

Городские обыватели

посадские люди

Обыватель. Мещанин

Подданный

Сознательный гражданин СССР - «Гражданин начальник»

Жители – Электорат - Население

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Уральский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

И. Б. ФАН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНИНА:
СОДЕРЖАНИЕ ПРОТИВ ФОРМЫ

Екатеринбург
2018

УДК 32(470)
ББК 66.0:66.3(2Рос)
Ф 21

Научный редактор:
доктор юридических наук, профессор,
член-корреспондент РАН **В. Н. Руденко**

Рецензенты:
доктор философских наук, профессор НИУ ВШЭ **О. Ю. Малинова**
доктор политических наук **С. В. Мошкин**
доктор политических наук, профессор **О. Ф. Русакова**

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института философии и права УрО РАН
(протокол № 2 от 19 февраля 2018 г.).*

Фан, И.Б.

Ф 21 Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы [Текст] / И.Б. Фан. – Екатеринбург : Урал. ин-т управления - филиал РАНХиГС, 2018. – 332[4] с.
ISBN 978-5-8056-0340-3

Монография посвящена исследованию институциональных, ценностных и личностных факторов исторического становления и существования феномена гражданина в России. Гражданин рассматривается в концептуальных рамках парадигмы трансформации, характерной для политической мысли Модерна. Автор анализирует современную политическую ситуацию в России, предполагая, что существование россиянина определяется несоответствием политической формы «гражданин» содержанию того феномена, который называется гражданином, то есть совокупности реальных (неформальных, фактических) условий бытия индивида. Проблемными оказываются основные атрибуты политической формы «гражданин»: вовлеченность массового индивида в деятельность самоорганизованного и развитого гражданского общества; членство в нации как политической общности, поскольку наличие российской нации под вопросом; полноправное членство в национальном государстве, порождающее права гражданского и политического участия.

Книга адресована специалистам в области общественных наук, преподавателям и студентам, а также практикам и всем читателям, интересующимся проблемами политической модернизации России.

УДК 32(470) ББК 66.0:66.3(2Рос)

ISBN 978-5-8056-0340-3

© Фан И.Б., 2018
© Уральский институт управления
– филиал РАНХиГС, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава 1. Концептуальные рамки исследования феномена гражданина в российском культурно-историческом контексте	
1.1. Теоретическая модель западноевропейского гражданина	17
1.2. Концепт гражданина в российской политической культуре	42
1.3. Концепты «государство» и «личность» в российской истории и культуре	66
1.4. Исторические типы политико-правовой связи индивида и государства в России	94
Глава 2. Институциональные условия существования российского гражданина	
2.1. Права гражданина и политический порядок	124
2.2. Российский гражданин в роли частного и публичного лица	149
2.3. О справедливости: мера свободы и равенства в политических и правовых институтах и практиках	175
Глава 3. Гражданин в пространстве культуры	
3.1. Культурно-исторические основы ментальности современных россиян	197
3.2. Православие и формирование личности в России	212
3.3. Политическая культура россиян и дискурс власти	228
3.4. Достоинство и ценность жизни российского гражданина	241
3.5. Русская сказка как модель анализа политики	247
Глава 4. «Пассивное гражданство»: пределы политической деятельности россиян	
4.1. Проблемы политической социализации россиян	266
4.2. Политическое участие в современной России: возможности и ограничения	273
4.3. Протест как реакция общества на действующий политический порядок	287
Заключение	300
Библиографический список	311

CONTENT

Introduction	5
Chapter 1. The conceptual framework for study of the citizen phenomenon in Russian cultural and historical context	
1.1. Theoretical model of a Western European citizen	17
1.2. The concept of a citizen in Russian political culture	42
1.3. The concepts of "state" and "personality" in Russian history and culture	66
1.4. Historical types of politico-legal relationship between the individual and the state in Russia	94
Chapter 2. Institutional conditions of Russian citizen's existence	
2.1. Citizen's rights and political order	124
2.2. Russian citizen in the role of private and public person	149
2.3. About justice: a measure of freedom and equality in political and legal institutions and practices	175
Chapter 3. Citizen in the space of culture	
3.1. Cultural and historical bases of modern Russians' mentality	197
3.2. Orthodoxy and the formation of personality in Russia	212
3.3. The political culture of Russians and the discourse of power	228
3.4. Dignity and value of life of a Russian citizen	241
3.5. Russian fairy tale as a model of policy analysis	247
Chapter 4. "Passive citizenship": the limits of political activity of Russians	
4.1. Problems of political socialization of Russians	266
4.2. Political participation in modern Russia: opportunities and restrictions	273
4.3. Protest as a reaction of society to a specific political order	287
Conclusion	300
Bibliography	311

ВВЕДЕНИЕ

Начало XXI века предстает как время достаточно тревожное. И внешний для России мир, и мир внутривнутриполитический сотрясают информационные войны, масс-медиа представляют публике все более масштабные «угрозы» и «вызовы» с разных сторон. Очень сложно разобраться в наличии и действительных масштабах этих угроз, поскольку технологии манипуляции общественным мнением позволяют поменять местами причины и следствия, перевернуть «с ног на голову» факторы, поводы, силы и риски. Обратной стороной ощущаемой полуправды или прямой лжи о политике становится всеобщее недоверие ко всему и всем, подрывающее не только легитимность государственной власти и политиков, но и социальную ткань обществ.

Особые опасения и тревогу вызывают усиливающиеся ограничения основных прав и свобод граждан «в целях противостояния международному терроризму и экстремизму» во имя «безопасности граждан». Экстраординарные внутривнутриполитические меры по обеспечению безопасности граждан предпринимаются в самых разных государствах, включая западноевропейские. Г. Баум описывает эту тенденцию так: «Свобода граждан все больше выхолащивается. Мы становимся свидетелями и в то же время жертвами ползучей эрозии основных прав» [Баум 2015: 9]. Конфликт между главным правом человека – правом на свободу, и стремлением к безопасности является в настоящее время испытанием даже для развитых демократических стран. Однако этот же конфликт для политик, где принципы демократии, конституционализма, прав и свобод человека и гражданина до сих пор оставались не вполне реализованными, становится не просто вызовом. Конфликт между свободой и безопасностью вызывает в таких странах весьма противоречивые и, преимущественно, консервативные тенденции, поскольку их система управления начинает воспроизводить привычные, традиционные и даже архаичные способы, механизмы и технологии подчинения населения под прикрытием лозунгов о защите безопасности или ее аналогов – «порядка и стабильности».

Это касается и России нынешнего времени, население и часть интеллектуалов которой привычно уклоняется от спокойной рефлексии над советским прошлым, от рационального осмысления политической реальности. Общество пребывает в состоянии апатии и нежелания проработать это прошлое, дать критическую оценку достижений и провалов, заслуг и

преступлений политических и государственных деятелей советского времени, неготовности признать собственную причастность к этим преступлениям и ответственность за них. Однако инерция массового сознания дополняется еще и целенаправленным конструированием политических мифов и стереотипов мышления и поведения, осуществляемым государственной пропагандой. Массовое сознание легко заполняется мифами «о Великой державе», «о Сталине», о Великой Отечественной войне, установками на возврат к «традиционным ценностям русской культуры», стереотипами «об особом пути России», поисками внешнего и внутреннего врага, трактовками демократии, конституционализма, прав и свобод гражданина как «тлетворного влияния Запада», архаичными представлениями о патриархальном государстве и его главе.

В целях «защиты безопасности граждан» предпринимаются превентивные меры по укреплению государства, для чего все большие доли бюджета направляются на содержание силовых структур и органов принуждения. За мнимое увеличение безопасности население расплачивается уменьшением свободы, то есть скрытым демонтажем прав и свобод граждан. Даже Конституция РФ (1993) периодически подвергается критике со стороны представителей органов государства и некоторых должностных лиц. Следовательно, под ударом оказываются основополагающие принципы конституционализма, связанные с представлением о том, что именно политическая общность граждан составляет народ как источник государственной власти и суверенитета. Параллельно все более обнажается «традиционное» – полицейское, подозрительное отношение государства к собственным гражданам.

Сложность описания феномена российского гражданина состоит в том, что существует политическая и юридическая форма, фиксируемая наименованием данного феномена, но наполнение ее, или содержание данной формы, то есть все аспекты онтологии российского индивида отличаются принципиальным несоответствием данной форме. В этом смысле можно говорить о некой «игре» формы и содержания, об их меняющемся соотношении, вплоть до несоответствия между политическим и юридическим термином «гражданин», в законодательстве в основном соответствующем западноевропейскому феномену, и содержанием, реально скрывающимся за данной формой, то есть совокупностью аспектов, свойств, внутренних процессов, связей, противоречий и тенденций, которые только и могут служить основой качества феномена «гражданин». Лишь совокупность аспектов – социального, политического, экономического, культурного, идеологического и т.д., и образует целостность феномена «гражданин», создавая условия и возможности рядовому человеку

быть членом гражданского общества, активной стороной отношения индивид-государство, лицом, обладающим правом участия в управлении государством, в качестве единицы образующим политическую общность граждан – народ (нацию) как основу государства и носителя государственного суверенитета. Гражданин – юридическая и политическая форма, предназначенная для включения индивида в гражданское общество и нацию как основу национального государства. Фундаментальным фактором, детерминирующим историческое формирование феномена гражданина и его актуальное существование, является развитое местное самоуправление, без него невозможно и становление гражданского общества. Таково нормативное положение, характерное для западноевропейской политической мысли Модерна.

Каково происхождение российского несоответствия формы реальному содержанию феномена гражданина, формы, которая призвана служить способом существования и выражения содержания? Форма может опережать развитие содержания, быть порождением утопических или идеологических представлений сознания элиты и массы. Форма может быть целенаправленно сконструирована как элемент идеологии, созданный в результате заимствования тех или иных элементов. Единство политической формы и содержания в данном случае относительно. Содержание многообразно, в нем могут доминировать либо динамичные составляющие, либо инерционные, форма же фиксирует устойчивые связи и отношения. Однако в сфере политики вероятна такая ситуация, когда фактическая, то есть складывающаяся более или менее естественно, форма может целенаправленно подменяться или замещаться идеологической конструкцией. Содержание, то есть совокупность связей, отношений, процессов в конкретной области социальной жизни, нуждается в адекватной форме и требует ее установления. Однако адекватная форма устанавливается в конечном итоге. Взаимоотношение формы и содержания в каждом случае исторически конкретно, контекстуально. Определение соотношения содержания и формы в политическом мышлении и поведении – сложная проблема, которая решается в зависимости от интересов представителей политической элиты и является результатом их субъективного выбора. Поэтому форма может быть неадекватной фактическому содержанию, может исказить его в разной степени. Отсюда острота проблемы несоответствия наименования (термина, понятия), обозначающего форму, фактическому содержанию явления (процесса, института). Такое несоответствие для истории России не новость.

Именно с октябрьских событий 1917 г., в зависимости от идеологических предпочтений, именуемых либо революцией, либо государствен-

ным переворотом или захватом власти, то есть с начала установления власти большевиков, возник этот разрыв между формально-юридической стороной феномена «гражданин» и содержательной, реальной. Последняя нам представляется совокупностью условий, факторов и реальных практик осуществления принципов и норм, закрепленных за юридической формой. Сказанное определяет необходимость подробного и обстоятельного исследования эволюции и трансформации реального содержания гражданства в России, анализа преемственности института гражданства РФ по отношению к соответствующему институту советского времени, выявления специфических отличий этих институтов. Проблема заключается в том, приобрел ли институт гражданства РФ качественно иной характер по сравнению с советским гражданством, насколько продвинулись мы в сторону гражданства как «двустороннего отношения гражданина и государства», как это сформулировано в «Законе о гражданстве РФ» (1992)? В нашей книге схематично представлено главное – отсутствие принципиального, сущностного соответствия юридической и политической формы «гражданин» ее онтологическому содержанию. Противоречие между формой и содержанием или, по крайней мере, их несоответствие, а возможно, целенаправленная подмена реальности термином, принятым в развитых странах, – вот главная характеристика феномена советского гражданина и института гражданства. Наше исследование сначала предполагает, а потом показывает, что это несоответствие воспроизводится сегодняшним российским государством. Однако нельзя утверждать, что характер современного феномена гражданина и института гражданства в России исчерпываются воспроизведением советских традиций.

И. Валлерстайн писал, что в эпоху сталинского правления в СССР произошло восстановление Российской Империи, а также был осуществлен поворот от идей мировой революции к идее построения социализма в отдельно взятой стране. Этим определялась и геополитика в СССР, в которой произошла смена курса на совершение пролетарской революции в индустриально развитых странах на курс антиимпериалистической борьбы в колониальных и полуколониальных странах мира [Валлерстайн 2004: 19]. Восстановление имперских основ государственности в СССР означало, что и в сфере фактических отношений индивида и государства были приняты не принципы гражданства, а скрытно воспроизведены принципы подданства в его архаическом виде. Произошел откат от достижений Февральской революции и возврат к монархическому подданству, отягощенному дифференцированными – квазисословными отношениями разных групп населения и государства. Термины же «гражданство» и «гражданин» служили, как и вся советская идеология и все советские конститу-

ции, лишь способом легитимации власти партноменклатуры внутри страны, а также средством создания внешнеполитического образа страны, инструментом демонстрации «преимуществ социализма».

Анализ института гражданства через определение границы гражданства и практик, предпринятый Э. Лором, помогает понять, в какой степени современное российское гражданство унаследовало черты советского гражданства. Э. Лор исследует институт гражданства с помощью понятия «граница гражданства», которое он определяет как «область взаимодействия граждан и притязаний их государства на суверенитет» [Лор 2017: 8]. Он осуществляет анализ границы общности людей, составляющей государство. Данный исследователь рассматривает основные элементы, ставшие традицией российского и советского гражданства, унаследованной современной Россией, выделяет существенные характеристики советского гражданства. Советское гражданство соединяет в себе новое и старое: оно пришло на смену подданству Российской Империи и подданству буржуазной республики Временного правительства и внесло новые идеологические принципы – классовую основу гражданства и новаторское решение женского вопроса. Одновременно с этим большевистская власть «вернулась к дореформенным процессуальным нормам, связанным с подданством» [Лор 2017: 220]. Речь идет о реформах 1860-х годов. Взяв термин гражданства номинально, большевики отвергли его содержание как системного политического феномена, связанного с осуществлением правового государства, принципов верховенства права, равенства членов государства в правах и обязанностях и других. Была создана административная система, основанная на дифференциации прав и обязанностей в зависимости от социального (классового) происхождения, а значит, на лишении миллионов людей прав гражданства. Идеология рассматривала «лишенцев» в качестве врагов государства и граждан, а на практике их статус определялся исключительно обязанностями.

Основным принципом советской политики гражданства, начиная с конца 1920-х годов, было обеспечение функционирования авторитарного государства. Уже в ходе Гражданской войны наметился огромный разрыв между идеологическими лозунгами, с одной стороны, и политической практикой гражданства, применяемыми технологиями и процедурами. Главной установкой отношения НКВД к въезжающим было подозрение. Оно материализовалось во множество юридических и иных процедурных препятствий для получения гражданства – регистрации, чрезвычайного контроля над иностранцами, мерах уголовного преследования, предписываемых в секретных инструкциях НКВД, арестах и казнях «подрывных элементов» в годы Гражданской войны.

Советский подход к гражданству состоял в «лишении прав гражданства при сохранении обязанностей и самого статуса гражданина», то есть в создании некоей новой формы советского подданства [Лор 2017: 252]. Реализация данного подхода привела к разделению населения на полноправных граждан и лишенцев. В статусе последних в соответствии с меняющимися решениями ВКП(б) могли оказаться торговцы, духовенство, лица, использующие наемный труд, бывшие дворяне, бывшие полицейские, душевнобольные, этнические меньшинства, семьи, кланы и т.д. В определенной мере можно говорить о воспроизводстве советскими властями дореформенных имперских традиций формирования разных наборов прав и обязанностей для разных групп населения.

Еще одной характерной чертой советского гражданства было соотношение союзного и республиканского гражданства, юридически оформленного по принципу «двуединства советского гражданства». Юридическая неоднозначность парадоксальным образом сочеталась с фактически однозначным и жестким контролем политики гражданства со стороны ОГПУ и НКВД, которые принимали важнейшие решения, определяли стратегию в этой сфере и осуществляли тайный контроль над населением. Выход из гражданства (денатурализация), например, для лиц, временно находящихся на территории советского государства, оказался под запретом. В этом смысле советское гражданство, нормы осуществления которого реально заданы полицейским контролем ОГПУ и НКВД, фактически являлось захватом любого человека, оказавшегося на данной территории, в своего рода плен. Целью же этих действий являлось наделение индивида обязанностями перед государством и лишение прав.

В конце 1920-х годов советское руководство встало на путь изоляции, который проводился весь период существования Советского Союза. Данное обстоятельство в значительной степени определило особенности советской модели гражданства. Главной из особенностей было не столько ее стремление к отсутствию иностранцев или двойного гражданства, не столько полная герметичность государства, сколько полный полицейский контроль над людьми, даже соответствующими классово-идеологическим критериям обладания статусом советского гражданина. Такой контроль позволял использовать их в качестве рабочего материала государства, разными способами принуждать к выполнению обязанностей, наложенных госпартноменклатурой. Никакие послабления в виде предоставления государством гражданам некоторого минимума прав (на здравоохранение, образование и т.д.) не изменит сути этой модели – полицейского подхода, низкой оценки жизни, вечного подозрения и неуважения органами госу-

дарства и должностными лицами достоинства собственных граждан. Политическая система современной России, после нескольких лет открытости миру, стремления к политической и иной модернизации, вновь демонстрирует поворот к изоляционизму...

В основе представлений о гражданине и гражданстве в отечественной политической науке лежит западноевропейская парадигма эпохи Модерна. Концепция гражданина в рамках этой парадигмы включает два аспекта его существования: в качестве объекта государства – подданного, пассивного члена политического сообщества, и в качестве политического актора, обладающего полноправным членством, конституционными правами участия в управлении государством. Современная концепция гражданства и гражданина формировалась на основе идей Т. Маршалла, который анализировал влияние концепции прав гражданина на структуру социального неравенства [Marshall 1973]. Эволюция института гражданства в западноевропейских странах на протяжении XIX–XX веков шла под воздействием двух противоречивых процессов: расширения объема прав индивидов, признаваемых гражданами, и распространения гражданства на новые категории населения (низшие классы, женщин). Т. Маршалл представил анализ первого процесса через динамику трех компонентов гражданства: 1. собственно «гражданского» (civic – основные личные права и свободы), 2. политического (право голоса и участие в принятии политических решений) и 3. социального (права на безопасность и социальную поддержку) [Marshall 1950: 83]. Первоначально эти компоненты гражданства были обособлены, но в XX в. все три группы прав были объединены в единый гражданский статус. В странах Западной Европы и США гражданство стало уравнивающим механизмом, сглаживающим противоречия, вызванные неравенством, связанным со становлением капиталистических отношений и системы представительной демократии.

В связи с трансформацией модели национального гражданства под влиянием транснационализации, глобализации и локализации, в 1980–1990-е годы развернулась дискуссия среди последователей и критиков концепции Т. Маршалла [Alexander 1998; Barbalet 1988; Bendix 1996; Riedel 1972–1995; Somers 1995; Turner 1986]. Обсуждались разные аспекты проблемы – соотношение феноменов и понятий нации, гражданства, национальной идентичности, национализма [Хабермас 1995; Хантингтон 2004; Хобсбаум 1998; Хьюбер 2006]. Анализируя режимы гражданства разных стран, эти авторы развивали представления о гражданстве, о специфическом соотношении трех групп прав в структуре гражданства в за-

висимости от политического контекста. Представители отечественной политической науки, продолжившие данную дискуссию, акцентировали внимание на проблеме специфики эволюции гражданства в европейских и российских условиях, анализе концептуальных основ современного гражданства [Межуев 2004], на понятиях политической культуры [Малинова 2004], корпоративного гражданства [Перегудов 2004] и других.

Обобщая концепцию гражданства Т. Маршалла, В.С. Малахов выделяет два аспекта в осмыслении данного феномена: 1) гражданство как подданство, то есть «отношение между властным центром и индивидом, находящимся под его юрисдикцией», порождающее обязанности индивида перед государством и его права, и 2) гражданство как участие, когда гражданин имеет право на участие в жизни политического сообщества [Малахов 2011].

Одним из участников обсуждения стал Б.Г. Капустин, сторонник нормативно-ценностного подхода. Он видел главную проблему не в эволюции государственного института гражданства, а в становлении гражданина как члена гражданского общества. Последнее он рассматривал в качестве «формы производства политической субъектности» [Капустин 2011: 140] и концентрировал внимание на субъективной стороне гражданства, то есть на гражданственности. Б.Г. Капустин вслед за Д. Хитером и другими авторами рассматривает гражданство в качестве сложного феномена, включающего «кластер значений»: 1) «легальный и социальный статус»; 2) «признаки политической идентичности»; 3) «фокусировка культурной и политической лояльности»; 4) «требование исполнения обязательств (долга) и ожидание исполнения прав»; 5) «мерило правильного или одобряемого поведения в обществе». При этом сам Б.Г. Капустин акцентирует тесную связь «гражданства» и «гражданского общества» [Капустин 2011: 53-54].

Дискуссию о гражданстве мы восприняли как необходимость осмысления выявленных противоречий и задачу интеграции основных аспектов феномена гражданина. Присоединяясь в основном к положениям теории Маршалла, мы будем придерживаться понимания гражданства как институциональной основы феномена гражданина. Гражданство как подчинение (статус принадлежности, подданство) и гражданство как власть (господство, активность, участие) составляют два предельных значения и измерения данного понятия. Политическая культура, или добродетель гражданина в данном случае определяет конкретное наполнение (возможность реализации) этих двух значений или типов отношения государства и гражданина. Каждое из этих основных измерений гражданства предполагает специфику таких характеристик гражданина, как политическая куль-

тура, политическая идентичность, политическая лояльность и политическая активность (деятельность, участие). Резюмируя все эти значения, можно сказать следующее. Гражданство как подданство – это статус индивида в традиционных обществах, в современных государствах он становится своего рода «нижним», предшествующим уровнем статуса гражданина. Именно с ним связаны а) подданническая политическая культура, б) предписываемая, вытекающая из формального политико-правового статуса политическая идентичность, в) пассивная политическая лояльность как ощущение принадлежности и подчинения государственной власти и г) пассивная политическая деятельность (поведение). Гражданство как политическое участие включает в себя (или надстраивается над) гражданство как подданство, но предполагает другое качество отношений гражданина и государства. В этом случае на основе формального статуса гражданина формируются иная – а) гражданская политическая культура, б) гражданская политическая идентичность, выбираемая индивидом самостоятельно, на основе субъективного опыта и личностных политических установок и убеждений, в) активная лояльность государству и г) активная политическая деятельность (гражданское участие).

Целью этого исследования является осмысление исторических – институциональных и культурных – факторов, детерминирующих процесс формирования и наличного бытия феномена гражданина в России. Эта цель достигается посредством предварительного решения следующих основных задач: 1) анализа состояния теории и методологии зарубежных и отечественных политологических исследований проблемы существования гражданина; 2) погружения авторской теоретической модели в российский исторический и социокультурный контекст; 3) выявления факторов, создающих объективные и субъективные, институциональные и ментальные предпосылки и условия формирования и существования феномена гражданина в России.

Общая логика и содержание представляемой монографии раскрывается следующим образом. В первой главе книги обоснована практическая и теоретическая актуальность проблемы становления и бытия гражданина в России. На основе анализа исследований феномена гражданина и института гражданства в зарубежной и отечественной политической науке выделены основные теоретические подходы к исследованию проблемы и представлен авторский вариант теоретико-методологических основ синтеза многообразных аспектов феномена гражданина. Возможность решения проблемы автор связывает с методологией социокультурного подхода. Путем выявления и анализа типологических черт западноевропейского гражданина эпохи Модерна автором была создана теоретическая модель

гражданина. Методология конструирования данной модели строится на основе синтеза методов социального конструирования реальности, структурного функционализма, неоинституционализма, культурной антропологии, семиотики и других подходов. Структура модели включает институциональное, ценностное (ментальное) и личностное измерения, которые конкретизируются с помощью структурно-семантического каталога бинарных оппозиций: *свои/ чужие, эгалитарное/ элитарное, публичное/ частное, вовлечение/ исключение, участие/ неучастие, организация/ самоорганизация* и других. Центральной проблемой главы является определение специфики исторического становления гражданина и степени развития гражданина в современной России. В целях погружения теоретической модели гражданина в российский историко-культурный контекст было проведено исследование эволюции и содержания концептов «гражданин», «личность», «государство» в российской политической культуре, а также проанализированы основные исторические типы политико-правовой связи индивида и государства в России.

Во второй главе теоретическая модель гражданина используется в качестве инструмента определения реального статуса индивида в современной России путем исследования степени реализации прав и свобод гражданина. Для этого рассмотрены институциональные условия существования российского гражданина, параметры которых тестируются с помощью структурно-семантического каталога бинарных оппозиций. Осуществлен анализ действующего политического порядка в России, показаны возможности существования каждого россиянина в качестве частного и публичного лица, определена степень обособленности частной и публичной сфер общества, выявлено соотношение свободы и равенства в политических и правовых институтах и практиках.

В главе третьей было проведено исследование российской специфики выражения ментального и личностного измерений теоретической модели гражданина. Конкретизации этой задачи служило рассмотрение культурно-исторических основ ментальности современных россиян, влияния православия и других факторов на формирование личности в России, сопоставление политической культуры и массового сознания россиян, с одной стороны, и официального дискурса – с другой. Исследован также уровень самосознания и восприятия массовым гражданином собственного места в публичном пространстве, осознания гражданами степени признания их достоинства со стороны общества, органов государства, должностных лиц. Выявлено также, что в современной российской политической культуре сохраняются следы мифологического сознания, архетипические символы; в массовой культуре, пропаганде и других технологиях, исполь-

зуемых в современной российской политике, воспроизводятся образы, типичные действия героев и сюжеты русской сказки.

В главе четвертой показаны пределы политической активности современных российских граждан, заданные социально-экономическим, правовым и политическим порядком, политической культурой, механизмами политической социализации. Эти пределы выражаются в низком уровне политического участия россиян и периодически возникающих протестах как реакции общественности на те или иные меры государственной политики и на политический порядок в целом.

Проблему полноты реализации формального статуса гражданина, то есть наполнения юридической и политической формы «гражданин» реальным содержанием в условиях наличного политического порядка в России можно анализировать с разных позиций. С точки зрения доминирующего официального дискурса и формально-юридического подхода в России установлен институт гражданства, следовательно, все лица, которых по закону о гражданстве можно признать гражданами, таковыми и являются. Но если задаться вопросом о неформальных условиях и возможности реализовать роль гражданина в России для массы населения, то картина будет не столь однозначной и оптимистичной. Поиску ответа на этот вопрос и посвящена книга.

Автор выражает признательность научным рецензентам – доктору философских наук, профессору НИУ ВШЭ О.Ю. Малиновой, доктору политических наук С.В. Мошкину и доктору политических наук, профессору О.Ф. Русаковой, а также всем сотрудникам отдела философии Института философии и права УрО РАН за поддержку, заинтересованное обсуждение и высокую оценку данного исследования. Особая благодарность Е.М. Олову за техническую помощь при подготовке книги.

Литература

Баум Г. (2015). Спасти права граждан. М.

Валлерстайн И. (2004). Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.

Капустин Б.Г. (2011). Гражданство и гражданское общество. М.

Лор Э. (2017). Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М.

Малахов В.С. (2011). Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.

Малинова О.Ю. (2004). Гражданство и политизация культурных различий // ПОЛИС. № 5.

Межуев Б.В. (2004). Постколониальный переход и «транснационализация» гражданства // ПОЛИС. № 5.

Перегудов С.П. (2004). Транснациональные корпорации на пути к корпоративному гражданству // ПОЛИС. № 3.

Хабермас Ю. (1995). Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : Московские лекции и интервью. М.

Хантингтон С. (2004). Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.

Хобсбаум Э. (1998). Нации и национализм после 1780 г. СПб.

Хьюбер Дж.Д. (2006). Два взгляда либеральной демократии на конгруэнтность граждан и политиков // Теория и практика демократии. М.

Alexander J. (1998). Civil Society I, II, III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and Historical Transformations // Real Civil Societies: Dilemma of Institutionalization. London.

Barbalet J.M. (1988). Citizenship : rights, struggle, and class inequality. Minneapolis.

Bendix R. (1996). Nation-building and citizenship : studies of our changing social order. New Brunswick.

Marshall T.H. (1950). Citizenship and Social Class and Other. Cambridge.

Marshall T.H. (1973). Class, citizenship, and social development. Westport.

Riedel M. (1972–1995). Buerger, Staatsbuerger, Buergerum // Geschichtsbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 2. Stuttgart.

Somers M.R. (1995). Narrating and Naturalizing Civil Society and Citizenship Theory: The Place of Political Culture and the Public Sphere // Sociol. Theory. Vol. 13, № 3.

Turner B.S. (1986). Citizenship and Capitalism: the Debate over Reformism. London.

ГЛАВА 1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ РАМКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОМ КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

1.1. Теоретическая модель западноевропейского гражданина

Дискуссия о гражданстве, начавшаяся среди исследователей политики в 1980–1990-е годы и продолжающаяся до настоящего времени, стала ответом не только на логику развития политической теории. Она была и реакцией на текущие политические события и тенденции: рост миграционных потоков, вызванный глобализацией, усиление роли мигрантов в принимающих обществах, усиливающуюся апатию избирателей, безразличие рядовых граждан к политическому участию, абсентеизм, зависимость населения от государственных социальных пособий, возрождение национализма в Восточной Европе, наличие разных рас и принадлежность к разным культурам населения в Западной Европе, этническое и религиозное многообразие обществ, размывание традиционной политической культуры гражданского участия, разочарование в глобализации, болезненное ощущение утраты национального суверенитета. Все это требовало переосмысления концепции гражданства. Среди причин распространения кризисных тенденций называли кризис welfare state и модели «социального «гражданства», дисфункции представительной демократии. «Подъем тематики “политического гражданства” как серии исторических практик освобождения и есть форма поиска новых способов критики капитализма в условиях его “триумфа”, наступившего в конце 80-х – начале 90-х годов...» [Капустин 2011: 142]. В либерально-демократическом дискурсе тематика гражданства замещала критику капитализма, а в леворадикальных концепциях была формой критики глобального капитализма.

Причины кризиса модели национального гражданства поначалу видели в необходимости совершенствования «базисных структур» общества, в институциональных и процедурных механизмах достижения справедливости – разделении властей, федерализме, парламенте, конституционных правах, политических процедурах принятия политических решений и т.п. Но постепенно интерес сместился к вопросам гражданских добродетелей и гражданского сознания, определенный уровень которых необходим для успешного функционирования политических институтов и механизмов. У. Кимлика пишет: «...я буду рассматривать теории гражданства как важное

дополнение, а не как замену теориям справедливости: теории гражданства выявляют добродетели и практики, необходимые для того, чтобы развивать и поддерживать институты и меры государственной политики, отстаиваемые теориями справедливости» [Кимлика 2010: 365]. Все добродетели демократических граждан концентрируются вокруг понятия «гражданский республиканец», стержень их составляет принцип политического участия гражданина.

Эта дискуссия оттолкнулась от классического понимания национального гражданства Т. Х. Маршалла: «Гражданство – это статус, который дается полноценным членам данного сообщества» [Маршалл 2011: 170]. Этот статус предполагает равенство граждан в правах и обязанностях. Т. Х. Маршалл исследовал эволюцию гражданства в Англии и установил, что становление гражданства (с его эгалитарной установкой) совпадает со становлением капитализма как системы неравенства. По мнению Ю. Хабермаса, именно «национальное самопонимание сформировало тот культурный контекст, в котором из подданных могли получиться политически активные граждане» [Хабермас 2001: 206]. Форма национального государства стала результатом поиска нового способа легитимации власти и социальной интеграции общества. Этим способом стала политическая мобилизация граждан как членов нации, использующая принцип демократического участия, который формирует и статус гражданства, и новый уровень солидарности, основанной на праве, и открывает в нации для государства секуляризованный источник легитимации [Хабермас 2001: 207].

Т. Х. Маршалл в комплексе прав гражданства выделял гражданские права, возникшие в Англии в XVIII в., политические права (XIX в.) и социальные права (XX в.). Наиболее полная реализация прав гражданина для него была возможна в либерально-демократическом государстве всеобщего благосостояния. Однако такой вид гражданства сейчас называют «пассивным», «минимальным» или «частным» гражданством, поскольку акцент ставится на пассивные права на обладание чем-либо (и соответствующие обязанности государства) и отсутствие обязанностей гражданина участвовать в общественной и политической жизни. В современных обществах сохраняется такой вид гражданства, но выясняется, что без активного проявления гражданской ответственности и добродетелей, опоры на экономическую инициативу и автономию, на политическое участие, солидарность и ориентацию на общее благо, ослабляются и основные демократические институты. Эта сторона носит название «активное гражданство». У. Кимлика приводит цитату У. Гэлстона, где тот обобщает все виды гражданских добродетелей, требуемых для процветающей демокра-

тии: «ответственное гражданство требует четырех видов гражданских добродетелей: общих добродетелей – мужества, законопослушности, лояльности; социальных добродетелей – независимости, открытости ума; экономических добродетелей – трудовой этики, способности откладывать на будущее удовольствия, адаптируемости к экономическим и технологическим изменениям; и политических добродетелей – способности распознавать и уважать права других, готовности требовать только того, что может быть оплачено, способности оценивать качество работы властей, готовности участвовать в публичном дискурсе» [Кимлика 2010: 368]. Эти добродетели являются отличительными для современных плюралистических либеральных демократий и подчеркивают политическую роль граждан в них.

Глобализация средств сообщения и коммуникаций, финансирования, экономического производства порождает проблемы, например, экологическую или военную угрозы, которые не могут быть решены в рамках национального государства или путем соглашений между суверенными государствами. Происходит ослабление национально-государственного суверенитета, следовательно, все более возрастает необходимость формирования возможностей политического действия на наднациональном уровне [Хабермас 2001: 199]. У. Кимлика констатирует рост числа транснациональных организаций и их влияния на жизнь обществ, что сопровождается большим «дефицитом демократии» в них и «малой публичной легитимностью в глазах граждан». Однако политической теории транснациональных институтов пока не создано. Отсутствует и космополитическая теория демократии и гражданства, но необходимость в них становится все более острой [Кимлика 2010: 401-402].

Дискурс мобильности, включаясь в дискуссию о гражданстве, описывает трансформации модели национального гражданства. Джон Урри пишет: «...различные мобильности фрагментируют национальные общества, способствуя возникновению локальных, региональных, субнациональных, сетевых, диаспорных и глобальных экономик, идентичностей и гражданств» [Урри 2012: 344]. Самыми важными и тревожными следствиями распространения различных видов мобильности являются фрагментация и ослабление гражданского общества, нации как основы солидарности и интеграции, являющейся основой легитимации власти и коллективного действия, а также разрушение базы действия принципа политического участия граждан. Из двойного содержания гражданства устраняется его активная часть – способность гражданина к политическому действию во имя общего блага, и остается лишь пассивная сторона, типа потребительского гражданства, которое по сути не отличается от подданства.

Дискуссия о гражданстве в западной науке актуализировала и проблемы разработки новой методологической и концептуальной основы для отражения изменяющейся реальности. Состояние теории и методологии в западной политической науке Г. Алмонд характеризует через контекст «постбихевиористской, постпозитивистской эпохи», которой свойственно отсутствие единой научной парадигмы, сосуществование различных концепций, методологический плюрализм, основа которого не может не быть эклектичной [Алмонд 1999: 106]. Он выдвигает тезис о невозможности однозначного определения предмета политической науки, о наличии разных трактовок ее истории. В то же время, по его мнению, политической науке присуще единство содержания и метода, поступательность в развитии. Для нас это означает открытость политической науки к комбинации имеющихся и разработке новых методов исследования таких изменчивых объектов исследования, какими являются политические концепты и явления. Х. Алкер фиксирует «постмодернистский поворот» в политической науке, с которым связывает наступление конца господства позитивистской теории и методологии, повышение внимания исследователей к субъективным аспектам политической жизни, внутреннему миру политических акторов [Алкер 1999: 47]. Следствием этого является увеличение разных направлений в политической науке, возникновение возможностей для междисциплинарных исследований. М. Доган во взаимодействии политической науки с другими социальными науками видит процессы фрагментации, специализации и гибридизации смежных отраслей и субдисциплин [Доган 1999: 113]. Эта характеристика помогает нам разобраться, почему политической науке для решения той или иной научной проблемы необходимы не только междисциплинарные исследования, но и взаимодействие между предметными областями разных наук.

В этой связи поиски методологии исследования концепта гражданина привели нас к социокультурному подходу как возможности интеграции предметных областей и методов политической науки, с одной стороны, и политической и социальной философии – с другой. Это попытка восполнить состояние специализации наук стремлением к методологическому и теоретическому синтезу. И здесь вполне уместным будет и заимствование понятий, теорий, методов из других наук, и перенесение их через дисциплинарные границы. По нашему мнению, интеграции методов и теорий требует сам предмет исследования – концепт гражданина, призванный выразить разные аспекты жизни политического человека в их целостности.

Ситуация с исследованием проблемы осмысления концепта и феномена гражданина, а также проблемы его становления в посткоммунистических странах, представляется не адекватной практическим потребно-

стям ее решения. Сложность этой ситуации в общественном сознании обусловлена противоречием между назревшей необходимостью перехода от классической к новой парадигме и отсутствием достаточных для этого теоретических предпосылок. В отечественной научной литературе последних лет заметны сдвиги от оптимистического заимствования западных концепций модернизации к скептицизму в отношении реального становления гражданского общества и правового государства в России и стремлению к практически ориентированным исследованиям российской политической реальности. Критика возможности автоматического перенесения классических определений гражданского общества на российскую почву звучит с самого начала возрождения данной проблематики в 1990-е годы и усиливается в настоящее время. Набирает силу тенденция поиска адекватных посткоммунистической реальности средств познания. Появляются работы, содержащие разные попытки описания реальности с помощью как соответствующих, так и альтернативных классической парадигме понятий – «дефектной» демократии, «неформальных» институтов, «негражданского общества», «негражданственности» [Меркель, Круассан 2002; Гончаров 2002 и др.]. Существуют разные определения общества и государства, в котором мы живем. О. Хархордин писал о «негражданском обществе в современной России» [Хархордин 2011: 103]. Б. Кашников характеризует российское общество как расколотое, то, в котором доминирует иерархическая – патримониальная справедливость и для которого характерно неравенство статусов народов и групп: «Нет ничего похожего на равенство политических прав или равенство перед законом» [Кашников 2004: 251]. Другие авторы обращают внимание на характер отношений между государством и гражданином в России, не соответствующий либеральной модели гражданства [см., например: Бляхер 2001]. Высказываются сомнения в наличии гражданского общества в настоящее время на Западе [см., например: Гражданское общество 1999], в современности самого понятия «гражданское общество» [Максименко 1999]. Встречается и прямое отрицание существования такового в России [Хорос 1997; Сысуев 2001 и др.]. Нарастает и осознание невозможности исследования современной российской реальности посредством классической парадигмы в социальной науке.

Некоторые авторы акцентируют внимание на особой роли изменений в социокультурной сфере посткоммунистических обществ. Это обусловлено тем, что объектами изучения политологии преимущественно выступали «внутрисистемные образования» – принципы государственного устройства, организации экономических структур общества, политико-правовых институтов, а не социокультурные реальности, не общество как таковое. По мнению авторов, позиция которых близка нашим взглядам, в

постсоветских обществах «обнаруживается значительный разрыв между социокультурным миром, фактическим состоянием социальной интеграции (социальные нормы и ценности, менталитет, образ мышления граждан, отношение их к жизненным реалиям, стандарты поведения и социализации, нравственно-практический и коммуникативный опыт) и официально декларируемыми общими целями-нарративами («демократия», «правовое государство», «гражданское общество» и т.п.)» [Полохало 1998: 11]. Украинский и российский типы посткоммунизма предстают не в качестве форм перехода к демократии, а в качестве результата инерции коммунистической истории. Изменения касаются по большей части элиты, но не «общественного тела». Реальное состояние посткоммунистических обществ – это скорее «негражданское общество», а наиболее распространенной разновидностью посткоммунизма является посткоммунистический неототалитаризм. Здесь важны не внешние признаки и атрибуты, а сущностная многосторонняя зависимость индивида от власти, гражданина – от государства. Посткоммунистический неототалитаризм есть явление «культурной традиции коммунизма», носителем, субъектом которой является само общество, которое продуцирует социальные, социокультурные и политические условия собственного изменения, но осуществляет это в рамках, устанавливаемых олигархией [Полохало 1998: 14].

Вместе с тем в отечественной политической науке ведутся исследования, связанные с искомой проблемой. Значительное развитие в настоящее время получила проблематика идентичности – национальной, государственной, цивилизационной и иной. Для нашей работы интересно понимание гражданской идентичности, представленное И.С. Семененко: «Гражданская идентичность является конституирующим основанием современной политической нации и опорой демократической государственности. Гражданская идентичность маркирует членство в макрополитическом сообществе и предполагает самоидентификацию индивида с его политической культурой и институтами, в том числе с определяющим индивидуальный политико-правовой статус институтом гражданства. В основании гражданской идентичности лежит усвоение человеком ценностей конструктивного участия в социальных взаимодействиях, демократических свобод и политической гражданской солидарности» [Семененко 2017: 354]. Автор показывает отличия гражданской идентичности от государственно-гражданской и национальной идентичности: «гражданская идентичность опирается на вовлеченность граждан в социальные взаимодействия и ее эмоциональное переживание, то есть на чувство гражданственности (для государственно-гражданской ... государство является центральной референтной точкой самоидентификации), в то время как в ос-

новании национальной идентичности – чувство принадлежности человека к национально-государственному сообществу, усвоение значимых для страны культурных установок и ориентаций, символов, традиций, преемственности исторической памяти» [Семененко 2017: 357–358]. Стоит отметить, однако, что эти определения касаются характеристик феноменов гражданина, нации, национального государства развитых либеральных демократий, предполагающих зрелость соответствующих исторических условий. О формировании гражданской идентичности в трансформирующихся политических системах в данном исследовании говорится лишь самом общем ключе.

С. П. Перегудов считает, что гражданская идентичность индивидов является условием для формирования политической нации и что становление политической нации в России не завершено. Данный процесс характеризуется наличием противоположных тенденций консолидации нации и противодействия этому [Перегудов 2017: 164]. Автор анализирует позитивные и негативные факторы, влияющие на процесс нациестроительства в России, к последним он относит «дефицит политического участия граждан как фактор, препятствующий канализации волеизъявления россиян в позитивное русло», неэффективность системы государственного управления, принижение роли гражданского общества и гражданственности, ценностный раскол между сторонниками либерально-демократических и консервативно-державных взглядов и другие [Перегудов 2017: 168–170].

Чрезвычайно плодотворными являются исследования, посвященные различным видам идентичности. Так, понятие политической нации получило концентрированное выражение: «Политическая нация возникает как результат гражданско-политического самоопределения и консолидации территориально локализованного сообщества, претендующего на политическую субъектность и проживающего в границах актуального государства. Политическая нация опирается на общие политические институты и является олицетворением солидарной коллективной идентичности. Ее существование поддерживается процессами политической самоидентификации граждан с национальным политическим сообществом и принимает форму национального государства, распространяющего равные политические свободы и права на всех дееспособных граждан на основе принятия ими обязательств перед государством» [Мартьянов 2017: 399].

Значительную разработку получило и понятие личностной идентичности, которое трактуется как «совокупность сделанных и поддерживаемых человеком значимых для его жизненного пути актов выбора (принятия ответственного решения), результирующихся в его текущее состояние в пространстве отношений с окружающей социальной средой» [Кимберг

2017: 257]. Импонирует стремление автора соотнести понятия личности, личностной идентичности, субъекта, самости с учетом значимости каждого из них в качестве регулятора активности человека. Перспективной в исследовательском плане представляется и рассмотрение такого измерения личностной идентичности, как «статусы идентичности»: «диффузная идентичность», «предрешенная идентичность», «мораторий», «достигнутая идентичность» [Кимберг 2017: 258].

Однако несмотря на усиление внимания к социокультурным аспектам проблематики гражданского общества, национального государства, гражданской идентичности и другим, проблема осмысления концепта и феномена гражданина и перспектив его становления в современной России пока так и не нашла своего решения. Имеющиеся методологические стратегии не приводят к созданию единой рабочей программы и системной стратегии исследования. Феномен гражданина распадается на разные проекции, связь которых не так просто определить. Отсюда фрагментарность в его описании, отсутствие целостного образа гражданина в социальном знании.

Для того чтобы определить степень развития гражданина и гражданского общества в посткоммунистических странах, необходимо предварительно выяснить способ соотношения универсального и локального в феномене гражданина, комплекс исторических условий и факторов, влияющих на его эволюцию. В этой связи важно разобраться в имеющихся стратегиях рассмотрения проблемы становления гражданина и выработать теоретико-методологические основы ее исследования.

За время существования политических наук в России проблема становления гражданина не обрела достаточного внимания исследователей. Между тем гражданин может и должен быть предметом не только юридических наук, но и политической философии и теории, поскольку это феномен политический, связанный с массовой политической субъектностью людей. Однако почти не учитывалась последняя стало нормой не только в практической политике, но и в политической теории. Этому есть множество объяснений. Транснациональные корпорации претендуют на роль моделей политического мироустройства и вытесняют нации-государства, гражданское общество модерна сменяется децентрированным мировым сообществом постмодерна, модифицируются ценностные основания прежней политической культуры, нарастают противоречия между сознанием глобально ориентированных элит и национальным самосознанием рядовых граждан государств, растет отчуждение масс от политики. Эти глобальные изменения не могут не сказываться на фактическом политическом статусе, уровне политического участия и самоощущении людей. Од-

нако корректно ли на основании этих сдвигов говорить о том, что массовый индивид западных стран утратил гражданскую идентичность? Применительно к российскому контексту сложно судить о реальном статусе личности в государстве, как и о том, существуют ли основания для становления гражданина в России в будущем и не отменяют ли глобальные и внутренние политические процессы актуальность этой проблемы? На фоне вала исследований политических элит не так уж много работ о политической роли массового гражданина. Однако, возможно, это вопрос не столько и не только практики, сколько теории, то есть проблема заключается в адекватных теоретических инструментах исследования.

В политической науке в исследовании проблем модернизации многие годы доминировал старый институциональный подход, но в последние годы в полную силу заявил о себе неоинституционализм. Прояснению принципов, логики и следствий применения методологии старого институционального подхода способствует призма структуры предмета исследования. Основные измерения феномена гражданина задаются бинарными оппозициями: 1) *социального* (объективного, структурного, институционального) и *культурного* (субъективного, содержательного, ментального); 2) *устойчивого* (синхронического, инвариантного) и *изменчивого* (диахронического, вариативного); 3) *универсального* и *локального* (уникального, индивидуального). В большинстве концепций гражданского общества, лежащих в русле теорий модернизации, трансформации и транзита («традиционного» общества в «современное» – «гражданское», «цивилизованное»), первая и третья оппозиции решаются с помощью принципа монизма. Это приводит к выделению доминанты социального, устойчивого и универсального, к которой редуцируется культурное, изменчивое и локальное. Эта позитивистская логика, характерная для системного, структурно-функционального и институционального подходов, приводит к рассмотрению гражданского общества как особой неполитической сферы общества, противостоящей государству [Аг 1991; Коэн, Арато 2003], отождествляемой рядом авторов с совокупностью негосударственных общественных объединений (институтов) [Дарендорф 1993; Патнэм 1996; Токвиль 1994; Шмиттер 1996].

Оппозиция устойчивого и динамичного во множестве работ осмысливается с помощью принципа развития. Несмотря на основательную критику эволюционизма [Поппер 1993; Штомпка 1996; Скоробогатский 2002], большинство работ, посвященных генезису гражданского общества, разделяет основные его установки – детерминизм, телеологизм, фатализм, финализм, универсальность, эссенциализм, монизм. Этапы развития гражданского общества в Западной Европе институционалисты представляют

как разворачивание линейной логики прогрессирующей человеческой истории, движимой универсальными законами. Последние становятся общей нормой, репрессирующей все отклоняющееся, случайное, индивидуальное в социальной реальности. В соответствии с европоцентристской методологией истории, на которой базируется институционализм, локальное – Запад, европейская цивилизация – предстает как универсальный идеал. Отождествляются процессы модернизации и вестернизации. Это закрывает путь к исследованию специфики других локальных цивилизаций и становления гражданина и гражданского общества в каждом конкретном пространственно-временном контексте. Вследствие операции выведения субъективного из объективного, гражданское общество предстает в качестве надындивидуальной реальности – совокупности социальных процессов и структур, детерминирующих бытие и сознание гражданина, или внеисторической универсальной сущности, действующей без участия индивидуальных субъектов деятельности. Феномен гражданина сводится к функции гражданского общества, абстрактному и универсальному инварианту свойств. Игнорирование субъективного аспекта бытия социума приводит к несоответствию абстрактной схемы историческому многообразию и изменчивости форм общества и гражданина.

Устойчивость схемы истории, заданной классической парадигмой, обусловлена лежащим в ее основе образом человека как самотождественного субъекта, лишённого признаков со-бытия с другими людьми и динамики самоизменения. Абстрактные образы человека, истории и культуры выполняют функцию нормы человеческих взаимодействий, задают методологию исследования и оценки реальности. Институционализм рассматривает реальность с точки зрения ее соответствия ставшему – структуре западного общества, составляющей комплекс признаков современности; синхронное рассмотрение явлений социальной реальности доминирует над диахроническим, статика – над динамикой, ставшее – над становящимся. Принципы структурно-функционального анализа выявляют родство большинства теорий этого ряда с классической наукой. Примером может служить идея универсального перехода от Традиции к Современности [Парсонс 1997] как основа транзитологии. В результате за пределами объяснения оказываются несовпадение ритмов и масштабов социальных и политических изменений – в формировании гражданского общества, в формах и условиях становления феномена гражданина в странах Западной и Восточной Европы и России, отсутствие однозначной «направленности эволюции от простого к сложному, от гомогенности к гетерогенности, от хаоса к организации» [Штомпка 1996].

В теориях модернизации за скобки исследования выносятся «изменения смыслов, дотеоретическое знание, которое поддерживает институты» [Капустин 1998]. В результате в качестве признаков Современности и образца для подражания «модернизирующимися» обществами рассматриваются лишь формальные институциональные и инструментальные признаки – процедуры и практики представительной демократии западных стран. Происходит отрыв институтов от граждан как их носителей и ментального содержания их деятельности. Абсолютизация институциональной сферы нивелирует роль гражданина как субъекта социального действия. Установка на внеконтекстуальность и абстрагированность от культуры приводит институциональные теории к утрате трансцендентных основ демократической нормативности, к исследованию элит как исключительных субъектов политики. Институциональный подход был нацелен на описание реальности в ценностно нейтральных понятиях, отражающих универсальные принципы и институты (секуляризации, индустриализации, рационализации, демократизации и т.д.), способные трансформировать любое традиционное общество путем замены его институтов. Реальность показывает невозможность такой нейтральности и объективизма, каждый из институтов обусловлен специфическим способом взаимодействия множества ценностных систем, культур и ментальностей конкретных социальных субъектов. Следствием применения в «старом» институционализме установок классической парадигмы являются: утверждение внешней позиции наблюдателя, монологизм, бессубъектный анализ политических процессов, неспособность выявить источник качественных социальных изменений.

Представителями неоинституционализма учтен ряд критических замечаний, адресованных его предшественникам, использованы принципы и методы неклассического и постклассического обществознания. Современный институционализм подвергает критической рефлексии собственные основания, возможности и границы. Одной из центральных дискуссионных проблем для данного подхода С. В. Патрушев считает «способность институционализма по-новому проанализировать отношения между индивидами и институтами» [Институциональная политология 2006: 32]. В исследовании различных аспектов политической трансформации России неоинституционалисты зачастую уходят от редукции явления к его структуре и учитывают совокупный эффект от соединения структур, человеческих действий и идей, включают исторический контекст и более широкий комплекс факторов. В историческом неоинституционализме и ряде предметных исследований сторонники данного подхода выходят за рамки «старого» институционализма и показывают высокую продуктивность

анализа: противоречий между формальными и неформальными институтами в России, изменений в российской политической культуре и модели демократии, обновления повседневных практик взаимодействия власти и народа, ценностных изменений на уровне индивидуальной микросреды и многих других проблем. Однако часть базовых установок «старого» институционализма в его новых версиях все же сохраняется: разрыв социального и индивидуального, акцентирование структур по сравнению с субъектами. Вытекающая из этого невозможность объяснить источник изменения институтов связана с отсутствием рассмотрения глубинных, длительно действующих процессов, детерминируемых культурой (цивилизацией), составляющих основы возникновения и существования конкретного институционального порядка (например, доминирования неформальных институтов в России).

Соответственно, проблема становления и существования гражданина в России пока не находит своего решения. Феномен гражданина распадается на разные проекции, слабо связанные друг с другом. Возможность выхода из этой ситуации связана с отказом от позитивистской методологии, от социологизма и принципа объяснения индивидуального социальным, а также с движением к созданию более гибкой методологической парадигмы исследования, или теории «среднего уровня», учитывающей необходимость обновления теоретического образа субъекта политики. Методология социокультурного анализа, развиваемая автором, предполагает синтез институционального и социокультурного типов рассмотрения проблемы, дополнение объективистского исследования общества как совокупности институтов анализом общества сквозь призму мотивируемого культурой деятельного субъекта, воспроизводящего и изменяющего социальные отношения и институты. Объединение и учет взаимной дополнительности методов, направленных на сближение объективных и субъективных аспектов существования субъекта политики, дает возможность снять конфликт между классической и неклассической парадигмами, побуждает к формированию «открытой» методологии, способной к комбинации различных методов в целях исследования феномена гражданина через взаимосвязь бытия и становления, в единстве социальных и культурных, устойчивых и динамичных, универсальных и уникальных характеристик данного политического явления.

Использование методов синергетики способствует пониманию общества как неравновесной системы динамически взаимосвязанных процессов организации и самоорганизации [Пригожин, Стенгерс 1986: 236]. В историческом становлении феномена гражданина синергетика позволяет выявить взаимосвязь генетических и наличных, кумулятивных и дискрет-

ных, обратимых и необратимых, стохастических и вероятностных процессов, роль неустойчивых состояний и флуктуаций. Построение статистических моделей эволюции сложных социальных систем способно воссоздать взаимодействие между индивидуальным и коллективным поведением, выявить роль индивида в историческом процессе, его уникальной ментальности и локальных действий как «случайности», порождающей «обратные связи» и «нелинейные зависимости» между элементами социальной системы, определять ее выход из точки бифуркации, задавать направление эволюции и приводить к глобальным изменениям. Синергетика дает путь к пониманию социальной эволюции не как универсального для всех перехода из одного статического состояния общества (как суммы институтов традиционного общества) в другое (сумму институтов современного общества), но как взаимопроникновения традиции и современности.

Концепции глобальной истории Ф. Броделя и мир-системного анализа И. Валлерстайна, синтезирующие универсальную (Г. Гегель) и локальную (О. Шпенглер) версии истории, позволяют установить баланс между характеристиками универсальности и локальности в феномене гражданина. Они способствуют совмещению синхронического и диахронического взгляда на проблему и описанию истории Западной Европы XV–XVIII вв. и становления гражданина через взаимосвязь трех временных слоев и структурных уровней реальности: 1) стабильных структур повседневной деятельности людей и множества локальных историй, складывающихся в инертную, стихийную историю, подчиненную природным ритмам; 2) структур рыночной экономики, подверженной циклическим и иным изменениям, детерминированным ростом значения культуры и сознательной деятельности людей; 3) активных иерархических социальных и политических структур и «событийной», быстро изменяющейся истории [Бродель 1986: 33], связанной с ростом степени целенаправленности и появлением автономных субъектов действия. Проблема универсальности и локальности цивилизаций имеет пространственное и временное измерения. Первое предполагает сопоставление общих и специфических характеристик западноевропейской и других цивилизаций. В историческом измерении западноевропейская цивилизация представляет собой четыре относительно самостоятельные локальные цивилизации: античная, христианский Рим и раннее европейское средневековье (I – IX–XI вв. н.э.), классическое средневековье, Новое время. Между ними есть культурная преемственность и нелинейная генетическая связь, но есть и различия. Каждой из цивилизаций присущ специфический феномен гражданина, обладающий уникальными характеристиками, но в каждом из них выявляются и инвариантные черты. Социокультурный подход дает возможность представить четыре

исторических типа гражданина в Западной Европе, соответствующих этим локальным цивилизациям, показать динамику их развития.

Преемственность исторических типов западноевропейского гражданина детерминирует временную устойчивость инвариантной модели гражданина. Это подтверждается данными философии культуры, фиксирующими цикл развития европейской культуры от конца античности до второй половины XVIII века. С. С. Аверинцев охарактеризовал этот цикл как эволюцию «поэтики общего места», ориентированной на описание реальности с точки зрения жесткой схемы ориентации на образец идеального общества и тип идеального героя [Аверинцев 1981: 9]. Этот стиль был характерен не только для литературы и искусства, но и для социально-политической и правовой мысли этого периода. Гегелевская философия истории (и классическая парадигма в науках об обществе) пронизана логикой движения от схемы к факту, когда формируемая сверху норма жизни предписывается реальности, а система социализации «формирует» реальных людей в соответствии с нормами «идеального» человека. В цикле существования этой традиции видна внутренняя связь социокультурных явлений античной, средневековой, ренессансной эпох и Модерна.

Концепция социальной и культурной динамики П. Сорокина подчеркивает взаимную связь и дополнительность социального и культурного как двух сторон одного процесса становления социальных явлений в контексте «единого и неразделимого социокультурного мира» [Сорокин 2000: 45]. Ее использование дает возможность диахронического видения истории культуры как процесса взаимодействия тенденций дифференциации и интеграции, индивидуализации и универсализации, объективации (институционализации) и субъективации, обновления социальных институтов и культурных форм, результатом и субъектом которого становится личность. Социокультурный подход позволяет в личности гражданина увидеть субъективный источник и результат взаимопроникновения институтов гражданского общества и ценностного содержания гражданского этоса. Применение методологии структурно-функционального анализа позволяет рассмотреть феномен гражданина как иерархический набор институционально и культурно обусловленных социальных ролей [Парсонс 1994: 460], подчиненный публичной функции индивида. Такая ролевая структура возникает в результате медиации, предполагающей определенную степень развития личности. Необходимость медиации вызывается резким усложнением состава ролей, связанным с концентрацией населения, общественных связей, власти в городах и формированием городской государственности. Возникновение личности, связанное с открытием рационального начала и внесением универсальности в локальные формы

бытия и культуры, характерно для «осевого времени» как перехода от циклического к направленному движению истории [Ясперс 1991: 33]. Динамический дух осевого времени воплотился с особенной силой в публичной сфере, формах демократии, культурных образцах политического устройства общества и этосе античного гражданина.

Социокультурный подход исходит из того, что «опосредствованность детерминирующего воздействия какого-либо фактора на человека символическими знаками составляет существенный факт общественного бытия» [Скоробогачкий 2002: 178]. Признавая роль институтов, он требует фиксировать культурные смыслы (символы) в качестве духовных оснований возникновения и функционирования институтов и рассматривать обновление институтов в конкретно-историческом контексте и в рамках циклов изменения культуры, а также видеть в культуре источник субъективных ментальных установок личности гражданина. В социологии знания процесс конструирования социальной реальности показан как взаимопереход ментального и институционального, это по-новому высвечивает роль субъективного и объективного измерений социальной реальности. Социология знания исследует социальную соотносительность «социальной реальности» и «знания», «объективности» и «смысла». Поэтому она может служить платформой для сближения социокультурного и неинституционального подходов. Институты как объективируемые совокупности идей, верований, обычаев, составляющих упорядоченное и организованное целое, задают правила, границы и направление действий и отношений, типизируют многообразие социальных явлений, придавая реальности характер устойчиво повторяющегося, безличного, абстрактно-схематичного порядка вещей, соответствующего определенным образцам. Посредством легитимации раскрывается субъективное измерение этого порядка. Материалом, из которого строится социальная реальность, является дотеоретическое элементарное знание – повседневные представления людей о социальном мире: правила поведения, моральные принципы, конкретные предписания, пословицы, поговорки, ценности, верования, мифы и т.п. Институциональный порядок устойчиво воспроизводится в той мере, в какой знание посредством языка и коммуникации проходит циклы объективации и субъективации, экстернализации и интернализации [Бергер, Лукман 1995: 56].

Метод моделирования позволяет создать теоретическую модель феномена гражданина как инструмент реконструкции его исторических типов, понимания внутренней логики развития феномена с учетом ее обусловленности социокультурным контекстом. С помощью параметров этой модели высвечивается и специфика каждого локального типа, и черты

универсальности, сходства с другими типами. Материалом конструирования являются для нас как социально-политические теории и концепции, так и дотеоретическое и внетеоретическое знание каждой локальной культуры, влияющее на формирование специфических черт феномена гражданина. Общая схема рассмотрения феномена гражданина выглядит следующим образом. Существует три уровня реальности: эмпирической реальности, представленной конкретными людьми; сконструированной реальности (этот уровень позволяет представить исторические типы феномена гражданина, фиксирующие общие черты ряда сходных феноменов в социокультурных рамках каждой эпохи); реальности, представленной в теоретической модели. Теоретическое моделирование феномена выступает в качестве одного из видов социального конструирования реальности. С помощью инвариантной модели гражданина можно реконструировать и объяснить культурно-исторические типы феномена, а также осуществить прогноз перспектив феномена в будущем.

Конструирование теоретической модели феномена гражданина для нас является таким способом производства знания о феномене, который позволяет совмещать реальный и абстрактный планы анализа. Абстрактный срез данного теоретического объекта, полученный путем изучения истории политической мысли, сохраняет следы присутствия в нем использованного инструментария: бинарной структуры модели, накладываемой на реальные явления, и логических операций, по которым из бинарной структуры формируется феномен гражданина, представленный его различными историческими типами. Реальный срез, или содержание этого объекта, – это феномен гражданина в конкретно-историческом пространстве и времени. В ряде социальных наук, и в первую очередь политической, феномен гражданина рассматривается в качестве института политической системы того или иного общества. На наш взгляд, необходимо выяснить содержание этого института с помощью методологии социокультурного анализа. Любой социальный институт представляет собой обобщение и типизацию действительности, в нем заключена первичная абстрактность. Но для нас этот продукт, понимаемый не как «социальный факт», но как «институт», выступает в качестве эмпирического основания исследования. Социальный институт – устойчивая, но лишь одна из форм культуры, он является моментом эволюции культуры, подчиненным ее ритмам, циклам, механизмам, которые рано или поздно приведут к его трансформации. Анализ механизмов культуры, обеспечивающих существование и изменение институциональной среды, позволяет объяснить генезис социальных институтов, исследовать их с точки зрения мотивов деятельности – ментальных стереотипов или новаций людей, образующих,

воспроизводящих и обновляющих эти институты. Теоретический разрез феномена гражданина как политического института, позволяющий выявить бинарную структуру модели, мы осуществляем с помощью структурно-семантического каталога¹ бинарных оппозиций. Эти процедуры теоретической обработки эмпирического материала позволяют сформировать теоретический образ феномена. Совокупность социальных и политических институтов и культурных норм, составляющих их основу, мы выстраиваем в соответствии с каталогом бинарных оппозиций и определяем параметры идентификации феномена.

Теоретическая модель гражданина погружена в контекст культурно-исторических условий, это всегда конкретная модель – гражданина античности, средневековья и т.д. В этой логике понятие гражданина представляет собой гипотезу, позволяющую строить модели, реконструирующие общие черты феноменов локальных культур-цивилизаций. Учет цивилизационных факторов при создании теоретических моделей феномена приближает их к воссозданию его в конкретно-исторической форме. Однако сквозь разные конкретно-исторические модели феномена высвечивается и структурно-семантическая схема, обнаруживающая общие для них черты. Выявить эту схему помогает социальная и культурная антропология. Гипотеза о бинарной структуре феномена гражданина основывается на положении К. Леви-Строса о том, что дуальная структура мифа и социальной организации, одновременно историческая и внеисторическая, характерна для множества человеческих общностей [Леви-Строс 2001: 217]. Суть бинарной структуры модели заключается в наличии институционального и ментального измерений в каждом из ее структурно-функциональных и содержательных аспектов. Использование структурного метода позволяет увидеть, что разные модели феномена гражданина реконструируют не абсолютно дискретные формы, но генетически связанные: разнообразные формы феномена возникают из ограниченного числа одних и тех же параметров. Скорее всего, это некие родовые возможности человека, заданные психикой человека и обладающие природной, социальной и культурно-исторической пластичностью.

Модель гражданина включает три измерения – институциональное, ментальное и личностное. Первое, формальное, структурное измерение модели задано высоким объективным социальным, экономическим и политико-правовым статусом индивида, образующимся в системе институ-

¹ Выражение «структурно-семантический каталог» [Пелипенко, Яковенко 1996: 210] для нас означает перечень бинарных оппозиций, определяющий основные ментальные и институциональные параметры феномена.

тов демократического государства, и набором соответствующих социальных ролей. Второе, содержательное измерение модели составляет комплекс нормативно-ценностных форм культуры – образцов поведения, идеалов, представлений, предписаний, ожиданий, норм, оценок, санкций, то есть этос гражданина. Напряжение между культурными нормами общности, заключенными в роли гражданина, и личной культурой индивида (совокупностью ментальных структур и установок индивида) детерминирует борьбу мотивов в его сознании и ее результаты в виде уникального исполнения им роли гражданина. Конфликт между различными социальными ролями, противоречивая внутренняя структура каждой роли, взаимовлияние стандартизации и индивидуации в исполнении любой роли вызывают необходимость дифференциации внутренних свойств индивида и структурирования собственной ценностно-мотивационной сферы в целях достижения наиболее эффективного способа жизни, пробуждают в нем личность. Субъектом – источником и результатом динамического взаимодействия институционального и ментального измерений является личность – третье измерение модели гражданина. Постоянно переходя с ментального уровня собственной жизни на институциональный, индивид осуществляет взаимообратную переработку социума и культуры, институтов и «смыслов», объективного и субъективного, в ходе этого процесса личность рождается и становится. Гражданин и личность – два аспекта индивида: первый связан со статичной, структурной функцией индивида по отношению к политической реальности; второй – с динамичной его ролью в воспроизводстве и обновлении культурных и социальных форм. Гражданин – политико-правовая ипостась личности, мера публично представленной реализации личности в данных социокультурных условиях. Модель, показывающая взаимосвязь трех измерений, позволяет представить общие (статичные, структурные, универсальные) и специфические (динамичные, содержательные, уникальные) характеристики феномена гражданина, а также личность как субъект их воспроизводства и изменения.

По отношению к процессу политической истории феномен гражданина рассматривается нами как один из наиболее устойчивых, циклически повторяющихся, динамичных и эффективных политических способов адаптации социальных общностей к внешним и внутренним обстоятельствам изменяющейся среды. Он позволяет общности «программировать» поведение своих членов в соответствии с требованиями собственного политического порядка – структурой институтов, нормами культуры, набором социальных и политических ролей, но оставляет для индивида определенную свободу выбора между требуемым и реальным поведением. В

точке сопряжения адаптивного и индивидуального поведения появляется возможность для возникновения и развития личности. Функциональным назначением данного феномена является организация политической системы на основе деятельной самоорганизации индивидов, побуждаемой их стремлением к более высокому социальному и политическому статусу, власти и свободе, а также к объединению в политическую общность в целях достижения господствующего положения данной общности среди других политических образований, с помощью выработанных для этого специфических институциональных и культурных средств. Общий тренд эволюции разных форм гражданина в западноевропейской истории состоит в увеличении спектра возможностей целенаправленного движения истории путем использования личностной формы социальности.

Основу теоретической модели феномена гражданина составляют принципы человеческой субъективности и единства сущности и существования человека, разрабатываемые в экзистенциализме. В качестве инструмента социокультурного анализа модель нацелена на выявление роли человеческой субъективности в разработке эффективных способов формирования политических общностей и систем. Разные исторические субъекты в таких способах – конкретно-исторических типах гражданина – объективируют собственные свойства, в уникальных, относительных, конкретных формах воплощая универсальное, общее, абсолютное, в существовании – сущность. Благодаря языку человек выходит за пределы и объективных условий, и собственной субъективности, а человеческая мысль прорывается в бытие и сущность бытия (общее) открывается человеку [Хайдеггер 1988: 324]. Исследование «историчности языка» показывает «делание мысли», роль ментального в человеческой истории. Анализ языка и коммуникации помогает прояснить устойчивую зависимость объективных аспектов политики от человеческой субъективности. Представленная структурно-семантическим каталогом бинарных оппозиций, модель гражданина позволяет исследовать семиотические аспекты данного феномена как средства объективации индивидуальной и коллективной ментальности и человеческой субъективности, выявлять существенные черты феномена гражданина в каждой его исторической форме.

Динамическую структуру трех основных измерений модели гражданина определяет комплекс бинарных оппозиций: *свои/ чужие; господство/ подчинение; эгалитарное/ элитарное; публичное/ частное; открывание/ закрывание; самоорганизация/ организация; включение/исключение; участие/неучастие*. В наличии скрытого или явного напряжения между полюсами каждой оппозиции проявляется динамичный характер модели. Этот набор – открытая система устойчивых пар понятий, образованных

путем обобщения разных культурно-исторических вариантов выражения сходных структурно-содержательных отношений. Эти параметры составляют инвариант модели, который каждый раз предстает в специфическом виде по сравнению с идентичным явлением другой исторической эпохи. Специфику явления привносит новое культурно-историческое содержание данного инварианта. Благодаря этим свойствам модель может быть пластичной и соразмерной каждой исторической эпохе. Наличие содержательных оппозиций в модели позволяет связать ее с реальностью, протестировать эмпирический материал, проверить ее исследовательскую эффективность. В этом смысле наша модель – структурно-семантический каталог параметров, пригодный для реконструкции любой исторической формы гражданина в контексте и материале соответствующей эпохи.

Формально полюса каждой бинарной оппозиции находятся между собой не только в отношениях противоположности, но и функциональной связи, и обозначают пределы, внутри которых проявляется тот или иной параметр феномена. Содержательно они выражают действительные крайности, противостояние которых придает модели динамику. Конкретно-исторический исход этого противостояния детерминируется уникальными, контекстуально ограниченными медиативными способностями субъекта деятельности. Медиатор, по К. Леви-Стросу, – это мифический культурный герой (трикстер), проводник, посредник, осуществляющий переход от противопоставления явлений или отношений (и терминов) к их постепенному сближению, а также перевод конфликта во взаимодействие. Медиатор как герой культуры в целом – это двойственное существо, обреченное и стремящееся к преодолению противоположностей внешнего существования посредством бессознательных и сознательных попыток справиться с внутренней раздвоенностью. И наоборот, собственную раздвоенность он преодолевает внешними средствами. Оба способа решения проблем индивид совершает с помощью ряда логических операций с оппозициями – наложения, замещения, переноса, ротации, инверсии, медиации [Леви-Строс 2000: 295], направленных на установление симметрии между членами исходной оппозиции. Наиболее продуктивной из них является медиация. Исторически логика медиации такова: каждый член оппозиции выводится из предыдущего путем оппозиции, корреляции и их снятия. В результате появляется триада с третьим, переходным членом оппозиции. Систематическое продолжение медиации в истории ведет к развитию «цепи медиаторов» и тенденции к закреплению медиативного способа решения оппозиций в качестве преобладающего для данной цивилизации. Конструктивность, а не конфликтность постоянных столкновений между институциональной и ментальной сторонами человеческого

бытия обеспечивается возникновением медиатора (личности) и закреплением медиативных структур в культуре и обществе, исторической устойчивостью личностной формы социального. Инвариант феномена обеспечивает единство предмета исследования и позволяет создать последовательное изображение исторических типов феномена гражданина. Между бинарной оппозицией и социальной ролью существует устойчивая связь: оппозиция выражает конкретное содержание роли и степень ее проявления – от минимальной до предельной формы.

Оппозиция *свои/чужие* описывает круг членов той или иной общности, соответствующих конкретно-историческому набору признаков, необходимых для включения индивида в данную общность. Оппозиция *господство/подчинение* выражает экономический, социальный, политический, правовой, религиозный и иные аспекты властных отношений. Характер, степень, формы участия гражданина во власти и управлении обществом всегда различны, но властвование – центральная роль гражданина любой из указанных нами исторических эпох. Гражданин подчиняется законам и режиму функционирования целого (общности граждан государства), однако его политико-правовой статус определяется участием в принятии политических решений («участием в господстве» [Аристотель 2003: 389]), которые становятся законами этого целого, и является основой политической системы. *Господство* позволяет гражданам (кругу *своих*) резко отделять себя от неграждан (*чужих*), статус которых определяется отношениями субординации (*подчинения*). Самоопределение относительно *чужих* подразумевает внутреннюю структуризацию отношений между *своими*. Оппозиция *эгалитарное/ элитарное* выражает борьбу тенденций, приводящую к конкретному устройству общины граждан: *эгалитарность* (равенство, справедливость, равноправие среди *своих*) описывает горизонтальные отношения между гражданами, *элитарность* (неравенство, использование труда и *чужих*, и *своих*) – вертикальные. Формальное равенство, основывающееся на конкретном представлении о справедливости, возможно лишь среди исторически ограниченного числа *своих*. Институциональная структура гражданской общины, или устройство государства представляет собой «порядок должностей» (Аристотель), занимаемых гражданами, иерархию властных полномочий – конституцию в современной терминологии. Понятие элитарности фиксирует тенденцию выделения высшего слоя, элиты, стремящейся к монополизации политических функций, концентрации власти и обособлению внутри общины. Оппозиция *публичное/частное* выражает политико-правовые аспекты отношения части (гражданина) и целого (политической системы), исторически варьирующегося в диапазоне от их синкретизма в античности до состояния вза-

имного определения границ в Новое время. Становление пространства частной жизни гражданина детерминируется развитием культуры, признанием ценности индивидуально-личностных аспектов бытия индивида – духовных (религиозно-нравственных), экономических (частная собственность), правовых (частного права), политических. Конституционный статус гражданина национального государства признает политическую автономию, суверенитет гражданина и гарантирует его гражданские права. Динамические бинарные оппозиции показывают механизмы функционирования и изменения качественного состояния феномена. Они вступают в действие в соответствии с суперритмом культуры, описанным представителями концепции локальных цивилизаций. Оппозиция *самоорганизация/ организация* позволяет выявить особенности политической культуры и характер взаимодействия субъектов, формирующих конкретную политическую общность. Оппозиция *открытие/ закрывание* выявляет механизм формирования, границы политической общности *своих*, ритмы ее функционирования и трансформации. Оппозиция *включение/исключение* раскрывает режим принятия (вовлечения, инкорпорации) индивидов в данную общность и изгнания из нее, характеризует меру свободы доступа в общность.

В целом социокультурный подход дает возможность исследовать феномен гражданина путем конструирования инвариантной теоретической модели гражданина и ее погружения в культурно-исторический контекст той или иной эпохи. В результате возникают не точные определения феномена, а инструменты его анализа и реконструкции. Этот путь исследования носит не логико-гносеологический, а именно социокультурный характер, поэтому методология культурно-исторического (социокультурного) анализа есть не метод, а политико-философский подход, направленный на постижение феномена гражданина как целостного субъекта политики, динамически связывающего институциональные и ментальные структуры и процессы. Между социокультурным и неинституциональным подходами просматривается несколько линий пересечения и возможного взаимодействия: дополнение рассмотрения факторов актуального плана анализом долговременных цивилизационных факторов (социально-экономического и социокультурного контекста), влияющих на формирование целей и предпочтений индивидов; воссоздание реальной или потенциальной целостности и субъектности политического человека с помощью синтеза различных факторов («институтов», символов», «акторов») в единый комплекс. Одним из инструментов анализа этого комплекса мог бы выступить структурно-семантический каталог бинарных оппозиций.

Представленная логика исследования и функциональная модель гражданина важна для решения проблемы становления гражданина в России. Специфический культурно-исторический контекст становления феномена гражданина стал результатом сложного и динамичного взаимодействия множества институциональных и ментальных, объективных и субъективных факторов и условий. В России сложилась культура, серьезно отличающаяся от западноевропейской культуры. Христианский дух в России попал в иной субстрат, образованный следующими факторами. Этнический элемент в истории России представлял собой сложное сочетание восточнославянских, финно-угорских, тюркских и иных племен, каждое из них оставило след в «этнической психее», в противоречивой «русской национальной душе». «Языческие переживания славянской психеи» существенно видоизменили принесенный в Древнюю Русь христианский дух, составили одну из основ православной веры и религиозности, стремящейся не только на Запад, но и на Восток, к «провалу личности» [Федотов 1992: 182]. Г.П. Федотов писал о множестве типов русского христианства, есть понятие двоеверия и даже многоверия в русской культуре, косвенно это свидетельствует об отсутствии единого христианского типа в России, о том, что православие – это не единственное воплощение христианского духа на территории России, о наличии противоречий в самом православии. Это значительно проясняет причины фрагментированности восточного культурного региона.

К этому следует добавить еще отсутствие единой коммуникационной основы, связанной с христианством – основой церковнославянского языка и письменной культуры стал на Руси не греческий, а староболгарский язык. Основы манихейского мировоззрения, присущие болгарскому православию (богумильство), препятствовали медиационному процессу, поиску русской культурой новых средств разрешения возникающих в реальности противоречий. Происходило двойное отдаление западного и православного христианского духа друг от друга, обусловленное разницей в языках и мировоззрении.

Использование на Руси византийского законодательства (Кодекса Юстиниана) и отсутствие рецепции римского права мешало складыванию общей системы права как одной из основ культуры. Вплоть до конца XIX в. система права в России отличалась зависимостью от воли самодержца как единственного законодателя, отсутствием автономных от власти субъектов права (за частичными исключениями в отношении дворянства с XVIII в.), отсутствием независимых друг от друга, развитых систем гражданского и публичного права. Российское законодательство имело множество пробелов, которые восполнялись страдающей произволом и

непоследовательностью судебной практикой. Реализации принципа свободы частной воли в системе российского права мешали значительные ограничения. Фрагментированность этнического состава населения, языка, религии, права, порождаемых ими традиций и обычаев, препятствовала формированию социокультурного единства в целом.

Влияние греко-римской, византийской культуры на письменную культуру, культуру православной церкви и государства составляет особую линию в формировании специфических черт российской культуры в отличие от культуры западноевропейской. Среди последствий влияния византизма на русскую культуру можно выделить следующие. Во-первых, это русский царизм «как продолжение византийского кесаризма» [Леонтьев 1991: 181], но с более жесткой государственной организацией и дисциплиной, то есть бюрократическое, централизованное, самодержавное государство с православной сакрализацией его наследственного владыки, с союзом «царства и священства» (государства и церкви), с православным культом всеобщего повиновения власти. В. С. Соловьев так же, как и К. Н. Леонтьев, считал Россию преемницей Византии, унаследовавшей от нее «националистический партикуляризм и абсолютистический цезарепапизм», и превратившей в дальнейшем церковь в «атрибут национальности и орудие мирской власти», а государство – в «абсолютное национальное государство, отвергающее единство церкви и исключаящее религиозную свободу» [Соловьев 1991: 337–338].

Во-вторых, замкнутость семейных и сословных отношений на «родовое монархическое чувство» (К. Н. Леонтьев), культивируемое православной церковью, всеобщая опосредованность любых общественных отношений отношениями к верховной власти, отношениями государственной службы или государственной зависимости (крепостным правом). Следствием этого стала слабость семейной связи и аристократического начала в России. В этом заключается глубочайшая причина слабого развития личного начала в России, истоки которой лежат во времени формирования Московской Руси. В-третьих, более отдаленным следствием влияния византизма, опосредствованным действием других факторов, является двойственность развития личности массового индивида. С одной стороны, индивид существовал в условиях полной невозможности развития собственной автономии в сфере частных (гражданских) и публичных (общественных и государственных, политических) отношений, что мешало формированию гражданской самостоятельности, субъектности индивида и сколько-нибудь значительного и тем более свободного общественного мнения. С другой стороны, массовый индивид отличался высокой степенью развитости чувственно-эмоциональной сферы личности при слабости

рационально-логического мышления. Из этого вырастает и отсутствие правосознания, и недостаточная склонность населения ко всем сферам деятельности, требующим опоры на разум, логику и расчет. «Отсутствие всякой свободы и самобытности в жизни гражданской и общественной» дополняется «самобытностью и самодеятельностью в жизни духовной..., в области мысли и чувства» [Леонтьев 1991: 197]².

Спустя столетие с лишним исследователи продолжают выяснять специфику развития России. Важный вклад в исследование проблемы специфики российской культуры и идентичности внес К. Г. Холодковский. «Под российской идентичностью в современном политико-государственном значении этого понятия следует понимать, аналогично тому, как это понимается применительно к другим гражданским нациям, комплекс представлений, ценностей, установок, предпочтений, порождаемых самоотождествлением индивидов или их сообществ с Россией (Российской Федерацией) и ее гражданами» [Холодковский 2017: 156]. Автор считает, что формирование российской нации еще не завершено. Он выделяет и анализирует исторические факторы, оказавшие влияние на формирование российской идентичности, а также противоречивые черты нынешней российской идентичности. Среди них – деградация массового сознания, наличие архаичных элементов, не упорядоченные взаимоотношения между гражданской, политической и этнической идентичностями [Холодковский 2017: 161–162].

Анализу различий между имперской, постимперской и неоимперской идентичностью, а также феномену массового имперского сознания, устойчиво воспроизводящемуся длительное время после разрушения империи как политической формы, посвящено исследование О. Б. Подвинцева. Представленный анализ показывает, что процесс формирования национальной и гражданской идентичности протекает нелинейно. В процессе нациестроительства на постимперском пространстве, к которому относят и Россию как преемницу СССР, имперская идентичность приобретает черты гибридной политической идентичности [Подвинцев 2017: 361].

Все это побуждает автора погрузить теоретическую модель западноевропейского гражданина в российский историко-культурный контекст для того, чтобы попытаться дать комплексный ответ на вопрос о становлении гражданина в России, с учетом сложности и многоаспектности данной проблемы.

² Правомерность использования некоторых характеристик К.Н. Леонтьева обусловлена верностью его диагноза в отношении ряда причин современного ему состояния русской истории и культуры, чего не скажешь о его оценках, заключениях и прогнозах.

1.2. Концепт гражданина в российской политической культуре

Жизнь термина, слова, понятия в языке и культуре действительно выступает в качестве ключа к пониманию каждого многозначного и многослойного концепта, к каковым, безусловно, относится и «гражданин». Поэтому без семиотического подхода в целом и без исследования этимологии данного слова в частности, понять роль самого явления невозможно. Учитывая глубокую связь между явлением и словом, его выражающим, важно пристальнее взглянуть в само слово «гражданин» и ряд его синонимов. Работали ли российская история и теория над феноменом и понятием гражданина так, как это происходило в Западной Европе? Какова собственная эволюция термина «гражданин» в контексте русского языка и культуры?

Культура в соответствии с семиотическим подходом понимается как совокупность концептов и отношений между ними. Концепт и понятие – термины разных наук, близкие по исходной внутренней форме, общее поле их значений – «поятие, зачатие, схватывание в собственность». В отличие от понятия концепт несет в себе безобъемный, «чистый» смысл слова. В виде концепта культура входит в ментальный мир человека и, наоборот, посредством него ментальность обычного человека включается в культуру. В концепте существует три слоя признаков: 1) основной, актуальный; 2) дополнительный, пассивный, исторический; 3) неосознаваемая внутренняя форма, запечатленная во внешней словесной форме [Степанов 2001: 47]. Разные слои концепта обладают различной степенью реальности для людей данной культуры. Основной признак концепта «читается» всеми «пользователями» языка данной культуры. В дополнительных признаках концепт актуален лишь для некоторых социальных групп. Внутренняя форма концепта открывается только исследователям, но для «пользователей» данного языка этот слой существует как основа, на которой возникли и держатся остальные слои значений. В коллективном сознании и представлениях, фиксируемых концептами, существуют сознательный и бессознательный слои. Описания концептов как духовных ценностей – это описание ментальной действительности.

Понятие «гражданин» в современной российской политической культуре – одно из множества заимствованных из европейской политической теории и практики понятий, таких как «политика», «цивилизация», «гражданское общество» и т. п. Частое употребление и кажущаяся ясность этих понятий не свидетельствует о сохранении в русской версии исходных генотипов этих слов, не говорит о понимании их многозначности и содержательного богатства. Необходима серьезная работа по демифологизации

и рационализации заимствованных слов, поскольку, как утверждает М. В. Ильин, «в большинстве случаев ни о какой эквивалентности отечественных версий исходным не может даже идти и речи» [Ильин 1997: 37]. Важно критически осмыслить исторически меняющиеся значения и смыслы слов.

Анализ понятия *гражданин* как концепта западноевропейской культуры приводит к выводу о существовании в его содержании нескольких смысловых полей. Развиваясь параллельно, эти разные значения исторически образовали несколько концептуальных уровней данного понятия, сохранившихся до настоящего времени, но подвергнувшихся значительной теоретической разработке. Единство этих аспектов – это генетически исходный пласт содержания понятия, смысловое ядро, единство многообразного, начало, из которого впоследствии развивалась целая система самостоятельных категорий культуры. Античность дала первые дошедшие до нас попытки концептуализации данных феноменов. В последующем, в результате рефлексии и рационализации процессов усложнения и внутренней специализации самих феноменов города, государства, цивилизации, произошла дифференциация исходного единства аспектов понятия и явления. В историческом процессе концептуализации понятий можно выделить этапы их соотношения и смысловой дифференциации. Это многоуровневый процесс, состоящий из множества внутренних процессов и внешних взаимодействий.

Начальный этап – недифференцированное отношение явлений и понятий, образующих исходную систему координат: город – городская община – государство – право граждан города-государства – цивилизованность (качество сообщества граждан) – религиозно-этическая культура граждан – этническая общность. Город – место, где сосредоточено цивилизованное человечество, где действуют наилучшие религиозные, этические и правовые нормы, формирующие определенное качество (добродетели) каждого члена этой общности. Второй этап дает эпоха средневековья. Эти же понятия прорабатываются с христианских позиций Аврелием Августином, схоластами, Фомой Аквинским. Понятия начинают включать в себя внутренние оппозиции, противопоставление истинных христианских общностей неистинным: «Небесного Града» – «Земному», братской общности первых христиан – земные общества, Телу Христову Церкви Вселенской (общности верующих) – разделенность и враждебность мирских властей. Третий крупный этап концептуализации представляет Новое время. Здесь происходит окончательное отделение концептов друг от друга при сохранении исходного родства. Понятия

наполняются и дополнительными значениями, привносимыми творческой конкретно-исторической практикой людей.

Итак, исходную систему координат концепта *гражданин* образуют следующие аспекты его содержания, выступающие как соотношения с концептами: 1. *гражданин* – «город»; 2. *гражданин* – «городская община» (которое впоследствии даст понятие «общество, гражданское общество»); 3. *гражданин* – то, что к XVIII в. станет концептом «цивилизация»; 4. *гражданин* – «государство»; 5. *гражданин* – «право»; 6. *гражданин* – «религия», «мораль»; 7. *гражданин* – «этнос» («нация»). Мы сконцентрируем внимание на исходной и фундаментальной для всех этих понятий взаимосвязи понятия *гражданин* с понятием *город*.

Современное понимание феномена гражданина в Западной Европе восходит к античности. Античный гражданин – житель полиса, обладающий определенными правами и обязанностями публичного и частного характера. Слово «гражданин» (*polites* (греч.), *civis* (лат.)) генетически связано со словом «город» (*polis* (греч.), *civitas* (лат.)). *Polis* (*civitas*) – означает одновременно и город, и государство, это город, имеющий публичные, государственно организованные власть и управление, это и совокупность граждан (городская община). Латинский вариант слова включает еще и значение «права римского гражданства». Смысловым ядром понятия «гражданин» является членство в городской общине, осуществляющей публичную власть, или «участие в господстве» (Аристотель). Здесь совпадают значения *город* – *городская община* (прообраз гражданского общества) – *государство* (точнее, государственность, или протогосударство) – *цивизованность* (прообраз цивилизации). Подчеркнем признак «градскости» – и общества (общины), и отдельного человека. «Градскость» связана с целым комплексом явлений и понятий: включенностью индивида в плотные социальные связи города, причастностью к кругу «своих» – общине равных между собой граждан, с участием гражданина в публично осуществляемом им управлении городом. Это еще и прообраз государственности, и первая система права, и этос градскости-гражданственности-цивизованности. Эти признаки относятся и к отдельному индивиду, и к городской общине.

Город – пространство существования права. Наличие права – чрезвычайно важный признак и градскости, и государственности, и цивилизованности, и гражданина как главного субъекта права. Греческая афинская и римская правовые системы в их классическом виде основаны на понятии «гражданин». Гражданином в Афинах считался свободный человек, имеющий право избирать и быть избранным. По Аристотелю, понятие «гражданин» определяется участием в судебной и

государственной власти. Это политическое понимание гражданина, на нем базируется понятие демократии в Афинах. В Риме гражданин юридически определяется через право вступать в брак, завещать и наследовать имущество. Свободного гражданина Рима из плебея делает комплекс гражданских прав, политический статус гражданина произведен от его частнопроводного статуса. Сущностная связь гражданина и города проявляется и в последующей европейской истории. Данное смысловое ядро лежит в основе образования целого ряда системообразующих для философии понятий: цивилизации, государственного устройства, политики, политической системы, нации и т. д. Эта исходная, многоаспектная связь гражданина и города нас интересует применительно к российскому обществу. Является ли понятие гражданина константой русской культуры?

Русское слово *гражданин* имеет сложную и неоднозначную историю. Оно наполнено значениями, идущими из разных исторических эпох и традиций, и *Гражданин* – русское слово, имеющее общеславянские корни. Однако последующая его история связана с рядом наслоений, появившихся в результате заимствований значений европейских слов-аналогов. Эти дополнительные значения и смыслы оказывались неким искусственным смысловым довеском, не имевшим в русской социальной и политической практике (за исключением городов-государств XI–XIV вв. – Новгорода, Пскова, ряда других) тех познавательно-метафорических истоков, семантической наполненности и истории, какие они имели в европейских версиях. Поэтому преждевременно ставить знак эквивалентности между русским словом *гражданин* с одной стороны – и европейскими *civis* (лат.), *citizen* (англ.), *burger* (нем.) и *citoyen* (франц.).

М. Фасмер установил, что слово *гражданин* пришло из церковнославянского языка, где оно образовано от слова *градъ* («город»), и является калькой греческого *πολίτης*, а исконнорусским считает слово *горожанин* [Фасмер 1996: I, 451]. Сходную этимологию дают Н. М. Шанский и Т. А. Боброва, подчеркивая буквальное значение данного слова – «житель города» – и современное значение, отсчитывая с эпохи А. Н. Радищева [Шанский, Боброва 1994: 62]. Словарь русского языка XI–XVII вв. дает ряд тождественных по смыслу слов: *гражанинь* (980 г.) – *гражданинь* – *гражданец*, которые соответствуют слову *горожанин*, употреблявшемуся в 1240 г. [Словарь... 1977: 95]. В XII в. встречается характеристика *гражданского* как городского и светского в отличие от духовного, церковного. В XIII–XV вв. прилагательное *гражданский* относилось к горожанам и городу в значении «городской и невоенный». Смысловый комплекс этого слова, исходя от *град*, утверждался вместе с церковнославянским влияни-

ем, затем произошло размежевание смыслового наполнения данного слова – церковного и светского, с одной стороны, и светского и военного – с другой.

В XV в. слово *гражданинъ* еще имеет хождение в религиозном варианте: гражданином именуют праведника, святого в следующих сочетаниях – «небесного града гражданин», «небесный гражданин» [Словарь... 1977: 117]. XVI веком датируется употребление слов *гражданство* (от *гражанин* – *гражанский*), подразумевающее «совокупность граждан, общество», и *градосожительство*, означающее порядок в государстве, связанный с совместным проживанием людей в городах. Это автохтонная линия образования этого ряда понятий. Приведу цитату, из которой виден исторический контекст употребления слова *градосожительство*. В послании Карпова митрополита Даниила говорится: «Милость безъ справды малодушьство есть, а правда безъ милости мучительство есть, и ена два разрушают царство и всяко градосожительство» [цит. по: Словарь... 1977: 117]. Значит, порядок в государстве (царстве) и обществе (градосожительстве, общежитии) держится на единстве милости (со стороны верховной власти) и правды (очевидно, близкой по смыслу к *справедливости*, о чем говорит слово *справда*). Но это лишь единичное представление о должном, это христианский идеал, а не реальность. В этом же словаре приводится значение слова *гражданство* – «гражданское устройство, порядок». Судя по цитате из Арифметики Магницкого (1703) – «И весь чин и гражданство узаконено, аще и естественно, но такожде от бга», – данный порядок для людей начала XVIII в. является не только государственным установлением, но божественным и естественным по происхождению. В этом представлении заметно европейское влияние. Здесь же мы встречаемся еще с одним значением гражданства как «обычаев добросклонностью и человекопочитательством», то есть пониманием его в нравственно-этическом смысле [Словарь... 1977: 117].

В итоге к XVIII в. на Руси встречались следующие значения слова *гражданин*: 1) горожанин (X в.); 2) светский, не духовного звания городской житель (XIII в.); 3) светский и не военный житель города (XV в.); 4) праведник, святой (XV в.); 5) человек, добровольно следующий обычаям и уважающий людей (нач. XVIII в.). Слово *гражанство* (XVI в.), образованное от слова *гражанин*, означало «совокупность граждан, общество», а слово *гражданство*, употребляемое в XVIII в., имело значение «гражданское устройство, порядок», имеющий естественное или божественное происхождение и узаконенный государством. Здесь видно историческое изменение и пересечение значений *гражданства* в качестве

совокупности граждан, общества, и в качестве порядка взаимного расположения граждан, исходящего от Бога, но закрепленного в законах государства. Так, русский язык вслед за европейскими языками фиксирует неоднозначную, но тесную связь общества и государства. Гражданин здесь – точка их соприкосновения и образования, поскольку он одновременно является и членом общества, и человеком, занимающим определенное место в устройстве граждан, порядке чинов и гражданства, закрепленном законами, то есть в государственном устройстве. Но это лишь один из вариантов языковой практики, связанный с заимствованиями.

Характер феномена гражданина существенно зависит от способа формирования государства. Западноевропейский путь формирования государства – взаимодействие королевской власти и общества (городских самоуправляющихся общин). Другой вариант – когда верховная власть в одностороннем порядке, путем насилия выстраивает систему и режим управления, инициирует характер отношения подданных к ней самой и между собой. Горизонтальные связи между людьми эта власть стремится замкнуть на себя, стать посредником во всех (по возможности) взаимоотношениях людей, и действительно становится абсолютной. Язык четко фиксирует источник инициативы, ресурсы и характер сторон (горожан и верховной власти, или общества и государства) – инициирующую и страдательную. В. И. Даль при характеристике исторических форм дореволюционного гражданства, таких как *именитый гражданин*, *почетный гражданин* и тому подобное, применяет следующие причастия: *приписанный* («гражданином известного города называют приписанного к этому городу купца, мещанина или цехового»), *даруемое*, *жалуемое* звание [Даль 1998: I, 962]. В этом видно отличие русского слова *гражданин* от европейских аналогов – отсутствие значения самостоятельности, автономии, свободы воли.

В XVIII в. появляются новые слова для именованя горожан. При Петре I в 1721 г. городское население было разделено на две гильдии «первостатейных» и «регулярных» граждан. Первая гильдия «от другого подлого гражданства привилегиями и преимуществами суть отличена», ее составляли банкиры, «знатные купцы», представители либеральных профессий, высококвалифицированные ремесленники. Вторую составляли мелкие торговцы и «рукомесленники». Остальное население – «подлые люди» (чернорабочие) – в состав «регулярных граждан» не входило. В результате выстраивалась иерархия вертикального подчинения, установленного верховной государственной властью. В этой вертикали статус граждан не предполагал политических прав. Граждане здесь –

исключительно горожане, наделяемые правительством некоторыми экономическими привилегиями, горожане как жители, а не как члены городской общины. Это была иерархия подданства, включающая городское гражданство.

«Грамота на права и выгоды городов Российской империи» от 21 апреля 1785 г. учреждала новый порядок в общественном управлении городов и определяла права различных классов городских обывателей. Под *городскими обывателями* подразумевались «все те, кои в том городе или старожилы, или родились, или поселились, или дома, или иное строение или места, или землю имеют, или в гильдии или в цехи записаны, или службу городскую отправляли, или в оклад записаны и по тому городу носят службу или тягость». *Настоящими городскими обывателями* объявлялись владельцы недвижимой собственности в городе. Каждый город должен был иметь городскую обывательскую книгу, в первую из шести частей которой и вписывались настоящие городские обыватели – все жители, имевшие в данном городе недвижимость, без различия происхождения, звания, занятий и т. п. В законодательстве Екатерины II звание «настоящего обывателя» существенно отличается от звания «регулярного гражданина», введенного Петром I: главным принципом деления на «настоящих» и остальных обывателей становится владение недвижимостью. В пятую часть книги записывались *именитые граждане*³. Екатерина II указом от 15 февраля 1786 г. повелела подписывать прошения к ней не словом *раб*, а словом *верноподданный*. Просвещенная императрица, умудренная опытом управления российским государством и вполне усвоившая традиции русских царей, придала своим ранним либеральным замыслам интересный поворот, вполне согласный с практикой Петра I: не меняя реальности, изменить ее название. Традиция мифологического отождествления имени и предмета трансформировалась в общественном сознании в представление о том, что переименования достаточно для изменения самого предмета.

В 1797 г. Павел I издал высочайшее повеление «об изъятии из употребления некоторых слов и замене их другими». В списке изъятых –

³ В состав именитых граждан входили: 1) служившие по выборам в городских должностях, получившие звание степенных; 2) ученые академий и университетов; 3) художники с академическими свидетельствами; 4) капиталисты с объявленным капиталом от 50 и более тысяч; 5) банкиры с капиталом от 100 до 200 тысяч; 6) лица, занимающиеся оптовой торговлей; 7) судовладельцы. Городским обывателям каждого города было предоставлено право создания городского общества и избрания Общей городской думы из гласных (от всех разрядов городских обывателей) и городского головы. Общая городская дума избирала шестигласную городскую думу – по одному голосу от каждого разряда обывателей города, действующую под председательством городского головы.

слова французского происхождения, особо слова, близкие к революционному лексикону: *общество*, *граждане*, *отечество* и другие. Слово *общество* приказано «совсем не писать», а слово *граждане* предлагалось заменить словами *жители* или *обыватели*, что и было сделано в «Словаре Академии Российской» (1806) [Степанов 2001: 639]. Последующее официальное словоупотребление, особенно законодательство и цензура, вплоть до начала XX в. строго придерживалось этого повеления. В этом – причина занижения смысла слова *гражданин* и связанных с ним слов в общем употреблении на протяжении XIX в. Павел I изменил и устройство городского управления⁴.

Манифест Александра I от 1 января 1807 г. даровал купечеству новые преимущества: установлено новое звание первостатейных купцов, а с ним – право быть выбираемыми только в почетнейшие городские должности. С установлением нового звания почетных граждан (личных и потомственных) Николаем I в 1832 г. исчезли звания первостатейных купцов и именитых граждан. Звание именитых граждан просуществовало в России с 1785 по 1832 гг. для обозначения лиц свободных профессий и до 1807 г. для верхушки купечества. После этого выражения *именитый и степенный гражданин* стали исчезать.

Между тем в выражении *степенный гражданин* были слышны отголоски вечевых традиций Древней Руси. В Великом Новгороде удельных веков *степенью* называлось вечевое здание, располагавшееся около резиденции князя. А в новгородском *детинце* (*кремле* – собственно городе), в особом здании заседал совет господ, в который входили *степенные* и *старые* вечевые магистраты – посадские и тысяцкие. Совет господ в Новгородской политике (республиканском городе-государстве) фактически осуществлял верховную власть, от имени веча вступал в *ряды* («договоры») с князьями, решения веча принимались при его определяющем влиянии. Если учесть, что в состав совета господ входили купцы международного масштаба, еще и крупные землевладельцы, то аналогия с античным гражданством кажется убедительной. Однако, как известно, Новгород и другие древнерусские города-государства силой были подчинены Московскому государству, были уничтожены автономия городов и институты вечевого правления.

⁴ При Павле I в 1798–1799 гг. в Петербурге и Москве были упразднены городские думы и введена новая организация городского управления – «Комиссия о снабжении резиденции припасами, распорядком квартир и прочих частей, до полиции относящихся», в ее подчинении оказалось городское правление (ратгауз). Александр I в 1801 г. отменил ратгаузы и Манифестом 2 апреля 1801 г. подтвердил Городовое положение и грамоту Екатерины II.

Судьба выражения *степенный гражданин* в определенной мере иллюстрирует эволюцию слова (и феномена) *гражданин* в истории России: от обозначения члена совета господ, осуществляющего «участие в господстве», принятого лишь в малом числе городов-государств Древней Руси, к доминированию значения, выражающего лишь отличие или звание (с предоставлением некоторых привилегий) купца, жалуемого Императором за службу по городским выборам, подконтрольную центральной власти, до его почти полного исчезновения в официальной лексике к XIX в. В выражениях «именитый» и «почетный гражданин» акцент перемещается с существительного на прилагательное, что отражает историческую ситуацию отсутствия политической определенности предмета, обозначенного существительным. Почетное гражданство в XIX в. было, по сути, декоративным институтом, не имеющим действительно политического значения. Даже отношения подданства, установившиеся с образования Московского государства, носили скорее характер частного подданства, нежели подданства как государственного политического института. Подданство как политический институт было введено официально лишь Петром I.

Значения прилагательного *гражданский* содержат тенденцию редукции нескольких значений к одному, заниженному до «житель города». В. И. Даль приводит следующие значения *гражданский*: 1) «относящийся к гражданам, к государственному или народному управлению, к подданству»; 2) «противопологается иногда государственному или правительственному, и тогда значит частный, домашний, общинный»; 3) «противоположно военному и означает штатский, относящийся до службы по управлению»; 4) «противоположно духовному или церковному и означает мирской, обиходный, житейский» [Даль 1998: I, 962]. Политическое (публичное, государственное) содержание в терминах *гражданин* и *гражданский* отсутствует за исключением первого значения, где *гражданский* отождествляется с «подданным» государства, все остальные значения через противопоставление с государственным, военным и церковным отсекают «лишнее», оставляя «сухой остаток»: частный, домашний, общинный, штатский, мирской, обиходный, житейский. Тенденция, которая существовала в абсолютистских европейских государствах, но так и не воплотилась до конца, оставляя, помимо экономической автономии индивидов, еще и острова городского самоуправления, городского права и политическое звучание слова *civis* (и его аналогов – *бюргер* и другие), в России реализовалась до своего крайнего логического конца. Индивид остался в абсолютном

политическом подчинении верховной власти, его жизнь была ограничена исключительно частной сферой.

Смысловая неопределенность понятия *гражданин* усугубляется еще и следующими обстоятельствами: 1) исторической эволюцией слов, обозначающих горожан; 2) наличием региональной фонетической и семантической специфики в соответствующих словах языка. Так, слово *гражданин*, употребляемое в эпоху Киевской Руси и древнерусских городах-государствах XI–XIV вв., вызывает достаточно веские смысловые аналогии с античным гражданином и средневековым европейским бюргером. Видимо, это лишь локальное употребление данного слова, ограниченное масштабами этих городов. Политическая организация этих городов-государств исчезает под натиском имперского принципа формирования Московского государства, резко меняется и соответствующая терминология.

В соответствии с концепцией В. М. Ильина, в структуре отечественной политики со времен Киевской Руси существуют «такие разнородные модели политической организации, как племенной союз (патримониальная, пирамидальная система), полисный анклав и дружинная рамка экзополитиарности, или полк, а также самая передовая для IX в. модель теократии» [Ильин 1999: 72]. В эпоху владычества Орды на месте прежней Руси появились четыре различных геополитических образования, которые к XV–XVI вв. были подчинены Московскому государству. К середине XVII в. завершилось превращение Московского великого княжества в евразийскую державу Алексея Михайловича Романова. Этот процесс Ю. Пивоваровым и А. Фурсовым характеризуется как «Великая Самодержавная революция» [Пивоваров, Фурсов 1998]. Договорные феодальные иерархии были радикально упрощены, остановлено наметившееся формирование сословий, корпораций и слобод, свернуты институты политического представительства (Земские соборы), сложилась система простого подчинения – всеобщего закрепощения сословий в службе и тягле. Все остальные блоки отечественной политической системы к середине XVII в. были подчинены самодержавной власти. Ко времени Петра I эта система обрела такие формы, которые, несмотря на многочисленные модификации, существуют и в настоящее время.

С X по XVII вв. в разных местностях и городах Древней Руси горожан называли по-разному. Это было обусловлено двумя важнейшими факторами культуры: 1) наличием диглоссии церковнославянского и древнерусского языка и переходом ее в двуязычие к XVII в.; 2) существованием региональной лексико-семантической специфики в

языке, порождаемой, в том числе, и особой формой политической организации той или иной местности. В удельные века на территории Древней Руси сосуществовали разные политические системы: удельные княжества, города-государства⁵, Золотая Орда, Православная теократия (Русская митрополия до установления Московского патриархата). Победа политической организации Московского княжества – самодержавного принципа построения государственности, оказала определяющее влияние и на становление единого русского языка. Московский диалект стал основой синтеза различных диалектов Древней Руси и основой русского литературного (национально-государственного) языка. Все это служит объяснением тенденции смешения многих слов, обозначающих горожан, и сужения значений самого слова *гражданин*. Установление Московского государства, союз с ним и последующее подчинение ему Церкви, уничтожение автономии городов – все это факторы, приведшие к консервации, редукции и даже к деградации терминологии, связанной с автономным политическим существованием любого рода субъектов. Самодержец стал единственным политическим субъектом, вследствие этого прежние термины, связанные с какой-то долей автономии, теряли политическое содержание, сохраняя лишь социально-экономическое. В эпоху Московской Руси появляются новые слова, значительно размывающие исходные смыслы слова *гражданин*, это *посадский*, *обыватель*, *мещанин*.

Выражение *посадские люди* восходит к слову *посад*, родственного или заимствованного от древнепольского *posad*, которое в свою очередь представляет собой кальку с латинского *suburbium* («подчиненный городу, подгородской, предградье») [Фасмер 1996: II, 315]. Посадом могли называть: 1) вне города стоящее поселенье, основанное князем и подвластное ему; 2) тяглое торгово-ремесленное население русских городов и населенных пунктов городского типа, составлявшее общину (например, в Великом Новгороде XVI–XVII вв.); 3) сословие посадских людей. Смысловое содержание слова *посад* связано с глаголом *посадити* – «заставить сесть, поселить, укрепить, посадить под стражу...» [Словарь... 1991: 149]. При патриархе Никоне (1615 г.) глагол употреблялся в значении «посадить на оброк». *Посадские люди* – люди, посаженные (подобно семенам в почву) вокруг города, и, уже в социально-политическом и юридическом смысле, – приписанные к посаду и определенной общине в нем. Это слово из лексикона утверждающегося крепостного права. Посадские – это те, кого заставили сесть, сделали

⁵ Великий Новгород, Псков, Чернигов, Переяславль, Ростов, Рязань [см.: Фроянов, Дворниченко 1988].

оседлыми, это люди, посаженные на тягло, приписанные к определенному месту несения государственного тягла. Это люди, в отличие от крестьян, дворян и служилых, несшие тягло продуктами торговой или ремесленной деятельности. Именно тягло служит основой для их объединения в податную общину. В. И. Даль упоминает мещан в качестве жителей посада. *Посадские люди, мещане и обыватели* со временем стали взаимозаменяемыми и даже тождественными по смыслу словами.

В структуре древнерусского города посад занимал второстепенное место и располагался в предградьи, вокруг или около *кремля* (крепости, собственно «града», места сосредоточения власти). Пространственное расположение посада было связано с его социально-экономической ролью округа, периферии, обслуживающей центр. Центром самого посада был *торг* (торговая площадь), а состоял он из отдельных *концов*, самоуправляемых районов, позже названных *слободами*. Так было в удельные века в Великом Новгороде, Пскове, Русе, Ладоге, Кареле. Следы «кончанской» организации посада находят и в Киеве, Смоленске и других городах. Значения этих слов исторически менялись, в том числе и выражения *посадские люди*. Если первоначально посадские люди имели прямое отношение к управлению городом, то с централизацией управления в Московском государстве, особенно с XVI–XVII вв., все категории посадских людей, разьединенных по разным «обществам», наделенных чисто хозяйственно-бытовыми полномочиями и фискально-полицейскими обязанностями, становятся исключительно объектом управления со стороны представителей верховной власти.

В. О. Ключевский называет следующие формы русских городов: город-двор, город-село, город-застава и город-посад. В неразвитом виде город-посад возник, возможно, раньше других форм города, но развитие получил позднее их, частично вмести́в их в себя⁶. Устройство города

⁶ «Такой торгово-промышленный город состоял из нескольких соединенных укреплений... Основанием города служило центральное внутреннее укрепление, состоявшее обыкновенно из замкнутой каменной стены; это укрепление носило название *дънешнего града или детинца*; *дънешний* – внутренний, *дъно* – пол, основание. Такой детинец строился обыкновенно на углу, образуемом слиянием двух рек... Каждый такой внутренний город назывался еще *кромом*...» [Ключевский 1989: 196]. В. Даль рассматривает *кром* как *кремль*, делая замечание, что «в Пскове был и *кромь*, а внутри его *кремль*, за *кромом* же было застенье, *слобода*»; *кром* – внешнее городовое укрепление, в противоположность *детинцу* или *кремлю* [Даль 1998: II, 486]. «Вне *детинца*, заселенного правительственными и военными людьми, располагалось торгово-промышленное население. Это поселение, возникшее за стенами *детинца*, в XII–XIII вв. называлось *местом* (именно в Южной Руси) – слово, родственное с польским словом, означающим город. В Северной Руси это поселение получило название *посада*» [Ключевский 1989: 196-197]. Поясняя этимологию этих слов, Ю.

выглядело следующим образом: «Древнерусский город состоял из трех экономических и административных частей: из кремля, где обитали власти, церковные и мирские; из посада, где обитали торгово-промышленные люди; из слобод, особых городских обществ, из которых каждое жило одним известным занятием. Слободы... походили на цехи... основой экономического быта каждой из них служило одно известное занятие, соединенное или нет с хлебопашеством» [Ключевский 1989: 201]. Общество XIII–XV вв. на Руси состояло из двух разрядов лиц. Высший разряд составляли служилые люди при князе, то есть бояре и слуги вольные, а также невольные, дворские или дворные (позднее дворяне). Низший разряд составляли *черные* люди (в XV в. их называли *земскими*). В составе *черных* людей были и горожане, и сельчане – свободные крестьяне. Выражение *черный человек* в конечном счете означало человека среднего сословия, лично свободного, не стоящего в личной зависимости от человека более высокого социального положения. Происхождение выражения *черная сотня* связано с термином *слобода* и с устройством города-посада. *Черные сотни* – «это разряды, или местные общества, на которые делились низшие торговцы и ремесленники города Москвы. Каждая черная сотня составляла особую местную корпорацию, общество, которое управлялось так же, как общество сельское, то есть выбирало своего старосту или сотника... *Черные слободы*... состояли из торговцев и ремесленников, приписанных ко дворцу и служивших по дворцовому хозяйству. ...каждая из них также составляла особое общество с выборным старостой. Названия, обозначающие характер повинностей этих слобод, до сих пор уцелели в топографической номенклатуре нашей столицы... Если черные сотни и слободы в отличие от высших разрядов купечества *можно приравнять к нынешнему мещанству*, то каждую из них можно считать цехом» [Ключевский 1989: 126-127]. Следовательно, черные сотни – это особая часть московского мещанства, имевшая отдельный правовой статус («общество»). Этот вид и статус черные сотни сохранили до начала XX в., когда они выступили в качестве жесткого противника революционного движения. Представители черной сотни к началу Первой мировой войны составляли ядро трех «Союзов русского народа», занимавших крайне правую, консервативную, антиреволюционную, антибольшевистскую и антисемитскую позицию. В качестве характеристики *черносотенства* (понятия начала XX в.) В. И. Ленин отмечал «темный мужицкий демократизм» [Ленин 1973: 18].

Степанов пишет: «Др.-рус. *место, посад* связаны с понятием *мещанство*. Др.-рус. *детинец, кром* соответствуют герм. *Vurg* и связаны с понятием бюргерство» [Степанов 2001: 658].

Посадские люди в XVII в. принадлежали к средним слоям общества, несшим некоторые воинские повинности. Главной их повинностью было несение денежного тягла на покрытие военных издержек государства. Статус посадских людей, как и других слоев общества, определялся не объемом их прав, а видом государственных повинностей. Гарантией их исполнения была «крепость» – прикрепление к тяглу, а для обеспечения последнего приписывание к конкретной посадской общине [Платонов 2011: 297]. Это определяет финансовый характер городских податных общин, основной функцией которых была разверстка податей между членами общины и круговая порука в их уплате. К этому и сводилась самостоятельность в управлении общиной. В остальном господствовало приказное управление. Но к XIX в. выражение *посадские люди* исчезает из употребления.

Слово *мещанин* происходит от слова *место*, имеющего старославянские, древнерусские и украинские аналоги польскому *miasto* («город»), которое в свою очередь представляет собой кальку со средневекового немецкого *stat* («место, город»). М. Фасмер пишет, что в России широкое употребление слова *мещанин* получает в начале XVIII в., а происхождением оно обязано польскому *mieszczanin* («горожанин»), которое представляет собой кальку немецкого *burger*. *Мещанский* первоначально означало «городской» [Фасмер: 1996: II, 167]. Через украинскую и белорусскую среду слово попало в русский из польского языка не позже XVI в. Активное распространение слова связано с интервенцией Речи Посполитой в Московское государство в начале XVII в. Но негативное отношение земского ополчения, Русской православной церкви и населения в целом к полякам и католическому Западу могло повлиять на смысловую нагрузку слова. Слово прижилось на русской почве именно вследствие того, что не содержало никакой политической окраски и его значение ограничивалось чертами жителя города или местечка. Позднее им стали обозначать горожанина низшего сословия. Оно соответствовало режиму централизованного и произвольного формирования сословий, свойственного самодержавию вплоть до 1917 г. Это одно из проявлений имперского принципа организации российской политической системы.

Итак, *мещанин* буквально – житель места, или посада. Уже в Московской Руси *мещанами* иногда назывались «черные градские люди», низший разряд городских жителей (мелочные торговцы, ремесленники, поденщики), но более распространенным их названием было *посадские люди*. Затем слово *мещане* вытеснило словосочетание *посадские люди*. В соответствии с манифестом 1775 г. посадские люди были разделены на

купечество и мещан, мещанами названы все городские обыватели, не имевшие права записи в купечество. В «Городовом положении» 1785 г. *мещанами* названы все представители третьего сословия («среднего рода людей»), а название *посадские* сохранено лишь за теми городскими обывателями, которые не принадлежат ни к именитому гражданству, ни к купечеству, ни к цехам. В. И. Даль определяет мещанина как «горожанина низшего разряда, состоящего в подушном окладе и подлежащего солдатству», а мещанство – как состоянье или сословие мещан [Даль 1998: IV, 409]. В Российской империи 1775–1917 гг. мещанами именовали податное сословие, состоящее из ремесленников, мелких торговцев и домовладельцев, которые объединялись в податные общины по месту жительства для распределения государственных податей и наделялись некоторыми правами самоуправления. До 1863 г. мещане по закону за определенные преступления и провинности подвергались телесным наказаниям, были ограничены в свободе передвижения и юридически неполноправны. В 1866 г. мещане Европейской России были освобождены от подушной подати, замененной налогом с недвижимого имущества в городах, посадах и местечках, уравнившим их со слоями населения, имевшими право собственности. Это равенство в налогообложении поставило мещан в положение лиц, имеющих гражданские права и подчиняющихся общему гражданскому праву. В 1904–1906 гг. были сняты другие ограничения для лиц бывших податных сословий. Мещанство каждого города, посада или местечка начала XX в. было объединено в *мещанское общество* и юридически признано субъектом имущественных прав. Среди прав мещанских обществ до 1900 г. было право исключения из них членов, чем-либо опорочивших себя, последствием чего было предоставление исключенных в распоряжение правительства и высылка в Сибирь.

По нормам начала XX в. мещанское состояние приобретает посредством приписки к мещанскому обществу по решению этого общества. Лица, уже принадлежащие к крестьянскому или мещанскому обществу другого города, должны были там «открепиться». Процедура «приписки» сохраняет в правовом статусе мещан черты крепостного права и, в частности, существенные ограничения права свободного передвижения⁷. Правовой статус («гражданское состояние») мещанина передается по наследству.

⁷ Сразу же возникают ассоциации с советским («прописка») и нынешним временем («регистрация» – иностранное слово взамен крепостной терминологии при сохранении сути процедуры и ограничения прав).

Это значение слова *мещанин* сохраняется в русских словарях до середины 1930 г. Но появляется второе, переносное его значение – «человек с мелкими, ограниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором». Последнее подтверждается словами М. Горького: «Театр, обнажая перед зрителем гнуснейшую сущность мещанина, должен возбуждать презрение и отвращение к нему» [Горький 1953: 353]. Эволюция взглядов А. М. Горького на мещанство показательна, она есть отражение процесса нарастания идеологизированных оценок и представлений части общества о мещанстве под влиянием большевистской пропаганды, вследствие общей оппозиции мещанства революционному движению и прямых конфликтов с ним консервативных охранительных союзов, социальную базу которых составляли «черные сотни». Эта эволюция начиналась с нейтрально-бытового описания данного социального слоя в пьесе «Мещане» (1903), затем сменилась двойственным отношением к нему – как консервативной антиреволюционной силе, тормозящей развитие общества, с одной стороны, и как мощного доминирующего слоя, с другой, и, наконец, завершилась резко негативными политическими оценками мещанства. Эти оценки проникли и в советские русско-английские словари, где мещанство переводится как «филистерство» (Philistinism). Филистер же до недавних пор трактовалось как «самодовольный мещанин, невежественный обыватель, отличающийся лицемерным, ханжеским поведением» [Советский... 1989: 1429]. Эта негативная политическая и этическая оценка мещанства резко контрастировала с европейскими представлениями о «третьем сословии», отсюда трудности с переводом названия пьесы А. М. Горького. По-английски оно передается как «Smug Citizens» – «самодовольные, ограниченные, чопорные граждане». До нашего времени слово *мещане* дошло уже почти лишь в переносном значении. Последнее установилось в последние десятилетия XIX в., хотя предпосылки к этому создавались ранее. Произошел обмен значениями между словами *мещанин* и *обыватель*.

У В. И. Даля *обыватель* (от глагола *обывать*, то есть жить оседло, постоянно) обозначает жителя на месте, водворенного, посаженного прочно, владельца места или дома. Это более широкое по объему понятие, включающее сельских и городских обывателей. *Обыватель* – синоним *горожанина, посадского, слобожанина, жителя местечка или пригорода* [Даль 1998: II, 1633].

Законы Российской империи более четко определили соотношение всех этих понятий. В государственном праве Российской империи отношение государства к своим подданным устанавливается посредством

деления всего населения на следующие состояния: дворянство, духовенство, городские обыватели, сельские обыватели, инородцы. Фактически фиксируется особое отношение государства к каждому из состояний, что свидетельствует об отсутствии общего формального юридического отношения государства ко всем категориям подданных. Есть множество исключений, касающихся представителей того или иного состояния, проживающих не в столице или привилегированных городах⁸, а в разного территориального подчинения городах, в центральных губерниях или Сибири, приграничных территориях и т. д. Это изъятия из гражданских и, в особенности, из политических обязанностей и прав подданных. Такая фрагментарность и неуниверсальность государственного права свидетельствует о неравенстве в подданстве. Отсюда возникает потребность государства в армии чиновников, способных урегулировать разные правовые ситуации, и, как следствие, произвол чиновников, связанный с возможностью неоднозначного толкования бесчисленных и противоречивых норм.

В «Законах о состояниях» есть выражения *городские обыватели вообще, городские обыватели в особенности, действительные граждане, почетные граждане, мещане*. Статья 493 «Законов о состояниях» гласит: «Под именем городских обывателей *вообще* понимаются: 1) все те, кои в городе или старожилы, или родились, или поселились; 2) лица, имеющие в городе дома или иное строение, или место, или землю; 3) записанные в гильдии или в цехи; 4) те, которые отправляли службу городскую или записаны в оклад. *Примечание*. Все лица, поименованные в сей (493) статье, хотя причисляются к составу городского общества по собственности их или по жительству, но не считаются действительными гражданами и, обладая собственностью в городе или имея в нем жительство, сохраняют однако особое свое состояние и права, оному присвоенные. Статья 494: Под именем городских обывателей *в особенности* понимаются лица, причисляемые законом к среднему роду людей. В сем смысле к состоянию городских обывателей, под общим названием *граждан*, принадлежат: 1) почетные граждане; 2) гильдейское купечество, местное и иногородное; 3) мещане или посадские; 4) ремесленники или цеховые; 5) рабочие люди» [Законы о состояниях 1895: 155].

Каждого повышения в состоянии человек должен был добиваться у верховной власти личным прошением, пройдя несколько инстанций⁹, получив разрешение ряда чиновников и подконтрольных им «обществ»

⁸ Царском Селе, Гатчине, Павловске, Ораненбауме, Петергофе, Стрельне, Кронштадте.

⁹ Казенной палаты, в особых случаях Министерства Финансов и Внутренних Дел, для низших слоев – мещанской или ремесленной управ и проч.

(дворянских, городских, мещанских и пр.). Это касается и состояния почетного гражданства, которое могло быть приобретено по личному ходатайству и при многочисленных ограничениях и особых правилах. В результате длительной процедуры ходатайства звание жаловалось Императором именным указом. Необходимым условием получения звания была политическая благонадежность.

Массовое употребление слов, связанных с историческими названиями горожан, есть череда следующих слов: *гражданин* (1. старец градской, 2. господин (господарь) – церковно-славянское и вечаево, X–XII вв.), *посадские люди* (XIII–XVII вв.), *мещане* (XVI–XX вв.), *обыватели* (XVIII – нач. XX вв.). Смысловое ядро всех этих слов образуется значением «житель города», оно и составляет глубинный, бессознательный пласт ментальности современных россиян. Исторический процесс смены этих слов нельзя назвать линейным. Само слово *гражданин* периодически всплывало в русской истории – в «дворянском» языке, в лексике революционеров-демократов, в советских конституциях, где оно получило статус официального термина. Однако в целом понятие *гражданин* в официальном и бытовом употреблении, в законодательных актах государства не имело политического звучания, не обозначало политического аспекта в отношениях верховной власти и отдельного человека вплоть до начала XX в. Политический аспект отношений государства и индивида несло на себе понятие подданного. Термин *гражданин* имел лишь социально-экономическое значение горожанина, представителя городских слоев общества, одного из разрядов общества, находившегося наряду с другими разрядами в рамках российского общегосударственного подданства. Лишь с начала XIX в. в понятие *гражданин* начинает привноситься политический смысл. Но это не итог процесса концептуализации явлений российской реальности, а результат идейных заимствований европейских понятий и революционного опыта, особенно Великой Французской революции. Одно из направлений заимствований – это линия А. Н. Радищев, декабристы, революционеры-демократы. Это направление отечественной мысли в конце концов привело к пониманию гражданина в рамках советской идеологии.

Понятие гражданина в России XIX в. в той или иной степени употреблялось представителями нескольких течений политико-правовой мысли. Однако в рамках революционно-демократического направления политической мысли оно приобрело особый характер и смысл. Влияние европейского Просвещения и идеологии либерализма на российских революционеров-демократов очевидно. Очевиден и порыв последних к революционному преобразованию российской действительности с помощью ев-

ропейских идей. С этого момента в российском понятии *гражданин*, как и во многих других общественно-политических понятиях, можно зафиксировать отрыв от реальности. В нем закрепляется, с одной стороны, идеал – в его качестве выступает европейский (французский – *citoyen*) гражданин, член нации-государства, а с другой – с оглядкой на не до конца осознанную невозможность реализовать этот идеал на русской почве, акцентируется не значение законопослушного гражданина как субъекта конституционного и гражданского права, а значение гражданина, оппозиционно, радикально революционно настроенного по отношению к правительству и государству, культивируется «революционная сознательность». В этой смысловой наполненности слова *гражданин* – отзвуки веры и личного пути спасения христианских подвижников-аскетов, способных личным подвигом преобразовать (спасти!) мир в космических масштабах.

Однако разрыв между содержанием понятия *гражданин* и отсутствием этого феномена в реальности порождают ситуацию идеологизации, желаемое, идеал гражданина, революционеры стремились утвердить вопреки действительности, вопреки даже тому социальному слою, который должен составлять социальную базу гражданского общества и правового государства – «среднему роду людей», мещанам, обывателям. В этом истоки и будущей советской ситуации расхождения норм официальной идеологии, утверждающей «равенство граждан», и реальности – полного бесправия рядового населения. С употребления слова *гражданин* декабристами и революционерами-демократами начинается процесс, приведший в конечном итоге к подмене понятий, к параллельности миров номинального и реального гражданства. На русское слово *гражданин*, обозначавшее социально-экономический разряд населения, не имевшего юридически строгой и полной фиксации прав и обязанностей, не обладавшего даже полнотой гражданских прав, фактически не имевшего публично-политического статуса (при слабости городского самоуправления), было наложено понятие гражданина, содержание которого представляло смесь европейских и отечественных либеральных, революционно-демократических, марксистских и большевистских идей.

Все варианты официального и повседневного употребления слова *гражданин* и его синонимов свидетельствуют об исторической тенденции сдерживания развития его политического аспекта. История России до XIX в. в этом отношении распадается на два принципиально различающихся периода, водоразделом которых является окончательное утверждение Московского государства (XV–XVI вв.). На протяжении первого периода слово *гражданин* употреблялось в нескольких значениях, наряду с другими включая политический, точнее, протополитический

смысл: гражданином в Новгороде, Киеве и ряде других городов именовался человек, участвующий, по крайней мере, в непосредственном осуществлении власти, в вече. Для второго периода характерно резкое изменение содержания слова: в нем доминирует тенденция смысловой редукции до значения одного из разрядов городских обывателей.

Период после Февральской революции 1917 г. до октябрьского переворота, когда Временное правительство провозгласило учреждение Российской республики и равного для всего населения гражданства, был слишком короток. Декларации не успели воплотиться в полноценные политические и государственные институты, и в последующем массовое сознание – не без старания большевиков – утратило саму память о тех исторических событиях и упущенных возможностях.

В советские времена употребление слова *гражданин* было двойственным – существовало формальное и неформальное, парадное и рутинное, декларативное и реальное его употребление. Произошла подмена реальности идеологией, слово *гражданин* официально и повсеместно употреблялось, но в особых контекстах. Да, было «Я – гражданин Советского Союза!» В. Маяковского. Однако поэт восхищался заграничным паспортом СССР¹⁰. Пафос по поводу советского гражданства был составной частью идеологического мифа, навязываемого официальной пропагандой. Реальность все же давала о себе знать: недаром слово *гражданин* вне торжественных мероприятий (съездов, собраний, школьных линеек, актов государственной регистрации гражданского состояния) приобрело уголовно-карающий смысл. Гражданином именовали человека, который должен ответить за существующие или приписываемые проступки перед государством. Слово *гражданин* не несло объединяющего смысла, не было знаком причастности к кругу равных, как, например, «товарищ».

Собственной отечественной концептуализации данного понятия как понятия политического, выражающего политическую субъектность горожанина, хотя бы в масштабах политической организации города, не произошло. Слово *гражданин* является многослойным и до конца не определенным концептом русской культуры. Бессознательный слой данного концепта составляют следующие пласты. Исходный, самый

¹⁰ Кстати сказать, союзное гражданство юридически существовало исключительно за пределами СССР, внутри страны оно было юридической фикцией, поскольку существовало гражданство республик в составе союза, и союзное гражданство в таком случае являлось надгражданством. Впрочем, и внутреннее, республиканское гражданство фактически гражданством в европейском смысле не являлось.

глубокий пласт возник в период Киевской Руси и Новгорода (до XV в.). В нем заключено некое синкретическое содержание – единство следующих аспектов: 1) связь гражданина и города, зафиксированная во внешней и внутренней форме слова; 2) религиозного; 3) военного («участие в обороне города»); 4) экономического; 5) социального (представитель высшего купечества); 6) политического (участие в вече и совете господ). Это недифференцированное единство, связанное с заимствованием значений из греческого языка, и потому остается актуальным анализ его адекватности древнерусскому явлению. Эти аспекты здесь – лишь неразвитые зачатки и явления, и слова, обозначающего его.

Второй пласт образуют значения данного слова и синонимичных ему слов *посадский человек, мещанин, обыватель*, употребляемых в период Московской Руси и Петербургской империи. Наметившаяся было дифференциация исходных аспектов концепта в качестве самостоятельных понятий в полном смысле не произошла. Процесс дифференциации был вытеснен процессом редукции первоначального многообразия значений к одному единственному – «горожанин, представитель одного из разрядов городских жителей, принадлежащих к подданным империи». Причиной данной редукции является процесс политической организации общества по имперскому принципу. Это результат сознательной социально-экономической и политической оценки данного слоя самодержавной властью, и ее действий в соответствии с собственной волей и этой оценкой. Употребление понятия «гражданин» представителями русского либерализма не оказало существенного влияния на смысловую наполненность данного понятия для основной массы населения.

Одновременно шел процесс появления новых смысловых оттенков данного слова. Он связан с терминологией и идеями революционеров-демократов. Эта линия концептуализации привела к образованию третьего пласта концепта – «советский гражданин». Смысловое поле данного концепта в этот период распределяется между двумя полюсами: 1) как мифологема советской идеологии слово стало заключать в себе значение «гражданин СССР – активный, сознательный строитель социализма и коммунизма», «проводник линии ВКПб – КПСС»; 2) как термин уголовного права, доминирующего в системе права советского государства, *гражданин* почти слилось с «преступником», или, во всяком случае «лицом, подконтрольным государству, тем, кому положено держать перед государством ответ». В среднем же, общем употреблении к эпохе «застоя» термин *гражданин* приобрел нейтральный, размытый

смысл, традиционный для русской истории – «жителя, лица, принадлежащего государству».

Сознательный актуальный слой понятия *гражданин* до недавних пор составляли значения данного термина, представленные в Конституции РФ (1993), современных российских законах, словарях и учебниках. Однако эти значения не стали в России доминантой коллективных представлений о гражданине, достоянием массового сознания. Доминирующий смысл слова не изменился коренным образом за годы «перестройки». Значение гражданина как субъекта конституционных прав и обязанностей – политических, гражданских и социальных – не приобретает за последние десятилетия устойчивости, аналогичной европейской. Гражданин как концепт европейской культуры – это автономный субъект города, гражданского общества, нации, государства, права, цивилизации. Все аспекты концепта взаимно уравнивают и дополняют друг друга, создавая смысловое пространство целостного феномена. Наличие каждого из них – необходимость, выработанная бесчисленными практическими и теоретическими поисками, политической практикой и опытом европейской истории. В России все эти линии концептуализации понятия размыты, не доведены до конца. Собственный концепт обладает рыхлостью, фрагментарностью, незрелостью. В 1990-е годы на фоне энтузиазма общественно-политических преобразований этот концепт был обогащен европейским образцом. Веря в возможность серьезной политической модернизации, развития демократии, гражданского общества и правового государства в России, реформаторы учредили ряд политических институтов, призванных реализовать права и обязанности гражданина – разделение властей, федерализм, конституционность, парламент и другие. Однако уже начиная с 1993 г. постепенно приходило осознание невозможности быстрого достижения идеалов и необходимости исследования факторов, осложняющих модернизационные процессы в России. Новые знания о гражданине и нормах его взаимодействия с государством оказались новой утопией, в которой вместо отечественного варианта марксизма был представлен отечественный вариант либерализма, заключающий в себе идеализированное европейское содержание, очищенное от европейской истории данного концепта.

Практика свидетельствует о том, что всегда существует разрыв между понятием и явлением, формальной и содержательной их сторонами. Но именно исторический контекст определяет глубину этого разрыва и возможности его преодоления. Одной из причин того, что на российской почве разрыв между формальным, декларативным содержанием концепта «гражданин» и его реальным практическим

наполнением не сокращался, является то, что понятие гражданина, как и многие другие понятия, пройдя этап калькирования европейских слов, не достигло этапа практического освоения всех тех объективных политических институтов и механизмов, которые призваны трансформировать слова в реальность. Необходимо исследовать факторы, препятствующие развитию политической модернизации в России. У большинства населения к концу 1990-х годов на фоне отсутствия видимых материальных результатов реформ возникла апатия, разочарование в идеалах демократии и возврат к ощущению ничего не значащей роли гражданина в политике. Идеалы вновь обернулись утопией.

Анализ политической практики и официального дискурса 2000-х и 2010-х гг. показывает, что в последнее время руководство страны отказывается даже от деклараций о демократии и политической модернизации. Однако и риторику в духе консерватизма трудно считать долговременной политической стратегией, поскольку это более похоже на имитацию идеологии, ведь возврат к традиционным ценностям маловероятен в XXI в. В реальной политической практике невозможно выявить каких-то направлений, помимо политики сохранения и приумножения власти и ресурсов верхушкой элиты, а также недопущения формирования даже потенциальных субъектов политики и хотя бы минимальной общественной самоорганизации. Все остальные меры государственной политики в отношении проблем общества носят характер постоянно запаздывающего реагирования и экономии на социальных программах, здравоохранении, образовании, культуре. Население вернуло к советским идеологемам. На короткий период часть населения обрадовалась этому, другая часть сделала вид, что верит. Надолго ли? После взрыва псевдопатриотизма и псевдогражданственности (по поводу присоединения Крыма), после разбуженных официальной пропагандой и возведенных к высокой ненависти и агрессии потребностей ощущать себя гражданином Великой державы, к населению медленно приходит отрезвление. Веры в серьезную политическую роль гражданина даже пропаганда не способна вселить, поскольку реальность абсолютно другая. Однако любовь к Родине и культ лидера – не одно и то же. Отождествление государства с элитой и лидером не может вывести страну из кризисов и не может стать долговременной стратегией, поскольку парализует инициативу и самостоятельность рядовых граждан, их веру в потенциал объединения усилий ради решения проблем «общего блага».

Бессознательный слой ментальности – понимание гражданина как любого жителя, сельского ли, городского ли, принадлежащего государству, вновь выступает в качестве константы русской культуры,

мотивирующей стереотипное поведение людей. В историческом слое этого концепта – бессознательные представления, ментальность прошлых поколений. Этот слой является константой русской культуры, основой мотивации, проявляющейся в устойчивых стереотипах деятельности современного индивида в России. Эти духовные стереотипы – отношение к государству как надличностной силе и неостребованность конституционных прав со стороны гражданина. Но есть еще и неотрефлексированное самоощущение в качестве «простого советского человека» – обывателя.

Фигура постсоветского обывателя, самого массового социального слоя в нынешней России, требует особого внимания. В социальном положении и политико-правовой культуре, сознании, ментальности постсоветского обывателя присутствует двойственность. Он обладает неким «русским комплексом» (А. Колесников), комплексом превосходства и неполноценности одновременно. Оба полюса этого комплекса порождают опасные тенденции, которые необходимо четко осознавать: ксенофобию, национализм, психологию нетерпимости. Черты политического и правового сознания большинства россиян хорошо известны: патернализм, этатизм, иждивенчество, уравнилельная психология, правовой нигилизм, сочетание представлений о том, что совесть и правда выше закона, с представлением о том, что выше закона и права в России сила и власть. Такая ментальность является благодатной почвой для коррупции и преступности, поскольку обыватель в массе своей не верит в эффективность законопослушного и лояльного поведения, а предпочитает неформальные (теневые, силовые) способы в решении своих проблем. Недоверие к властям почти всех уровней и ветвей сочетается в политическом сознании массового индивида с остатками веры в сакральную природу власти. Обыватель – это весьма неустойчивая фигура, обладающая манипулируемым сознанием.

Можно ли идентифицировать такого обывателя с гражданином? Способен ли обыватель обрести собственное достоинство, адекватную самооценку, избавиться от комплексов, обрести персональную ответственность за личную судьбу? Возможна ли реабилитация обывателя в нашей культуре, поскольку без этого он останется мещанином и филистером, ограниченным, консервативным типом, способным привести к власти отнюдь не умеренных националистов? Однако к культурной реабилитации частной жизни обывателя хорошо бы добавить культуру его публичной, политической жизни. Но это, похоже, из области фантастики...

1.3. Концепты «государство» и «личность» в российской истории и культуре

На фоне очередного возбуждения интереса СМИ к политическому самоопределению России в качестве «Великой Державы» и научных дискуссий о характере ее политического режима, для характеристики которого используются такие выражения как *либеральная империя, система манипулятивной, или управляемой, демократии, электоральный авторитаризм, система фантомов, заменяющих реальную политическую жизнь, олигархический капитализм* и тому подобные, уместно обратиться к соотношению концептов государства и личности. Отражая взаимодействие этих феноменов в реальности, соотношение этих концептов выражает спектр возможностей для становления гражданина.

В соответствии с исследованиями М. В. Ильина, в Западной Европе развитие понятий, выражающих идею государственности, представляет собой процесс смены терминов, фиксирующих усложнение политического целого [Ильин 1994]. В них фиксируется несколько уровней европейской теократической империи – частных политических организаций внутри нее, обретающих первые признаки суверенитета. Эти термины отражают прорастание новых политических субъектов внутри мистического тела империи (*corpus mysticum*). Начиная с позднего средневековья, концептуализация общего понятия, близкого к современному понятию политической системы, осуществлялась с помощью римского понятия республики как универсального обозначения любого политического сообщества. Так у средневековых европейцев появились аналоги – *republica, republique, commonwealth, Gemeinwohl* и другие, обозначающие целый спектр образований четырех уровней – и всю вертикальную империю (*res publica populi Christiani*), и Республику Римлян, и организацию любого сообщества (корпораций – *cuiuslibet civitatis*, сословий), и республику города или любого поселения. К концу средневековья возникает и понятие *состояния* (*status, estate, state, etat, Staat* и др.), которое выразило новый феномен нации-государства. Сначала понятие статуса применялось к монарху и возглавляемому им политическому образованию, к различным корпорациям-республикам, к социальному положению, к имущественному состоянию. Политическая система западнохристианской теократии предполагала существование различных «статусов» внутри католической империи. В ее целом всегда наличествовало множество относительно самостоятельных частей – субъектов. Понятие статуса закрепились за формализованной основой таких систем, как корпорации, поместья, государство в целом. Понятие сословного государства (*Standestaat*), отражающее образование но-

вой формы европейской государственности, складывается в результате парадоксального соединения и смыслового размежевания двух статусов – государства и сословий. В период абсолютизма с утверждением идеи абсолютного суверенного государства и трансформацией политических систем из империй в нации-государства происходит окончательная концептуализация идеи государства-состояния. Понятие политической организации на ранних этапах истории формировалось посредством таких смысловых аспектов: 1) качественно определенное пространство; 2) язык; 3) вера или «закон»; 4) право/правда; 5) принадлежность к сакральной державе; 6) общее происхождение (род, народ, отчина); 7) войско (полк) [Ильин 1994]. Первоначально длительное время для этих смысловых аспектов характерны отождествление и взаимное замещение.

Наметим линию концептуализации политической организации, государства в русском языке. На территории Древней Руси первые известные нам попытки концептуализации политической организации представляют следующие пары слов: *славяне* (свои люди, владеющие одним «словом» или языком) – *немцы*; *земля* (своя земля) – *страны* (примыкающие территории) [Колесов 1986: 186]. Сначала у славян преимущественное значение получило понятие языка – *славяне* противопоставлялись *немцам*, затем на первый план вышла пара *земля* – *страны*.

Славянские термины *род* или *отчина* – еще один смысловой аспект формирующегося понятия о политической организации, фиксирующий общее происхождение. С началом именования нашими предками отчины и земли *державой* происходит усиление политического аспекта понятия. Объединяющее политическое начало, которое держит землю, отчину, язык, олицетворено Вседержителем – сакральным источником и дарителем блага политического единства. Это начало воплощения самодержавного или автократического принципа в понятиях, отражающих формирование имперской политической организации. Развитие имперской системы политической организации связано с различением центра и периферии: терминологически это выражается в противопоставлении *града* и *области*, *стольного града*, *столицы* (княжеского, затем царского стола) и *края*, *страны*. *Столица* (с ее средоточием – *Кремлем*, собственно городом) начинает господствовать над всей подвластной территорией – *краем* (*украиной*), *страной*, простирающейся до пределов, то есть до полосы встречи с другими империями.

Слово *царство*, образованное от титула императора (Цезаря) в форме *царь/цесарь*, становится обозначением для империи и самого имперского принципа. Титул «Государь – царь и великий князь всея Руси» был усвоен московскими государями с середины XV в. Термин *царь* (русская

сокращенная форма слова *цесарь*) с XI в. применялся не в качестве официального титула всех киевских князей, а в качестве обозначения более высокой по сравнению с властью местных племенных или национальных государей – власти римского императора. Царем впоследствии называли хана татарской Орды. Лишь после падения власти и хана на Руси, и Византийской империи, «великие князья всея Руси», считая себя преемниками павших римских императоров, официально приняли этот титул. Под *царем* понимали независимого, самостоятельного государя, никому не платящего дани, никому не дающего ни в чем отчета. Другой термин *самодержец* имел сходное значение. Его развитие шло от обозначения почетного отличия или знака особого уважения древних русских князей (Владимира Св., Владимира Мономаха, Бориса и Глеба) до соединения его с титулом царя, в этом соединении титул *самодержец* обозначал «внешнюю независимость, а не внутреннее полномочие» [Ключевский 1989: 103]. Слово *самодержец* в XV и XVI вв. значило, что московский государь не зависит от другого государя, в нем не было еще значения полноты политической власти, государственных полномочий. Самодержца противопоставляли государю, зависимому от другого государя, а не государю, ограниченному в своих внутренних политических отношениях, то есть конституционному. Главным значением термина *самодержец* была внешняя независимость. Слово *царство* первоначально обозначало достоинство царя, затем обрело значение принадлежности, свойства и, далее, формы проявления царской (имперской) власти. Так сложились существенные характеристики политического целого. Параллельно появлялись термины, фиксирующие внутреннюю дифференциацию имперской организации (Московского царства): типы внутренних владений-доминиумов обозначаются словами *край, область, волость, вотчина, уезд, поместье*; возникали наименования разных по статусу и близости к верховной власти поселений – *город, село, деревня, посад, слобода*.

В. О. Ключевский дает следующую схему смены типов верховной власти на Руси. Первый тип – власть князя. *Князь* – вождь вооруженной дружины, охраняющий Русскую землю и получающий *корм* (вознаграждение). Это «воевода, князь кормленный» – наемный охранитель границы земли. В этом термине нет четких признаков верховной власти – нет ни отношения князя (как носителя верховной власти) к территории, ни политического содержания власти (отношения князя к внутреннему порядку на земле). *Князь* IX, X вв. – оберегатель границ Русской земли с неопределенным территориальным и политическим значением. Второй тип верховной власти, обозначенный титулом «великий князь», содержит и территориальное, и политическое значение, которое принадлежит целому княже-

скому роду, возглавляемому великим князем. Это собирательная верховная власть с постоянным территориальным и политическим значением. *Князь-государь* удельных веков – это земельный владелец удела на вотчинном, то есть наследственном праве. Он владеет территорией с прикрепленными к ней рабами, холопами, челядью, но не владеет свободным населением удела, имеющим возможность перехода из удела в удел. В титуле «князь-государь» воплощается единоличная власть над территорией, политическое значение отсутствует.

Князь не является государем с определенными, постоянно действующими правами над подданными; верховные права его ограничены: он судит, законодательствует, правит, но эти его права есть последствия гражданского договора со свободными людьми. Политические права князя вытекают из гражданских, временных, договорных отношений его со свободными людьми. В удельные века (XIII–XIV) сущность государственной власти выражалась термином *государь*, с параллельной формой *господарь* (в церковнославянских памятниках это ряд слов *господь* – *господин* – *господарь*). Этимология слова *государь* (*господарь*), по версии В. О. Ключевского, восходит к слову *госп'ода*, имевшему два значения: 1) собирательное – собрание *госп'од*, как свидетельствует летопись, так обращались к вечу: «господо братие»; параллельным для *господы* является слово *старш'ина* – собрание старост; 2) отвлеченное значение: *господа* – это владычество, и как предмет владения – хозяйство; *господ'а* – хозяева, а потом *хозяйство*, *господство* [Ключевский 1989: 101].

М. В. Ильин дополняет этимологию слова *государство*. Слово *господь* образуется путем слияния и.-е. *host – чужой, враг, гость, хозяин как участник гостеприимного обмена, и *pot – хозяин, «сам». В этом слове закреплена родовая идея вождя (*го`спода*), организатора регуляции отношений с чужими. Это примитивная политическая функция *господа*. Действительно, исходным было слово *господь* в значении главы рода, мужа, хозяина, выполнявшего еще и сакральные функции (ритуал жертвоприношения, угощение гостей, гостеприимство), а затем – в значении вождя. Тогда *госпо'да* – это совет вождей нескольких племен, или союза племен. С призыванием князей на Русь происходят изменения. Протополитические функции и *господа*, и *господы*, состоящие во внешнем общении с чужими, князья перетягивают на себя, начиная вмешиваться и во внутренние дела славянских племен. Из наемников «на корме» они превращаются во владельцев территории, но в эпоху Киевской Руси этой территорией владеет княжеский род в целом. С христианизацией Руси слово *господь* было перенесено «на горнего подателя благ, покровителя своих (православных) и защитника от чужих (поганых)... Промежуточное, собственно политическое

значение организации отношений с другими политико-потестарными сообществами на время перешло в латентное состояние...» [Ильин 1994: 134].

По В. О. Ключевскому, политическое значение в Киевской Руси нес на себе княжеский род как целое. Но требовалось какое-то именование для князей и для отдельных владельцев. В этих условиях произошло разделение и изменение терминов. *Господом* стали называть Бога, *господарем* – любого хозяина, в том числе и удельного князя. В удельное время князья носили титул «князь-государь». Возможно, общеславянское слово *господарь* в результате фонетического переоформления превратилось в *государь*, а *господин* стало употребляться для обозначения любого частного владельца. В. И. Даль пишет так: «Господь – встарь государь, господин. Ныне – Всевышний, Бог, Создатель. Господин могло встарь употребляться вместо господь и государь; владыка, владелец; держащая власть на месте или в доме; барин, помещик, хозяин; кому покорны чада с домочадцы и слуги, или у кого есть подвластные. Господином чествуют людей по званию, должности их, но не свойственно нам ставить слово это перед прозванием, как на западе (Г-н купец, г-н кавалер)» [Даль 1998: I, 951]. Результатом трансформации этого ряда слов стало, в частности, значение слова *господин* как уже лишённого всякой сакральности хозяина, владельца дома (с имуществом и домочадцами) или места. Общий и.-е. корень **protes* у слов *господин* и *деспот* сохраняет в первом слове значение хозяина дома, обладающего полной властью над домочадцами. Русь как политическое целое могла бы получить наименование *господство*, но получила *государство* (от *государь*), фонетика разная, но смысл тот же. От обозначения хозяев слово перешло на все хозяйство и стало господством. *Господство*, по В. Далю, имеет два значения: 1) владычество, властвование, владение, управление; 2) область, край, местность одной подчинённости; владение, вотчина [Даль 1998: I, 951]. Московские князья стремились придать иной характер собственному властвованию по сравнению с иными князьями-государями, с одной стороны, и с новгородскими и псковскими хозяевами, называвшимися словом *господин*. *Господин* – единственный представитель *господы*. Именно там, возможно, сохранялись коллективные формы господства – власть *господы* или *веча*, это было исключение из общего правила преобладания в большинстве княжеств принципа вотчинности, имперского принципа. «Господин Великий Новгород» – коллективный хозяин (в экономическом и политическом смысле) над округой. В Московском царстве *господарь* дало форму *государь*.

В древней Руси постепенно начали отличать *государя* от *господина*. Вспомним спор Ивана III с новгородцами из-за титула, *господин* для Ивана III звучало унижительно, ибо уравнивало его статус со статусом Новго-

рода и новгородцев. В *государе* акцентировалась более высокая власть, чем в *господине*, поскольку *господином* назывался хозяин вотчины любого масштаба. *Господин* – только властитель с правом управления, а не собственник с правом распоряжения, отчуждения и уничтожения.

Четвертый тип верховной власти связан с титулом «Государь – царь и великий князь всея Руси». Носитель титула – наследственный властитель Русской земли и как территории, и как национального союза. В политическом содержании этого типа верховной власти сведены черты предшествующих ее типов: это и территориальный хозяин Русской земли, и старший из всех государей Руси, и верховный властитель Русской земли как национального целого. Данный титул воплощает территориальное, политическое и функционально-целевое значение верховной власти. Присвоение Иваном IV данного титула целиком (части его присваивались московскими князьями с сер. XV в.) означает усвоение единоличной власти с тройным значением. Он – наследственный владелец всей территории, правитель населения этой территории; его власть определяется целями общего блага его подданных. Последнее формулируется в терминах идеологии «Москва – III Рим», частью которой является миссия главы православного царства. Основанием политического и территориального значения верховной власти служит объединение великорусской народности на территории «всея Руси». Как владелец территории, царь становится властителем великорусского населения. Присвоение данного титула означает совмещение границ удела московского государя с пределами великорусской народности. Удел князя-государя трансформируется в царство «царя-государя и великого князя». Так появляется и термин *государство*.

Название *государство* для обозначения политической системы Московской Руси вызревает параллельно с понятием *царство*. *Государство* вбирает в себя более широкий спектр значений, чем царство, но его нельзя рассматривать в качестве понятия, аналогичного европейским понятиям республики и статуса-состояния. Архаичное понимание власти государя (владельца удела) переносится в эпоху позднего средневековья на новое явление объединения великорусской народности в единое политическое целое. Важен еще и способ формирования этого целого – соединение частных примыслов московских князей с завершающим принудительным захватом-завоеванием Новгорода и ряда княжеств.

В условиях формирования Московского государства как вотчинного самодержавия, политические и хозяйственные функции правителей – владельцев (*князей-государей*) практически не различались, собственность и власть составляли одно целое. Над термином *князь-государь* был надстроен термин *царь-государь*, в котором соединились значения обоих терми-

нов, частный владелец превратился еще и в преемника и обладателя сакральной власти над державой, то есть государством. Получается, что государство и господство – это одно и то же. Но если данное господство от трансцендентного Господа, а не земного хозяина, тогда православное царство, называемое государством, есть сфера власти Господа Небесного, Бога православных христиан. Поэтому трудно установить границы данной сфере, ведь они открыты в бесконечность, это государство есть везде, где есть православные. Царь земно, как наместник Царя Небесного на земле в принципе обладает той же властью и требует того же повиновения себе. Царя земного перестали называть господом, но смыслы старого употребления *господь* (хозяин дома) и нового (Господь православных), слились.

Государство вначале понималось в качестве достоинства и атрибута государя, восприявшего благодать и власть от Царя Небесного (Господа) и передающего ее населению, земцам – соотечественникам, а также как принадлежность хозяина в собственном доме – вотчине. С кризисом вотчинного уклада достоинство и атрибуты государя переносятся на политическую организацию, на объединенную великорусскую народность и, наконец, отождествляются с этой политической организацией. Идея государства начала отделяться от лица (государя) и стала связываться с понятием о народе. Соотношение явлений и понятий о них – государя, государства, народа, становилось иным.

Доминирование имперского принципа в политической организации России вплоть до недавнего времени не отменяет того факта, что в России имело место и становление новой государственности на основе начавшихся попыток усвоения политической модели нации-государства. Этот процесс начинал проявляться с XVII в. путем более четкого определения пределов и границ, прежде всего в связи с демаркацией границ с Речью Посполитой, которая отчасти усвоила принципы территориальности и политического самоопределения не от центра к окраинам, а от границы внутрь государства. Польское влияние сказалось в возникновении в русском языке слова и понятия *граница*. Этот факт свидетельствует о внесении в понимание государственности современных смыслов. Граница – это атрибут государства как статуарной политической организации, но не царства или отчины. Граница объединяет всю совокупность лиц внутри нее. Однако усвоение принципа территориальной государственности в России произошло лишь в XIX в., с включением России в число государств Европы. Это отразилось и в формировании в это время близкого к западноевропейскому пониманию государства и государственности.

Смена именованья русскими собственного государства с X по XVIII вв. происходила так: «...язык – земля – страна – государство – царство –

держава – империя. Данные в этом перечне слова возникали одно за другим, отражая последовательную смену представлений о земле, стране, державе, поскольку каждый новый поворот понятия о новом в развитии социального и политического устройства требовал и нового термина» [Колесов 1986: 277]. В истории значения слов этой последовательности менялись параллельно изменению политической реальности, обобщаемой в этих понятиях.

В. М. Ильин, исследуя эти понятия, намечает три этапа развития понятия государства. Сначала это *земля* со своими синонимами (архаичным языком, ориентированным на внешние взаимодействия, державой, ориентированной на выражение сакрально санкционированной сути системы). Общего понятия нет. Собственно, *земля* – это Русская земля. Общая идея этого политического образования могла бы быть выражена с помощью слова *земство*. Это слово появилось позже, но в нем сохранилось значение непосредственно родового или общественного характера природы земства как самодержавия, самоуправления населения. Значит, если в древности слово *земство* не появилось, то не было и соответствующего явления, то есть вторая сторона образования государства – население присутствовало в скрытом виде, но не требовало особого слова для собственного выражения, следовательно, как бы и не участвовало в образовании государства.

Имперский этап дал такие синонимы, как *царство*, *государство* и снова *держава*. Внешний опыт знакомства с нациями-государствами, возникновение европейской международной системы заставляют использовать слово *государство* в более широком значении статуарного политического образования. Новый этап возникает с присвоением международного имени *империя* прежним *царством–государством–державой*. Слова *царство* и *империя* различаются как обозначения качественно отличных поколений имперской организации: Московского царства как Третьего Рима и Петербургской империи как Рима Четвертого. Понятие *государство* оказалось зажатым между традицией *царства* и реальностью *империи*, уже успевшей подавить начала современного государства. В результате концептуализация статуса-состояния территориальной политической системы не получила своего развития. «Это объясняется особенностями трансформации российской политической системы: аналогичное европейским тенденциям утверждение романовского абсолютного государства в условиях форсированной и односторонней модернизации преимущественно военно-бюрократических аспектов системы, делало Россию скорее империей, чем нацией-государством» [Ильин 1994: 135–136]. В XIX в. за словом *государство* закрепляется родовое значение, а слово *держава* применяется во внешнеполитическом аспекте, и появляются абстракция госу-

дарственности и понятие режима как образа государственного правления, формы государственности.

Следующий этап – провозглашение 1 сентября 1917 г. Временным правительством Российской империи Российской республикой. За недолгое время существования республики Империя не успела стать действительно республикой, а подданные – не успели стать не только реальными, но даже номинальными гражданами. При советской власти произошло внесение новых значений в прежние термины, возникновение юридических фикций, замещение действительности идеологией. Появилось выражение «государство диктатуры пролетариата». Номинально СССР считался союзом республик, а реально воспроизводил многие черты империи, управляемой партгосноменклатурой. Номинально население являлось гражданами СССР, а реально, в силу объема обязанностей и отсутствия реальных прав – подданными. Но помимо союзного еще было республиканское гражданство, что усложняло понимание даже юридического содержания института гражданства в СССР, не говоря о социально-экономическом и политическом. Наличие этой двойственности – союзного и республиканского гражданства порождало и порождает до сих пор различного рода последствия, отягчающие жизнь населения.

В истории России образование понятий о политической организации общества, о государственности было связано с акцентированием лишь одной стороны целого – верховной власти. Государственность в период возникновения Московского царства формировалась на основе принципа империи. Принадлежность к русскому народу и общность народных интересов легли в основу подчинения русского населения московскому государю. Владелец территории стал правителем общества. Зависимость подданных от московского государя приобрела безусловный, постоянный, обязательный политический характер, как сама верховная власть.

Такой характер подданства отменял прежнее право свободного передвижения. Выселение было приравнено к политическому преступлению и национально-религиозной измене. Новый для русской истории тип верховной власти соединил в себе признаки двух предшествующих типов – московский государь стал и наследственным владельцем всей государственной территории, и политическим правителем жившего на ней населения. К территориальному и политическому признаку присоединился еще и национальный: идея национального единства (политического объединения великорусской народности) легла в основание действительной политической власти и притязаний московского государя, который и стал ее единоличным носителем. В понятии государя московского периода сохранились следы понятия «государь» удельного времени. Отсюда **государст-**

во – это хозяйство единоличного политического и территориального властителя; это владычество, господство, собственность государя. Таким образом, в понятии государства представлена одна сторона политического целого – верховная власть, господствующая над целым. Присутствие второй стороны – одного или нескольких субъектов, в русском понятии государства не выявляется. Подразумевается лишь наличие несамостоятельной, исключительно подчиняющейся массы населения в качестве объекта властвования и управления.

Политическое объединение Северо-Восточной Руси под властью московского государя сделало его властителем целой великорусской народности, придало политический характер пространству и содержанию его власти, он предстал в роли творца и символа национального единства, блюстителя национальных интересов. Начав осознавать себя национальным властителем, московский государь оказался связан со своими подданными не личными интересами, а целями народного блага. Возникла новая – безусловно обязательная зависимость подданных от московского государя. Изменения характера верховной власти породили определенные последствия: 1) превращение вольных контрагентов удельного князя в политических подданных московского государя; 2) исчезновение личного гражданского подданства [Ключевский 1989: 307]. Личное подданство холопа удельного князя превратилось в государственное подданство. По Московскому государственному праву лично крепостные холопы государя, слившись с его свободными подданными, передали последним – *служилым людям* – свое юридическое звание «государевых холопов». Свободные лица не стали личными крепостными государя. Новому политическому отношению государя и населения был присвоен привычный термин гражданского (частного) права. Но это звание означало превращение прежних бояр и вольных слуг из временных вольных наемников государя в его вечнообязанных подданных.

Отношения разных классов общества к государю стали строиться не на основе частного договора и частного права, а на основе общего закона, то есть публичного права. Связь между верховной властью и свободным лицом трансформировалась в политическое, принудительное, одностороннее подчинение второго первой, или в абсолютную власть над населением. «Договорные обязательства со стороны свободных лиц превратились в государственные обязанности, а договорные выгоды со стороны князя – в казенное пособие для исправного исполнения этих обязанностей» [Ключевский 1989: 309]. Политический порядок в Московском государстве был основан на государственной разверстке между всеми классами обязанностей, не соединенных с правами. Исполнение государственных обязанностей влекло за

собой соответствующие им выгоды, которые составляли экономические пособия для несения обязанностей, но никак не сословные права, то есть были политическими последствиями обязанностей.

Одной из важнейших общеисторических особенностей российской государственности является преемственность учреждений, стоящих на защите «тайны власти»: «тайной канцелярии», «тайной полиции» и т.д. В отличие от соответствующих учреждений на Западе, в России они обладали особыми структурными чертами – «кольцевым построением», напоминающим строение русского города. Ю. Степанов описывает это построение так: «внутри государева двора выделялся «особый или особый двор», внутри собственной канцелярии – Третье отделение, внутри Секретариата – спецотдел и т. д.» [Степанов 2001: 618]. Структурное сходство тайных учреждений российского государства разных эпох определяется их исторической преемственностью и их общим характером – «личной подчиненностью» правителю-диктатору и методами массового террора. Эти учреждения закрывают российскую власть от общества, делают ее недоступной, тайной, сакральной и, одновременно, принудительной и страшной. Устойчивость эволюции данных учреждений, терминологическое и смысловое родство их наименований видны в следующем ряду: «особый двор» Ивана Грозного в опричнине; приказ тайных дел царя Алексея Михайловича; Третье Отделение Собственной Его Величества канцелярии императора Николая I; Секретариат тов. Сталина и его сращение с некоторыми отделами НКВД (КГБ). Последним звеном в этом ряду является Администрация президента.

В западноевропейском представлении Нового времени о государстве как статусе-состоянии присутствует нормативный аспект – понятие о зафиксированной государственным правом норме отношений между верховной властью и подданными. Этот аспект сочетается с представлением о принудительной власти государства над частными лицами. В России в понятии государства нет акцента на нормативности двусторонних отношений, доминирует принудительный характер верховной власти. До конца XVII в. идея государства в России носила религиозный характер. Воспринятая из Византии киевским князем Владимиром, религиозная идея государства окончательно утвердилась лишь в Московском царстве. Ее развитию способствовали падение Византийской империи и образование Московского государства как единого и независимого. Мысль, высказанная в 1492 г. митрополитом Зосимой, получила теоретическую разработку в посланиях Филофея к князю Василию III и царю Ивану Васильевичу. Это религиозно-провиденциалистская точка зрения, основанная на Св. Писании и аллегорических толкованиях Апокалипсиса: все, что случается

в мире, происходит по воле и Промыслу Божьему и на благо человечества. Учение Филофея утверждает мысль о предначертанном Промыслом перемещении центра христианства из Рима в Византию и из Византии в Москву, где он окончательно утверждается как новый очаг православного мира, несущий провиденциальную миссию. Из этой миссии Филофей выводит predetermined историческую роль Московского государства как центра различных царств православного Востока, а также прерогативы избранника Божьего – царя, самодержавного представителя власти, хранителя и защитника православных традиций, его обязанности и права относительно подданных. Теория Филофея не содержала развитого учения о принципах управления и подданства. Эти принципы были развиты в учении Иосифа Станина (Волоцкого), авторитетом для которого были византийские императоры Константин и Юстиниан. В этом учении содержится признание царя избранником Божиим и верховным охранителем чистоты православия, с соответствующими обязанностями, правами, ответственностью перед Богом.

Игумен Волоколамского монастыря уподоблял власть царя Божьей власти, а повиновение ему подданных – покорности людей Богу или покорности монахов монастырским уставам. Теория Максима Грека касалась справедливости и правды, особенно в области суда. Подобно Фоме Аквинскому, Максим Грек отличает богословские добродетели от моральных, главной моральной добродетелью он считает справедливость или правду. Понятие правды он рассматривает то с религиозно-метафизической, то с нравственной точки зрения, не давая четкого его определения. Правда для него является основой и источником обязанностей и прав государя, особенно в области суда: государь должен соблюдать правду и защищать ее на суде, это ведет к водворению «мира» в государстве и «крепости», оберегающей его от внешних врагов. «"Праведный" государь "сущего надо всеми Бога иметь невидимо соустраивающа себе и соправяща сие земское царство", что и придает его власти сверхъестественное значение и нравственную силу, а также предоставляет ему право требовать от своих подданных безусловного повиновения» [Лаппо-Данилевский 1994: 179]. Эти теории определяли взгляды московских книжников (и даже Ивана Грозного) вплоть до XVII в. Наряду с этими теориями утверждалось официальное учение о более самостоятельном значении московского царства. Ряд сказаний излагали версию о том, что Русь приняла православие от апостола Андрея, а не из Византии, что московские государи происходят от Пруса, брата римского кесаря Августа и т. д. Эти политические фикции были использованы впоследствии Иваном Грозным и перешли в некоторые официальные акты более позднего вре-

мени. Православные учения о государстве давали трансцендентную идею об отношении между государем и подданными. Представители церкви подвергали критике эти теории, возвышая авторитет церкви над авторитетом царской власти (приоритет «священства над царством»), утверждая постулат о повиновении царя церковным догмам и нормам. Эти теории не учитывали записей, даваемых московскими царями боярам в смутное время, и не предвидели роли земских соборов в начале XVII в. Никакой, даже духовной самостоятельности населения не подразумевалось, оно выступало исключительно в качестве объекта религиозно-нравственной опеки царя как главного защитника православия.

В представлениях о государстве Смутного времени начинает чувствоваться различие между государством и формой правления. Однако в качестве способа сохранения Московским государством политического единства рассматривалась верность традиционным формам управления. Земские соборы были использованы царем Михаилом Федоровичем для собственной поддержки именно в целях восстановления порядка в стране. Царь Алексей Михайлович продолжал опираться на православные учения о государстве. Царь подчинился постановлению церковного собора 1667 г., сохранившему за царем верховный авторитет в государственных делах и предоставившему патриарху авторитет в делах церковных. Однако после низложения Никона дуализм церковной и светской власти не мог иметь продолжения, как угрожающий государственному единству, он был упразднен Петром I. В Московском государстве до эпохи преобразований были известны некоторые учения, развивавшие идеи латинской схоластики. Последняя содержала некоторые принципы морали и права, восходящие к доктрине Фомы Аквинского и к идеям Аристотеля. Так в Москве наметился переход от теорий религиозного государства к идеям светского и утилитарного государства, которые опирались на идеи естественного права. Утверждение этих теорий произошло благодаря определенной секуляризации церковного имущества, произведенной Петром I. Теоретическое обоснование эти меры получили в доктрине государственного интереса, соответствующей полицейскому государству Петра I.

В XVII и начале XVIII в. появилось несколько смешанных – православно-утилитарных доктрин о государстве. Взгляды Ордина Нащокина представляют собой попытку сочетания представлений о «Москве – III Риме» и о правде с понятием государственного дела, тождественным для него государственной пользе. С утилитарно-религиозной точки зрения О. Нащокин критиковал республиканский строй как порождающий всяческие заблуждения и возмущения, предпочитая ему монархию, а также с этой же точки зрения рассматривал отношения государя к подданным,

требовал большей самостоятельности для подчиненных властей и более инициативы в городском самоуправлении, рекомендовал введение некоторых европейских учреждений. Работы И. Посошкова содержат сходные идеи. Постепенно начала выделяться доктрина государственного интереса. В ее русле – проект Виниуса: исходя из цели «прибыли великого государя», понимаемой им в меркантильном смысле, и целей общенародной пользы, Виниус утверждает необходимость для подданных учиться и работать. Петр I разделял утилитарное понимание государства, его реформы и были посвящены воплощению этих представлений в России. Отдавая дань традиционным теориям о православном царе и православном государстве, рассуждая о правде и ее роли в юстиции, Петр I выдвигает на первый план понятие о государственном интересе. Государственный интерес для него был тесно связан с понятием «полиции» в широком смысле, в сопоставлении с более узким понятием «рации стата». С идеей полицейского государства, воплощенной в абсолютной монархии Людовика XIV и прусском «Polizeistaat», в России к концу XVII в. уже были знакомы. Эту идею Петр I положил в основу государственной системы. Следуя традициям вотчинного государства, Петр отождествлял пользу государя и пользу государства. Главный регламент утверждает, что интерес есть «прибыток и польза государя и государства». Царь и правительство должны заботиться и о благосостоянии населения, поскольку население полезно государству, для общей пользы царь должен издавать законы, управлять и заботиться о благоустройстве в государстве, оберегать и судить своих подданных. Однако власть его над подданными обязывает последних неукоснительно исполнять приказания царя, быть в беспрекословном повиновении царю. Таким же следованием традициям московских царей в деятельности Петра было то, что интерес государства не был признан им в качестве юридического принципа государственного устройства. Этот принцип, скорее, был правилом его практической политики, чем законом государственного права. Во имя государственного интереса и подчиненного ему общего блага царь устанавливал свои отношения к подданным, вмешиваясь даже в мелочи их частной жизни.

Питая интерес к протестантской культуре, Петр I способствовал распространению некоторых понятий о естественном праве, способных привести к формированию на русской почве юридического понятия о государстве: приказал перевести на русский язык трактат Пуфендорфа об обязанностях человека и гражданина, поддерживал распространение некоторых идей Гоббса. Д. М. Голицын и Феофан Прокопович способствовали распространению произведений Гроция, Пуфендорфа, Локка. Естественное право в России начала XVIII в. распространялось в двух версиях. Петр

I и Феофан Прокопович выше других ценили теорию Гоббса, поскольку ее можно было легко приспособить к самодержавной власти царя. Д. М. Голицын и В. Н. Татищев предпочитали теорию Гроция, которую взяли за основу двух различных проектов 1730 г.

Петр I и Феофан Прокопович представили свои взгляды в трактате «О правде воли монаршей в определении наследника державы своей». Принципы трактата основаны на «слове Божьем», то есть текстах Св. Писания, и на «разуме естественном» в истолковании Гоббса. В рассуждении о происхождении самодержавной власти, установленной от Бога, говорится: «сама наследная монархия ... имеет начало от первого в сем или оном народе согласия, всегда и везде по воле своей, премудро действующу смотрению Божию»; при учреждении наследной монархии народ «воли общей своей совлекается» и отдает ее монарху своему для того, чтобы он владел им «к общей пользе», причем обязуется «аще и не словом, а делом», «единожды воли своей совлекшись», никогда не употреблять ее и повиноваться монарху и его наследникам «во веки». Облеченный такой верховной властью, абсолютный монарх ответственен только перед Богом; он не подчинен законам, которые он дает своим подданным, и исполняет их лишь по своей доброй воле. Он не подлежит суду своих подданных даже в случае нарушения этих законов. Он должен подчиняться законам в случае избрания его при условии соблюдать некоторые ограничительные статьи, на которые он явно изъявил свое согласие. Поскольку русский монарх наделен абсолютной неограниченной властью, «Правда воли монаршей» приписывает ему «*Summem potestatum*», которую Феофан Прокопович определяет по формуле Гроция: «деяния которой ничьей власти не подлежат, так, чтобы они могли быть уничтожены изволением другого человека». Военские артикулы и морской устав Петра I несколько видоизменяют постановления шведского риксдага 1693 г. (шведский король имеет силу и власть облагать своих подданных и правит своим государством по своему усмотрению), фактически они содержат формулу авторитаризма: русский монарх имеет силу и власть управлять по своей «воле и благомнению». Из этих положений в дальнейшем были сделаны выводы относительно прерогатив (прав) монарха, подчинения церкви государству, подчинения учреждений, способных ограничить власть – боярской думы, земских соборов и т.п., самодержавной власти.

«Правда воли монаршей» разъясняет и обязанности монарха, выводя их из законов Божьих, начертанных «Творцом в душах людей». Божественное право является основой естественных законов, к которым и возводились обязанности монарха. Регламенты и указы связывают обязанности монарха с утилитарным понятием о государстве. Основываясь на естест-

венном богословии и на утилитарной политике, можно было выработать понятие о монархе как о первом слуге государства. Петр I выразил эту мысль так: «для общей государственной пользы он персоны своей не щадит» [Лаппо-Данилевский 1994: 182]. Рассуждения Петра I о правах и обязанностях своих подданных вытекали из этих же принципов: государство предоставляет им права, некоторые из них восходят к «естественному закону», а большая их часть соответствует тем услугам, какие они оказывают государству, поскольку подданные должны беспрекословно служить на благо государства. Подданные тем самым становятся слугами государства, то есть в сущности слугами государя, представляющего государство, и ответственны перед ним.

Понятие Петра I о законности представляет такое же смешение рационализма и утилитаризма. Петру не удалось систематически развить принцип законности в целый свод законов. Влияние учения о государственном интересе приводило к усилению принципа: «нет ничего более необходимого для государственного управления, как соблюдение законов», но оно же служило обоснованием необходимости системы фискального надзора и административной юстиции. Последнюю Петр уже начинал отличать от суда. Принцип законности требовал обязательного соблюдения законов всеми частными лицами. Однако традиционная самодержавная политическая практика русских царей по отношению к их подданным, которой следовал Петр, позволяла ему вмешиваться в любые частные дела и подвергать давлению бюрократического режима всех частных лиц. Принцип законности мог бы получить более самостоятельное значение в области юстиции. Под влиянием саксонского кодекса был составлен проект изменения судебного процесса. Проект ссылается на естественное право как его основание, так как согласно естественному закону, каждый имеет право на самосохранение и самозащиту от посягательств сторонних лиц. Но этот принцип не получил дальнейшего развития, особенно в отношении вопросов собственности. Утилитарная доктрина полицейского государства предоставляла определенную самостоятельность юстиции: царь давал общие правила судам, которые позволяли соотносить с ними частные случаи. Однако признавая все, что вредно государству, преступлением, Петр давал возможность применять утилитарную и политическую точку зрения к уголовному судопроизводству. Во многих случаях царь оставался верховной инстанцией, например, в своей тайной канцелярии, и практически всегда мог подвергнуть собственному суду всех, кого и за что считал нужным, мог решать дела в соответствии с теми политическими целями, которые он признавал наиболее важными для государства. Принцип законности в области суда в какой-то мере обеспечивал неприкосновенность личности

и имущества, право защиты от чужих посягательств, но с теми ограничениями, которые были обусловлены действующим политическим режимом. Пробелом учения о государстве, основанного на естественном праве Гоббса и утилитарной концепции государства, было отсутствие зафиксированного в понятиях правоотношения между государем и подданными.

После реформ Петра I в России утвердилось полицейское государство. «Град небесный» был обращен на службу «граду земному». Полицейское государство вполне мирно переварило систему Московского царства, надстроилось над ней, вобрало в себя ее режим и опыт. Имперский принцип Московского царства в полицейском государстве Петербургской империи получил свое развитие и полное воплощение. Символом полицейского государства является «отеческое» попечительство государя и государства об общественной и личной пользе своих подданных [Щербинин 1994: 186]. Обратной стороной «всепоглощающего государства» (Ф. Бродель) был подданический оппортунизм, взаимодействие этих сторон создало особый режим взаимной зависимости между «насильником» и «жертвой» (или «родителем» и «чадами»). Духовной основой этого режима продолжало оставаться православие с его сакрализацией царской – императорской власти. Государственная идеология, основой которой выступало православие, содержала также иные элементы, в том числе полицеизм как особую государственную идею. По мнению Г. Флоровского, «полицейское государство» есть не только и даже не столько внешняя, сколько внутренняя реальность, не столько строй, сколько стиль жизни, не только политическая теория, но и религиозная установка. «Полицеизм» есть замысел построить и «регулярно сочинять» всю жизнь народа и страны, всю жизнь каждого отдельного обывателя ради его собственной и ради «общей пользы» и «общего блага». «Полицейский пафос есть пафос учредительный и попечительный. И учредить полагается не меньше, чем всеобщее благоденствие и благополучие, даже попросту “блажество”» [Флоровский 1990: 83]. В общественном сознании веками доминировала старая российская государственная идея – консервативная константа отечественной политической культуры. Устойчивость, самоидентичность полицеизма в русской истории породила другую крайность – тенденцию негативного отношения образованной части общества не только к недостаткам государственной практики, но и к государству вообще, революционные, анархистские и нигилистские тенденции.

Одновременно с этими тенденциями начинался процесс научного освоения государственной идеи. Нормативистские модели теологического или гегельянского происхождения постепенно уступали место позитивизму. Главным вопросом отечественных государствоведов пред- и порефор-

менной эпохи был вопрос о будущем российского государства. Однако утилитарно-бюрократическое государство адаптировалось к привычной религиозной парадигме, игнорируя современные модели и технологии, предлагаемые позитивизмом. Работ, способных сыграть роль, подобную роли работ Канта, Гегеля, Пухты, Йеринга в Германии, в России так и не появилось. «Русская интеллигенция оказалась неспособной “переварить” и европейские государственные и правовые идеи» [Кистяковский 1990: 106]. Начался процесс изживания наукой старой классической идеи – идеального государства, идеального правителя, образующих в совокупности идеальную государственную власть, и идеального подданного (гражданина). Интерес науки обратился к двум новым проблемам: способна ли наука о государстве четко определить объект исследования; каким быть государству, в котором на первый план выходят интересы частного, а не целого? На первую проблему Л. И. Петражицкий дал свой вариант ответа: термины «власть» и «господство» в отечественной юридической литературе не проработаны с точки зрения объема и содержания, они употребляются во всех областях права без ясно определенного смысла. «Современное государствоведение ... не знает, в какой сфере находится и какую природу имеют те реальные феномены, которые соответствуют его теоретическим построениям, и как, с помощью каких научных методов можно достигнуть их реального, фактического (опытного) познания; и, таким образом, вместо изучения фактов ... получается фантастическое конструирование несуществующих вещей и незнание действительно существующего» [Петражицкий 1907: 194, 206]. Назрела необходимость интегрирующей, фундаментальной отрасли знания о политике, поскольку проблемы политики приобретали значение самостоятельного объекта исследования.

Вторая проблема решалась посредством наполнения государственной идеи новыми для России элементами. Это проблема правового государства, вопросы взаимоотношения государства и права, федерализма и автономизма, прав и свобод гражданина, парламентаризма и т. п. Была предпринята романтическая попытка повлиять на государственную идею. Но государство оставалось полицейским, а взгляды интеллигенции на государство отличались специфичностью: «Для нас, русских, государство – это положение об усиленной и чрезвычайной охране, это военное положение, это военно-полевые суды и смертные казни. Государство – это несправедливые войны... Наконец, государство – это организация сильных и имущих для подавления и эксплуатации экономически слабых и неимущих» [Кистяковский 1906: 85]. Несмотря на разочарование автора в марксизме, влияние последнего на либералов очевидно. Неспособность самодержавного режима к диалогу с обществом привела в конечном итоге к

дискредитации самой идеи государства, и далее – к падению монархического государства. Б. А. Кистяковский: «... всякое полицейское государство естественно и в силу внутренней необходимости всегда приводит к анархии... Ни правопорядок, ни государственный строй не могут быть долговечны, если они не находят себе опоры в общественном правосознании» [Кистяковский 1906: 493]. Одной из причин падения самодержавного режима был крах государственной идеи. Следствием этого в российской истории стало распространение и овладение умами химеры, приобретшей характер достижимой реальности.

Большевистское учение о государстве начало оказывать влияние на массы еще до революции 1917 г. В. И. Ленин в «Апрельских тезисах» воспроизвел учение К. Маркса о диктатуре пролетариата. Программное положение о государстве он изложил в работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться»: «Социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией» [Ленин 1969: 192]. Тождество социализма и государственной монополии – стержень государственной идеи большевиков. Формально отвергая прежнюю государственность и ее элементы (религию, «буржуазную» науку о государстве и т.п.), на деле большевики попытались осуществить синтез этих элементов: полицеизм, сакрализацию власти, особую «научность», по букве сходную, но по духу противоположную марксистской ортодоксии. Идеи безгосударственности в послеоктябрьской России быстро исчезли. П. Б. Струве в 1918 г. констатировал: «...советская власть есть, по существу, николаевский городничий, возведенный в верховную власть великого государства» [Струве 1991: 281]. Фиксируя неудачную попытку прямого насаждения учения К. Маркса на русскую почву, А. С. Изгоев писал: «Полицейские глупости большевизма стократно затмили собой полицейские глупости старого строя, тоже не особенно ясно разбиравшегося в экономических вопросах» [Изгоев 1991: 188]. Полицеизм, заимствованный большевиками у имперской России и доведенный до абсолюта, превратился в тоталитаризм. Суть тоталитаризма, как писал И. А. Ильин, в объеме управления: «Этот объем становится всеохватывающим» [Ильин 1992: 94]. Вторым необходимым элементом большевистского государства была вера, квазирелигия марксизма. Большевистское государство – не просто «партийное государство» или «государственная партия», это «Партия – Государство – Церковь», то есть некая «партийная теократия» [Щербинин 1994: 189]. Марксизм-ленинизм-сталинизм как квазирелигия обладал всеми символами конфессии: идеал коммунистического общества – некое «царствие земное» (рай); Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин – боги;

Плеханов, Бауман, Киров, Дзержинский и другие, инициаторы и вожди партии – апостолы, чудотворцы, мученики; свои «духовные» академии и семинарии, где готовились «попы марксистского прихода» – от АОН и партшкол до университетов марксизма-ленинизма; свои храмы – от домов политпросвещения до «красных уголков» во всех учреждениях.

Фигура первого лица государства также примечательна: он совмещает функции духовного (как генеральный секретарь партии – «общественно-политической организации») и светского (как фактический, а не юридический, глава государства и правительства) властителя народа. Должность генсека была основной, «начальствующей» (от русского *начинать*), а светские посты – производными от «сана». В его лице фактически сливались законодательная, исполнительная и судебная власти, несмотря на формальное существование соответствующих органов. Он и его ближайшее окружение приводили в движение и влияли на функционирование любых органов «советской» власти. Генсек обладал монополией на истину, его программные речи на съездах носили характер закона, обязательного для исполнения. Сверхвласть главы советского государства, в русле не ушедшей в прошлое традиции восприятия царя, воспринималась как норма, культ вождя позволял персонифицировать личные и общественные достижения и ожидания, идентифицировать и результаты труда, и военные победы, и общество в целом именно с ним. В этом проявляется социально-психологический механизм идентификации масс с вождем. Духовным аспектом культа вождя был традиционный для массового сознания комплекс двоеверия, некое смешение православно-языческой сакрализации вождя–царя–генсека. Сюда вписывается и настоящее – последствие этого комплекса, культивируемого СМИ, сказывается в отношении населения к президенту.

Традиционная для России идея государства была, по сути, сохранена, но она была спрятана за камуфляжем по форме новых советских атрибутов, каноны идеи государства были обновлены. Первый элемент – идеальный правитель, им считался генсек, который (в очередной раз, в соответствии с язычески-мифологическим циклом: каждый новый правитель, «отец и герой» одновременно, кладет начало жизни-движению) «восстановил ленинские нормы и стиль партийно-государственной жизни». На деле за генсека переписали ленинское и марксово наследие под актуальные задачи и интересы элиты партии, адаптировали образ Ленина под него. Второй элемент – идеальная государственная власть, в качестве нее декларировалась власть народа (власть советов» как органов народных представителей), но фактическая власть принадлежала партгосноменклатуре. Третий компонент – идеальный гражданин, таковым считался чело-

век, в котором коллективное сознание подавило индивидуальное, «человек-винтик» мегамашины государства. На неизжитый традиционный комплекс почитания царя наложился комплекс преклонения перед «социалистическим» государством и его вождем. В результате десятилетий работы пропаганды массовому сознанию стал присущ единый социокультурный рефлекс государственничества.

Постсоветское государство во многом унаследовало черты советского государства, в том числе и полицейзм государства по отношению к населению, и патернализм, и попечительство, и зависимое отношение населения к государству, и низкую оценку достоинства личности. Оно все чаще прибегает к знакомым полицейским функциям, уже почти не прячась за фасадом деклараций о правовом государстве.

Некоторые смысловые коннотации концепта «личность»

В соответствии с нашей теоретической моделью гражданина, наличие личности как распространенного в данном обществе типа является необходимой предпосылкой исторического становления гражданина и одним из важнейших измерений самого феномена. Процесс становления личности в России можно исследовать в разной оптике. Распространенность зрелой личности хотя бы в достаточно значимых слоях населения – необходимая историческая и социокультурная предпосылка формирования гражданина. О наличии этой предпосылки можно судить, анализируя многие аспекты жизни индивида – степень его экономической, правовой, моральной и политической независимости, субъектности, автономии. В данном разделе книги мы избрали семиотический подход и, в частности, путь сопоставления исторического содержания концептов, тесно связанных с концептом «личность». Речь идет об их содержании, характерном для российской культуры до XIX века. Безусловно, XX и XXI века внесли огромные изменения в значения концептов, однако не опрокинули те константы, которые сложились исторически. К тому же тенденции архаизации и возврата к «традиционным ценностям» не просто актуализируют это историческое содержание, но реанимируют. Правда, в целях пропаганды и манипуляции общественным мнением «традиционные ценности» конструируются заново, но так или иначе авторы этих конструкций пытаются опираться на старый константный слой бессознательных представлений, запечатленных в словах русского языка.

Мы же попытаемся восстановить действительно исторические значения ряда концептов. Избранный мной ряд слов, которые создают смы-

словое поле описания личности, таков: *личность*, *собь* (аналог собственности), *воля* (аналог свободы), *правда* (аналог права), *власть*. В какой мере смысловое поле значений этих слов русского языка прошлого соответствует представлениям о личности как о субъекте социального действия и отношений, обладающим свободой (воли, совести, собственности, власти), ограниченной правом (извне) и собственным сознанием (изнутри)? Было ли в истории России движение к такой личности?

В. И. Даль приводит три значения слова *личность*: 1) лицо, самостоятельное, отдельное существо; 2) состоянье личное; 3) личная обида, хула, падающая на лицо, оскорбление лица [Даль 1998: II, 668]. Образовано оно от слова *лицо* и потому наследует значение преимущественно внешнего облика человека, его физиономии (в диапазоне от *лика* до *хари* и *личины*), выражающей его духовные качества. Характерна приводимая Далем здесь же посьловица: «Дело не в личности, а в наличности». Она намекает на следующее представление: чтобы тебя признавали в качестве личности, необходимо владеть каким-либо имуществом. Значит, дело в социальном статусе. В какой степени слово *личность* употребляли по отношению к представителям средних и нижних слоев общества, судить сложнее.

В. В. Виноградов в своей статье, посвященной личности, подробно разбирает употребление слова *личность* и слов *человек*, *особь*, *персона*, *лицо*, *индивидуальность*, *индивидуум* и других в литературном и разговорном языке с древности и до середины XX века. Он пишет: «Общественному и художественному сознанию древнерусского человека до XVII века было чуждо понятие о единичной конкретной личности, индивидуальности, о самосознании, об отдельном человеческом «я» как носителе социальных и субъективных признаков и свойств (ср. отсутствие в древнерусской литературе жанра автобиографии, повести о самом себе, приемы портрета и т.п.)» [Виноградов 1999: 272].

В мировоззрении русской интеллигенции 30-40-х годов XIX в. понятие личности становится одним из центральных. Отмечая роль философских учений в модернизации понимания личности в европейском духе, В. В. Виноградов выделяет роль В. Г. Белинского, который первым осознает необходимость переустройства общества ради освобождения личности. В одном из писем В. Г. Белинский писал, что его «поглотила идея достоинства человеческой личности», что героем нового искусства становится «человек как субъективная личность», и что «...права личного человека так же священны, как и мирового гражданина»; «...все общественные основания нашего времени требуют строжайшего пересмотра и коренной перестройки... Пора освободиться личности человеческой, и без того несчастной, от гнусных оков неразумной действительности...» [цит.

по: Виноградов 1999: 294]. Сходный тезис развивал и К. Д. Кавелин: «...личность, осознающая, сама по себе, свое бесконечное, безусловное достоинство, – есть необходимое условие всякого духовного развития народа» [Кавелин 1897b: 320]. Исследуя эволюцию русского права, К. Д. Кавелин отмечал неразвитость «начала личности» у русско-славянских племен и отрицательное влияние этого на всю систему частного, гражданского и публичного права [Кавелин 1897a].

А. С. Лаппо-Данилевский отмечает роль индивидуальности в истории и взаимосвязь понятий личности и индивидуальности: «Понятие об индивидуальности есть понятие о некоем единстве своеобразия, характеризующем известную совокупность признаков... под индивидуальностью, в более частном значении слова, можно разуметь и личность, и событие, и социальную группу, и народ, в той мере, в какой они отличаются от других личностей, событий, социальных групп, народов и т.п.» [Лаппо-Данилевский 1912: 232–233]. О роли личности в истории российского права писал и М. Ф. Владимирский-Буданов: «В основе гражданского права лежит понятие *лица* (persona)... Понятие *лица*, как субъекта частного права, ... есть продукт долговременных и сложных усилий истории. Первоначально, при смешении публичных и частных начал, *лицами*, владеющими на частном праве, были союзы общественные: семейный, родовой, общинный и государственный; лицо физическое еще не выделяется. В частности, в древнейшем русском праве отсутствие понятия о *лице* видно из отсутствия терминов, его выражающих; правда, в литературных и законодательных памятниках с древнейших времен встречаются переводные термины: *лице* – с греческ. *πρόσωπον*, и *особа* с латин. *persona*; но из них первый означает не лицо в нашем смысле, а напротив – отрицание достоинства лица, именно один из видов рабства... Неясность понятия о лице физическом в древнейшем русском праве открывается вполне из явлений потока, изгойства и рабства, а также из древних форм семейного и вещного права... Вообще целый 1-ый – земский период ... представляет эпоху не безграничного преобладания *частного лица*, а напротив, полного подавления его правами общественных союзов. Во 2-ом пер. – Московского государства лицо высвобождается (хотя и не вполне) из-под влияния союзов семейного, родового и общинного, но **права его подавляются правами государства**, в особенности в сфере вещного права и права наследования; напротив, в Литовском государстве замечается ранее весьма сильное и чрезмерное развитие прав частного лица насчет прав государства (благодаря влиянию права немецкого, а отчасти – римского), отчего все институты частного права здесь быстро развиваются и специализируются. В период империи – в общерусском праве, особенно, со времен Екатерины

II, постепенно указываются и определяются должные границы деятельности и власти *лица* по отношению к правам государства» [Владимирский-Буданов 1900: 365]. Как известно, без устойчивого положения частного права и реализации гражданских прав индивида именно как частного лица невозможно и развитие публичного права и реализация прав гражданина. Политические права и конституционный статус гражданина в правовом государстве являются гарантией реализации его частных прав.

В современном русском языке, по мнению В. В. Виноградова, встречаются три основных значения в слове личность: 1. отдельное человеческое *я*, человеческая индивидуальность как носитель своеобразных социальных и субъективных признаков и свойств...; 2. человек с точки зрения его характера, поведения, общественного положения...; 3. человек как субъект права и как гражданское лицо...» [Виноградов 1999: 274-275].

Однако до сих пор существуют отличия в употреблении понятия личности в публицистической, общественно-политической литературе, философии, юриспруденции, социологии и психологии, с одной стороны, и повседневной разговорной речи людей. В последнем случае понятие личности используется без рефлексии, в нем заключены фрагменты актуальных и «осколки» древних значений слова, бессознательные представления и стереотипы прошлого, воспроизводящие значения, приводимые В. И. Далем.

Наиболее емкие значения слова *воля* таковы: 1) произвол действия (самоволие), 2) свобода (неподвластность, свобода от крепостного состояния), независимость, 3) власть или сила, 4) право, 5) нравственная мочь, *хоть* (желания, стремления). В двух значениях («власть» и «хоть») В. Даль подчеркивает свойства «нравственной половины человеческого духа», в отличие от противоположной – умственной «половины», разума. Слово *вольный* помимо перечисленных признаков включает значение свободы от обязанностей и занятий. Характерна следующая мудрость: «Разум количественная собь души, воля качественная. Разум отвечает истине и лжи, воля добру и злу» [Даль 1998: I, 584].

Слово *собственность* толкуется как «собь, собина, именье и всякая вещь, как чье-либо наличное достоянье, а слово *собь* включает значения «все свое имущество,ivotы, пожитки, богатства; свойства нравственные, духовные и все личные качества человека, особенно все дурное, все усвоенное себе по дурным наклонностям, соблазнам, страстям». Здесь же В. И. Даль отмечает: «слова *собь*, означающего личность, отдельность, самую суть человека, в словарях нет; мы пишем: собственный, собственность, собственник вместо: свой, собина, собинник» [Даль 1998: IV, 342]. Отметим неразделимость обладания человеком внешними вещами и внут-

ренными качествами, зависимость вторых от первых, причем вторые как «собственные» оцениваются преимущественно негативно.

Слово *власть* включает такие значения: «право, сила и воля над кем-либо, свобода действий и распоряжений; начальствование, управление; начальство, начальник» [Даль 1998: I, 213]. Ценные разъяснения данного слова можно найти у В. О. Ключевского. Он сопоставляет слова *земли*, *волость* или *область*. Эти слова, образуясь в разные периоды древнерусской истории, и с разными оттенками значений, имели и поле общих смыслов. «*Земли* – это древние области, образовавшиеся под руководством старых торговых городов Руси... *Волость* – это княжество – одно из княжеств, на которые, постоянно переделываясь, делилась Русская земля в потомстве Ярослава. *Область* имела то же значение. *Волость*, или *область*, иногда совпадала с землей, когда, например, целая земля составляла владение одного князя, но обыкновенно составляла только часть ее... *Волости* иногда назывались в церковнославянской форме *властями*;... Наш язык удержал обе формы: и власть церковнославянскую, и русскую волость; первая, собственно политическое понятие, значила право владения; второй усвоилось значение территориальное – сельская волость. *Область* есть производный термин от слова *власть*, «обвласть» означает округ, на который простирается эта власть.... Но иногда эти термины менялись значением: «власть» означала область, пространство владения, а «область» значила право владения» [Ключевский 1989: 98-99]. *Волость* в древности означала удел князя, всякое имение, все, на что простиралась власть лица. Права политические в отношении земли (и населения на ней) сливались с правами фактического частного собственника. Право частное и публичное не были отделены друг от друга. Такое состояние права унаследовали Московские князья-государи, но затем закрепили уже в праве государственном, и лишь в отношении верховной власти. Таким образом, к Древней Руси восходят истоки тождества экономического, политического, правового и религиозного аспектов понятия «власть», проявляющегося до сих пор в современной российской ментальности.

Право, образованное от «правый» (в противоположность левому) имеет следующие значения: в народном употреблении – уверение в истине чего-либо; данная кем-либо или признанная обычаем власть, сила, воля, свобода действия; власть и воля в установленных пределах; наука законоведения [Даль 1998: III, 198]. В отношении первого значения необходимо пояснение: истина (*естина*) – то, что есть, некая земная данность, происходящая от человеческого разума и действий. Но власть, сила, воля и свобода действия – есть истина, или данность, факт, обусловленный предшествующим распределением силы и власти. «Правда» же – это ис-

тина на деле, правосудие и справедливость, которые «с небесе приниче» в отличие от истины, которая имеет земное происхождение.

Если в этот ряд слов включить еще и слово *государство*, то получится весьма показательная картинка. Слово *государство* происходит от слова *господь*, которое дало три параллельные формы: *господин*, *господарь* и *государь* [Ключевский 1989: 102; Ильин 1994: 134]. В. И. Даль пишет так: «Господь – встарь государь, господин. Ныне – Всевышний, Бог, Создатель. Господин могло встарь употребляться вместо господь и государь; владыка, владелец; держащая власть на месте или в доме; барин, помещик, хозяин; кому покорны чада с домочадцы и слуги, или у кого есть подвластные» [Даль 1998: I, 951]. Именно от исходного слова *господь* образованы слова *господство* и *государство*. Русь как политическое целое могла бы получить наименование *господство*, но получила *государство* (от *государь*), фонетика разная, но смысл тот же. От обозначения хозяев слово перешло на все хозяйство и стало *господством*. *Господство*, по Далю, включает два значения: 1) владычество, властвование, владение, управление; 2) область, край, местность одной подчиненности; владение, вотчина [Даль 1998: I, 951]. *Государство* вначале понималось в качестве достоинства и атрибута государя, восприявшего благодать и власть от Царя Небесного (Господа) и передающего ее населению, земцам – соотечественникам, а также как принадлежность хозяина в вотчине, собственном хозяйстве и доме. С кризисом вотчинного уклада достоинство и атрибуты государя переносятся на политическую организацию объединенной великорусской народности и, наконец, отождествляются с этой организацией. До окончательного утверждения Московской Руси-России идея государства была слита с лицом государя, после этого начинается процесс ее отделения от него. Но, похоже, окончательного отделения идеи государства от лица государя (или главы государства, какое бы название ни употреблялось – генеральный секретарь ЦК КПСС, президент и т.п.) в массовом сознании не произошло до сих пор.

Власть – земля – господство (государство) – собственность – право – воля – личность, – в этом ряду слов есть весьма интересное пересечение смыслов. Напластование древнейших смыслов не исчезло полностью даже под сильным влиянием европейских понятий, следы исходных отождествлений живы в современном языке, культуре, коллективных представлениях о государстве, власти, праве, законе и других политико-правовых явлениях.

Были ли распространены представления о пределах власти и права сильных, особенно о внутренних, о внутреннем самоограничении человека в его отношениях с другими людьми? Известно, что внешними преде-

лами таковым выступали в удельное время власть и сила других лиц, в эпоху Московского государства и Петербургской империи – воля самодержца, зафиксированная в государственном праве. Анализ слов, так или иначе способных пролить свет на данный вопрос, приводит к следующему. Самоограничение телесное и нравственное известно в православной мистической традиции аскетизма и монашеского подвижничества. Нравственность до самоотвержения, с противопоставлением духовного телесному, возвышенного мирскому. Однако заметных следов среднего – меры сочетания того и другого внутри и вовне себя, в мирской жизни, в отношениях с другим человеком, в произведениях российской культуры до XIX в. не просматривается. В фольклоре есть противоположные по смыслу утверждения: «Сам себе знай меру» и «Что город, то вера, что деревня, то мера». Общей, формальной, абстрактной меры внешнего поведения личности русская культура, вероятно, не выработала в достаточной степени.

При сопоставлении значений всего этого ряда слов получается, что в языке они определяются друг через друга, образуя неопределенное нерасчлененное поле общих смыслов. Слова *власть*, *право* и *воля* определяются каждое посредством двух других, и все они включают значения силы и свободы действия, то есть субъектности. *Собственность*, очевидно, относится к словам, специфическое значение которых в русском языке не выявлено, не дифференцировано от значений некоторых других слов, в частности, от *власти*, *состояния* (социального экономического, политического, правового в их неразделимости) и *лица*. Недаром социальный институт собственности очень поздно установился в Российской империи, был легко отвергнут в советской России, и до сих пор не стал достаточно устойчивым. Между всеми этими понятиями существует некое смысловое тождество, обусловленное обстоятельствами формирования явлений, ими обозначаемых. Нерасчлененность их значений свидетельствует о реальной слитности явлений.

Личность как отдельное существо своей самостоятельностью обязано наличию у человека собственности («собии») и связанного с ней состояния (социального статуса). Слово *личность* – относительно позднее приобретение русского языка, поэтому в историческом смысле точнее употреблять слово *лицо*. Проявляет себя личность преимущественно при нанесении ей оскорбления, хулы или обиды. Проявления собственной воли, особенности духовно-нравственных качеств («хоти», «собии души») человека оцениваются обществом с негативным оттенком. Субъектность личности связана с собственностью, произволом действия, властью и силой, правом как правом обладающего собственностью, властью и силой, то есть фактически не ограниченной властью и силой. Следовательно, личностью в

России можно было считать лишь лиц, обладающих собственностью, властью, правом и силой: в удельное время – князей, в эпоху Московского государства – самодержца, в Петербургской империи – императора и высшие классы. Средние и низшие слои общества, очевидно, следует отнести к страдательной, лишенной индивидуальной субъектности социальной форме – например, крестьянской или посадской общине. Личность индивидов этих сословий предстает как лицо с его преимущественно внешними характеристиками, обладающее в отдельности своей лишь природными особенностями и лишенное социальной самостоятельности. Это не свидетельствует о полном отсутствии личности у массового человека. Последняя существовала и существует в определенной степени и в настоящее время. Однако это не развитая личность: она личность для других и самой себя лишь на чувственном, эмоционально-аффективном уровне, в ней слабо развита рациональная сторона, самосознание, способность к рефлексии, а также чувство разумной меры и методичность в практическом повседневном следовании высшим социальным и духовным ценностям и идеалам.

Можно сделать некоторые выводы о соотношении концептов государства и личности в российской истории и культуре. Современное содержание понятий *государство*, *личность* и *гражданин* нельзя назвать окончательно ясным, даже в условиях обилия определений в научной и учебной литературе. Несмотря на влияние западной политической науки и результаты заимствования многих понятий политического лексикона, собственно научное содержание этих концептов освоено лишь специалистами, профессионалами – учеными и преподавателями, частью студентов, изучавших политологию и, возможно, теми, кто самостоятельно изучал научную литературу. Речи политиков и общественных деятелей свидетельствуют о слабом понимании ими этих понятий, о наличии фрагментов разных идеологем и мифологем в их представлениях. Однако и в официальном дискурсе, и в представлениях населения, судя по социологическим исследованиям, весьма устойчивыми остаются исходные исторические значения этих концептов. Сейчас эти архаические значения воспроизводятся стихийно, бессознательно. И получается, что государство – это иное наименование господства. Президент, формально являющийся высшим чиновником, вместе с узким кругом приближенных к нему лиц, фактически владеет территорией России и правит обществом. Зависимость граждан (подданных?) от высшего должностного лица носит постоянный, обязательный политический характер. Правда, возможна имитационность в признании авторитета президента частью населения, но объективная зави-

симось экономического и политического положения граждан от его политических решений налицо.

Но еще в этом господстве сливаются древний и религиозный (православный) смыслы – господь (хозяин дома или территории с населением) и Господь (Бог православных). Учитывая всемерное поддержание православно-патриотического тренда в официальной государственной идеологии в современной России, сохранение и оживление этих архаических смыслов не вызывает удивления. Концепт государства в российской культуре и общественном мнении представлен гораздо сильнее, чем концепт личности. Однако это особое государство – не состояние (статус) развитого общества, а собственность государя и его приближенных. Все почти как в Московском царстве: государство – это хозяйство единоличного политического и территориального властителя; это владычество, господство, собственность государя.

1.4. Исторические типы политико-правовой связи индивида и государства в России

Одним из способов исследования проблемы действительного статуса личности и реального содержания института гражданства в современной России является поиск исторических оснований становления политико-правовой связи индивида и государства в России. Для решения этой проблемы в каждый конкретно-исторический период необходимо проанализировать следующие аспекты положения индивида: экономический (характер имеющей к нему отношение собственности), политический (характер отношений верховной власти с каждым из социальных разрядов населения), социальный (место индивида в социальной структуре общества), правовой (характер системы права по отношению к личности), духовный (место и роль личности в культуре, уровень правосознания и политической культуры индивида). Эти аспекты составляют комплексный критерий, на основе которого можно оценить реальный характер связи личности и государства.

Наша гипотеза состоит в следующем. Исторический процесс изменения статуса индивида (личности) в России – это генезис и консервация подданства в контексте становления российской государственности. С эпохи Московского царства в отношениях российского государства и отдельного лица действует один и тот же способ взаимодействия власти и личности, своего рода архетип власти и подданства. Общий процесс предстает как формирование и внешняя

трансформация подданства посредством консервации основ этого типа отношений господства/подчинения.

В анализе характера правовой связи личности и государства мы будем опираться на периодизацию формирования сословий, данную В. О. Ключевским [Ключевский 1989: 250-252]. Каждый из четырех выделенных им периодов характеризуется собственным основанием сословного деления общества, исходящим от власти. Между различными основаниями существует историческая преемственность. Политико-правовой статус зависел от сословной принадлежности индивида.

Киевская Русь

В эпоху Киевской Руси общество IX – конца XII вв. делилось на две разграниченные и неравные части. Основанием деления первоначально служило завоевание или давление вооруженного класса (торгово-оборонительного вооруженного класса вокруг киевского князя, варяжского и туземного происхождения), подчинившего себе население торговых городов и округов. Политическому завоеванию населения предшествовало экономическое господство вооруженного класса, стянувшего в свои руки все нити хозяйственного и торгового оборота. Отсюда и экономически привилегированное положение завоевателей-рабовладельцев (*огнищан* IX–X вв.). По мере роста вооруженного класса и расширения его службы по управлению завоеванными племенами происходило его политическое и экономическое обособление от управляемого общества как властителей от данников. Ко времени Ярослава выборные (туземные) военные управители торговых городов теряют право участия в думе киевского князя (позднее боярском совете) и исчезают из городской администрации, постепенно замещаясь «княжими боярами по княжескому назначению». Развитие рабовладельческого характера хозяйства военно-правительственного класса привело к возникновению русского частного землевладения, развивающегося на основе применения холопского труда. Последнее вызывало дальнейшее экономическое обособление служилого класса от высшего городского купечества.

С XI в. русское общество стало союзом управителей и управляемых. Выявляется двойное – политико-экономическое – основание происхождения государственности Киевского княжества и социального деления общества. Русское гражданское общество по «Русской правде» распадалось на три основных класса: *княжих мужей, людей и холопов*, каждый из которых впоследствии дробился еще на два разряда (всего шесть). Политический статус каждого класса определялся законом («Русской правдой») по характеру отношения к князю, то есть к верховной власти. *Княжи мужи*

несли личную службу князю. Их отношение к князю было свободным личным политическим отношением. К княжим мужам причислялись только высшие военно-правительственные сановники. *Люди* (свободное податное простонародье) платили князю дань. Они взаимодействовали с князем целыми *мирами*, городскими или сельскими обществами, связанными круговой порукой в уплате податей и мирской (коллективной) ответственностью за полицейский порядок. Политический статус лица из состава людей определялся коллективным подчинением городского или сельского общества князю. Состояние холопства по закону – это несвободное состояние особого класса в составе русского общества, отличающегося от других состояний отсутствием непосредственного отношения к государственной власти (князю) и политических обязанностей и прав (статуса). Связь холопа с государством была косвенной, он служил частным лицам (господам), часть из которых служила князю, часть нет. Правовой статус холопа лишил его значения лица, приближая его к статусу вещи.

В дальнейшем вследствие различий в экономическом положении внутри тех же классов образовались новые разряды: в составе класса *княжих мужей* выделяются *бояре* – крупные привилегированные рабовладельцы и землевладельцы; в городах выделяется класс *свободных тяглых горожан*; класс *людей* дробится на два разряда – *смердов* и *закупов*; в составе *холопства* возникает разряд высших холопов – *боярских тиунов* (приказчиков). Экономические различия были связаны и с юридическим неравенством данных разрядов, выраженным в различии гражданских прав. По юридическому статусу или неравенству прав в порядке их уменьшения русское общество к XII в. выстраивается следующим образом: *бояре*, *свободные тяглые горожане*, *смерды* (свободные государственные крестьяне), *закупы* (полусвободные владельческие крестьяне), *боярские тиуны* (привилегированные холопы), *холопы рядовые*. Статус лица в Киевском княжестве выросал не только на политическом основании – отношении лица к верховной власти князей, то есть государству (по сути, протогосударственности), но и на основе экономических и юридических различий.

Параллельно государственному обществу в Киевской Руси существовало церковное общество, правящим классом здесь выступало духовенство, имевшее свои органы управления и своих подвластных. Основанием устройства церковного общества и положения индивида в нем было «нравственно-религиозное назначение или степень нужды в чужой помощи» [Ключевский 1989: 270]. Церковь, проводя в жизнь общества заимствованные из Византии церковное каноническое право и императорские законы, внесла перемены в русское рабовладельческое право: обычай благотворительного освобождения рабов по завещанию; обязательный даровой

отпуск холопов на волю в некоторых случаях; установление принудительного для рабовладельцев выкупа холопом своей свободы. Следствием этого было изменение личного и имущественного положения холопов. В русское холопство были внесены различия и условность: развивалась ограниченная зависимость в двух переходных формах – *закупов* и привилегированных *холопов*. К XIII в. появились некоторые виды условной зависимости холопов. Это положило начало разложению сословия русского холопства. Росло юридическое значение статуса *холопа*, укреплялось имущественное положение привилегированных холопов: их имущество стало считаться условной, ограниченной собственностью, передаваемой по наследству. Влияние церкви на русское общество проявилось в двух отношениях: 1) в усложнении устройства общества, создании церковного общества, имеющего вертикальное строение; 2) в расшатывании состояния холопства как основания государственного общества путем ограничения пределов холопства и внесения в законы и жизнь норм, содержащих возможности выхода из холопства в свободные состояния.

Характер верховной власти (господства) в Киевской Руси отличался следующими чертами. В XII в. русской землей владел целый княжеский род. Политическое значение князей как членов рода определялось их кровной принадлежностью к роду. Верховная власть была собирательной. Отсюда специфика связи управляемого общества с верховной властью: это отношения обязательного подчинения по закону, отношения политического подданства, выступающие в различных формах в зависимости от категории населения.

Выделим основные типы подчинения лиц верховной власти в соответствии с шестью разрядами населения. *Княжи мужи и бояре* были политическими подданными целого княжеского рода, но лично служили лишь одному из князей как представителю верховной власти. Первый тип подданства – это форма личного подчинения *княжих мужей и бояр* совокупной верховной власти. Взаимодействие *княжего мужа* с верховной властью опосредовано его личной службой рядовому князю как представителю рода. Вследствие этого *княжий муж* получает возможность не только исполнять государственные обязанности, но и обладать определенными правами, в первую очередь правом свободного выбора личной службы. Личная служба здесь становится государственной обязанностью. Связь *княжего мужа* (или боярина) и государства (княжеского рода) носит двусторонний характер. За свою службу он (как частное лицо, по праву силы и личных отношений с князем) имеет ряд привилегий – экономических (частная собственность на землю и рабов) и

социально-политических (принадлежность к высшему классу, участие в княжеском совете).

Второй тип отношений – коллективное подчинение князю *смердов* целыми городскими или сельскими общинами. Здесь нет непосредственного политического отношения отдельного лица к князю. Основу юридического статуса смерда составляет личная свобода. Его экономический статус определяется обладанием инвентарем и иной движимой собственностью, а также правом аренды казенной земли. Отношение к верховной власти здесь – это коллективная государственная обязанность платить дань (подать) и исполнять иные повинности. Верховная власть (государство) рассредоточена по князьям. На одной стороне отношения – коллективное господство (власть княжеского рода), на другой – отсутствие личного характера подчинения к собирательному государству. Взаимодействие лица с государством опосредовано дважды: *миром* (сельским или городским обществом) и рядовым князем как представителем рода. Государство через *мир* односторонне наделяет лицо государственными обязанностями.

У остальных разрядов населения государственное подданство отсутствует вообще. Третий тип подчинения – отношение *закупов* к верховной власти. У *закупов* отсутствует непосредственная связь с верховной властью, государственное подданство опосредовано личным подданством частным владельцам земли. Четвертый тип подчинения касается разряда *боярских тиунов*, несущих личную службу господам (княжам, боярам, князю). Основу юридического статуса *боярских тиунов* составляет отсутствие личной свободы. Они лично принадлежат частным лицам, подобно собственности, но с некоторыми льготами. Разряд холопов не имеет никакого статуса, кроме статуса вещи, а позднее статуса лица в религиозно-нравственном смысле.

Удельный период XIII–XV вв.

Особенностью удельного периода является ослабление государственного единства и господство частнопроводных начал во всех сферах жизни. Это переходный период в русской истории, схема которого выглядит так: родовая организация общества – распад княжеского рода и борьба уделов за материальное преобладание – зарождение и развитие государства. Общественные отношения этого периода определялись условиями северо-восточной окраины Русской земли и колонизации ее населением днепровских областей. Общество удельного времени делилось на три класса: *людей служилых* (личная служба князю), *тяглых* (дань и повинности князю целым миром) и *холопов* (личная служба частным ли-

цам). Изменение характера верховной власти внесло специфику в состав общества и положение каждого из разрядов. Носителями верховной власти стали удельные князья как отдельные самостоятельные владельцы. Произошло уменьшение политического значения верховной власти: в границах своего удела князь был не политическим правителем, а частным владельцем. Княжество удельного князя представляло собой не государство, а хозяйство. Верховные права князя включали законодательство, суд, управление. Но эти политические права князя вытекали из гражданских сделок со свободным населением удела. Как *государь* удельный князь обладал лишь личной властью свободного человека над холопами.

С. Ф. Платонов характеризует политическую власть удельного периода как вотчинную или патримониальную. «Известное лицо (князь. – *И.Ф.*) считает своей собственностью всю территорию племени, а в силу этого и людей, живущих на территории, признает подвластными себе» [Платонов 2011: 162]. В северо-восточной Руси первым владельцем земли является князь. В лице князя происходит соединение двух категорий прав на землю: прав политического владельца (в волостях как административных округах) и прав частного собственника (в селах). Удел – личное наследственное владение князя, территория, управляемая им либо всецело на основании частного права (по оценке Б. Н. Чичерина), либо на основании начал и государственного, и частного права (по оценке А. Д. Градовского). Оба вида владения передаются князьями по завещаниям, без юридически оформленного осознания различий между ними. Это проявление господства частнопровых начал во всех сферах удельного быта. Право публичное скрывается всецело в недрах частного права, подчинено ему, не развито.

Власть – частное дело князя. Удел фактически есть вотчина с чертами государственного владения или государственное владение с вотчинным управлением и бытом. Верховные (политические) права князя понимались им как важные статьи дохода, которые он иногда уступал другим лицам в виде льготы. Удельный князь – это «вотчинник с правами государя, государь с привычками вотчинника». Лишь с середины XIII в. осуществляется постепенный переход княжеских отношений в государственные. Князь строит новые города, где нет независимой от него земской аристократии (крупных землевладельцев, носителей вечевого начала, как в Киевской Руси) и подчиняет себе старые города. На принципе вотчинности власти строятся все общественные отношения удельного времени. Это тождество собственности и политической власти по мере распада родового наследования (в порядке наследования великокняжеского престола) и укрепления семейно-вотчинного владения постепенно становится основой организации общества. Эта тенденция сохраняется во время татарского

завоевания. Следствия этого – изменения взаимоотношений: а) между князьями, б) князей и населения.

Такая перемена в характере верховной власти привела к исчезновению политического подданства и замене его временной зависимостью, основанной на частной гражданской сделке [Ключевский 1989: 280]. Основанием политического порядка удельных княжеств и деления общества стали гражданский договор и личное подданство. Высший класс общества составляли *служилые люди*, распадавшиеся на *бояр и вольных слуг*, или *дворян*. Служебное значение *бояр и слуг вольных* определялось тем, что они были орудиями княжеского управления и составляли его боевую силу. Принадлежность к классу личных землевладельцев лежала в основе их экономического статуса. Служебные и имущественные, поземельные, отношения не зависели друг от друга. Служебные обязанности носили личный характер и основывались на праве вольной службы бояр и вольных слуг. *Вольные слуги* могли служить в одном княжестве, а владеть землями в другом. Экономический статус *слуг* как землевладельца порождал его повинности в пользу князя, в уделе которого находилась его вотчина. Имущественные повинности падали на его поземельную собственность. *Вольный слуга* нес личную воинскую службу в пользу определенного князя. Его служебные повинности падали на него как служебное лицо. Отношения *бояр и вольных слуг* с князем основывались на взаимном договоре, оговаривающем условия либо службы, либо владения землей. Условия договоров включали конкретную степень (право) служебной власти вольных слуг в их вотчинах, меру их свободы (льгот) от поземельных даней и повинностей и т. п.

Политический статус *бояр* был обусловлен услугами князю: 1) участием в княжеской думе; 2) обязанностью занимать высшие должности по военному и гражданскому управлению, (центральному и областному), состоять в руководящих органах удельного управления и суда. Выполнение обязанностей вознаграждалось выгодами от кормления. *Управитель-кормленщик* сам собирал доход с управляемого им общества, делаясь с князем в оговоренных договором пропорциях. *Слуги вольные* несли рядовую ратную службу князю, получая *довод* – доход от должности по низшему управлению. И бояре, и слуги вольные имели право выбора рода и места службы. Другим способом вознаграждения за службу бояр и вольных слуг было землевладение. Землю они приобретали на праве собственности посредством купли или путем пожалования от князя.

Городские и сельские *тяглые люди* носят название людей *черных* или *земских*. Свободные люди юридически не считались собственностью удельного князя. Их подчинение было личным. С удельным князем они были связаны временными обязательствами, вытекающими из договора с

ним. Отношения *черных людей* с князем строились на тех же основаниях, что и отношения *вольных слуг*. Отличие состояло в том, что договор был опосредованным. *Черные люди* обладали правом перехода из удела в удел.

По социально-экономическому положению переходным между *служилыми и черными людьми* был класс *слуг «под дворским»*, или *дворцовых слуг*. По юридическому статусу лично свободных людей, за исполнение хозяйственных обязанностей они получали от князя участки земли (*дачи*) в условную собственность на время службы. Они обладали правом перехода на службу к другому князю. Прекращение их службы местному князю вело к ликвидации условной собственности. В отсутствии права на частную собственность – отличие класса дворцовых слуг от бояр и вольных слуг. Их экономический статус был следствием хозяйственных обязанностей, налагаемых на них по личному назначению князя.

Закупы (позже – *закладни, кабальные холопы*) составляли переходный класс между свободными черными людьми и холопами. Это вольные люди, принятые князьями или боярами на дворовую службу и получившие ссуду на определенных условиях. У них было право покинуть службу по своей воле, возвратив ссуду. Их служба была условной. Отношения к князю или боярам основывались на частной сделке. *Закуп* – человек, отданный за долг в работу до уплаты. Свобода человека выступала в качестве личного обеспечения выплаты долга. Это полусвободное, временное состояние зависимости. У *закупа* была своя собственность, он работал и на себя, и на хозяина. Однако это состояние было чревато и полным холопством. Власть лица над *закупом* имела личный характер. Статус *закупа* – личное подчинение по частному праву. Связь *закупа* и господина была двусторонняя, подразумевала обязанности *закупа* перед господином, некоторые ограничения хозяина в правах, даже права *закупа*. Однако перевес прав при юридической неопределенности состояния *закупа* и господстве обычного права был на стороне господина как более сильного.

Холопство – состояние, источником которого могли быть плен, женьтиба на рабе, заем, наем, преступление, добровольная продажа себя в рабство, купля и рождение в холопском состоянии. Холоп считался частной собственностью хозяина, его движимым имуществом, он – абсолютный объект частного права, не обладающий никакими правами. Единственная личная ответственность холопа за обиду им свободного человека – ответственность своей жизнью. Полные холопы принадлежали частным лицам, что фиксировалось *крепостью* («грамотой дерноватой»). Связь холопа с удельным князем – это личное подданство, основанное на частной сделке. По юридическому статусу холопы – это лично не свободные люди.

По экономическому состоянию холопы делились на различные хозяйственные разряды.

В удельный период российской истории XII–XIV вв., а частично и вплоть до времени правления Ивана IV, существовало два основных типа отношений между индивидом и властью. Первый тип составляла личная власть (господство) свободного лица над холопом (рабом), который находился в полной личной собственности любого свободного лица. Фактически это отношения господства и абсолютного личного подчинения, где на одной стороне абсолютная субъектность, произвол лица, а на другой – абсолютная зависимость, отсутствие право- и всякой иной субъектности. Второй тип отношений предполагал временное подчинение одного свободного лица другому по личному гражданскому договору. Такие отношения складывались между князьями как частными лицами, а также между великим князем и боярами, вольными слугами и остальным свободным населением. Они определялись временным соглашением, на основе свободной воли каждой из сторон, относительно взаимных обязательств. Общественные отношения удельного времени, вращающиеся исключительно в семейной, имущественной, наследственной и договорной сфере, включая и отношения господства и подчинения, это отношения частных лиц, регулируемые частным правом. «Верховная власть, и земля делятся и дробятся по наследству как частное имущество; отношения верховной власти к подчиненным определяются либо частными обязательствами, либо личной зависимостью...» [Чичерин 1858: 236]. Б. Н. Чичерин характеризует гражданское общество удельного времени как «совокупность частных отношений между лицами, управляемых гражданским или частным правом» [Чичерин 1900: 257]. Отношения свободных лиц друг к другу в целом были отношениями личной независимости и определялись договорами, следовательно, не носили характера государственных отношений. Именно из второго типа отношений вырастают государственные отношения, но их форма была образована на основе первого типа отношений.

*Московское государство
XIV–XVII вв.*

В эпоху Московского государства XIV–XVII вв. формируются и развиваются отношения государственного подданства. Это третий этап эволюции отношений индивида (общества) и верховной власти. При изменении содержания отношений между лицом и властью, форма их (подданство) была взята государством из частного права. Подданство имело характер холопства, равной личной зависимости населения государю, начиная от служебного подчинения бывших удельных князей, ставших сначала служебными князьями, а затем

холопами великого князя (царя). Эта форма подданства была распространена и на низшие разряды населения. Политическая власть фактически носила характер частной собственности государя. Великий князь стал господином, подданные – холопами, отношения между ними носили характер постоянного полного подчинения. Само подданство было персонифицировано, из него вытекало неограниченное право князя распоряжаться лицом и имуществом подданных. В этом заключается специфика российского способа формирования и осуществления государственности, который стал инвариантной характеристикой, сохраняющейся до сих пор.

Деление общества строилось на политических основаниях, ядром которых был особый характер верховной власти. Пространство и содержание власти московского государя стало определяться государственными требованиями, политической необходимостью. Объединение Северо-восточной Руси превратило московского государя во властителя великорусской народности, блюстителя национальных интересов. Зависимость подданных от государя приобрела безусловный, постоянный политический характер. Отменялось право свободного передвижения. Выселение лиц за пределы государства было приравнено к политическому преступлению и национально-религиозной измене. Новый тип верховной власти соединил в себе признаки двух предшествующих типов – московский государь стал и наследственным владельцем государственной территории, и политическим правителем жившего на ней населения. Идея национального единства легла в основание действительной политической власти московского государя, он стал ее единоличным носителем. Принятие государем титула «царя и великого князя всея Руси» означало сложение следующих значений: 1) царь (от лат. *цесарь*) – независимый самостоятельный государь, никому не платящий дани и не дающий ни в чем отчета; 2) самодержец (автократор) – единоличный обладатель верховной власти с территориальным и политическим значением. Однако в понятии *государя* московского периода сохранилось значение понятия *государь* удельного времени. Отсюда *государство* (или *господарство*, слово, образованное от *господарь* – хозяин, владелец холопов) – это хозяйство единоличного политического и территориального властителя, личное господство, собственность государя.

Изменения характера верховной власти привели, во-первых, к превращению вольных контрагентов удельного князя в политических подданных московского государя; во-вторых, к исчезновению личного гражданского подданства [Ключевский 1989: 307]. Личное подданство холопа удельного князя превратилось в государственное подданство. По Московскому государственному праву личные крепостные холопы государя,

слившись с его свободными подданными, передали последним свое юридическое звание «государевых холопов». Новому политическому отношению государя и населения был присвоен привычный термин частного права. Это звание означало превращение бояр и вольных слуг из временных вольных наемников государя в его вечнообязанных подданных. Отношения разных классов общества к государю стали строиться на основе публичного права. Связь между государем и свободным лицом трансформировалась в политическое, принудительное, одностороннее подчинение второго первому, или в абсолютную власть государя над населением.

Политический порядок в Московском государстве был основан на государственной разверстке между всеми классами обязанностей, не соединенных с правами. Исполнение государственных обязанностей сопровождалось выплатой экономических пособий для их несения, это были политические последствия обязанностей. Сложить с себя обязанности было невозможно даже в случае отказа от соответствующих выгод. Охрана внешней безопасности территории как основа политического объединения московского государства оказывала решающее влияние на характер государственного права. Оно делало акцент на принудительном участии классов в сохранении этой основы, то есть на их обязанностях, а не правах. Разверстка государственных обязанностей составляла ядро российского законодательства и публичного права в целом. Последовательное проведение этого принципа вызвало необходимость прикрепления каждого разряда людей к конкретному виду обязанностей: *служилых людей* – к службе, *податного населения* – к земле (мирской общине или частному владельцу) или промыслу (посадской общине). В соответствии с теорией Б.Н. Чичерина, так было осуществлено закрепощение всех сословий [Чичерин 1858: 385]. Безусловная обязательность государственных повинностей и значение экономического состояния людей лишь в качестве средства исполнения первых создало такой порядок, при котором род государственных повинностей стал определяться экономическим положением того или иного класса. Между экономическим и политическим статусом различных разрядов людей установилась неразрывная связь, почти тождество.

Все управление в Московском государстве распадалось на две сферы: военно-административную, приказную, и земскую. Приказная сфера включала дела внешней обороны, орудиями ее остались служилые люди, назначаемые по непосредственному приказу государя. Земское управление занималось делами внутренней безопасности и казенного хозяйства, оно служило экономическим источником для содержания первой сферы. Органами управления земской службы стали выборные

власти земских обществ, действующие под контролем центральных приказных учреждений. Соответственно целям и устройству государственного управления были разверстаны обязанности между классами общества. Разверстка обязанностей стала основанием сословного деления Московского государства. Каждый класс отличался от другого класса по двум признакам: политическому – специальным повинностям, и экономическому – имущественному состоянию. Социальная иерархия выглядела как лестница чинов, состоявшая из трех отделов: служилых людей, тяглых людей и не тяглых.

Государственные обязанности высшего слоя – *служилых людей «по отечеству»*, состоявшие из ратной и приказной службы, были раздроблены на специальные функции. Различные сочетания породы, земельной собственности и службы и создали эту лестницу чинов: 1) *чинов думных* (бояр, думных дворян и пр.), 2) *чинов служилых московских*, 3) *служилых городских чинов*. Первые и вторые были приписаны к месту службы и обязаны иметь место жительства в Москве, третьи – к месту службы в городах. К XVI в. была распространена на всех служилых людей и законодательно оформлена поместная система, основанная на вознаграждении служилого человека участком казенной земли, данной ему во временное или пожизненное владение под условием службы. Размер участка был пропорционален служебной должности. Владение землей становилось условным, зависящим от рода государственных повинностей. Такое владение невозможно назвать частной собственностью. Чин и связанные с ним функции управления стали основой и политического отношения к верховной власти, и социально-экономического статуса служилого человека, и степени его географической удаленности от московского государя.

Следствиями разверстки «службы по земле и земли по службе» (Б. Чичерин) стали: периодические наборы государем в столичное дворянство служилых людей из уездов, разрушение прежних местных обществ служилых вотчинников и перетасовка земельных владений в соответствии с установленной законом 1556 г. нормой поземельной службы. Государственная разверстка обязанностей вторгалась в частное землевладение и перекраивала его на свой лад, мешая оседлости и наследственности частной собственности на землю, разрушая и общественные отношения, регулирующие частным правом, и само частное право.

Государственные обязанности *тяглового населения* составляли: 1) земская казенная служба; 2) государственное податное тягло. Деление казенной службы по функциям (раскладка повинностей) осуществлялось

по экономической состоятельности. Выборная казенная служба по личному доверию была источником высших чинов тяглой иерархии – чинов *посадских московских*, или *гостей*. Подобно высшим служилым чинам, они были приписаны к месту службы и обязаны иметь место жительства в Москве. (Невозможно не вспомнить о советской «прописке» и современном институте регистрации, понятны их исторические истоки). Основанием чиновного деления областного тяглого населения – провинциального черного населения – служило государственное податное тягло, то есть совокупность прямых казенных платежей и натуральных повинностей.

Различия в способах налогообложения по роду занятий – «*по пашне*» либо «*по промыслам*» – постепенно привели и к экономическим различиям между городским и сельским населением. Ответственность за сбор городского тягла возлагалась на городские посадские общества, а за сбор поземельной подати – на мирские сельские общества, и те и другие были связаны круговой порукой. Интересы исправного исполнения тягла сельским и городским населением вызвали уже в XVI веке необходимость прикрепления тяглых людей к тяглу и его месту. Разверстка тягла «по пашне либо по промыслу» стала основанием деления городских посадских людей на статьи «*лучших, средних и молодых*», а уездных тяглых хлебопашцев – на *крестьян и бобылей*. Низшие чины областного посадского и сельского населения различались по тяглу. Устройство тяглого населения было «интендантством под руководством высшего московского купечества» [Ключевский 1989: 353], источником извлечения материальных средств для обеспечения государства как вооруженного лагеря.

Дальнейшее дробление тяглого населения было вызвано политическим принципом обязательности и наследственности специальных государственных повинностей, составлявшим скелет государственного права. Этот принцип государственного права внес коренные изменения в сферу гражданских отношений, в обязательства, вытекавшие из частных гражданских сделок: личные обязательства по гражданским сделкам стали не прекращаемыми до истечения срока, на который они заключены. Тем самым исчезли остатки свободы частных лиц в гражданских обязательствах, которые фактически превратились в крепостные обязанности. Так произошло окончательное подавление частного права публичным. Следствием данного процесса стало изменение юридического состояния холопства как явления сферы гражданского права. Все более утверждалась мысль, что личная и условная служба за долг (*долговое закладничество*) делает *слугу* холопом. Состояние личной зависимости, не являющееся до XVI в. крепостным состоянием, в XVII в. постепенно превратилось в хо-

лопство в трех новых формах – *кабального, докладного и жилого холопства*. Отношения, основанные на временных обязательствах, исчезли и превратились в крепостные отношения, не прекращаемые по воле зависимой стороны. В этой перемене в обязательственном праве заключается скрытый источник крепостного права на крестьян.

Исчезновение свободы договора среди свободных людей повлияло и на исчезновение свободы прекращения долговой зависимости уплатой налога среди полусвободных людей. Таким образом, разные виды личной зависимости крестьянина приобрели обязательный – крепостной характер. Так служилые классы были вознаграждены за вечную обязанность службы и тягла перед государством. Изменилось и положение владельческих крестьян: начала кабального холопства привились к их поземельным отношениям и создали новый вид крепостного состояния – *крепостных крестьян*. Всеобщая перепись тяглых городских и сельских людей, предпринятая правительством в 1646 г., превратила обязательство крестьянина по договору с господином в крепость по писцовой записи. Крепостная крестьянская зависимость, первоначально личная и пожизненная, была превращена в вечную и потомственную.

Государственное право, основанное на разверстке государственных повинностей, с середины XVI в. проникает в низшие классы и дробит их на следующие разряды: *крепостное тяглое состояние* (крепостное крестьянство) или *владельческие крестьяне, государственные (черные) крестьяне, дворцовые и экономические (церковные) крестьяне*. Юридический статус крепостного крестьянина был основан на его вечных обязательствах перед частным владельцем или на крепостном праве владельцев на крестьян, закрепленном государственным законодательством. Обязанности крестьянина складывались из двух частей: 1) поземельное тягло в пользу казны; 2) труд на частного владельца. Личная зависимость крестьянина от господина, сменившая казенные службы, стала главной государственной повинностью крепостного крестьянина перед государством. Произошло соединение в состоянии крепостного крестьянина двух прежних состояний – тяглового крестьянства, не бывшего крепостным, и крепостных холопов, не бывших тяглыми.

Таким образом, можно выделить типы подданства в Московском государстве. Первый тип – подданство *служилых людей* как личная обязанность (служба) государю. Второй тип – подданство как коллективная обязанность нести тягло – для *тяглых* («данных») людей. Третий – подданство как государственная обязанность перед частным владельцем – тип подданства крепостных крестьян.

Период Петербургской империи – это четвертый этап в истории русских сословий и в истории типов связи индивида и государства. Для исторической характеристики данного периода безусловный научный интерес представляет фундаментальный труд Б. Н. Миронова, в котором осуществлен критический синтез объективной социальной и институциональной истории предреволюционного российского общества. Он написан на основе структуралистской интерпретации имперского периода истории России. Историческое становление гражданского общества и правового государства в России в данной работе показано с позиций концепции модернизации и догоняющего развития. Несмотря на создаваемую автором оптимистическую картину социального развития России в сторону индивидуализма и других признаков модернизации, Б. Миронов не утверждает, что в России в период империи и даже советское время процессы развития индивидуалистической личности, демократической семьи, частной собственности, гражданского общества и правового государства были завершены. Он писал, что Россия после принятия конституции и созыва Государственной думы стала правовым государством де-юре, но не де-факто [Миронов 2003: 176-177]. Таким образом, позиция Б. Н. Миронова не так уж далека от нашей точки зрения. Одной из заслуг данного автора является рассмотрение эволюции городских общин, что дает хороший материал для исследования типов связи между индивидом и государством и проблемы исторического становления российского гражданина [Миронов 2003: 495-509]. Однако его исследование сосредоточено не на данной проблеме. Поэтому мы в своей работе будем опираться на концепции Б. Н. Чичерина и В. О. Ключевского.

Абсолютный характер верховной власти в имперский период связан с концентрацией в руках царя всей законодательной, исполнительной и судебной власти, а также централизацией управления. Экономической основой абсолютизма была собственность царской династии на землю и монополия казны на торговлю и промышленность. Эта основа сложилась еще в Московском – вотчинном государстве, где царь был единственным собственником государства, политической власти, земли (территории) и населения.

Основанием общественного деления в этот период служило различие политических и гражданских прав, распределенных между сословиями по их политическому значению. Сословное право В. О. Ключевский определяет как совокупность политических, юридических и экономических преимуществ, предоставляемых государственным правом (законом) целому

классу в постоянное обладание и дающих средства для обеспечения его интересов, а не только целей государства [Ключевский 1989: 367]. Статус лиц каждого сословия, следовательно, выросал на основе наличия или отсутствия у него сословных прав, то есть принадлежности к сословию.

Процесс законодательного формирования сословных прав начинается с середины XVII в., с Уложения 1649 г., и достигает определенного завершения к концу XVIII в. в сословных жалованных грамотах (1785 г.). Сословные права в Московском государстве развивались двояким путем: законодательным и путем накапливания материальных выгод от исполнения должностных обязанностей (*чинов*). Первый путь выступал в качестве средства удержания классов в рамках их государственных обязанностей. Государственные повинности постепенно переносились с хозяйственного состояния на само лицо, владевшее им. Податное тягло освобождало от ратной службы, а ратная служба – от податного тягла. Это нашло выражение, с одной стороны, в поместной системе, с другой – в изменении статуса вотчин, в вотчинном землевладении. В последнем произошло ограничение права отчуждения и права завещания родовых наследственных вотчин (Судебник 1550 г. и законы 1557 г., 1562 и 1572 гг.) с целью предупреждения перехода вотчин в не служилые руки и перевода их в пользу казны.

Слова закона 1572 г.: «чтобы службе убытка не было и земля бы из службы не выходила» служат воплощением стремления государства утвердить для высших классов зависимость обладания собственностью от рода государственной службы. Государством предпринимались законодательные меры для ограничения выхода из всех служилых и тяглых сословий, то есть для консервации и замыкания сословий. У каждого общественного слоя была своя чиновная карьера, свой ряд доступных ему чинов. Все служилые и тяглые чины были сосредоточены в три замкнутые (с невозможностью выхода из них) группы – *служилую, посадскую и крестьянскую*, на которые по правам с середины XVII в. стало распадаться гражданское общество в московском государстве.

Второй путь формирования сословий – это превращение хозяйственных состояний и рода занятий из экономических средств отбывания государственных повинностей в исключительные юридические преимущества отдельных классов, то есть в сословные права, права на определенный политический и экономический статус. Обособление трех сословий по правам произошло посредством принудительной сословной приписки, осуществленной Земским собором 1648–1649 гг.. Уложение 1649 г. закрепило сословные права следующим образом: 1. служилым людям и земским, несущим *казенную службу по выборам*, присвоено исключительное право

личного землевладения; 2. *посадским людям* – право торговать и промышленя в городе; 3. сельскому населению (*тяглому крестьянству и бобылям*) – право земледельческого труда.

Уложение резко отделило *черных и дворцовых* (крестьян и бобылей) людей от *крепостных владельческих крестьян* посредством прикрепления первых к сельским обществам (и земле), вторых – к землевладельцам. Постепенно уничтожалось юридическое различие между крестьянами и бобылями, принадлежность к тому или иному состоянию определялась хозяйственным усмотрением сельского общества или землевладельца, то есть принудительной разверсткой тягла. Тем самым происходило их слияние в один класс, завершенное введением подушной подати при Петре I.

Другим источником сословных прав в Московском государстве XVII в. была *честь чинов* – юридический институт, выработанный древнерусским обычным правом. Землевладение *гостей* (высшего купечества) и земских старост и владение крепостными крестьянами получили характер сословных прав, не соединенных с обязанностями, стали наградой за службу, а не средством или условием службы. Законодательство также стало сословным, этот его характер виден в Жалованных сословных грамотах. По Жалованной грамоте (от 26 августа 1648 г.) *гостям и гостиной сотне* предоставили следующие преимущества: освобождение их дворов от тягла и постоя, освобождение их самих и их детей в поездках по торговым делам от подсудности местным областным управителям, право высшего купечества на суд исключительно Московского Казенного приказа.

Сословное деление общества косвенно влияло на разрушение чиновного склада русского общества. Это было связано с разрушением трех оснований лестницы чинов: приказной службы высшего служилого класса, земского управления, разверсткой государственных обязанностей не по классам, а по всему обществу. Изменения характера приказной службы привели к тому, что высшие чины теряли старое основание, переставали быть выражением породы, отечества и становились отличиями по личной заслуге. 12 января 1682 г. произошла отмена государем и думой местничества среди высших чинов, подтвержденная указом Петра (от 16 января 1721 г.) и Табелью о рангах чинов (от 24 января 1722 г.). Приобретение определенного служилого чина вводило определенного человека в состав высшего служилого класса (дворянства) независимо от происхождения. В Табели о рангах все должности были распределены на три параллельных ряда – воинских, статских и придворных должностей, каждый из которых был разделен на 14 рангов (классов). Тем самым учреждалось новое основание устройства высшего служилого класса, чиновные обязанности высшей приказной службы,

постепенно теряя связь с генеалогическим составом высшего служилого класса, превратились в простые должностные полномочия.

Преобразование земского управления при Петре I привело к изменению чиновного деления городского торгово-промышленного населения. Постепенно исчезал прежний строй земской службы по личному доверию, слагались обязанности управления с городских обывателей. Но земская служба по мирской поручке развивалась и дальше. По указам 1699 г. права городского самоуправления (право выбора бурмистра, имеющего право суда и сбора государственных налогов) были предоставлены торгово-промышленному населению столицы и других городов. Города обязывались платить за это удвоенные оклады казенных податей. Городские выборные управители стали представлять сословные интересы городских обществ.

Право самоуправления было распространено и на областное дворянство, которому предоставили возможность участия в местной администрации земского управления. Дворянство получило право участия в дворянских советах при уездных воеводах (впоследствии губернаторах) по выбору уездных дворянских обществ, а также право непосредственного участия в управлении губернией. Сословные права дворян были связаны с ограничением власти губернатора. Позже Указом 1718 г. дворянам было предоставлено право выбора земского комиссара для сбора подушной подати в уездах. Однако это право было еще и финансовой и полицейской обязанностью. Введена была отчетность земских комиссаров перед уездными дворянскими обществами и право последних подвергать комиссаров суду и наказанию в случае злоупотреблений. Земское самоуправление было восстановлено в городах и селах. Однако самоуправление являлось, скорее, самообложением податями и самосудом, то есть опять определялось финансовыми и полицейскими обязанностями перед государством, и осуществлялось сельскими обществами под контролем дворянского земского управления и центрального управления.

Дворянское и городское самоуправление было облечено полномочиями, меняющими значение центральных органов местного управления: областной коронный управитель сохранил только право надзора за городским выборным управлением, стал председателем коллегии выборных дворян-советников. Обязанности прежней земской службы по личному доверию и мирской поручке, распространившись из городов и на местные дворянские общества, при Петре I превратились в сословно-политические права.

Шел и процесс превращения специальных чиновных повинностей в общесословные. Военская повинность была распространена на *тяглых*

людей, на детей духовенства и холопов. Относительная «демократизация» общества, проявление равенства в обязанностях перед государством проросло именно в военной сфере, что характеризует преемственность истории российского государства как военного лагеря. Главное для государства – разверстка обязанностей (*тягла*) по классам общества в целях организации и обеспечения армии. Внутренняя организация общества полностью подчинена внешней обороне. Поэтому и общесословность (равенство) появляется впервые именно в организации армии. Это общность (общесословность) в ратной обязанности, равенство в обязанностях, а не правах. Специальные повинности ратной службы и податного тягла, распространяясь на большее количество классов, постепенно превращались во всеобщие государственные обязанности. Обобщение повинностей вело к разрушению чиновного склада русского общества, к смешению юридических статусов прежних социальных слоев.

Развитие сословных прав, не связанных с повинностями, вело к формированию новых оснований государственного и общественного порядка. Петр I, по сути, завершает разверстку государственных обязанностей, разрушая их специальный характер и распространяя их на ряд классов и даже на все общество. После него началось обратное движение. Возможно, это было исторической реакцией на крайне последовательное проведение государством принципа разверстки государственных обязанностей, результатом которого были поражения русской армии и экономическая неэффективность внутреннего управления.

Дворянство и городское торгово-промышленное население постепенно освобождалось от своих прежних обязанностей. Государство предоставляло им все большую свободу деятельности посредством сохранения старых и наделения новыми частными и политическими правами (Жалованные грамоты 1785 г.). Впрочем, это было весьма ограниченное освобождение, носившее характер милости со стороны верховной власти. Тем не менее, дворянство, городское население и духовенство получили значение привилегированных состояний. Привилегии – это определенный шаг в сторону превращения подданства в гражданство как меру участия в управлении государством. Можно предположить, что в соответствии с политическими и гражданскими правами как сословной привилегией, дворянство потенциально было на пути обретения такого типа связи с государством, как гражданство внутри подданства. Но полноты политических прав дворянство так и не достигло: последние ограничивались их участием в различных совещательных органах при императоре на уровне центрального управления, на уровне местного управления политические права дворянства были достаточно

полны. Законодательство XIX века шло по пути распространения этих прав на другие сословия, уравнивания перед законом. Набирала силу тенденция, в соответствии с которой права граждан формировались сначала как привилегии, предоставляемые сословиям по публичному праву, и которые затем обретали значение действительных гражданских и политических прав. Эта тенденция была подобна европейскому движению от прав-привилегий отдельных сословий ко всеобщему гражданству, равенству граждан в правах. Но этой тенденции не суждено было окончательно утвердиться. Она была остановлена известными событиями конца XIX – начала XX века. В советский период произошел возврат к принципу разверстки государственного тягла между разрядами общества в Московском государстве. Тем самым и связь личности и государства была отброшена к типу подданства московского периода.

Отношения между лицом и властью и, соответственно, статус личности, в эпоху Петербургской империи изменяются следующим образом. Это очередной этап в рамках процесса исторического формирования отношений государства и лица (личности). Подданство, ставшее в эпоху Московского царства реальным по содержанию в отношении всех разрядов населения (с этим связан и процесс закрепощения сословий), при Петре I обретает, наконец, и свою правовую форму. Завершается правовое оформление государственного подданства на публично-правовых основаниях. Однако позитивный характер данного процесса неотделим от негативного – лишения личности прав частного лица, правосубъектности по частному праву, в первую очередь, прав частного собственника на землю, как основания экономической самостоятельности и всех иных прав и свобод. Лишь при Екатерине II дворяне обретают права частных собственников. Все иные права и, в частности, избирательные права дворян вплоть до начала XX века оставались привилегией, даруемой императором.

Развитие публичного права в России осуществлялось за счет и посредством подавления частного права. Эта тенденция, берущая начало с образования Московского государства, утвердившаяся при Иване Грозном и ярко выявившаяся при Петре I, составляет одну из существенных особенностей российской государственности и истории изменения реального статуса личности в России.

При Петре I холопство заменяется подданством и по форме, и по содержанию. Подданство становится государственной зависимостью, подчинением государству. Так завершается имевший место в истории России переход от крайней свободы личности к крайней несвободе. Согласно Б. Н. Чичерину, процесс образования русского государства шел сначала вслед развитию личности, а потом – в ущерб ее гражданскому становлению:

Крайнее развитие личного начала повело к водворению начала совершенно противоположного – начала государственного» [Чичерин 1858: 336]. Происходит подчинение частных волей общественной воле, сконцентрированной в самодержце, подчинение гражданского общества государству.

Итак, можно выделить исторические типы отношения личности и верховной власти в России, имеющие политический и правовой аспекты. **Эпоха Киевской Руси** представлена типом подчинения населения (политическим протоподданством) княжескому роду в целом. В *Удельный период* русской истории существовало два типа таких отношений: 1) гражданский (частноправовой) договор между всеми свободными лицами (князем и княжими мужами или боярами, и между ними и свободным населением); 2) личное подчинение (подданство) холопов частным лицам.

В эпоху **Московского государства (до середины XVII в.)** преобладал тип лично-государственного (частно-публичного) подданства: а) в служебных отношениях удельных князей («холопов государевых») и великого князя; б) в отношениях служилых людей и царя. Политическая власть представляла собой частную собственность великого князя. Подданный государства был лично подданным царя. **С середины XVII в.** утвердились следующие типы подчинения, имеющие характер вечной обязанности, или вечнообязанного подданства: 1) Политическое подданство как верноподданство монарху, как личная обязанность службы государю. Для служилых людей это была военная или приказная служба; 2) Политическое подданство как коллективная обязанность нести тягло – для «данных» (тяглых) людей: а) сельских миров (поземельные подати), б) посадских общин (городское тягло и земская служба); 3) тип подданства владельческих крестьян (крепостных) – это государственное подданство как личная зависимость крестьянина от господина, т.е. обязанность частному владельцу, обязанному государству. Здесь некая форма государственного подданства, опосредованного частной зависимостью. Содержание подданства – государственное, а форма – частная.

В эпоху **Петербургской империи** произошло окончательное становление всеобщего государственного подданства как обязанности государству и по форме, и по содержанию. Для этого времени характерна тенденция к равенству в подданстве (общесословности как равенству в обязанностях). Отношения государственной власти, с одной стороны, и дворянства, городского населения и духовенства – с другой, можно охарактеризовать как государственное (имперское) подданство.

Посмотрим на тип политико-правовой связи индивида и государства в СССР. Несмотря на то, что термин «подданство» был отменен декретами ВЦИК 1918 г. «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» и «О

приобретении прав российского гражданства», под номинальным гражданством фактически проступали черты подданства.

До 1936 г. государством широко применялась практика лишения избирательных прав некоторых категорий граждан. Конституция РСФСР (1918 г.) прямо перечисляла эти категории: лица, использующие наемный труд с целью извлечения прибыли, живущие на нетрудовые доходы; монахи, духовные служители; работники бывшей полиции и жандармерии. В последующем, в Конституции 1925 г., в «Инструкции о выборах городских и сельских Советов и о созыве съездов Советов» (1929 г.), постановлениях СНК СССР (1929 г.) и ряде других документов, уточнялись и развивались признаки категорий граждан, подлежащих лишению избирательных прав [Социальный портрет... 1996: 97]. Данная массовая репрессивная мера применялась государством с целью нейтрализации даже потенциального возмущения или протеста наиболее активных и образованных слоев населения – зажиточных крестьян, интеллигенции, торговцев и т.д., на законодательной основе, с целью разобщения городского и сельского населения. «Лишенец» (а с ним и все зависимые от него члены семьи) фактически исключался из общества, ставился на грань жизни и смерти. Таким мерам подверглись миллионы.

Основу гражданства в то время составляло социальное происхождение человека, причем положение трудящихся как единственного слоя, имеющего право на гражданство, предполагало и политическую благонадежность. Тем самым в гражданстве того времени сливались воедино социальный, политический и правовой аспекты статуса личности. Права гражданства были тождественны избирательным, политическим правам. Лишение же избирательных прав («поражение в правах») влекло за собой разрыв всякой – политической, экономической, правовой и иной связи человека не только с государством, но и с другими людьми. Лишение избирательных прав помимо политического имело и гражданский (частноправовой) аспект, оно автоматически влекло за собой поражение и в имущественных правах, к чему добавлялось и «поражение» в правах социальных. В стремлении уравнивать людей «книзу», установить «равенство в нищете», государство расценивало статус гражданства, с которым было связано включение человека в иерархию привилегий, начиная с минимального уровня доступа к карточной системе, как привилегию, которой оно наделяло исключительно трудящихся.

Соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина не были основополагающими принципами ни советского законодательства, и в первую очередь конституционного, ни тем более основой государственной политики и системы правосудия. Значение естественных, неотъемле-

мых, неотчуждаемых прав отрицалось как нечто присущее человеку в гражданском (тождественном буржуазному) обществе, где процветает буржуазный индивидуализм (читай эгоизм). Признание естественных прав человека означало бы существенное ограничение ими государственной власти, что считалось принципиально недопустимым. Согласно советскому варианту марксизма права гражданина производны от государства, государство определяет статус гражданина, объем его прав и обязанностей.

Примеров нарушения прав человека и гражданина советским государством такое множество, что скорее проще выявить обратное, то есть исключительные случаи. Тем не менее рассмотрим практику советского государства под углом зрения некоторых из прав граждан. В годы сталинского террора по признакам национальной или иной принадлежности государство осуществляло политику геноцида народов, сопровождающуюся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, произвольным изменением национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселений. По прямому приказу И. Сталина была осуществлена депортация множества народов, проживающих на приграничных территориях Советского Союза – корейцев, чеченцев, ингушей, кабардинцев, карачаевцев, курдов, турков-месхетинцев, крымских татар, иранцев, поляков, немцев, западных украинцев, молдаван, белорусов, эстонцев, латышей, литовцев. Начало этому процессу было положено Постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 21 августа 1937 г. «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края» (подписи секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина, и Председателя Совнаркома В. Молотова). И это лишь часть общих репрессий 1930-1950-х годов. Данные факты признаны на законодательном уровне в РФ в Законе РСФСР от 26 апреля 1991 г. «О реабилитации репрессированных народов». Кстати, в нынешнем законодательстве сохраняются остатки дискриминации по национальному признаку в виде неотмененных подзаконных актов.

Трудовое законодательство советского времени регулировало сферу труда дифференцированно для разных категорий населения – рабочих, служащих, колхозников, членов кооперативов, что создавало условия и возможности дискриминации в оплате и условиях организации труда, а также ограничения в правах и установления преимуществ в зависимости от социального происхождения, социального и должностного положения, убеждений и ряда других признаков. Тем самым ни о каком праве на свободный труд в полном объеме не могло быть и речи.

Право на освобождение от военной службы по религиозным убеждениям и замена ее общепользой работой, со значительными ограниче-

ниями и скрупулезными процедурами рассмотрения, с 1919 по 1939 гг. частично реализовывались в законах и судебной практике советского времени. В 1939 г. Верховный Совет СССР не включил соответствующие положения в новый Закон о всеобщей воинской обязанности, породив тем самым дискриминацию прав тысяч граждан по религиозным убеждениям. Положение последних усугублялось неадекватными «преступлению» против данного закона мерами уголовной ответственности.

В законодательстве советского государства не был принят принцип неотъемлемости гражданства. Наоборот, гражданство связывалось с мерами наказания за противоправные действия. Государство регулярно использовало лишение гражданства, высылку за границу за пределы страны, выдачу гражданина другому государству в качестве основной или факультативной меры наказания. В УК РСФСР до 1958 г. действовала норма, предоставляющая государству право лишать гражданства по суду и выдворять людей за пределы СССР. Позже принимались закрытые указы, предусматривающие данную меру наказания. Президиум ВС СССР в 1967 г. принял указ «О выходе из гражданства лиц, переселяющихся из СССР в Израиль», по которому гражданин считался лишенным гражданства с момента выезда из СССР. По данным «Известий» (1991, 17 августа), с 1967 г. по 1991 г. по нему были лишены гражданства СССР 175 человек. Высылка гражданина за рубеж практиковалась в советский период и в отношении диссидентов (например, А. И. Солженицына в 1974 г.). Иногда высылка носила завуалированный характер: какому-либо лицу разрешали выехать за границу, а затем его лишали гражданства. В целях исключения возможности его возвращения, лишение гражданства предшествовало высылке данного лица.

В Законе «О гражданстве СССР» (1 декабря 1978 г.) впервые было дано определение гражданства как постоянной политико-правовой связи лица и государства, выраженной в их взаимных правах и обязанностях. Но фактически гражданство в СССР представляло собой политическую принадлежность лица государству, одностороннюю их связь при субъектности государства и объектности «гражданина», оцениваемую с точки зрения классового подхода. Инакомыслие, расхождение с официальной линией государства могло вызвать лишение гражданства, выдворение за пределы СССР. Правовой аспект гражданства вытеснялся политическим. Институт лишения гражданства, существовавший в СССР, подрывал основы правового статуса гражданина. До 1978 г. законодательство не определяло четких оснований лишения гражданства. В соответствии с Законом о гражданстве СССР 1978 г. эта мера применялась в исключительных случаях по решению Президиума Верховного Совета СССР по отношению к

лицам, совершившим действия, порочащие звание советского гражданина. В число последних попадали не только публично выражавшие свое мнение диссиденты, но и люди творческих профессий, чьи произведения выходили за узкие рамки официально допустимого.

Было бы наивным упрекать советское государство в пренебрежении к праву граждан на частную собственность или в нарушении принципа равенства форм собственности. Советское законодательство однозначно и категорично, в полном соответствии с идеологической доктриной, устанавливало преимущества в защите социалистической, и в особенности государственной, собственности.

Декларируемое советским законодательством равенство граждан ничуть не мешало государству в повседневной практике дифференцировать население по группам (так называемым классам) с неодинаковым социально-политическим и правовым статусом. Это давало возможность построения лестницы привилегий или иерархии степени частичности прав. Определенные категории населения вообще не допускались к этой иерархии – некоторые бывшие сословия просто исключались из политической, экономической и иных сфер жизни. Отрицалось тем самым само их право на существование. Равноправие не утвердилось в реальной жизни и с провозглашением «новой исторической общности – советского народа». Стала окостеневать система привилегированных, полупривилегированных и т.п. слоев и групп по разным каналам восхождения к власти, другим признакам (партийности, статусу в партии и т.д.). Установилась некая система неприкосновенности партийных функционеров для суда, уголовного и административного преследования. Согласие партийного комитета на привлечение «партийца» к суду было обязательным.

Фактически связь лица и государства строилась по одностороннему принципу: на одной стороне права, на другой обязанности, не было взаимной правовой связи, ответственности, характерной для реального функционирования института гражданства. Личность выступала в качестве объекта власти, который принимал участие в принятии государственных решений и управлении лишь номинально. Государство официальной пропагандой представлялось в качестве покровителя личности, дарящего права гражданам (реально – лишь некий прожиточный минимум, включающий «бесплатное» образование и здравоохранение). Тем самым политико-правовой статус личности как совокупность прав и обязанностей граждан был даром, благодеянием государства (номенклатуры). Это свидетельствует о характере связи лица и государства как о подданстве. Государство «по-отечески» заботилось о «подданных», требуя взамен безграничной преданности. Государственный патернализм и этатизм – наследство гос-

подства публичного права еще в дореволюционной России, получившее продолжение в советское время. Конституция социалистического государства представляет собой систему государственного права. Основой государственной идеологии стал позитивистский подход к праву. С его реализацией в советской правовой системе связано реальное наделение индивида статусом подданства, а не гражданства. Это нашло свое выражение в законодательном, и тем более реальном ограничении правосубъектности личности.

Государство было главным фактором, довлеющим над правовой наукой и практикой. Это и обусловило развитие государственного и правового нигилизма, который в свою очередь стимулировал распространение негативных форм поведения и внеправовой культуры, предрасположенность к силовым (репрессивным) методам разрешения конфликтов между государством и обществом, государством и отдельными лицами.

Советский период истории воплощает исторически присущую российскому государству тенденцию подавления публичным правом частного, но реализуется она в превращенных формах. Вечное и естественное противоречие между содержанием и формой, между практикой общественных отношений и правом скрывается за искажающим их нормальное соотношение фактором идеологизации общественных отношений и возникающим как следствие этого отрицанием права вообще. На самом деле право (правовая система) присутствует, но исключительно как публичное (политическое, государственное). Причем, основа данной системы права неправовая – насилие. В отношении же гражданства это «превращение» выглядит следующим образом: идеологизированная система государственного права (форма) замещает содержание общественных отношений. По публичному праву, номинально, каждый индивид в советском государстве является гражданином, провозглашены его «гражданские» обязанности и некоторые права. Но гражданских прав в значении прав частного лица (по частному праву) у индивида нет ни номинально, ни реально. Между тем без них невозможны никакие иные. Тем самым повисают в воздухе и его вроде бы законодательно оформленные политические и социальные права. Впрочем, некоторый минимум социально-экономических прав государством даруется в качестве льгот и привилегий, соответствующих рангу, занимаемому лицом в социальной иерархии. Но целью данного благодеяния является поддержание способности индивида нести обязанности перед государством. Все механизмы реализации советских законов (административная, судебная системы и пр.) нацелены на обеспечение исполнения «гражданином» своих «почетных» обязанностей; механизмов обеспечения прав

гражданина как человека и как частного лица просто нет. Таким образом, выявляется парадокс: «передовое» советское законодательство создает все условия для безоблачной жизни гражданина, а гражданин не может ни свободно передвигаться, ни свободно работать, ни свободно выбирать.

Так за номинальным (по юридической форме) гражданством скрыто реальное подданство, по мизерному объему прав и свобод гражданина обогнавшее подданство в Российской империи. В отношении статуса личности и объема ее политических и гражданских прав, несмотря на крупные изменения в законодательстве (принятие Конституции РФ, Гражданского кодекса, Закона о гражданстве), реальная практика нынешнего российского государства во многом унаследовала черты советской системы власти.

Литература

Аверинцев С.С. (1981). Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы. М.

Аг А. (1991). Гражданское общество // Политология вчера и сегодня. М. Вып. 3.

Алкер Х.Р. (1999). Политическая методология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М.

Алмонд Г. (1999). Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления. М.

Аристотель (2003). Политика // Платон. Аристотель. Политика. СПб.

Бергер П., Лукман Т. (1995). Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.

Бляхер Л.Е. (2001). Моральная экономика и моральная политика // ПОЛИС. № 1.

Бродель Ф. (1986). Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. М.

Виноградов В.В. (1999). История слов. М.

Владимирский-Буданов М.Ф. (1900). Обзор истории русского права. Изд. 3-е. Киев; СПб.

Гончаров Д.В. (2002). По ту сторону «негражданственности» // ПОЛИС. № 5.

Горький А.М. (1953). Сочинения. В 30 т. Т. 23. М.

Гражданское общество (1999): Мировой опыт и проблемы России. М.

Даль В.И. (1998). Толковый словарь живого великорусского языка : В 4 т. М.

Дарендорф Р. (1993). Мораль, институты и гражданское общество // Путь : Междунар. филос. журн. № 3.

- Доган М. (1999). Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления. М.
- Законы о состояниях (1895). М.
- Изгоев А.С. (1991). Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. М.
- Ильин И.А. (1992). О тоталитарном режиме // Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. М. Т. 1.
- Ильин М.В. (1994). Политический дискурс: слова и смыслы (Государство) // ПОЛИС. № 1.
- Ильин М.В. (1997). Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.
- Ильин М.В. (1999). Политическое самоопределение России // Pro et Contra. Т. 4, № 3.
- Институциональная политология (2006) : Современный институционализм и политическая трансформация России. М.
- Кавелин К.Д. (1897а). Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Собрание сочинений. СПб. Т. 1.
- Кавелин К.Д. (1897б). Собрание сочинений. СПб. Т. 2.
- Капустин Б.Г. (1998). Современность как предмет политической теории. М.
- Капустин Б.Г. (2011). Гражданство и гражданское общество. М.
- Кашников Б.Н. (2004). Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород.
- Кимберг А.Н. (2017). Личность: перспектива идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика. М.
- Кимлика У. (2010). Современная политическая философия: введение. М.
- Кистяковский Б. (1906). Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. Кн. 5.
- Кистяковский Б.А. (1990). В защиту права // Вехи. М.
- Ключевский В.О. (1989). Сочинения. В 9 т. Т. 6. М.
- Колесов В.В. (1986). Мир человека в слове Древней Руси. Л.
- Коэн Дж. Л., Арато Э. (2003). Гражданское общество и политическая теория. М.
- Лаппо-Данилевский А.С. (1912). Методология истории. Ч. 1. СПб.
- Лаппо-Данилевский А.С. (1994). Идея государства и главные моменты ее развития в России со времени смуты и до эпохи преобразований // ПОЛИС. № 1.
- Леви-Строс К. (2000). Путь масок. М.
- Леви-Строс К. (2001). Структурная антропология. М.

- Ленин В.И. (1969). Полное собрание сочинений. Т. 34. М.
- Ленин В.И. (1973). Полное собрание сочинений. Т. 24. М.
- Леонтьев К.Н. (1991). Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.
- Максименко В. (1999). Идеологема civil society и гражданская культура // Pro et Contra. Т. 4, № 1.
- Мартьянов В.С. (2017). Политическая нация // Идентичность: Личность, общество, политика. М.
- Маршалл Т.Х. (2011). Гражданство и социальный класс // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество. М.
- Меркель В., Круассан А. (2002). Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // ПОЛИС. № 1.
- Миронов Б.Н. (2003). Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб.
- Парсонс Т. (1994). Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль. М.
- Парсонс Т. (1997). Система современных обществ. М.
- Патнэм Р. (1996). Чтобы демократия сработала. М.
- Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. (1996). Культура как система. М.
- Перегудов С.П. (2017). Российская гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации // Идентичность: Личность, общество, политика. М.
- Петражицкий Л.И. (1907). Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб.
- Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. (1998). Правопреемство и русская власть. История и современность // Полития. № 1.
- Платонов С.Ф. (2011). Лекции по русской истории. СПб.
- Подвинцев О.Б. (2017). Имперская, постимперская, неоимперская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. М.
- Полохало В. (1998). Политология посткоммунизма в Украине и России. (К методологии политического анализа) // ПОЛИС. № 3.
- Поппер К. (1993). Нищета историцизма. М.
- Пригожин И., Стенгерс И. (1986). Порядок из хаоса. М.
- Семененко И.С. (2017). Гражданская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. М.
- Скоробагацкий В.В. (2002). Социокультурный анализ власти. Екатеринбург.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. (1977). Вып. 4. М.
- Словарь русского языка XI–XVIII вв. (1991). Вып. 17. М.

- Советский энциклопедический словарь (1989). М.
- Соловьев В.С. (1991). Русская идея // Россия глазами русского. СПб.
- Сорокин П. (2000). Социальная и культурная динамика. СПб.
- Социальный портрет лишенца (на материалах Урала) (1996). Сб. документов. Екатеринбург.
- Степанов Ю. (2001). Константы: словарь русской культуры. М.
- Струве П.Б. (1991). Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. М.
- Сысуев О. (2001). На месте гражданского общества зияет большая дыра // Известия. 20 апр.
- Токвиль А. (1994). Демократия в Америке. М.
- Урри Дж. (2012). Мобильности. М.
- Фасмер М. (1996). Этимологический словарь русского языка. В 4 т. СПб.
- Федотов Г.П. (1992). Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб.
- Флоровский Г. (1990). Пути русского богословия. Вильнюс.
- Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. (1988). Города-государства Древней Руси. Л.
- Хабермас Ю. (2001). Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб.
- Хайдеггер М. (1988). Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии. М.
- Хархордин О. (2011). Основные понятия российской политики. М.
- Холодковский К.Г. (2017). Российская идентичность: исторический путь // Идентичность: Личность, общество, политика. М.
- Хорос В. (1997). Гражданское общество как оно формируется (и сформируется ли) в постсоветской России // Мировая экономика и международные отношения. № 5.
- Чичерин Б.Н. (1858). Опыты по истории русского права. М.
- Чичерин Б.Н. (1900). Философия права. СПб.
- Шанский Н.М., Боброва Т.А. (1994). Этимологический словарь русского языка. М.
- Шмиттер Ф. (1996). Размышления о гражданском обществе и консолидация демократии // ПОЛИС. № 5.
- Штомпка П. (1996). Социология социальных изменений. М.
- Щербинин А.И. (1994). Через полицеизм к тоталитаризму // ПОЛИС. № 1.
- Ясперс К. (1991). Смысл и назначение истории. М.

ГЛАВА 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНИНА

2.1. Права гражданина и политический порядок

В соответствии с либерально-демократическими представлениями, обеспечить благосостояние и конкурентоспособность России на международной арене можно только при условии опоры общества и государства на автономного индивида и его заинтересованность в благополучии целого. Это предполагает, во-первых, действительное признание общественным сознанием и культурой достоинства личности, связанного с ее способностью к самоконтролю, самоуправлению, самоорганизации и солидарности в объединении с другими, во-вторых, последовательную объективацию этого признания в виде высокого – конституционного статуса гражданина в политических и правовых институтах государства. Такой статус позволяет обществу использовать суверенную личность в качестве основы конституционного устройства государства и источника легитимации власти. Конституционный статус гражданина предполагает взаимосвязь и взаимообусловленность прав и обязанностей гражданина и государства. Он задает правила существования, нормы, законы, особую нацеленность, организацию и структуру государства в зависимости от субъектности индивида, его активного участия в управлении целым. Права гражданина выступают в качестве ценностных, правовых и политических оснований демократического правового государства, связывающих все его органы обязательствами по отношению к гражданину.

Одним из путей рассмотрения проблемы реального статуса личности в России мы считаем исследование степени реализации прав российского гражданина. Является ли такая реализация правилом или исключением, целью государства или его недосмотром? Действуют ли принципы верховенства права и равенства всех перед законом, составляющие суть демократического правового государства? Попытаемся выявить особенности фактического режима реализации прав и обязанностей граждан, его соответствие политико-правовой системе, закреплённой в Конституции РФ, в опоре на нашу теоретическую модель гражданина.

В рамках политической и юридической парадигмы Модерна гражданин национального государства – явление объективного и субъективного права. В объективном значении это элемент (сторона) гражданства как института права и законодательства, а в субъективном – субъект правовой

связи с государством. Правосубъектность – существенный признак понятия гражданина, который должен существовать и на уровне публичного (конституционного, государственного) права, и на уровне гражданского права, поэтому гражданин – субъект и частного, и публичного права, активный носитель соответствующих частных и публичных (политических) прав и обязанностей. Правовое государство – часть (институт) гражданского общества, призванная ему служить, это государственная организация гражданского общества («союз союзов»), самоорганизующегося на основе принципа верховенства правового закона. Таким образом, гражданин – субъект и гражданского общества, и правового государства.

В законе «О гражданстве РФ» гражданство определяется как «устойчивая правовая связь человека с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанная на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод гражданина» [Федеральный закон № 62-ФЗ, 2002]. Следовательно, чтобы ответить на вопрос о реальном статусе личности в нашем государстве, необходимо установить степень (реальность, фактичность): а) признания и уважения достоинства личности, основных прав и свобод гражданина со стороны государства, б) устойчивости связи личности с государством, в) наличие (или отсутствие) правового характера этой связи, г) взаимности в выполнении обязанностей (прав), д) эквивалентности в ответственности сторон. Наибольшую сложность представляет собой установление характера связи личности с государством, поскольку для этого понадобится исследование всей системы права (особенно в части наличия независимости судебной власти), а также степени взаимности в выполнении обязанностей и эквивалентности в ответственности сторон. Отдавая себе отчет в масштабности этой цели, попробуем описать комплекс задач, связанных с этой темой, и выдвинуть ряд гипотез для их возможного рассмотрения. Сложность достижения этой цели и необходимость междисциплинарного исследования затрудняют прояснение проблемы и в теоретическом, и в практическом плане. Поскольку права и обязанности и гражданина, и государства касаются всех сфер общественной жизни, а характер связи лица с государством и реализация взаимных прав-обязанностей зависит от целого комплекса условий, то исследование поставленной проблемы не может исчерпываться юридическим аспектом и должно учитывать политический и социокультурный контекст существования гражданина.

«Гражданин – социальная роль правоспособной личности, занимающей позицию медиатора между сторонами бинарной оппозиции «государство – гражданское общество» [Бачинин 2000: 71–72]. На наш взгляд, это определение может быть дополнено и конкретизировано сле-

дующим образом. Гражданин – социокультурная роль правоспособной личности, члена гражданского общества и национального государства и субъекта прав и обязанностей, к которой стремится индивид и которая предписывается ему культурой и политической системой данного государства в целях поддержания внутреннего политического и правового порядка и конкурентоспособности этого государства на международной арене. Общая роль гражданина включает целый набор специфических ролей (функций), обусловленный необходимостью участия личности в воспроизводстве и изменении различных институтов, скрепляющих эту общность, и ценностных представлений, составляющих духовную, ментальную основу этих институтов. В процессе исполнения этой роли личность оказывается перед необходимостью выступать в качестве медиатора множества бинарных оппозиций, составляющих логическую схему решения повседневно возникающих проблем, разрешая их как в ментальной, так и в институциональной форме: *свои / чужие, господство / подчинение, эгалитарное / элитарное, публичное / частное, самоорганизация / организация, открывание / закрывание, вовлечение / исключение, участие / неучастие*. Роль гражданина предполагает следующие ценностные установки индивида: нациецентризм и патриотизм, лояльность государственной власти, связанная с его публичным участием в управлении государством, политико-правовой эгалитаризм внутри общности граждан, неприкосновенность частной жизни, активная легитимная защита собственных гражданских и политических прав посредством индивидуальных и коллективных солидарных действий. Гражданин – конкретно-исторический социокультурный феномен, сочетающий устойчивые и изменчивые, структурные и содержательные, универсальные и локальные, институциональные и ментальные черты.

Процесс обретения гражданской идентичности как результат интернализации и экстернализации, субъективации и объективации ценностно-нормативного содержания, заложенного в социальной роли гражданина, зависит от множества социокультурных факторов. Важнейшие из них – субъективная способность индивида играть роль гражданина и объективный режим функционирования политических и правовых институтов как особых социальных практик, в которые он включен. Гражданин – это политико-правовая ипостась личности индивида, и в то же время определенная функция политической и правовой систем общества. Это роль субъекта нации, общества как целого, политики и морали, частного и публичного, конституционного права, роль активной стороны социального контракта с другими гражданами и с государством как союзом граждан. Гражданин – активная сторона института гражданства, исходного для правового государства. Исполнение роли гражданина связано с определенной

культурой личности, ее способностями к власти над собой, моральной рефлексии, индивидуальному самоуправлению. Лояльность, доверие к другим гражданам, обществу, государственной власти – основополагающая черта политического и правового сознания гражданина.

Важно также учитывать динамичную взаимосвязь и отличия понятий человека и гражданина и соответствующих групп прав. Соотношение между правами человека и правами гражданина неоднозначно. Права гражданина – это политические права, надстраивающиеся над правами человека и гарантирующие их исполнение для членов конкретного государства. Права человека составляют историческую и современную основу прав гражданина, минимальную степень реализации прав гражданина, в первую очередь, политических. Права гражданина несут в себе черты привилегированности и, подчас, противопоставляются правам человека. Достаточно сравнить набор и объем прав, которыми в демократических странах пользуются люди, имеющие права гражданства, и другие категории населения – неграждане (иностранцы, лица без гражданства, легальные и нелегальные мигранты). Абсолютно явно это становится с избирательными и другими политическими правами: граждане ими обладают, неграждане – нет.

Анализ институционального измерения феномена гражданина не может обойтись без рассмотрения института гражданства. Это «такой институт, который выполняет двоякую функцию: с одной стороны, выступает как элемент основ конституционного строя, с другой – основ правового положения человека и гражданина. При этом первая функция института гражданства является исходной посылкой для второй» [Воеводин 1997: 15–16]. Гражданство регулируется взаимодействующими между собой нормами международного и внутригосударственного права. Межотраслевой, по сути, внутригосударственный институт гражданства регулируется конституционным правом, образующим основу института гражданства и правового статуса гражданина, а также административным, семейным, гражданским и другими отраслями права [Российское гражданство 2003: 87]. Содержание гражданства представляет собой систему прав и обязанностей, основу правового статуса личности. Реализация вытекающих из гражданства прав зависит от всей совокупности институциональных условий в государстве, главные из которых – государственный суверенитет, территориальное устройство государства, правовое положение личности. Институт гражданства считается субинститутом более широкого правового института основ правового статуса граждан [Козлова, Кутафин 1995: 151–153]. Статья 2 Конституции РФ провозглашает нормы-принципы для конституционного строя государства: человек, его права и свободы явля-

ются высшей ценностью общества и государства. Конституционное право призвано обеспечивать реализацию данных принципов посредством ряда подотраслей права, касающихся прав, свобод и обязанностей личности, государственно-территориального устройства, организации государственной власти (исполнительной, представительной, судебной) и основ местного самоуправления. Все они обеспечивают устройство и режим функционирования государства, обращенный на реализацию прав и свобод личности.

Институциональное измерение бытия российского гражданина содержит в себе фундаментальное противоречие между формальными нормами и неформальными практиками функционирования. Конституция РФ предлагает четкий конституционный политико-правовой статус гражданина, но реальное устройство российского государства, или фактически действующий политический порядок, не соответствует и подчас противоречит нормам Конституции РФ. Фактический статус индивида обусловлен такими устойчивыми неформальными социальными институтами и практиками органов государственной власти, как коррупция, бюрократизм, «профилактическое» или системное насилие правоохранительных органов и других силовых структур государства над гражданами, рейдерские захваты в сфере бизнеса и т.д. Известно, что конституционный строй государства является общей гарантией реализации прав и свобод человека и гражданина. Но реальность показывает, что Конституция в России есть, а конституционализма нет. Конституционный статус гражданина ограничен писанным законом, действующие институты задают фактический статус и сценарий жизни индивида. Конституция РФ существует в виде юридического документа, а не действующего права как системы соблюдаемых сторонами обязательств. Разделения властей не произошло; реформы завершились не формированием независимых судебной и законодательной власти, а процессом обратной монополизации всех государственных функций президентской властью, которую не назовешь исключительно исполнительной.

В. Л. Шейнис проанализировал этапы формирования Конституционного суда РФ, этого «флагмана судебной системы», призванного воплощать принципы верховенства права, независимости судебной власти, правового ограничения исполнительной и законодательной ветвей власти, и в целом – органа государственной власти, главной функцией которого является защита прав и свобод граждан. В. Л. Шейнис выявил совокупность факторов, ставших преградами на пути реализации передовой концепции судебной реформы и модели Конституционного суда, созданной в начале 1990-х годов. Он показал, что процесс публичного обсуждения проектов

Конституции РФ, созданных в 1990–1993 гг. и принятия двух законов о Конституционном суде (1991 г.) были процессами ожесточенной политической борьбы, результатом которых стало ограничение роли и функций Конституционного суда в политико-правовой системе государства и чрезмерное возвышение президентской власти над всеми другими ветвями [Шейнис 2016: 73]. С самого начала развития российского конституционализма, частью которого стало принятие (и последующая реализация) Конституции РФ, обозначились противоречия, касающиеся института президентства, федеративного устройства, права частной собственности. Эти противоречия сохранились и в тексте основного закона, и в реальном устройстве государства. В первых проектах Конституции РФ предусматривалась широкая компетенция Конституционного суда: дела о конституционности законов и других федеральных и региональных государственных органов; конституционно-правовые споры между государственными органами РФ, между РФ и ее субъектами, а также между республиками РФ; толкование Конституции и ее изменений; рассмотрение дел по обвинению президента и иных высших должностных лиц государства в нарушении Конституции и законов и решение вопроса о дееспособности президента [Шейнис 2016: 76]. Интересно, что первый закон о Конституционном суде (1991) создавал «орган, наделенный правом и обязанностью выносить правовую оценку актам главы государства, высших органов исполнительной и законодательной власти, решать, существуют ли или отсутствуют юридические основания для отстранения от должности высших должностных лиц государства» [Шейнис 2016: 77]. В один из вариантов этого закона включалась глава 3, предлагающая проверку конституционности правоприменительной практики на основе жалобы индивида. Однако представители V Съезда Верховного Совета не приняли вариант закона с данной главой, поскольку опасались усиления власти Конституционного суда над Съездом. Тем не менее, закон о КС РФ был принят на этом Съезде. «Граждане СССР и РСФСР, иностранцы, лица без гражданства, а также юридические лица обрели право обращаться в КС с жалобами на нарушение их прав» [Шейнис 2016: 78]. Однако указ президента № 1400, объявивший роспуск Съезда народных депутатов и Верховного Совета, приостановил и работу Конституционного суда. Конституционный суд счел этот указ неконституционным и создающим основания для импичмента президента. Б. Н. Ельцин после этого собирался распустить Конституционный суд. Компромиссом стало объявление закона о КС (1991) недействующим. Процесс формирования органов государственной власти РФ с самого начала шел под контролем президента и его предста-

вителей, стремившихся не допустить возможности противостояния президентской власти, самостоятельности и независимости какого-либо органа.

Второй закон о КС (1995), который уже должен был учитывать полномочия президентской власти, зафиксированные в Конституции РФ (1993), отражал тенденцию к умалению роли КС в системе государственных институтов. КС утратил роль высшего органа конституционного контроля. У него была отнята функция проверки правоприменительной практики и ограничены возможности граждан добиваться защиты своих прав в Конституционном суде. Из перечня институтов, чьи нормативные акты могут быть проверены КС на соответствие Конституции РФ, были изъяты федеральные министерства и ведомства. Конституционный суд теперь не мог рассматривать дела по собственной инициативе [Шейнис 2016: 80]. В последующие годы закон о КС подвергался многочисленным изменениям, которые шли в русле общей контрреформы законодательства. Значительный негативный вклад в этот процесс вносили указы президента – сначала Б.Н. Ельцина, затем В. В. Путина. «Обращение к указному праву закрепляло сомнительную с точки зрения Конституции и законов роль президента в качестве распорядителя благ. Эта линия была продолжена в указах 2004, 2005 и 2007 гг. и определенно шла вразрез с позабытой к тому времени концепцией судебной реформы, одобренной ВС в 1991 г. В декабре 2004 г., в преддверии издания закона об отмене прямых выборов губернаторов населением, потребовавшего подтверждения КС, в денежном поощрении конституционных судей был совершен скачок...» [Шейнис 2016: 80]. Администрацией президента предпринимались разные меры, подрывающие независимость судей и самоуправление судейского сообщества, в том числе замена порядка выборов председателя КС и его заместителей коллективом судей их назначением Советом Федерации по представлению президента.

Так политико-правовой процесс формирования правового государства был остановлен и перенаправлен в противоположную сторону. В обществе даже не успел выработаться «иммунитет к тоталитарным соблазнам» (В. Л. Шейнис). Впоследствии КС не только перестал играть самостоятельную роль, но начал легализовывать и легитимировать антиконституционные указы президента: он фактически одобрил три указа президента и постановления правительства 1993–1994 гг. об участии вооруженных сил государства в «восстановлении конституционного порядка» в Чечне. Помимо массового нарушения прав человека силовые способы решения сложных политических проблем влекли за собой цепь серьезных негативных политических и правовых последствий в масштабах всей России. Среди таких последствий – рост влияния представителей силовых

структур и спецслужб во всех органах власти, антифедералистские и антидемократические тенденции – замена выборов высших должностных лиц субъектов Федерации их назначением, фактический отказ (с некоторыми оговорками) от приоритета международного права над национальным в деле защиты прав человека на территории России. Конституционный суд утратил свою роль основного защитника прав и свобод граждан. «Он не исполняет свое предназначение в системе сдержек и противовесов перед лицом силовых ведомств государства, которое становится все более репрессивным. Он слишком зависит от других ветвей власти и нередко подыгрывает им» [Шейнис 2016: 89].

Практически действующих правовых механизмов общественного контроля над исполнительной властью (особенно над силовыми структурами, преобладающими в ней), устанавливающих ответственность должностных лиц и органов власти за нарушения прав граждан, так и не было создано. Можно ли считать таким видом ответственности, например, отрешение Президентом РФ губернатора от должности? Основанием для отрешения от должности высшего должностного лица субъекта РФ по инициативе главы государства считается утрата доверия Президента РФ. Однако ряд юристов считает, что недоверие – это весьма субъективная моральная категория. «...отрешение от должности высшего должностного лица субъекта РФ эволюционировало по воле главы государства из института конституционно-правовой ответственности в меру политической ответственности, применяемой исключительно по усмотрению Президента РФ» [Кондрашев 2012а: 102]. Применение данной меры ведет к нарушению конституционных принципов федерализма, народовластия, разделения и независимости властей. Оно может рассматриваться как необоснованное вторжение в компетенцию субъектов РФ по формированию органов государственной власти, вызванное концентрацией правоприменительных полномочий у Президента РФ.

В результате политики последних лет нормы функционирования законодательно созданных механизмов контроля общества над исполнительной властью – парламента, оппозиции, свободных СМИ, гражданского общества, органов местного самоуправления, были существенно пересмотрены, их действенность оказалась ослабленной. Конституционные принципы построения российского государства – демократия, федерализм, республиканская форма правления, принцип правового государства – уже несколько лет подвергаются последовательной ревизии [Рыжков 2004: 2]. Законы, принятые в 2000–2010-е годы по инициативе администрации Президента [Федеральный закон № 133-ФЗ, 2015], нанесли удар по институтам, ограничивающим его власть и гарантирующим соблюдение

прав (власти) граждан. Централизация власти отрицает принципы федерализма и территориального самоуправления, уничтожает самостоятельность регионов, превращая федеративное государство в унитарное. Фактически окончательно перераспределена власть от субъектов РФ к администрации Президента. Сужены условия для политической конкуренции – оппозиция не представлена в Государственной Думе, участие в политике независимых кандидатов в депутаты стало невозможным. Закон «О назначении губернаторов» (2004) ликвидировал институт выборности губернаторов и депутатов от округов, то есть изъял часть политических прав граждан. Закон «О политических партиях» (2003) лишил граждан права избирать депутатов Думы по одномандатным округам. Изживаются демократические практики и процедуры: Совет Федерации фактически перестал быть представительным органом власти, губернаторы лишены парламентского иммунитета, институт полпредов Президента ограничивает полномочия губернаторов и в целом – самостоятельность субъектов РФ. Поправки к законам об общественных объединениях [Федеральный закон № 82-ФЗ, 1995] приводят к неоправданному вмешательству государства в деятельность неправительственных организаций, к их стигматизации в качестве «иностранных агентов», следствием которых становится невозможность осуществления деятельности и ликвидация. Вертикаль власти работает фактически против горизонтали гражданского общества (Закон «Об Общественной Палате» [Федеральный закон № 32-ФЗ, 2005]). Закон «О противодействии терроризму» [Федеральный закон № 35-ФЗ, 2006] вводит периоды чрезвычайности с установлением «режима террористической опасности», на время которых существенно ограничиваются гражданские и политические права граждан. Чрезвычайная централизация власти не разрешает, а порождает противоречия между федеральной властью и лишенными самостоятельности обществом, регионами, городами, отсутствие их публичного обсуждения чревато кумулятивным эффектом в виде социальной напряженности.

Тщательно проанализировав законодательные и иные механизмы и способы концентрации властных ресурсов, А. А. Кондрашев характеризует российский государственный режим как антидемократический и авторитарный. Политический порядок в России характеризуют следующие черты: гипертрофия личной власти главы государства, наделенного чрезмерными полномочиями, ставящими его над исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти, а также над всеми сферами общества, начиная с экономики – посредством контроля над руководством государственными корпорациями РФ; привилегии доминирующей партии; «огосударствленные» СМИ; тотальный контроль за гражданским обществом;

отсутствие обратной связи с населением и другие [Кондрашев 2012b: 23, 36–37].

Реализация избирательных прав граждан зависит от степени реализации других конституционных прав и свобод – свободы слова, собраний, права на судебную защиту и других. Административные и иные ограничения в одних из них приводят к нарушениям или существенным ограничениям в исполнении всех остальных. В новой редакции Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» [Федеральный закон № 67-ФЗ, 2002] содержатся ограничения свободы мысли и слова: фактический запрет на критику конкурирующих кандидатов препятствует политической конкуренции, необходимой в демократическом обществе. Множество федеральных законов, касающихся предвыборной агитации, рекламы, государственной и военной тайны, содержат юридически не определенные ограничения свободы мысли и слова. Законодательство о противодействии экстремистской деятельности не содержит четкого юридического разграничения между экстремизмом и инакомыслием (плюрализмом мнений). Правоохранительные органы зачастую возбуждают уголовные дела, усматривая признаки экстремизма в любых высказываниях, содержащих критику политики государства и его должностных лиц. Произвольно толкуются и такие признаки экстремизма, как возбуждение социальной розни, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их социального происхождения [Доклад... 2009: 11]. Отсутствуют четкие юридические пределы допустимого вмешательства государства в регулирование свободы слова, тем самым отсутствует баланс между правом личности и обязанностью государства, последняя толкуется исключительно как запретительная и априорно превышающая права личности. Доклады Уполномоченного по правам человека за последующие годы рисуют сходную картину массового нарушения прав граждан [Доклад... 2016].

Реальное положение дел в сфере обеспечения избирательных прав граждан характеризуется существенным ограничением основополагающих принципов избирательного права: всеобщности, равенства, свободы, тайны голосования, прямого характера голосования и разумной периодичности выборов. Принцип всеобщности избирательного права не соблюдается в той мере, в какой избирательные права гражданина – участие его в выборах – зависят от его регистрации по месту жительства. Это противоречит конституционному праву на свободу передвижения и выбор места жительства и является неконституционным ограничением допуска избирателей к участию в выборах. Всеобщности пассивного избиратель-

ного права препятствуют ограничения обоим возможным вариантам выдвижения кандидатуры на выборы любого уровня: сбор подписей и внесение избирательного залога. По предложению Президента РФ с февраля 2009 г. отменен избирательный залог при проведении выборов. Избирательные комиссии всех уровней очень часто забраковывают собранные подписи, препятствуя выдвижению кандидатов, неугодных администрациям. Конституционное право быть избранным на федеральном уровне ограничивается и тем, что оно может быть реализовано только через избирательные списки политических партий, и закрытостью для общественного контроля процесса формирования таких списков. Принцип равенства в реализации избирательных прав граждан нарушается тем, что в результате соединения административного ресурса и внеправовых избирательных технологий специально обученные лица голосуют по несколько раз на различных избирательных участках по дополнительным спискам. Нет равных возможностей для проведения избирательной кампании для разных политических партий, правящая партия поставлена в привилегированное положение. Масса нарушений связана с тем, что законодательство РФ позволяет государственным служащим участвовать в выборах, не прекращая служебной деятельности, совмещать государственную службу с руководящей работой в политических партиях. Эти объективные условия позволяют должностным лицам государства использовать свои властные полномочия в собственных интересах. Принцип свободы нарушается тем, что отсутствует реальное гарантированное право граждан на получение полной и объективной информации, на свободное формирование и выражение своего мнения. У политических партий отсутствуют равные возможности предвыборной агитации в силу монопольного владения государством доступными для большинства населения СМИ, отсутствия публичных дебатов между правящей и оппозиционными партиями и т.д.

Фактически по всем признакам, заданным бинарными оппозициями, наблюдается такая специфика в положении россиян в рамках политической системы, что отнести к ним понятие «гражданин» в полной мере становится затруднительно. Является ли массовый гражданин *своим* среди целой нации, если он принадлежит к тому или иному меньшинству или если он не принадлежит к элите? О наличии единой российской нации ведутся нешуточные споры [Миллер 2016]. Население, существующее в границах российского государства, представляет собой множество – атомизированное, фрагментированное, разделенное на социальные ниши, кланы, семьи, группы и т.д., в каждой из которых – разные основания деления на *своих и чужих*. Проблематично и единство российской нации, и ее внутреннее многообразие. Это фактически существующее в границах

российского государства, но признаваемое лишь на словах многообразие содержит в себе противоречие между универсальным принципом объединения и локальными характеристиками единиц. Принципом объединения такого множества людей в модели национального государства может быть только универсальный, абстрагирующий от различий – этнических, религиозных, иных – статус гражданина. Только право и политико-правовой статус гражданина в демократическом государстве позволяют установить единство (общность) людей, не дискриминируя их ни по каким основаниям. В России единство населения, целостность государства, управляемость общества и боеспособность силовых структур обеспечиваются принудительным, силовым способом, идейно связанным с принципом деления *свой/чужой (друг/враг)* даже внутри государства. Главным фактором, мешающим установлению единства нации, является государственная власть, способствующая поляризации общества, делению его на инсайдеров – «политический класс», «элиты», и аутсайдеров – подавляющее большинство населения¹¹. Массовый гражданин в нынешней России – безусловный аутсайдер. С этим связано и специфически российское решение оппозиции *эгалитарное/элитарное*. Эгалитарность и справедливость в таких условиях возможны лишь либо среди членов элиты, либо среди бедного большинства, но нет ни понятия, ни соответствующих институтов и механизмов осуществления абстрактного юридического равенства между большинством и элитами. Такая медиация и компромиссы пока не стали принятой и повседневной мыслительной операцией ни для большинства, ни для законодателей, ни для исполнительной власти, ни для системы правосудия и правоохранительных органов.

Слабость самоорганизации граждан также связана с особой структурой и авторитарным характером власти в России. Установка элиты на сохранение власти любой ценой порождает непрозрачность власти, стремление ликвидировать любые законодательные и фактические (кроме коррупционных) возможности открытой ротации управленческих кадров, доступа аутсайдерам к власти. Нынешняя политическая система скорее *исключает*, чем *включает* рядового гражданина в процесс формирования общей воли, то есть законов государства, в публичное обсуждение и принятие политических решений, касающихся общества в целом, исключает и из процесса распределения ресурсов и, соответственно, реализации прав и обязанностей. Она поощряет *неучастие* граждан в политике. Иначе невозможно объяснить отмену порога явки на выборы и другие поправки к

¹¹ Особенности инсайдерского и аутсайдерского политических рынков подробно описаны в книге О. Крыштановской, см.: [Крыштановская 2005: 55-65].

избирательному законодательству, а также административно зависимую избирательную практику последних двадцати лет.

Об осознании российским обществом действительной степени реализации политических прав свидетельствуют данные социологических опросов на протяжении многих лет. Возможность «влиять на принятие государственных решений в стране» в середине 2000 годов видели только 15 % опрошенных, 82 % – не видели [Левада 2006: 12]. Такое же мнение высказывают люди и в 2015–2016 годы. В отношении политического участия преобладает пессимизм. Оценка людьми причин отсутствия общественного контроля над действиями властей выявляет реально действующие факторы массового политического неучастия: господствующий стиль деятельности властных структур – ответственность чиновников перед вышестоящими инстанциями, а не перед гражданами (48 %); скудость информации о деятельности властей (29 %); уменьшение роли выборов, референдумов, свободных публичных дискуссий (27 %); политическая апатия населения (18 %), сохраняющаяся надежда на заботу власти (17 %) [Левада 2006: 13]. Основой всего комплекса установок российских граждан в их отношении к деятельности органов власти является социально-политическое и моральное отчуждение массового индивида от государственных дел. Массовое ощущение реалистично фиксирует незначительное место гражданина в нынешней политической системе, контрастирующее с декларируемым конституционным статусом гражданина РФ.

Специфика России в соотношении прав гражданина и прав человека заключается в том, что привилегированность прав граждан оказывается минимальной, приближающейся в массе случаев к нулю. Анализ публикаций СМИ за последние годы показывает: у большинства населения, формально являющихся гражданами РФ, массово нарушаются и политические права, и права человека. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2007 г. позволяет взглянуть на основные группы прав в соотношении с наиболее крупными категориями населения, у которых по преимуществу нарушаются конкретные права. Сопоставление этих данных с системой государственных институтов, призванных служить реализации прав граждан, позволяет ответить, подчинена ли работа российского государства целям обеспечения условий для самостоятельной реализации каждым гражданином конституционных прав и свобод. Обнаруживается закономерность, каким номинальным правом (льготой) наделена конкретная категория населения, такое право преимущественно и нарушается, или соблюдается, но избирательно, в зависимости от произвола должностных лиц, от которых реализация данного права и зависит. Некоторые примеры. У 13 млн. инвалидов, как правило, нарушаются те или иные права – на

труд, на средства реабилитации, на свободу передвижения и т.д., несоблюдение прав или прямые нарушения касаются всех инвалидов. Из 36 миллионов российских детей 10 миллионов живет в неполных семьях, у них зачастую нарушаются права на материальное содержание со стороны родителей [Доклад... 2008: 14]. По данным докладов уполномоченного по правам человека за 2014 и 2015 годы, последние десять лет мало что изменили, если не ухудшили положение детей. Реализация этого права зависит от службы судебных приставов, которая бездействует в отношении родителей, уклоняющихся от уплаты алиментов. У детей-сирот и оставшихся без попечения родителей, содержащихся в интернатах, массово нарушаются права на предоставление жилья после достижения совершеннолетия и выпуска из интерната, лишая их возможности быть законопослушными гражданами. Нарушения прав на пенсионное обеспечение фактически касаются всех пенсионеров, поскольку занижение норм выплат или отсутствие индексации пенсий за какие-то годы осуществляется в масштабах всего государства. У граждан, призываемых на военную службу, нарушается право на достойное денежное довольствие, они испытывают посягательства на их личную безопасность, честь и достоинство. У лиц, отбывающих наказание в местах принудительного содержания, отсутствуют достойные условия содержания (питание, медико-санитарное обслуживание) и «рутинно» нарушаются основные гражданские, социальные и культурные права: на жизнь, личную безопасность, свободу от пыток, жестокого и унижающего человеческого достоинства обращения, на медицинскую помощь и судебную защиту, на поддержание связей с семьей, на социальную реабилитацию и трудоустройство после отбывания наказания, на труд и др. Эта группа населения лишена не только прав граждан, но и прав человека. Потерпевшие от преступлений и злоупотреблений властью (жертвы), а это не менее одной четверти населения РФ только за последние годы, фактически, в массе дел, и даже в части законов, не рассматриваются у нас в качестве субъекта права. Реализация права на достоинство (ст. 21 Конституции РФ) у нас обеспечена уголовно-правовыми средствами защиты личности. Но преступления физического характера (пытка, насилие, жестокое обращение) в отношении задержанных, подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, заключенных, связанные с унижением человеческого достоинства, исходят не только от населения, но и от сотрудников силовых структур государства, то есть «тех должностных лиц, в чьи служебные обязанности входит защита конституционных прав граждан» [Доклад... 2009: 10]. Изменения с тех пор в этом плане если и были, то лишь в худшую сторону.

Правами экономическими (на труд, частную собственность), то есть свободой экономической инициативы обладает все трудоспособное население, прежде всего, занятое в экономике. Массовое нарушение права на справедливое вознаграждение касается всех людей в этой категории, то есть десятков миллионов человек. Слой предпринимателей, особенно малый и средний бизнес, очень часто сталкивается с нарушением принципа равенства хозяйствующих субъектов [Климцев 2009: 4], с попранием прав при взаимодействии с крупным бизнесом и государственными корпорациями, при заключении и расторжении договоров аренды, права преимущественного выкупа арендуемых помещений [Шаров 2009: 2], при регистрации предприятий госорганами. Систематически он становится объектом «наездов», рейдерских атак со стороны криминала либо правоохранительных органов, проверок органами государства, и втягивается в систему коррупции.

Правом на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство обладает все население России, оно входит в состав и конституционных прав гражданина, и прав человека. Позволяя восстановить уже нарушенные права, оно является гарантией осуществления всего спектра гражданских и политических прав со стороны правовой системы, особенно судебной. Осуществление этого права предусматривает реальный доступ гражданина (и человека) к правосудию, а его массовое нарушение подрывает доверие населения к судебной власти и государству в целом. По данным В.П. Лукина, право на судебную защиту востребовано населением. Однако массовый характер носят жалобы на нарушение права на справедливое судебное разбирательство, отсутствие равной и справедливой процедуры для всех участников судебного процесса, зависимость реализации права на судебную защиту от усмотрения судьи и его оценки, отсутствие беспристрастности правосудия (суда) и независимости судей. Об отсутствии независимости российской судебной системы от исполнительной власти свидетельствует множество фактов [Пашин 2013].

Все это группы людей, численность которых измеряется миллионами, и, выскажу гипотезу, общая численность россиян, у которых нарушаются те или иные права, не просто совпадает с числом граждан и даже населения РФ, но и многократно перекрывает его. Нарушения прав идут не по одному основанию, а по многим, не однократно, а систематически и на протяжении всей жизни человека (от роддома до кладбища). У россиян массово нарушаются и права человека, и права гражданина – и частногражданские, и публичные (политические) права. Нередки вопиющие нарушения прав, когда, например, из-за бюрократических ошибок прав гражданства (следовательно, и всех остальных прав) лишается население целой

деревни [Андреева 2009]. По каждому из конституционных прав гражданина выявляются массовые нарушения. Правоприменительная практика в России носит традиционно обвинительный характер, всегда утверждается верховенство органов государства над личностью, которая находится на постоянном подозрении у должностных лиц и структур государства.

Это означает, что политическая и правовая система российского государства обладает иной направленностью, нежели осуществление прав граждан. Реализация права граждан на отправление правосудия (ст. 32 Конституции РФ), на гарантии каждому государственной и судебной защиты прав и свобод человека и гражданина (ст.45,46) наталкивается на препятствия в виде «неэффективной и абсолютно коррумпированной вертикали МВД» и других властных структур, на бюрократизм политической системы, коррупционные номенклатурные принципы и процедуры назначения [Сатаров 2004: 3], на отсутствие независимой судебной системы. Система правосудия, призванная защищать конституционные права граждан, работает избирательно, по неписаным нормам и обычаям – «правилам оправданного произвола» [Вошанов 2004: 6]. Эта система нацелена преимущественно на исполнение гражданами обязанностей. Выполнение воинской обязанности в условиях российской армии превращается в нечто, прямо отрицающее статус гражданина и целый комплекс прав, начиная с права на жизнь (п.1.ст.20 Конституции РФ). По данным Союза комитетов солдатских матерей, «небоевые потери» Вооруженных сил России с 2000 по 2005 годы составили 10799 человек. Большинство погибших – жертвы дедовщины, от которой ежегодно страдают 20 000 солдат. 5 тысяч солдат (2 полка) ежегодно дезертируют из-за побоев и издевательств [Немцов, Прибыловский 2005: 8]. «Эта армия может функционировать только тогда, когда она не несет никаких обязательств и никакой ответственности перед теми, на кого оно надело военную форму» [Гольц 2005: 7]. Высшие армейские чины рассматривают солдат не как квалифицированную воинскую силу, поддержание которой требует затрат, а как «одноразовое изделие» в условиях боевых действий и дармовую силу – в тылу. В налоговых отношениях граждан и государства выявляется отсутствие равенства всех перед законом, непоследовательность и произвол. Действительному равенству всех перед законом и судом (п.1.ст.19 Конституции РФ) противоречит многое. Это и закон «О государственной гражданской службе РФ» [Федеральный закон № 79-ФЗ, 2004], сохраняющий льготы и привилегии для государственных чиновников и членов их семей (достаточно сравнить его с законом «О монетизации льгот» [Федеральный закон № 122-ФЗ, 2004]). Это и процессуальное неравенство сторон в судах по административным делам, где преимущество оказывается у стороны обвинения. Мনে-

ние стороны, предъявляющей обвинение от лица того или иного органа государства, в Кодексе об административных правонарушениях расценивается как доказательство. Это и отсутствие права на возмещение вреда, нанесенного потерпевшему органами государства или должностными лицами. В законах не предусмотрено обжалование в суде действий лиц, применяющих принуждение. Все это создает системные нарушения конституционных прав граждан. Реальная практика действующего режима показывает отсутствие юридического равенства между номенклатурой и всем обществом.

Важную характеристику политико-правового порядка в России с точки зрения гражданской безопасности дает Т.В. Шипунова. Она анализирует влияние на безопасность российских граждан различных практик «системного насилия», осуществляемого на всех уровнях общества, и в первую очередь, на уровне государства. Под гражданской безопасностью данный автор понимает «...соблюдение гражданских прав и свобод, закрепленных в международных документах, Конституции и других нормативных предписаниях, которые устанавливают границы видов деятельности, нарушающих безопасность граждан по наиболее важным параметрам жизнедеятельности, дающим возможность интегрироваться в общество, развивать потенциал адаптивной гибкости (готовности к изменениям) и сохранять человеческое достоинство» [Шипунова 2016: 122]. Из этого понятия можно вывести четкие критерии оценки деятельности тех или иных органов государства, других социальных институтов, влияющих на степень безопасности граждан. Основу обеспечения гражданской безопасности как защищенности составляет реализация принципа социальной справедливости во всех сферах жизни общества. Операциональное значение этого принципа связано с интерпретацией справедливости как «меры общественной пользы (социальной адекватности) законов и других нормативных предписаний (формальных и неформальных, официальных и неофициальных), устанавливающих и поддерживающих на основе соглашения такой порядок жизнедеятельности людей и организаций, физических и юридических лиц, который способствует выживанию и развитию социума, обеспечивает интеграцию и достойное существование его членов... Выражение «достойное существование» – суть обобщение всех тех прав, свобод и ценностей, которые провозглашаются в современном обществе: мера равенства и свободы, социальная поддержка, уровень образования, включенность в социальные сети, широкие возможности выбора легальных видов деятельности, защита человеческого достоинства и т.д.» [Шипунова 2016: 123]. Т.В. Шипунова приводит примеры актуальных практик насилия в российском обществе. К таковым относятся практики законо-

творчества, то есть принятия законов и других норм, ухудшающих социально-экономическое и политическое положение российских граждан. Последствиями применения таких норм, например, Указа Президента РФ (2014 г.) о санкционных продуктах и соответствующих мер Правительства РФ стало падение уровня зарплат и снижение реальных доходов россиян [Овчарова 2015: 26]. Так осуществляется нарушение права граждан на достойное существование и снижается уровень гражданской безопасности. Соккрытие актуальной социальной и политической информации, ее искажение, массированное пропагандистское навязывание исключительно официального дискурса по проблемам внешней и внутренней политики, специфические «политика памяти», политика в отношении религии¹² и «культурная политика», меры по «оптимизации» системы образования и здравоохранения, стратегия и тактика исключения из публичной сферы неугодных правящей элите социальных групп и индивидов, ограничение деятельности политической оппозиции – все это разные направления системы государственного насилия, подрывающие безопасность граждан. Одной из основ системного насилия со стороны государства, которая впоследствии не может не породить катастрофические социальные последствия, является установление в обществе социально неадекватных норм – модели политического порядка и государственного контроля поведения людей, понятия «иностранный агент», «внутреннего врага», «пятой колонны», «группы риска» и т. п. Высшие чиновники государства становятся авторами и проводниками институциональной виктимизации населения, превращения рядовых граждан в жертв тех или иных институтов государственной власти. Это осуществляется вследствие роста бюрократизма, деперсонализации, закрытости политической системы для участия граждан, отсутствия обратной связи между элитой и населением и т. д.

От содержания ментального измерения модели гражданина не в меньшей степени зависит реализация прав и свобод. Государство и личность у нас до сих пор не рассматриваются как равновеликие ценности, часть (гражданин) не эквивалентна целому, а гражданин, облеченный должностными полномочиями, не равен рядовому гражданину. Юридический и фактический статус представителей органов государственной власти в России принципиально отличаются: номинально чиновник – гражданин, реально – властное лицо, обладающее рядом привилегий, зависящих от его статуса в иерархии власти. В России нет юридического статусу-

¹² Принятие Федерального закона от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «Об оскорблении чувств верующих», вызвавшее повышение статуса РПЦ, сращивание власти и церкви и вызывающее раскол между разными группами верующих, между верующими и атеистами и другие противоречия.

са, обособленного от статуса индивида во властной иерархии. Наша система права не нацелена на служение каждому гражданину государства в равной мере, она не правовая. В России отсутствует универсальный, единый для всех социальных слоев и не зависящий ни от каких иных признаков, абстрактный формально-правовой статус гражданина. Принцип равенства перед законом не признается должностными лицами и не действует в качестве основы правовых и политических институтов. «Средний» индивид не идентифицирует себя в качестве гражданина, субъекта гражданского общества и правового государства. Противоречие между номинальным статусом гражданина (основного производителя, потребителя, налогоплательщика, избирателя, определяющего конституцию-строй государства и участвующего в принятии политических решений) и реальным положением лица, беззащитного перед давлением власти в виде правоохранительных или налоговых органов, пронизывает жизнь и ментальность обывателя. Отсутствие экономической, политической, правовой и интеллектуальной автономии массовой личности в России, ее зависимость от власти препятствуют и субъектному пониманию гражданина как государство- и правообразующего лица, и становлению целостного феномена гражданина.

Возникает замкнутый круг: равнодушие граждан к собственным конституционным правам связано с неверием в эффективность системы правосудия, что обусловлено действительным ее состоянием, но нормальная работа институтов защиты прав граждан невозможна без их деятельного участия, самоорганизации и объединения с другими гражданами в целях защиты собственных прав. У людей высока степень недоверия к правоохранительным органам, неверия в возможность восстановить поправленные права законными методами, ощущение персональной незащищенности от не санкционированных законом действий милиции, прокуратуры и судебных органов¹³. Такая ментальность является благодатной почвой для коррупции и преступности, поскольку обыватель в массе своей законопослушному, лояльному и легальному поведению предпочитает неформальные («теневые», силовые) способы решения своих проблем, воспроизводя при этом систему коррупции.

Общая социально-политическая ситуация в России характеризуется параллельным существованием двух «порядков» – конституционного, формально-юридического (а по качеству – декларируемого, имитационного) и фактического. Наблюдается абсолютный разрыв между «порядком

¹³ Сводный Индекс произвола правоохранительных органов (ИППО), по данным Левада-Центра и фонда «Общественный вердикт», составляет +31,3 (+3) [Индекс произвола 2005: 19]

правовых слов» и «порядком внеправовых дел», между конституционным законодательством и публичной риторикой, с одной стороны, и исполнением законов, правоприменительной и политической практикой, с другой. Произошедшая после 2000 г. милитаризация власти [Крыштановская 2005: 279] препятствует установлению эффективных механизмов общественного контроля над всеми подсистемами общества, связанными с принуждением: налоговыми органами, армией, прокуратурой, судебной системой, правоохранительными органами, спецслужбами, уголовно-исполнительной системой. Нынешнее состояние ментальности в обществе составляет основу для системы отношений взаимного недоверия между номинальными гражданами и властью. Должностные лица, персонифицирующие органы государства, воспроизводят систему ограничений политической и правовой самостоятельности граждан на всех уровнях. Они действуют, относясь к гражданам как объектам управления (налогообложения и других обязанностей). Наше государство традиционно не доверяет инициативе личности, недооценивает ее потенциал, не ценит ее жизнь, свободу, труд, стремится связать ее многими и подчас непосильными обязательствами, и не давать прав и свобод. В результате такой политики между государством и населением сложились отношения «взаимного обмана», «лукавства»: люди уклоняются от исполнения все возрастающих обязанностей, но не могут этого сделать полностью. Общественное мнение фиксирует это. «Баланс выполнения» (соотношения мнений («выполняют»: «не выполняют»)) обязанностей граждан перед государством составляет 36:23, а государства перед гражданами – 9:54. Представления о взаимных обязательствах и взаимном контроле государства и граждан таковы: утверждение «Граждане контролируют деятельность власти» выбрал 1 % опрошенных; «Власть контролирует деятельность граждан» – 21 %; «Ни власть, ни граждане друг друга не контролируют» – 30 %; «Граждане и власть обманывают друг друга» – 31 % [Левада 2006: 14]. В последние годы «лукавые» отношения между гражданами и государством лишь усугубились. По данным исследования Левада-центра 2011 г., 75 % населения считали, что интересы и цели власти и общества в России не совпадают, что обратная связь между элитой и населением отсутствует. 67 % опрошенных не чувствуют себя защищенными от возможного произвола со стороны правоохранительных и иных органов государственной власти, 85 % признают верным утверждение, что большинство государственных чиновников не подчиняется законам, а политики занимаются политической деятельностью ради личной выгоды. 82 % респондентов признают, что не могут влиять на политические процессы в России, лишь 25 % оп-

рошенных считают, что могут отстаивать свои интересы и права, если они будут нарушены [Левада-центр 2011].

Взаимный обман и невыполнение обязанностей свидетельствуют о неправомерном характере зависимости граждан от государства. Независимость, автономия властей (законодательной, судебной, региональных) и людей, все индивидуальные и коллективные права и свободы (от экономической до политической и информационной), децентрализация, демократизация, федерализм – все это вызывает отторжение российской власти. Логичное решение проблем – дать личности реализовывать самой собственные права – немыслимо при нашем политическом порядке. Между тем, право на собственность и экономические свободы способны в условиях правового государства «связать» личность гораздо сильнее «палки». Но организация свободы и прав индивидов, упорядочение хаоса взаимодействий свободных личностей – куда более сложная государственная деятельность, чем силовое принуждение.

Реальные черты наличного политического и правового порядка в России и места, занимаемого в нем гражданами, помогает еще более отчетливо понять подход Э. Лора, который раскрывает существенные черты советского гражданства. Мы же видим, что эти черты в значительной степени унаследованы российским государством, поскольку скрыто присутствуют в современном российском институте гражданства и онтологии гражданина. Э. Лор исследует институт гражданства с помощью понятия «граница гражданства», привлекая данные о реальных практиках групповой и индивидуальной иммиграции, эмиграции, натурализации и денатурализации национальных и религиозных меньшинств. «Границу гражданства» Э. Лор определяет как «область взаимодействия граждан и притязаний их государства на суверенитет» [Лор 2017: 8], или границу между людьми, являющимися гражданами, и теми, кто таковыми не является. Он осуществляет анализ границы общности людей, составляющей государство, определяет тех, кто в нее включается, и тех, кто исключается, а также исследует критерии, на основании которых это делается.

Э. Лор выявляет основные тенденции эволюции российского законодательства и общепринятых практик, начиная с периода реформ Российской Империи 1860-х годов и до распада СССР. Он рассматривает основные элементы, ставшие традицией российского и советского гражданства, унаследованной современной Россией. В конце 1920-х годов под непосредственным руководством И. Сталина советское государство приняло курс на полную изоляцию от внешнего мира. Такой курс был обусловлен специфическим пониманием модернизации советского государства и общества исключительно как индустриализации. Ввиду невозможности при-

влечения инвестиций извне и идеологически окрашенных оценок внешне-политической ситуации советское государство приняло курс на «построение социализма в отдельно взятой стране», на проведение индустриализации посредством опоры только на внутренние ресурсы, путем «автаркической индустриальной мобилизации». В советский период была разорвана преемственность по отношению к российским юридическим традициям, в том числе и касающимся границы гражданства. Коренным образом были изменены практики иммиграции, эмиграции, натурализации и денатурализации.

На основе привлечения многочисленных исследований, архивных материалов, обобщения данных Э. Лор выделяет существенные характеристики советского гражданства. С одной стороны, «советское гражданство» пришло на смену «подданству Российской империи» и «подданству буржуазной республики Временного правительства» и внесло нечто новое – классовую основу гражданства и иное решение женского вопроса. С другой стороны, большевистская власть «вернулась к дореформенным процессуальным нормам, связанным с подданством» [Лор 2017: 220]. Здесь имеются в виду реформы 1860-х годов. Взяв термин гражданства номинально, большевики отвергли его содержание как системного политического феномена, формирующегося на основе принципов верховенства права и равенства всех граждан государства в правах и обязанностях. Была создана система, основанная на дифференциации прав и обязанностей в зависимости от социального (классового) происхождения, а значит, на лишении миллионов людей прав гражданства. «Лишенцы» идеологически были превращены во врагов граждан, а практически им был придан «чрезвычайный статус подданного, имеющего лишь обязанности» [Лор 2017: 22], подобный статусу крепостного.

Основным принципом советской политики гражданства, начиная с конца 1920-х годов, было не поддержание численности населения, не восполнение недостатка рабочей силы, а создание и сохранение автаркии единого государства. Уже в ходе Гражданской войны наметился огромный разрыв между идеологическими лозунгами и теоретическими рассуждениями, с одной стороны, и политической практикой гражданства, применяемыми технологиями и процедурами, с другой. В первые годы установления советской власти звучали декларации о свободе иммиграции для тех иностранцев, которые соответствовали критерию классового происхождения и политическим убеждениям. Однако уже тогда главной установкой отношения НКВД к въезжающим было подозрение, которое материализовалось во множество юридических и иных процедурных препятствий для получения гражданства. Процедуры регистрации, чрезвычайно-

го контроля над иностранцами, меры уголовного преследования и тому подобное, предписываемые в секретных инструкциях НКВД и осуществляемые беспрекословно, аресты и казни «подрывных элементов» в годы Гражданской войны – все это создавало такие риски для иностранцев, что отбивало всякое стремление иммигрировать в Советский Союз. К тому же советские власти игнорировали многие положения международного права в отношении иностранцев, военнопленных, беженцев и других категорий лиц. В 1918 г. Центропленбеж ввел жесткие правила регулирования вопросов собственности, реституции, вывоза и ввоза собственности и других ценностей беженцев из оккупированных областей. На практике на основе этих законов осуществлялась национализация и конфискация всей собственности и денег эмигрантов (иностранцев и бывших российских подданных) и других лиц, пересекавших границу [Лор 2017: 241]. Декрет от 15 декабря 1921 г. способствовал проведению массовой денатурализации большинства бывших подданных Российской империи, в годы революции Гражданской войны оказавшихся за ее пределами. Полтора миллиона лиц оказались лишены гражданства. В книге Э. Лора приведены данные о множестве мер, применяемых советскими властями в отношении разных категорий эмигрантов, желающих вернуться в Россию, – евреев, офицеров и рядовых белой армии, казаков и т.д.

Э. Лор формулирует советский подход к гражданству следующим образом: «лишение прав гражданства при сохранении обязанностей и самого статуса гражданина» [Лор 2017: 252]. Этот подход предполагал разделение на полноправных граждан и лишенцев. В статусе последних в соответствии с меняющимися решениями ВКП(б) могли оказаться торговцы, духовенство, лица, использующие наемный труд, бывшие дворяне, бывшие полицейские, душевнобольные, этнические меньшинства, семьи, кланы и т.д. В определенной мере можно говорить о воспроизводстве советскими властями дореформенных имперских традиций формирования «разных пакетов прав и обязанностей для разных групп населения». Это был шаг на пути от «гражданства» к новой форме советского «подданства». «Мощная революционная идеология гражданства с его обещанием равных прав для всех была замещена идеологией классовой войны, предполагавшей лишение некоторых групп населения прав и одновременно расширение привилегий для других, таких как крестьянская беднота, рабочие и «отсталые» национальности» [Лор 2017: 252–253]. Реальная эффективность стержня советской политики гражданства – дифференциации прав гражданства, зависела от применяемых процедур: технологии и порядка регистрации, оформления документов, системы контроля над населением и т.д.

Непростым моментом советского гражданства было соотношение союзного и республиканского гражданства, юридически оформленных по принципу «двуединства советского гражданства». Юридическая неоднозначность парадоксальным образом сочеталась с фактически однозначным и жестким контролем политики гражданства со стороны ОГПУ и НКВД, которые были «центром» гражданства, осуществлявшим над ним тайный контроль [Лор 2017: 259]. Выход из гражданства (денатурализация), например, для лиц, временно находящихся на территории советского государства, оказался под запретом. В этом смысле советское гражданство, нормы и процедуры осуществления которого реально заданы полицейским контролем ОГПУ и НКВД, фактически является захватом любого человека, оказавшегося на данной территории, в своего рода плен. Целью же этих действий (в предельном варианте – для лишенцев) является наделение индивида исключительно обязанностями перед государством и лишение прав.

В конце 1920-х годов советское руководство встало на путь изоляции, который осуществлялся весь период существования Советского Союза. Некоторые отступления от этого курса, например, приглашение западных специалистов в период нэпа и индустриальныхстроек, лишь подтверждают общее правило, поскольку для иностранцев въезд в Советскую Россию означал зачастую разрыв с родиной или гибель. Но особенностью советской модели гражданства была не столько ее стремление к отсутствию иностранцев или двойного гражданства, не столько полная герметичность государства. Стержнем этой модели гражданства был полный полицейский контроль над людьми, даже соответствующими классово-идеологическим критериям обладания статусом советского гражданина. Такой контроль позволял использовать их в качестве рабочего материала государства, принуждать разными способами к выполнению обязанностей, наложенных госпартноменклатурой. Никакие послабления в виде предоставления государством гражданам некоторого минимума прав (на здравоохранение, образование и т.д.) не изменяют сути этой модели – полицейского подхода, низкой оценки жизни, вечного подозрения и неуважения органами государства и должностными лицами достоинства собственных граждан. Политическая система современной России, после нескольких лет открытости миру, стремления к политической и иной модернизации, вновь демонстрирует поворот к изоляционизму и соответствующему наследию советского времени.

Безусловно, в полной мере воспроизводство советской модели государства (и гражданства) невозможно. Поэтому анализ политической инерции, наследия выявляет лишь часть факторов, детерминирующих черты

нынешнего политического порядка в России. В последнее время в социальных науках получила распространение концепция, согласно которой в России сложился неопатримониальный режим как разновидность авторитаризма. Происхождение, особенности и механизмы самосохранения неопатримониальных режимов раскрываются в ряде исследований [Фисун 2010; Фисун 2007; Зон 2007 и др.]. Патримониальные (патрон-клиентские) отношения (режим, управление) базируются на власти-собственности правящей группы над основными ресурсами и на личной зависимости бюрократии от правителя, а также населения от бюрократии. Данный режим является отчасти «наследием» прошлого, но в то же время и результатом целенаправленных действий групп и акторов, участвовавших в перераспределении власти и ресурсов после распада СССР и стремящихся к максимизации власти в политике и собственных выгод (ренды) в экономике. Российская система власти инерционна, поскольку ее фундамент составляет господство сырьевой экономики, порождающей отсутствие стимулов к экономической и политической модернизации. Причину провала постсоветской модернизации В. Гельман видит в установлении «господства неопатримониальных политических институтов – не столько унаследованных от советского и досоветского прошлого, сколько целенаправленно и преднамеренно созданных в интересах правящих групп и призванных закрепить их политическое и экономическое доминирование» [Гельман 2015: 7]. Э. А. Паин характеризует патримониальную матрицу как «модель легитимации господства, которая поддается изменению, хотя обладает высокой инерционной устойчивостью» [Паин 2016: 57]. Инерция «ограничивает возможность произвольного движения, задает некоторую особенность исторического пути народа и страны, однако само понятие инерции предполагает возможность ее преодоления при определенных изменениях условий среды и усилении импульсов внешних воздействий», она не может быть вечной [Паин 2016: 57].

В настоящее время можно зафиксировать отчетливую трансформацию политического режима в России, признаки ее выявляются не только в институциональных механизмах и средствах властвования, но и в отношении используемых режимом технологий идеологического регулирования. В период 2000–2011 годов «техника массового господства» (Л. Гудков) была нацелена на поддержание состояния апатии в обществе, отчуждения его от власти, скупку политических прав у населения. Власть опиралась на систему деморализации общества [Гудков 2011: 364]. Задачи идеологического воздействия ограничивались имитацией модернизации и демократизации. Среди разных идеологий, звучащих в публичном пространстве, вполне отчетливой была и либерально-демократическая рито-

рика. После 2012 года был взят курс на консервацию социально-политического порядка и режима власти, на ограничение доступа во власть и элиту, на ликвидацию политической конкуренции, на архаизацию властных отношений. Даже риторика модернизации исчезла из публичной сферы.

Поэтому получается, что к такому неопатримониальному, неотрадиционалистскому политическому порядку и режиму сложно, неуместно, странно предъявлять требования реализации конституционного статуса, прав, обязанностей и свобод гражданина и, соответственно, модели государства, которые составляют основу проекта Модерна. Функции и смысл существования неопатримониализма абсолютно иные.

2.2. Российский гражданин в роли частного и публичного лица

Рациональная и эмоциональная самооценка личности, ее чувство собственного достоинства зависят от общественного одобрения и государственного стимулирования стремления людей участвовать в формировании порядка частной и публичной жизни. По сути, это социальная и политическая субъектность, или стремление к власти, связанное как с властью над собой (самодисциплина), так и над обстоятельствами. Автономность, свобода, рациональность, или рефлексивность и креативность в отношении внешнего мира и самого себя [Честнов 2009: 23] – характеристики индивида не только в качестве субъекта права (гражданского и конституционного), но и в качестве субъекта религии, морали, экономики и политики, сформулированные общественно-политической мыслью и формируемые на практике в западноевропейских странах в Новое время. Насколько состоятелен в настоящее время средний россиянин в качестве частного лица и публичного человека, гражданина? Обладает ли он автономным пространством частной жизни, защищенным от незаконного вмешательства извне? Какова его фактическая политическая роль? Ответ на эти вопросы связан с анализом комплекса проблем, касающихся соотношения частного и публичного в жизни российского гражданина.

Одним из социальных институтов, относящихся к частной жизни индивида, является семья. Исторически обособление частной жизни в европейских странах в XVIII–XIX вв. происходило в первую очередь в буржуазной среде, путем развития частной собственности, правовых и иных механизмов защиты приватной жизни буржуа. Важнейшей составляющей в этом процессе была дифференциация мужской и женской ролей в семье

и обществе. Женщине досталась роль охранительницы частной жизни членов семьи, подчиненной мужчине, а мужчине – роль гражданина, обладающего гражданскими и политическими правами. Суверенизация индивида-мужчины происходила параллельно суверенизации семьи. «Свобода, равенство, братство мужчин возростали на семейном деспотизме. Похоже, что развенчание, детронизация и десакрализация власти Монарха сопровождалась увенчанием и сакрализацией главы каждого отдельного семейства, превращавшегося в монарха, деспота, тирана в своем доме» [Айвазова 2006: 141]. «Мультипликация авторитаризма» выступает в истории Европы одним из элементов модернизации и демократизации. Процесс разграничения публичной и частной жизни шел для мужчины-буржуа, с одной стороны, путём естественного развития им роли домохозяина, главы семьи, господина над домочадцами, с другой – путем выработки и присвоения публичной роли гражданина. Процессы взаимного обособления и ограничения частного и публичного и суверенизации личности касались поначалу лишь мужчин и осуществлялись за счет подчинения им женщины. Политическая субъектность и доступ к публичности обеспечивались их господством в частной жизни. Эволюция частной жизни в XIX–XX вв. включала переход от патриархатной авторитарной семьи к эгалитарной партнерской семье, где женщина лишь к середине XX в. обрела равные с мужчиной социальный статус и роль – и в семье, и в публичной жизни.

В соответствии с представлениями либерализма, частное является границей и основой публичного и государственного, а публичное – гарантией соблюдения частных интересов и прав. Система политического представительства была основана на убеждении в том, что отцы семейств должны заниматься реализацией собственных частных интересов, а часть своих публичных полномочий делегировать представителям для обеспечения общественных потребностей. В такой оптике семья выступает в качестве определенной модели демократии. Она является каналом социализации и вовлечения индивида в общественную, публичную жизнь, носителем отношений формального подчинения и отношений самоуправления – родственного, сословного, корпоративного, территориального, экономического. Семья и совокупность более широких отношений – соседских, связей в рамках местного самоуправления – задают образцы публичных ролей для младшего поколения.

Нынешнее состояние соотношения частного и публичного в жизни россиян во многом обусловлено специфической эволюцией частного и публичного в российской и советской истории. Эволюция семьи в России шла несколько иным по сравнению с европейским путем. В российской

истории отсутствует этап установления взаимной связи между частной и публичной ролями гражданина, между развитием буржуазной семьи и завоеванием политических прав отцами буржуазных семейств. В России долго сохранялась патриархальная семья и подчинение индивида общине («миру») и царю как патриарху общества, следствием чего была неразделенность общественной и частной жизни. Давление патриархальной семьи с авторитетом родителей на мужчину препятствовало формированию автономной личности. В большевистской России идеологическая задача ликвидации частной жизни (частной собственности, семьи, быта, индивидуализма) определяла социально-политический статус и публичную роль индивида. Последствия мощной работы по воспитанию сознательного советского гражданина как непосредственно и принудительно включенного в публичную жизнь коллектива и государства, без защитного слоя относительной закрытости семейной и частной жизни, до сих пор мешают становлению автономной личности. Подчинение трудовому коллективу и «вождю всех народов» определяло специфику соотношения частного и публичного, ролей индивида в семье, обществе и государстве.

Задачи ликвидации «всего частного», поставленной В. И. Лениным, советская Россия не выполнила, но успела закрепить особую роль женщины-труженицы, «на работе и дома» отдававшей себя во имя «общественного блага». Советская семья никогда не была патриархальной. Развитию эгалитарной, партнерской семьи мешали два обстоятельства. В употребляемом в советском законодательстве понятии «женщина-мать» фиксировалось, что публичной функцией женщины является «рождение и воспитание настоящих граждан советской страны». Так были смешаны и смещены частное и публичное в жизни женщины. Несмотря на декларации о равноправии, к исполнению публично-политических обязанностей по ряду нарядке допускалось ограниченное число «проверенных» женщин. Мужчина в официальном законодательстве не был признан в качестве полноценного члена семьи, несущего ответственность за детей и имеющего на них равные с женщиной права. Советское семейное законодательство было дискриминационным по отношению к мужчинам, женщинам и детям. Любому ребенку рассматривался в качестве «собственности» государства (потенциальной рабочей силы, носителя воинской повинности, объекта налогообложения), а не семьи или отца. В этом – основа низкой оценки советским государством отдельной личности, ее жизни и труда. Традиционная подозрительность российского государства к отдельному человеку, отношение к нему не как к субъекту права – не преодоленный до сих пор системный порок политической системы, который порождает между государством и обществом отношения недоверия и нересипрокности.

Одним из элементов идеологической задачи подчинения советского гражданина государству было снижение роли мужчины в семье и обществе. Участие в управлении государством рядовых советских граждан было сведено к участию в торжественных ритуалах. Система предписывала послушание, присущую мужчинам активность можно было реализовать либо посредством официальной карьеры в партийно-государственных структурах (ценой подавления личности в себе и других людях), либо в теневых экономических и социальных практиках. В этом заключается существенная особенность эволюции политической системы в СССР. Система образования и воспитания и другие сферы функционирования советского государства трансформировали систему патриархального господства: семья и частная жизнь людей были полностью открыты для вмешательства партийных и государственных органов. Границы между частной и общественной жизнью оказались проницаемыми и размытыми. Партийными функционерами была сформирована система тотального господства партии-государства над личностью, независимо от пола, возраста и других различий. Но технологии такого подчинения учитывали специфику тех или иных различий. Женщину эта система эксплуатировала с двукратной силой – и как работницу, и как мать. Однако символически «женщина-мать» возвеличивалась, советская мифология почти отождествляла ее с «Родиной-матерью». Общим «отцом» (и «всех народов», и каждого человека в отдельности) в системе этих символов был Сталин, сконцентрировавший всю силу частной и публичной власти на себе и узурпировавший активное мужское, отеческое начало у всех других мужчин. Все они были превращены в «детей» (солдат и тружеников) – домочадцев, подчиненных всесильной воле «отца».

Социокультурный смысл лишения российского мужчины функций отца и хозяина до конца не оценен. Это был процесс ограничения активности мужчины во всех сферах жизни. Система оценки труда в советской экономике лишала мужчину экономической автономии и состоятельности. Одновременно был подорван и его авторитет в семье. Так была разрушена основа для гражданской суверенности индивида – в первую очередь мужчины, и для его политической автономии и публичной роли субъекта государства. Истребив самостоятельных мужчин (крепких крестьян, купцов, буржуа как идеологических противников) в ходе гражданской войны, коллективизации, репрессий и других мер принуждения, в остальных мужчинах партия-государство подавило всякую волю к несанкционированной инициативе. Не в этом ли исходные причины многих нынешних социальных болезней среди мужчин? «Частное» в советское время было редуцировано к государственно-общественному. Последнее сложно считать пуб-

личным. Через контроль коллектива над каждым работником государство установило почти тотальный контроль над личностью. Интересы государства ставились выше интересов личности. Система политической социализации массово и безальтернативно внедряла в сознание людей требования к роли гражданина: быть готовым к подвигам, борьбе с внешним и внутренним врагом, к беззаветной преданности и жертвенности во имя общих Родины-матери и Отца. Это было связано еще и с установлением равенства полов. В глазах женщины государство низвело мужчину, заменив ее экономическую зависимость от мужчины тотальной зависимостью от государства (посредством учреждения минимальных социальных гарантий и льгот). Истоки нынешнего патернализма россиян коренятся в факте этой зависимости женщины от государства, в передаваемых ею детям установок на эту зависимость.

Для советского закона не существовало семьи как особой сферы частной жизни человека, как не существовало и частной собственности. В постсоветском законодательстве произошли коренные изменения: в Конституции РФ (1993) провозглашен принцип равенства между мужчиной и женщиной, установлены обязанности государства по защите и материнству, и отцовства. Но реализация норм, направленных на поддержание и развитие эгалитарной, партнерской семьи, оставляет желать лучшего. Формы семейных отношений и ролей неустойчивы. Ответственности за себя у многих россиян так и не сформировано, есть, скорее, ответственность перед кем-то другим. Для молодых россиян ценность свободы связана чаще с ее реализацией в частной жизни, чем в общественной, публичной. Это объясняется социально-психологическим механизмом компенсации за предыдущие десятилетия угнетения сферы частной жизни, с отсутствием государственного стимулирования участия граждан в публичной жизни.

В отличие от утверждений некоторых исследователей о происходящем в настоящее время обособлении частной и публичной сфер жизни, о разделении государственной (общественной) и частной жизни [Айвазова 2006: 140], мы исходим из предположения об их неоднозначном соотношении. Наблюдаются тенденции «приватизации» и «разгосударствления» человека. В массовом сознании современных россиян Т. В. Павлова отмечает тенденцию выдвигания на первый план ценностей частной жизни и формулирует проблему формирования автономной личности в процессе обособления частной жизни от жизни общества и государства [Павлова 2006: 278–279]. Позитивным считается сохраняющееся доверие людей к семье. Но это единственный социальный институт, которому доверяет большинство россиян. Каков потенциал доверия к семье? Даже официаль-

ная статистика свидетельствует о кризисе семьи: невероятном количестве распадающихся браков, широком распространении гражданских браков, брошенных детей, непопулярности «семейного» труда по воспитанию детей. Действительно ли в России идет процесс «суверенизации» семьи и личности внутри нее? Благоприятствует ли развитию экономической инициативы, частной собственности, в целом – автономии личности система экономических, правовых и политических институтов? Эти вопросы не находят однозначных и окончательных ответов.

Вопрос об индивидуальной автономии связан с проблемой автономии гражданина и в политической, и в частной жизни. Для большинства населения микросреда как среда преимущественно частной жизни не становится ресурсом для упорядоченности повседневности. Частью населения семья не воспринимается как сфера частной жизни [Хлопин 2006а: 338]. Это объясняется тем, что семья не обособлена от родственно-дружеского круга, но противопоставлена публичной жизни. Человек укрывается в семье, восполняя дефицит безопасности, царящий в обществе и государстве. В России семья не является пространством частной жизни личности в западном понимании, она выполняет функцию защиты. Но создает ли она условия для самостоятельности личности? Российская семья пока не стала партнерской и демократичной, не стала сферой договора, взаимности прав и обязанностей. Индивид владеет семейными и квазисемейными правилами игры, но не владеет универсальными, правовыми. Среднестатистический россиянин не самостоятелен ни в частной жизни (в силу долговременной вынужденной зависимости от семьи), ни в публично-политической – в силу зависимости от государства. Далеко не всякая семья обеспечивает условия для реализации личности, экономически зависимым членам семьи отказывается в праве быть личностью. Наша семья держится на аффективных, эмоциональных – неустойчивых отношениях. Нужен длительный период демократизации и рационализации семейных отношений, которые на микроуровне создадут основы для демократизации общества. Необходимо повышение степени внутренней автономии каждого члена семьи, признания его личностью, обладающей собственным достоинством. Важно понять, где обрывается взаимодействие между микро- и макроуровнем жизни россиянина? Почему нет перехода от частной жизни к публичной?

На наш взгляд, в России даже относительного разграничения частного и публичного не сложилось ни в XIX, ни в XX веке. Не выработано до сих пор и ясного понимания каждого понятия, поскольку заимствованные понятия не укоренились в общественном сознании и повседневных практиках и отношениях. На протяжении всей российской истории

граница между частным и публичным не была обозначена ни со стороны верховной власти, ни со стороны общества. Претензия российского государства на контроль над всей совокупностью общественных отношений приводила к тому, что «публичные отношения никогда жестко не отделялись от частных» [Кострюкова, Осипов, Саренков 2007: 66]. Историческая семантика концепта «государство» – как личного хозяйства государя, пространства его произвола, личного владения или распоряжения собственностью и населением на территории, подвластной ему, когда законы частного распоряжения распространяются на публичные дела и частную жизнь подданных, – вносит определенную ясность в данный порядок власти. Российская система власти является фундаментальным фактором, определяющим смешанный, неправовой, произвольный характер соотношения частного и публичного. Веками в истории России доминировала попечительная власть, покровительствующая подданным в обмен на их преданность, не ограниченная никакими моральными и правовыми нормами, никакими обязанностями или ответственностью перед подданными. Односторонней зависимости российского населения от верховной власти соответствовала и неустойчивая сеть сословных, корпоративных и т.п. связей. Прямая зависимость каждого от самодержца мешала формированию универсальных горизонтальных связей и препятствовала развитию автономии индивида. Возможность социальной самоорганизации в российской истории чаще всего ограничивалась и перенаправлялась с групповых интересов на обслуживание интересов господствующих классов. Приоритет привилегий власти над ее обязанностями, установившийся при самодержавии, оказался исторически устойчивым и сохраняется до сих пор. Это воспроизводит установку на примирение с зависимостью каждого от произвола власти, привычку к страху перед властным принуждением и стереотипы избегания прямого публичного контакта с властью (сопротивления, неподчинения) и обхода ее при соблюдении внешней покорности. Отчуждение населения от власти и политики как специфическая черта российской политической системы и культуры россиян препятствует развитию потребности в публичном представительстве собственных интересов, препятствует становлению гражданской политической культуры и институтов политического участия граждан. Возможность ежечасного вторжения государя и государевых слуг в повседневную жизнь подданных, характерная для дореволюционной России, была унаследована и советским режимом. За исключением личных вещей или личного подсобного хозяйства, у советского человека невозможно найти какого-то автономного пространства приватности.

Состояние российской публичной сферы также требует конкретного анализа. Публичная сфера в рамках теорий демократии – это сфера общественного сознания и политической коммуникации, которой свойственны свобода выражения мнений, идеологический плюрализм, политическая конкуренция, инфраструктура производства и обращения идей, свобода слова и печати. Условием существования публичной сферы в западных странах является взаимное ограничение частного и публичного, непосредственно-личных коммуникаций опосредованными – институциональными и ментальными формами обмена общественным мнением (парламентом, СМИ, политическими партиями и общественными объединениями, публичными судами). Включаясь в обсуждение политических проблем, граждане обретают компетентность и субъектность, что способствует усилению их влияния на принятие политических решений и установление контроля над государством. Публичную сферу О.Ю. Малинова определяет как «особое виртуальное пространство, где в более или менее открытом режиме обсуждаются социально значимые проблемы, формируется общественное мнение, конструируются и переопределяются коллективные идентичности» [Малинова 2007: 8]. Это пространство взаимодействия общества и политической системы, самоорганизации и организации, обратной и прямой связи с государственными структурами, спонтанной и санкционированной активности населения, прав и обязанностей гражданина. В разные периоды европейской истории понятие публичности наделялось разными значениями: гласность, общественность, открытость, общественное мнение, доступность государственных дел суду общественности [Словарь... 2014: 381]. Динамизм и противоречивость публичной сферы в наше время связаны с наличием противоположных тенденций – манипулятивного влияния на общественность и критического участия и контроля общественности за политическим процессом [Словарь... 2014: 384].

Гарантией нормального функционирования публичной сферы является действующая правовая система, нацеленная на реализацию основных прав граждан – свободы печати и выражения мнений, свободы собраний, митингов и демонстраций и т.д. Функционирование демократического политического режима предполагает совокупность институтов вовлечения индивида в публичную жизнь и политику, а также реализацию политической роли гражданина. Такая роль включает и права, и обязанности, и предъявляет определенные требования: обладать способностью к рациональному выбору, участию в дискуссиях и солидарных действиях, идентификации себя с той или иной политической партией или движением, знать меру между социальным доверием и критическим отношением к политическим программам и лидерам; брать на себя выполнение публичных

обязанностей; быть толерантным по отношению к чужому мнению; обладать гражданской компетентностью, стремлением и навыками согласования интересов социальных групп. Главное условие существования публичной сферы – наличие конкурирующих акторов, субъектов, способных создавать и поддерживать институты, площадки, идеи и средства производства и обращения идей и коммуникаций.

Гражданин – это публичная, политико-правовая роль (функция, ипостась) личности, заключающаяся в актуализации ее политической автономии и свободы, в участии в публичной жизни общества. Она подразумевает совокупность прав (возможностей, свобод личности, являющихся обязанностями государства по отношению к личности) и обязанностей (функций личности по отношению к обществу и государству). Причастность публичной власти, прямое или опосредованное участие в ее осуществлении через различные формы представительства – определяющая функция гражданина в демократическом государстве. Институциональная основа феномена гражданина – его конституционный статус, ментальная – этос гражданина, или его политическая культура, взятая сквозь призму установок и моделей поведения. Историческое выделение этой роли предполагает определенную экономическую, моральную, правовую и духовную автономию личности, наличие возможности и способности личности отделять роли частного и публичного (государственного) человека. Исполнение каждой из этих ролей подразумевает опору на институциональные условия (конституционный статус гражданина, статус субъекта гражданско-правовых отношений) и соответствующую ментальную оснастку.

Гражданин рождается «на публике», без развитой публичной сферы как зоны свободы – слова, критики и т.д., обособленной от сферы частной жизни, гражданин не может включиться в политический процесс. Публичность – существенное свойство демократической политики и гражданина как ее субъекта. Роль гражданина формируется всеми каналами и институтами публичной сферы, являющимися воплощением этоса гражданственности (публичности) – нормами, правилами, манерами поведения на публике, предполагающими театральную отстраненность от всего частного (приватного). Функционирование публичной сферы осуществляется как динамичное взаимодействие институциональных и ментальных измерений субъектов политической системы, отсюда ее определяющее значение для становления гражданина и воспроизводства демократических институтов. Историческая эволюция этоса публичности связана с повышением роли масс-медиа и информационных технологий, опосредующих взаимодействие граждан и государства и определяющих характер и направленность существования публичной сферы.

Для индивида огромное значение имеет соотношение между публичной ролью гражданина и ролью частного лица, которое определяется культурно-историческим контекстом. Мир частной жизни выступает в качестве базового для мира публичной – политической жизни, субъектность частного лица питает субъектность лица публичного. Условием нормального функционирования публичной сферы и взаимного ограничения частного и публичного в жизни гражданина является развитость институтов самоорганизации, опосредующих связь граждан и органов государства, форм местного, территориального, общественного самоуправления, которые и создают первичный уровень публичности, где возможны формы прямой демократии и коммуникация «лицом к лицу». Без подпитки со стороны этого уровня опосредованные формы отношений перестают поддаваться общественному контролю. Каково же соотношение частного и публичного в жизни российского гражданина? Существуют ли институциональные и ментальные условия для того, чтобы он смог относительно гармонично сочетать эти роли?

В советское время понятия «свобода убеждений» и «свобода печати», принципиально связанные с публичностью, конкретизирующие ее, упоминались в Конституции 1936 г. Однако они были отделены от той индивидуально-правовой формы, с которой они были связаны в конституциях западноевропейских государств. Конституция 1936 г. гарантировала свободу слова, но эта гарантия оказывалась декларацией, поскольку выпуск печатных изданий был прерогативой крупных общественных организаций, тем самым свобода слова попадала из сферы индивидуального права в сферу общественного (государственного) права. В статье 125 данной Конституции значилось: «в соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом: а) свобода слова; б) свобода печати; в) свобода собраний и митингов; г) свобода уличных шествий и демонстраций. Эти права граждан обеспечиваются предоставлением трудящимся их организаций типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления» [Кукушкин, Чистяков 1987: 309]. Противоречие формального и неформального, номинального и реального (содержательного) было присуще и публичной сфере советского времени. В этом примере видно, что общественное (гражданское) было редуцировано к государственному, подчинено ему, что публичное отождествлено с государственным, а также становится очевидно, что индивидуальное (частное) подчинено государственному. Для Конституции 1936 г., как и массы других советских законов и документов, характерен разрыв теории и практики, формальных норм, с одной стороны,

и условий и механизмов их реализации – с другой, фактически уничтожающих условия воплощения этих норм. Здесь интересен пример Конституции ГДР, которая также провозглашала свободу слова. В комментарии к данному закону говорится, что цель свободы слова «состоит в том, чтобы свободное выражение мнений поставить на службу тем целям, которые сформулированы в преамбуле как путь к социализму. Гарантия «непрерывных предпосылок свободного выражения мнений», таких как свобода от экономического принуждения и отказ от манипулятивного использования средств массовой коммуникации частными предприятиями, имела своей целью преодоление частнокапиталистической формы «свободы печати», которая, по словам В. И. Ленина, означает лишь «свободу покупать газеты», а также «подкупать и покупать и фабриковать “общественное мнение” в пользу буржуазии» [Словарь... 2014: 385].

В настоящее время, несмотря на конституционное признание частной собственности, действие Гражданского кодекса РФ, распространение индивидуализма, соотношение публичного и частного в бытии российского гражданина во многих отношениях аналогично советскому. Иногда возникает ощущение, что и Конституция РФ 1993 г. выполняет ту же роль, что и четыре конституции советского времени. Но есть и отличия. Даже функционально определенное разграничение сфер действия того и другого на практике так и не осуществлено. Публичная сфера, в которой господствует государственное, официальное, а голосу общественности не позволено звучать хотя бы более или менее отчетливо, периодически вторгается в частное, и наоборот – частная жизнь политиков и публичных людей замещает публичное пространство «Общего блага». Специфику функционирования публичной сферы в сегодняшней России определяют следующие факторы. В. Я. Гельман анализирует противоречие между формальными и неформальными институтами как одно из определяющих существование нынешнего политического режима в России [Гельман 2003: 6]. Известна тесная взаимосвязь между развитой публичной сферой и реализацией принципа верховенства права в системе формальных – публично-правовых (конституционных) и гражданско-правовых демократических институтов, которая лежит в основе рационально-легального (по М. Веберу) типа господства. Устойчивость этой связи свидетельствует о демократичности общества и государства, о наличии конституционализма, реального разделения и независимости властей, общественного контроля за деятельностью органов государства и должностных лиц, о действительности обратной связи в системе коммуникации между населением и властью, о вовлеченности граждан в процесс управления.

В 2000-е годы правящий класс осуществил серию жестких ограничений публичного политического пространства: ликвидирована независимость телекомпаний; серьезно ограничена политическая конкуренция и права граждан, общественно-политических объединений и политических партий; свернуты реформы судебной системы, ликвидирована ее независимость от исполнительной власти, широко применяется практика селективного правосудия ради исключения потенциальных участников из выборов и политического процесса в целом; правоохранительные органы и суды используются для ограничения прав граждан на свободу слова, информации, собраний и митингов. Закон утратил универсальное формально-юридическое содержание, правоохранительные органы стали инструментом защиты произвола политического класса от большинства населения. По мнению Н. Петрова, произошла субституциализация политической системы – замена институтов демократического правового государства субститутами: Государственной Думы – отраслевыми консультативными советами при президенте и Общественной палатой, Совета Федерации – Госсоветом и его президиумом, политических партий – политическими машинами госкорпораций и «Единой Россией», независимых СМИ – общественными приемными, закрытыми соцопросами и т.д. [Петров 2009: 16].

Российской элитой, начиная с середины 1990-х годов, была осуществлена приватизация публичных ресурсов в целях защиты ее корпоративного интереса в сохранении власти и уходе от контроля общества. В существовании двойной – официальной и теневой системы управления государством заключается качественное своеобразие российской модели власти [Даугавет 2003: 27]. При наличии двух систем управления – формально-рациональной для публичной презентации или имитации демократии, и неформальной – для внутреннего использования, власть функционирует по законам закрытого неформального взаимодействия, противоположного публичности демократического государства. В сетях неформального взаимодействия действуют не контрактные отношения и взаимная ответственность за выполнение обязательств, а доверительные отношения, складывающиеся на основе формирования неформальных групп, сетей, связей по критерию включения «свой-чужой». Такие связи становятся устойчивыми неформальными социальными институтами, вовлекающими в «тень» все большую часть общества, уводящую ее из «света» публичности, права, справедливости, морали.

Переход формального поведения в неформальное происходит путем установления личных контактов с лицом, исполняющим публичную роль должностного лица того или иного органа власти ради частных интересов

и в обход официальных правил и процедур. Участников такого поведения это выводит за рамки правовых норм и их собственных публичных ролей. Человек, облеченный публичной должностью, произвольно исполняет должностные обязанности лишь в интересах собственных или группы, к которой он примыкает. Реальных механизмов привлечения публичных политиков и чиновников к юридической ответственности не существует. Следовательно, сама публичная роль и связанные с ней функциональные обязанности не выполняются. Формальная правовая основа должностных обязанностей при этом размывается, остается поддержание видимости исполнения роли. Однако и публичная роль гражданина в такого рода отношениях не исполняется. «Теневого» гражданина невозможно считать гражданином, поскольку гражданин по определению – публичная роль правоспособной личности, связанная с ее конституционным публично-правовым статусом, правами и обязанностями. Реальность показывает массовое уклонение людей от тех или иных обязанностей гражданина. Неправовой характер повседневной жизни, обусловленный неопределенностью правил поведения и произволом властей, – существенная черта нынешнего политического режима в России. Ненадлежащее исполнение публичных ролей ведет к «деградации публичных институтов» [Кертман 2006: 123]. Если депутат Госдумы РФ неудовлетворительно исполняет свою публичную роль законодателя, то эту роль он уступает Администрации Президента РФ и исполнительной власти. Это вызывает разрушение института разделения властей – конституционного условия существования публичной сферы общества. Роль чиновника в структурах исполнительной власти, наоборот, зачастую связана с концентрацией, чрезмерной централизацией и монополизацией функций разных ветвей власти, с одной стороны, и их перенаправлением с общественного блага на партикулярное – с другой. Исполнение публичной роли должностного лица любого государственного института (правительства, суда) по неформальным правилам приводит к трансформации данного института, его деятельность не только не подчиняется, но даже противоречит закону.

С одной стороны, неформальные связи ослабляют одностороннюю зависимость граждан от власти и устанавливают отношения взаимной зависимости людей. Но эта взаимозависимость строится на неправовых криминальных основаниях. Такое общество саморазрушительно. Взаимного ограничения частной и публичной жизни в бытии россиянина не произошло – ни в институциональном плане, ни в общественном сознании. Государство не обеспечивает защиту гражданских прав индивида – неприкосновенности личности, ее жизни, свободы, собственности, жилища и т.д. Население испытывает «глубокое хроническое чувство социаль-

ной униженности», связанной с недооценкой труда, с объективной невозможностью для части населения выйти из состояния бедности [Гудков 2009: 20]. Зачастую те или иные органы государства привычно вторгаются на «территорию» частной жизни россиянина. Причина этого – сохраняющаяся односторонняя зависимость российского гражданина от авторитарной государственной власти, отчуждение его от политической жизни, исключение гражданина из политического процесса при имитации некоторых демократических процедур. «Незащищенность гражданских прав не только стимулирует воспроизводство неформальных, личных отношений в частной жизни, но и содействует их экспансии в публичную сферу» [Хлопин 2006b: 106]. Отсюда «дефицит реципрокности в исполнении публичных ролей» (А. Хлопин), или «лукавое исполнение взаимных обязательств» и гражданами, и государством (Ю. Левада).

Проникновение неформальных личных связей в публичную жизнь препятствует универсализации правовых отношений и моделей поведения, основанных на взаимном соблюдении обязанностей и прав, приводит к недопущению населения к реальной самодеятельности, самоорганизации, политическому участию – публичной роли гражданина. Процесс обособления частной жизни от публичной идет в искаженных формах. Частное гипертрофировано, но это не частное в западном смысле. По нашему мнению, под «частным» фактически скрываются интересы конкретной группы – «части» общества. Индивид не обладает подлинной автономией, он включен в неформальные группы и связи, «частное» некоторых из неформальных групп и определяет публичную сферу, подминая ее под себя. В этом смысле в России в чистом виде нет ни частного как индивидуального, ни публичного как политического, понимаемого в республиканском смысле.

«Публичная» сфера в России не является пространством коммуникации и правовой борьбы разных политических субъектов, в ней представлен субъект монополист, транслирующий официальную точку зрения, и доносится информация о теневых столкновениях различных групп во власти с использованием органов принуждения. Большинство населения к публичной политике не имеет никакого отношения, кроме ритуального исполнения роли «послушного электората». Публичная сфера в России неразвита и функционирует под давлением группы лиц, владеющих рычагами власти. Отчуждение населения от такого непрозрачного пространства правления противоречиво сочетается с зависимостью «граждан» от произвола лиц, распоряжающихся государственной властью. Противоречивое сочетание зависимости и отчуждения «граждан» от власти, или подчинение их государству, – причина, обуславливающая отсутствие ре-

ального функционирования института гражданства (как двусторонней правовой связи между гражданином и государством, на основе взаимного исполнения прав и обязанностей) и конституционного (публичного) статуса гражданина. Это ядро нынешней политической системы, включая и ее институциональные характеристики, и черты ее политической культуры, истоки которого коренятся и в советской, и далее, в русской системе власти, является основой комплекса качеств постсоветского человека.

Общественное мнение отражает и отсутствие действенных институциональных условий для политической субъектности граждан, и недостаточность информации о возможных формах и технологии гражданского участия, и отсутствие общепринятых культурных норм и стереотипов гражданской активности. Общественное мнение фактически улавливает преобладающую тональность официального дискурса – декларации о демократии или социальной защите населения не сопровождаются привлечением внимания общественности к различным формам вовлечения граждан в публичную жизнь. Отсюда и общественный фатализм в отношении возможностей легального отстаивания гражданских и политических прав, отсюда пассивный либо примитивный характер выражения недовольства в моменты возникновения социальной напряженности: «ворчание на кухнях», крайние формы выражения протеста (голодовки и т.д.). Это означает, что население не видит легитимных способов решения своих проблем – ни через судебные органы, ни через органы государственной и муниципальной власти.

Оценки людьми причин невозможности общественного контроля над действиями властей выявляют реально действующие факторы массового политического неучастия. Среди них: господствующий стиль деятельности властных структур – ответственность чиновников перед вышестоящими инстанциями, а не перед гражданами (48 %); скудость информации о деятельности властей (29 %); уменьшение роли выборов, референдумов, свободных публичных дискуссий (27 %); политическая апатия населения (18 %), сохраняющаяся надежда на заботу власти (17 %) [Левада 2006: 13]. Основой всего комплекса установок российских граждан в их отношении к деятельности органов власти является социально-политическое и моральное отчуждение массового индивида от общественных и, особенно, государственных дел. Это свидетельствует о реалистичности массового ощущения, которое фиксирует действительно незначительное место гражданина в нынешней политической системе, контрастирующее с декларируемым конституционным статусом гражданина РФ.

Низкая степень причастности граждан к власти не только порождается инерцией советских традиций, но является следствием целенаправ-

ленной политики последних лет. Выборы 18 сентября 2016 г. характеризовались чрезвычайно низкой явкой населения на избирательные участки, что подтверждает состояние политического отчуждения граждан. Это также выявляет результаты циничной политики властей – действия избирательного законодательства последних лет и применения большого спектра политических технологий, направленных на продление власти господствующей элиты путем исключения реального участия в избирательном процессе и ротации государственной власти политических партий и лидеров, неподконтрольных этой элите, вплоть до игнорирования участия в выборах электората, почти его исключения. Даже низкая степень собственной легитимности в данном случае не беспокоит правящую группу.

Сохраняющаяся локализация и фрагментация российского общества, отсутствие автономии индивида и давление на него формально-неформальной группы и господствующих в ней неформальной морали и неправовых норм – факторы, препятствующие обособлению частной жизни от публичной. Дефицит взаимности в исполнении публичных ролей компенсируется установлением неформальных отношений между частными и официальными лицами. Такие отношения между официальными лицами, действующими как представители тех или иных неформальных групп, «свои» по отношению к властным структурам и распоряжению административным и иным ресурсам, определяют закрытый характер нынешней политической системы.

У рядового населения пространство частной жизни составляет смешение родственных, дружеских, соседских и других первичных связей с личными неформальными контактами. У этого пространства нет выхода на уровень публичности, оно ограничено от публичной сферы, но от вторжения органов государства и лиц из сферы номинальной публичной власти это пространство не защищено. Отсутствие институционального воплощения принципов верховенства закона, равенства граждан перед законом в организации российского государства – существенная черта и причина неправовой, неформальной связи между публичным и частным.

Соотношение публичного и частного в жизни российского гражданина определяется не только институциональными факторами, но и политической культурой россиян: отсутствием социального доверия между людьми, взаимного признания прав и интересов, социально-политической пассивностью, отсутствием готовности действовать публично даже на уровне соседских отношений, безынициативностью, неготовностью воспользоваться собственными конституционными гражданские и политические права. Публичность утратила свой политический смысл, в настоящее время его заместило стремление быть замеченным телевидением. В полити-

ческой культуре россиян оказалось неразвитым или подавленным чувство ответственности. Это обратная сторона отсутствия автономии личности, пассивности и стремления к уходу от проблем, от тотального контроля со стороны государства, а также следствие участия некоторых групп населения в неформальных связях и теневой, полукриминальной, а то и криминальной деятельности. У большинства населения не развиты навыки поведения по нормам общей, формальной, правовой взаимности, оно ориентируется на модели специфической групповой взаимности, ограниченной по масштабам и уровню публичности.

Причину политической пассивности населения А. Д. Хлопин видит в экспансии в публичную жизнь «неформальных связей патерналистского или квазипатерналистского типа» [Хлопин 2006b: 117]. В результате в людях подавляется потребность в публично-правовых отношениях с властью, но поощряется и становится повседневной привычка к решению житейских проблем неформальным, зачастую коррупционным, способом. Устойчивость неформальных стереотипов и практик препятствует развитию автономии индивида, его стремлению к самостоятельности. Если правовая система не обеспечивает неприкосновенности личности и реализации ее гражданских прав, а политическая система – реализации политических прав, то есть обе эти системы не вовлекают индивида в двусторонние договорные правовые политические отношения между властью и населением, а служат исключительно интересам правящей группы, то развития публичной роли гражданина не происходит. Вся сила государства направлена на недопущение развития правовых механизмов ответственности власти перед индивидом и обществом, на культивирование несамостоятельного индивида, подчиненного власти, ответственного перед чиновниками, но не перед собой и обществом.

Г. Л. Кертман поставил важный вопрос, сопровождается ли деполитизация массового сознания формированием потребности в разграничении публичной и частной сфер жизни, и ответил на него положительно [Кертман 2006: 122]. На наш взгляд, это потребность не в разграничении этих сфер жизни, а потребность в самосохранении, страх прямого столкновения с властью, чреватого применением насилия. Это стремление уклониться от реальности, уйти от рисков и сложности автономного существования в институциональном и социокультурном контексте российского общества. Процесс взаимного определения частной и публичной жизни россиянина нельзя рассматривать по прямой аналогии с процессом их взаимного ограничения в странах Западной Европы в XIX–XX веках. Этот процесс в России для некоторых людей является механизмом социально-психологической компенсации за те разочарования в политической актив-

ности и выход в публичное пространство столкновения с российской властью, которые население переживало в 1990-е годы. Для другой части населения это процесс привычного эскапизма, рожденного страхом многих поколений перед репрессирующей властью и партийно-комсомольскими практиками публичных «порок» и покаяний. Общественное мнение советского времени прочно связало публичность либо с массовыми ритуальными шествиями и изъятиями всенародной любви к партии и правительству, либо с личным позором. В этих обстоятельствах невыход людей в публичное пространство и уход в «частное» – это не формирование пространства автономии и приватной жизни, а уход в «берлогу» (С. В. Патрушев) как последнюю надежду на безопасность и выживание.

Привычное для масс, традиционное сохранение политической субъектности наверху и отсутствие объективных возможностей и субъективных притязаний на субъектность снизу препятствуют становлению российского гражданина как самостоятельного политического актора и, одновременно, освобождают его от ответственности и за «Общее благо», и за собственную жизнь. Деградация публичных институтов есть следствие деполитизации населения, распространения такого типа человека, как политический маргинал, аутсайдер, у которого отсутствует какая бы то ни было социальная ответственность и желание что-либо делать во имя Общего блага. В этих условиях инфантильность (или патернализм) становится более эффективным средством адаптации, чем политическая активность. Недоверие россиян к политическим институтам сопровождается отсутствием стремления к самоорганизации, к публичности на уровне местного самоуправления и автономизации частной жизни.

Равно актуальной, но не решаемой проблемой в современной России является и политическая институционализация – реальная модернизация и демократизация политических практик, превращение их в политические институты, действующие на правовой основе, подчинение государства принципам конституционализма, федерализма, верховенства права, двусторонней правовой связи гражданина и государства, а также формирование массового индивидуального субъекта политики – гражданина. Перспективы развития соотношения публичного и частного в соответствии с либерально-демократической моделью гражданина и государства связаны с возникновением и укреплением веры критической массы людей в их собственную способность влиять на принятие политических решений, готовность выносить на публичное обсуждение те или иные проблемы, участвовать в функционировании публичной сферы. Одним из способов борьбы за здоровое общество является публичное обсуждение его «болезней» и способов выхода их ситуации. Нужна борьба со стереотипами не-

легальности, криминальности, незаконопослушности, борьба за общественный контроль над властью, за прозрачность, открытость политического процесса, за гражданские и политические права. Общее средство преодоления проблем российского общества – реформа правовой системы, обеспечение правового равенства граждан перед законом, в том числе должностных лиц любого уровня власти. Выход из тени, в публичную сферу, «борьба с тенью» за публичную роль гражданина – абсолютно необходимый для России путь. На всех уровнях публичности, начиная с территориального и местного самоуправления, современной России не хватает усвоения норм общей взаимности. В этом одна из важных проблем отсутствия развития гражданского общества.

В России в силу исторических традиций граница между частной и публичной жизнью человека никогда не была достаточно определенной в социальном и политико-правовом смысле. До сих пор сохраняется недифференцированность этих сфер, парадоксально сочетающаяся с их разрывом, отсутствуют и ценностно-нормативное содержание, и институциональные рамки их существования. С провозглашением гласности, идеологического и политического плюрализма в конце 1980-х годов возникли надежды на формирование открытой для граждан публичной сферы. В 2000-е годы произошло сворачивание ее даже начальных форм и ресурсов. Социологи констатировали «фактическую деполитизацию политического пространства в стране» [Левада 2004: 11], переход от политических к административно-технологическим методам управления, включающим контроль над СМИ, манипуляцию общественным мнением и имитацию публичности. С формированием квазипубличной сферы, которая грубо заявила о себе в 2014–2015 годах в ситуации искусственной политизации публичного пространства, возгонки в массах псевдопатриотизма и поисков «врагов России» после присоединения Крыма, исчезли всякие условия и для открытых политических дискуссий на действительно важные для общества темы, и для реальной политической конкуренции. Тем самым исчезли и политические гарантии частной автономии граждан.

Особое функционирование публичной сферы и ее элементов – общественного мнения, масс-медиа и публичности, напрямую связано с особенностями осуществления процедуры легитимации власти в России. Вместо функции перевода установок, ценностей, интересов разных слоев населения на уровень открытых дискуссий и публичной политики, российские масс-медиа играют роль средства манипуляции общественным мнением. Принимаемые парламентом («формальной публикой») решения в интересах высшего слоя бюрократии они представляют как демократические, усыпляя бдительность масс риторикой «социально ориентированной по-

литики» и популистскими обещаниями. Публичная сфера в России настоящего времени оказалась под контролем одной силы, ставшей единственным субъектом политики. Объектами конструирования и манипуляции со стороны Кремля стали практически все формальные публичные институты – парламент, политические партии, общественные объединения и организации, а также неформальные образования, и в первую очередь, общественное мнение («неформальная публика»). Публичная политика фактически вытеснена монологом властных структур. Публичная сфера лишена открытости и механизма представительства интересов и мнений разных социальных групп. Общество может лишь внимать и взирать на действия и ритуалы, в которых сценарий, режиссер и актеры подобраны центром.

В России публика как «виртуальная общность тех, кто читает, пишет и интерпретирует» (Ю. Хабермас) существует в диффузном состоянии. Для «пишущих» ограничен доступ к массовому «читателю» из-за жесткого контроля государства над электронными и печатными СМИ, занимающимися политическими темами. Главным интерпретатором, конструирующим политическую реальность, является кремлевская администрация и обслуживающие ее структуры. Результатом таких действий стала имитация существования публичной сферы и демократической политики. Рядовым гражданам («читающим») приходится воспринимать по преимуществу официальную информацию, прошедшую фильтры интерпретаций, сегмент читателей независимых СМИ невелик, а надежды на Интернет пока не оправдываются.

Понятие политической культуры населения стало элементом официальной идеологии. Оно выполняет в публичном дискурсе две основные функции: «работает на конструирование коллективных идентичностей (граждан, членов нации, “большинства”) и служит для обоснования тех или иных политических программ» [Малинова 2006: 119]. Представители консервативных, национально-патриотических сил, «почвенники» конструируют авторитарно-традиционалистическую модель коллективной идентичности, редуцируя ее до вневременной, специфически «русской» идентичности. Либералы-западники в модели современной российской политической культуры видят конфликт различных субкультур – традиционной и либерально-демократической [Кутковец, Клямкин 2002а; Кутковец, Клямкин 2002b]. В целях легитимации действующего политического режима и интеграции общества вокруг власти идеологи «Единой России» сконструировали эклектическую модель коллективной идентичности. Акцент на «русском» (этнически, религиозно и традиционно понимаемом) в этой модели продиктован стремлением идеологов правящей

партии вытеснить ценности либерально-демократического проекта реформ и представления о «гражданской» идентичности нации путем возрождения традиций имперского прошлого и «русской» культуры.

Для конструирования коллективной идентичности российского общества официальный дискурс предлагает определенный тип решения нескольких бинарных оппозиций – *свои («наши») – чужие; целое (общее, отождествляемое с государством) – частное (индивидуальное); устойчивость (стабильность) – изменчивость; порядок – хаос*. Стабильность упорядоченной общности «своих» наделяется высшим моральным статусом и противопоставляется «чужим» (внешним и внутренним «врагам»), связанным со стихией и требующим изменения (реформ). За этими противопоставлениями высвечиваются установки ксенофобии, национализма, антиреформизма, этатизма, консерватизма. «Единороссы» стремятся навязать общественному сознанию образ русской политической культуры, построенный на утверждении «духовной и культурной самобытности России». Он включает абсолютную ценность государства, идеал «единства власти и народа», склонность к идеократии, великодержавность, собранность, моральное понимание социальной справедливости, приверженность официальному лидеру страны и правящей партии как единственному субъекту политики.

Монопольный субъект политики в настоящее время отказывается даже от курса авторитарной модернизации, от стратегии какого-либо развития ради консервации собственного порядка господства. Он отсекает все каналы «обратной связи» с обществом, лишает возможностей влияния на принятие государственных решений и политического действия все иные общественные и политические силы. Пытаясь установить полный контроль над общественными процессами, данный субъект не учитывает неэффективности такого контроля, не видит необходимости сочетания контроля и свободы, управления и самоуправления, организации и самоорганизации. Между тем, устойчивый порядок, организация в социальных и политических процессах в длительной перспективе не могут устанавливаться и существовать без процессов самоорганизации, источником которых являются разные социальные субъекты – граждане и их объединения. Стремясь не пропустить «хаос» в установленный «порядок», исключая этих субъектов из «большой» политики, ограничивая их самостоятельность во имя «профилактики революции»¹⁴, монополист лишает этот «порядок» возможности обновления и развития, подрывает основы для само-

¹⁴ Эту цель когда-то сформулировал В. Сурков, но она, по-видимому, например, в виде страха перед Болотной площадью, до сих пор остается главным мотивом деятельности администрации Президента по отношению к обществу.

сохранения.. В целях сохранения собственной монополии властью были проведены законодательные поправки в избирательное и партийное законодательство, цели «профилактики» иных вариантов политики была подчинена «зачистка» публичной сферы под официальное мнение.

Во имя существующего политического порядка подавляется всякое стихийное начало, ограничиваются любые формы самоуправления и самоорганизации, как на уровне их источника – автономной личности, так и на уровне механизмов реализации ее прав и свобод в публичной сфере. Демократия связана с введением стихии в легальное русло, а не с подавлением ее. Нынешняя российская власть не склонна к выработке гибких методов управления стихийными процессами, она предпочитает простые решения: централизацию вместо децентрализации, вертикальное управление вместо горизонтального самоуправления, назначение вместо выборов, однопартийную «машину для голосования» вместо многопартийного парламента. В сравнении с советской моделью подчинения личности государству через подчинение личности коллективу, нынешняя модель господства отличается большей изобретательностью. Она искусно имитирует многопартийность, многообразие общественного мнения, парламента, выборов и других институтов демократии. «Двойники», псевдопартии, псевдооппозиции и псевдогражданские объединения – вот инновационные средства нынешней власти, позволяющие принуждать личность к идеологически заданному поведению. Но за новой технологией информационного управления массовым сознанием скрывается тот же механизм подчинения частного «общему», под которым власть подразумевает себя.

Публичная сфера выступает в качестве пространства и механизма перевода ментального в институциональное. Обоснование властного решения в публичном дискурсе делается в опоре на массовые ожидания. Решения власти маскируются под принятые на основании изучения общественного мнения. Ментальные установки населения – продукты воображения, верования, страхи и тому подобное – подгоняются идеологами власти под нужные ей значения и смыслы. У элиты всегда в наличии масса рычагов обработки, провокации и конструирования общественного мнения, а также его окончательного представления на публике. Официальный дискурс не покрывает всего разнообразия общественного мнения, всегда остаются лакуны, независимые от доминирующего дискурса. Но масштабы распространения мнения независимых групп в современной России несопоставимы с ресурсами и масштабами дискурса власти. Даже если нечто приписывается общественному мнению, финальный вердикт власти устанавливает реальность приписываемого. Главное сейчас – казаться правым, а не быть им, этому и служит такой инструмент, как PR.

То, что доминирует в публичной сфере (особенно, официальные конструкции и мифы), выглядит достоверным, а многократно повторенное, становится удостоверенным, реальным.

Какие «послания» получает рядовой гражданин от власти, монополизировавшей публичную сферу? Абстрагируясь от множества разнородных сигналов, посылаемых властью разным социальным группам, можно вычленить следующие общие требования к роли гражданина: 1) патриотизма, идентификации гражданина с Россией, не называемой, но рассматриваемой в качестве империи. Имперские цели требуют слитности народного организма с властью, отказа от автономии групп и личностей и «излишних» свобод; 2) внешней и внутренней лояльности по отношению к власти, послушания государству и его лидеру (но не закону), ориентации на приспособление к порядку и правилам, произвольно устанавливаемым и изменяемым властью; 3) политической пассивности. Это вытекает из публичного неодобрения политической конкуренции, активности, оппозиционности, критики, стремления к реформам и инициативам, отстаивания политических и гражданских прав и свобод, в том числе свободы личного мнения; 4) стимулирование публичного конформизма и лицемерия – проявления приверженности великодержавным амбициям, ненависти к врагам (США, ЕС, Украине, «национал-предателям») и преданности главе государства; 5) поддержки исключительно «назначенной» оппозиции и бдительности по отношению к независимой оппозиции и другие.

Становясь лейтмотивом публичной сферы, такие сигналы трансформируются и приобретают особое качество и силу воздействия. Публичная сфера – сфера установления истины и реальности. Публичность придает идеям, имитациям, сконструированным образам (в том числе образу власти, создаваемому ею самой, – образам правительства, парламента, общественного мнения, гражданина) качество реальности, статус истины. Так было с большевистским дискурсом и советской публичной сферой, сходный процесс мы переживаем сейчас. Публичность (обнародование, публикация, телетрансляция и т.п.) служит воплощению сконструированных мифов, норм, правил, переводит идеи и символы в устойчивые социальные отношения и институты. Растиражированный официальный дискурс становится истиной для нерелефлексивного массового сознания, превращается в повседневные стереотипы мысли, чувства, действий, входит в обыденную практику людей. Эти рутинные стереотипы становятся мотивами повседневных действий людей и способствуют воспроизводству наличного порядка властвования. Дискурсы иных социальных субъектов просто не достигают федерального уровня публичности и, следовательно, не получают статуса реально существующих и истинных.

Фундаментальным событием советской культуры стало становление феномена массового лицемерия. О. Хархордин выдвинул гипотезу: «специфически советская сфера приватной, или частной, жизни образовалась в сталинскую эпоху, и именно лицемерие стало центральной практикой, создавшей эту сферу, неподвластную контролирующему надзору. Лицемерие, таким образом, было не феноменом, производным от разрыва между публичной и приватной жизнью в СССР, а центральной практикой, создавшей этот разрыв» [Хархордин 2002: 348]. Целые поколения советских людей воспитывались по образцам вынужденного притворства. Публичная роль сознательного коммуниста, патриота, ленинца, передового советского гражданина мастерски исполнялась на публике, лишь дома эта маска могла быть снята. Исполнение роли сознательного гражданина СССР зависело от различных обстоятельств – биографии, среды, качеств личности. В позднее советское время коммунистическая сознательность оказалась в значительной степени выхолощенной. Но пока публичные советские ритуалы совершались, игралась и эта роль. Превратившись в господствующий тип советской личности, наиболее успешные лицемеры – функционеры системы, вовлекали всех окружающих в свою игру на публике.

С крахом советской идеологии этос сознательного строителя коммунизма оказался никому не нужен. Но стереотипы лицемерного поведения, порожденные десятилетиями соответствующей публичной практики, нигде не исчезли. Лицемерие оказалось невостребованным в начале 1990-х годов, когда появилось увлечение этосом демократической гражданственности, оно дремало до поры, и такая пора, кажется, наступила снова. Бюрократия, поначалу отторгавшая демократический этос, быстро адаптировалась к новым идеологическим веяниям, приняв его именно как часть игры на публике. Демократическая риторика 1990-х – начала 2000 гг. заняла место риторики коммунистической и социалистической. Прагматика использования лицемерия на публике в качестве средства роста личной карьеры и достатка, ставшая устойчивым мотивом жизни и деятельности среднего и младшего поколений советских граждан, особенно в среде бюрократии, в настоящее время сохраняется, а отчасти укрепляется. Прагматическим целям при реальной демократии нет нужды прятаться, поэтому и лицемерие оказывается ограниченно применяемым. Но в условиях имитации демократии – этой истинной задачи функционирования нынешней публичной сферы, прежние навыки притворства оказываются весьма востребованными. Стереотипы жизни показывают большую устойчивость по сравнению с идеологиями. Уже не только лидеры и члены кремлевских партий носят маски, они успешно подключают к своей игре-лицемерию

активные слои населения – профессионалов бизнеса, науки, СМИ, молодежь.

Какую массовую личность пытается конструировать нынешняя власть? Нетребовательного политического потребителя, обывателя, замкнувшегося в частной сфере, не обладающего политическими амбициями, человека, лишённого интегрированного морального и правового основания. За нежелание играть по сценарию власти и притворяться нужно платить отсутствием доступа к финансовым и имущественным ресурсам и публичной карьере. Но и частной сферы, недоступной вмешательству государства, так и не возникло. Полноценной государственной защиты частной собственности массового гражданина от должностных лиц до сих пор нет, но есть произвольное применение Гражданского кодекса. Запрос власти на определенную личность четко не формулируется, его можно понять по законодательным решениям, высказываниям, реальным практикам и мерам в отношении воспитания, образования, детства, культуры и т.д. Тем не менее, можно предположить, что власти нужна апатичная, «простая» личность как функция авторитарного государства.

К началу перестройки массовый советский индивид обладал личностью, характеризующейся «шизофреническим разломом» (О. Хархордин). В одном человеке могли совмещаться публичная роль коллективиста, активного или «покорного» участника коммунистических ритуалов, и роль эгоиста, искателя личной выгоды вне публики, в частной жизни или неформальной группе. Властные лица теперешней России представляют этот господствующий в советское время тип лицемерной личности, пытаясь массово воспроизвести эту двойственную личность. Ее публичная роль должна ограничиваться ролью члена массовки, зрителя, покорно смотрящего на демонстрируемые с экранов телевизоров ритуалы, имитирующие то демократию, то монархию. Исполнение этой роли требует соответствующих внутренних установок – отказа от свобод во имя обывательской жизни. Для этой цели ментальность рядовых граждан целенаправленно редуцируется с помощью СМИ до узкого потребительского сознания. Практические действия власти выдают ее стремление вернуться к советскому идеалу превращения личности в предмет идеологического воздействия, в объект контроля и манипуляции, навязать ей этос пассивного подданного. Вырисовывается образ и структура требуемой личности. Духовные, нравственные ее уровни и подсистемы отдаются на откуп православной церкви, традиционно склонной к воспитанию пассивности, фатализма, обреченности, чино- и властепочитания. Светская массовая культура, свернутая к ее телевизионной версии, направляется на подавление высших потребностей, работает как «машина селекции желаний», отбра-

ковывающая потребности в духовной и политической свободе, поощряющая неумеренное потребительство, отсутствие нравственных ориентиров и эгоизм. Телевидение активно внедряет технологии создания «звезд» и подражания «героям», в качестве которых зрителям подсовывают участников реалити-шоу, «звезд эстрады» и т.п. Становится обычной практикой ритуал выражения лояльности президенту со стороны нижестоящих чиновников и обслуживающих их СМИ. «Гражданским долгом» рядового гражданина уже стал ритуал публичной демонстрации лояльности президенту (или его изображению как святому или вождю революции), другим властным лицам. Имитация патриотизма, великодержавности и приверженности «традиционным ценностям русской культуры и православия» стала рутинной практикой. Однако нарастающий разрыв между словами и делами рано или поздно будет осознан общественным мнением.

В последние годы в пространстве публичной сферы проблема качества гражданина демократической России вытеснена проблемой сохранения порядка и стабильности, за которой стоит стремление власти сформировать политически управляемого индивида. Происходит замещение общественной потребности в участии граждан в управлении обществом и государством, в определении целей его развития, потребностью власти в конструировании «нетребовательного политического потребителя», создаваемого в целях ее самосохранения. Власть целенаправленно воздействует на массовую ментальность и выхолащивает функционирование демократических институтов. Из комплекса характеристик политической культуры гражданина (нации) официальный политический дискурс фактически культивирует лишь установки на лояльность высшему государственному лицу и имперский патриотизм. Гипертрофированная поддержка последнего породила безобразные проявления русского национализма, в том числе имперской его версии [Гудков, Дубин 2005; Зверева 2005; Верховский, Паин 2010; Паин 2015].

В целом идентичность массового человека носит неопределенно негативистский характер [Гудков 2004]. Проблемы демократического участия в официальном дискурсе представлены лишь в декларативно-имитационной форме. Фактически в публичном пространстве политической коммуникации дискурс гражданского участия вытесняется идеалом «единения народа и власти». Вследствие уже принятых мер по ограничению свободы СМИ и ликвидации условий для достаточной публичной представленности мнения оппозиционных сил, «глас народа» становится похожим на копию официального дискурса. Однако полное тождество того и другого невозможно, и это внушает определенную степень оптимизма.

Решение проблемы становления феномена гражданина в России не может быть однозначным и окончательным. Российская публичная сфера характеризуется разделением на федеральный центр, в котором доминирует официальный дискурс, пытающийся представить искусственно конструируемую «публику» в качестве единой российской нации, и периферийные публичные сферы, отличающиеся фрагментарностью. Альтернативные публичные сферы существуют вне «большой» политики. В силу этого определенные возможности становления гражданина сохраняются, но их реализация зависит от того, насколько удастся наладить коммуникацию между различными оппозиционными и периферийными публикациями, преодолеть разрыв между центром и периферией и выйти на уровень федеральной политики. Только с возвращением политического плюрализма в публичную сферу возможно развитие либерально-демократической политической культуры и этоса гражданина, призванного вдохнуть в россиян веру в собственную политическую субъектность и способность наполнить реальным содержанием демократические институты. «Общество окутано “дурной верой”, будто покрыто пленкой лжи, однако сама возможность “дурной веры” свидетельствует о реальности свободы. Человек может пребывать в “дурной вере” только потому, что свободен и не хочет смотреть в лицо своей свободе. Все попытки убежать от нее обречены на неудачу, ибо, как прекрасно сказал Сартр, «человек обречен быть свободным» [Бергер 1996]. Добавлю лишь, что «дурная вера» – это вера в отсутствие выбора, в полную детерминированность жизни и деятельности человека социальными институтами и предписанными властью порядками, нормами и ролями. Выбор есть всегда, как есть и свобода – быть подданным или гражданином.

2.3. О справедливости: мера свободы и равенства в политических и правовых институтах и практиках

Вопрос о соотношении эгалитарного и элитарного начал в жизни современного российского гражданина связан с осмыслением степени воплощения равенства, свободы и справедливости как в представлениях россиян, так и в функционировании политических и иных институтов. Это требует анализа реализации формальных и неформальных норм в конкретных практиках взаимодействия органов государства (правлящей элиты) и граждан. Такой анализ позволит сравнить статусы рядового россиянина и представителя элиты, выявить наличие или отсутствие, а также основы правового и политического неравенства, определить перспективы станов-

ления справедливого политического режима в нашей стране. Реализуется ли в России конституционный формально-правовой статус гражданина для всех, кто по паспорту является гражданином РФ? Насколько он универсален, есть ли различия в объеме и спектре прав гражданина в отношении представителей органов государственной власти и остальных граждан? Ответ на эти вопросы потребует выявления факторов, лежащих в основании правовой и политической систем российского общества.

Эгалитаризм как явление ментальное – это степень представленности в общественном и индивидуальном сознании установки на достижение равенства и справедливости. Но это еще и мера реализации этой установки в политических и правовых институтах и практиках различных социальных субъектов. В либерально-демократических обществах справедливость понимается как высшая степень согласованности различных интересов, воплощенная в такой политической системе, при которой соблюдаются условия для достижения максимума свободы для возможно большего числа индивидов; это равенство в свободе по универсальному закону. Существуют и другие религиозные, идеологические и иные варианты понимания и институционального осуществления равенства и свободы. Наибольшая вероятность практического воплощения эгалитаризма связана с достижением формально-правового равенства и справедливости в сфере права. Политическое равенство в рамках Модерна связано с универсальностью конституционного статуса гражданина в национальном государстве, с реализацией основных политических прав каждым гражданином.

Под элитаризмом мы подразумеваем установку на социальную селекцию, отбор лучших (по конкретно-историческим параметрам) представителей общества для выработки ценностных смыслов, стратегических целей и средств развития конкретного общества, для управления обществом и государством. Элитаризм воплощается в конкретных социокультурных практиках и институтах формирования, функционирования и смены элиты, прежде всего правящей, и в конкретном способе ее взаимодействия с обществом. В демократических обществах социальная селекция происходит на основе принципов свободы личности, ограниченной законом. Отбор в элиту становится итогом кумулятивного соединения процессов самоорганизации и вертикальной мобильности, при которых шансы каждого на инкорпорацию в элиту определяются комбинацией таких факторов, как происхождение, богатство, место индивида во властной иерархии, но с акцентом на личных достижениях, профессиональных качествах, навыках, опыте. «Суть свободы индивида заключается в возможности отклониться от традиционного образа мыслей и действий. Централизован-

ное планирование препятствует планированию со стороны индивида», – утверждал Л. фон Мизес [Мизес 2001: 274]. Элита – доминирующий социальный слой, состоящий из специализированных групп (экономических, политических и т.д.), интегрирующихся вокруг группового интереса, с одной стороны, и конкурирующих между собой – с другой. Эти группы контролируют значительную часть общественных ресурсов, влияют на формирование политики во всех сферах общества, они занимают высшие места в системе социальной иерархии, осуществляют функции управления, «формируют и демонстрируют эталоны поведения в данном обществе» [Шабурова 1998: 1031–1032]. Ключевым является вопрос об основании для формирования элиты в конкретном социально-политическом контексте. Существенной характеристикой элиты является этап ее существования: если возникновение новой элиты связано со сменой политического режима, с новациями во многих сферах жизни, в том числе, в сфере идеологии, то элита, уже обладающая властью, стремится к преемственности власти, ее наследованию, к традиционализму и консерватизму.

Эффективность элиты в управлении обществом в целях достижения общего блага зависит от комплекса условий: систематического действия социальной селекции на основе ясных критериев, наличия социальных лифтов, вертикальной мобильности, доступа в элиту, открытости ее для общественного контроля, честной конкуренции, юридической, административной, политической ответственности элиты. Главным критерием эффективности элиты является достигнутый в результате управленческой деятельности уровень развития общества и государства, качество решения социальных и политических проблем, качество жизни граждан данного государства.

Политический проект Модерна требует установления баланса между эгалитарным и элитарным принципами, который достигается в рамках конструкции правового государства и гражданского общества. Важна в этом роль медиативных структур, опосредствующих взаимодействие социальных групп, правящей элиты и общества и способствующих выработке согласия по важным социальным проблемам. Верховенство правового закона распространяется и на представителей органов власти, они – граждане, юридически равные в правах и обязанностях с другими гражданами, в качестве публичных лиц обязаны нести дополнительную ответственность перед обществом.

Возможность реализации на российской почве правового эгалитаризма, суть которого выражает принцип верховенства права, обусловлена преемственностью системы права, а также традиционными и современными представлениями россиян о праве, государстве, правовом равенстве

и справедливости, воплощенными в осознанных и не осознаваемых представлениях, практиках и институтах. В российской истории устойчивые представления о верховенстве права и равенстве перед законом не стали основой правовых и политических институтов и поведения людей. В политико-правовой системе современной России действует два ряда институтов – официальных и фактических, неправовых институтов, действующих из-за фасада первых. Не абстрактное понимание лица, а в зависимости от социального статуса и места во властной иерархии, отсутствие правовых традиций и механизмов представительства, корпорации и компетенции на практике ведет к тому, что в государственных отношениях в России действует не равное для всех, абстрактное право как единая система, а право как произвол конкретных личностей. Исторические примеры такого «права» – произвол одного лица в Российской империи и произвол высшей партийной бюрократии в СССР. В настоящее время лица, призванные представлять тот или иной орган юридического лица «государство» или юридического лица «фирма», почти не отделяют собственную персону от ресурсов данного учреждения и рассматривают их как частную собственность или средство обмена личными услугами с представителями других органов государства или фирм.

Официальные институты российского государства имитируют демократическую политическую систему, реальные функции управления и распоряжения ресурсами исполняют неформальные структуры, действующие вне рамок права и подчиняющиеся конкретным лицам, их союзам, кланам, «группам влияния», «домашним группам» на разных уровнях власти. М. Н. Афанасьев исследовал «неофициальные» особенности функционирования центральных органов исполнительной власти и проведения важных институциональных реформ – государственной службы, вооруженных сил, органов государственной безопасности; политическое содержание института президентских представителей» [Афанасьев 2000: 168]. В качестве устойчиво воспроизводящегося в российской истории способа отношения управляющих к управляемым, канона их взаимодействия, данный автор рассматривает личные отношения господства и покровительства, или отношения «патронов» и «клиентов». Этот способ лежит в основе и нынешней политической системы России. В качестве «патрона» выступает сегодняшний российский властвующий слой – постноменклатурный патронат.

Аппарат государственной власти внешне воспроизводит свойства структуры, но пределы компетенции и ответственности должностных лиц юридически не определены. Разделение властей остается декларативным. Власть не ограничена правом и не контролируется обществом. Представи-

тельство, корпорация и компетенция лиц осуществляется неправовыми способами. Реальное существование данных феноменов проблематично. Там, где отсутствуют корпорации, невозможно установить круг лиц, участвующих в формировании коллективной воли. Вместо волеизъявления корпорации (в том числе государства) в России действует произвол конкретной личности, обладающей властью, или произвол приближенных к ней лиц под ее именем. В России не правовые критерии формирования коллективной воли объединений лиц. Санционирующая воля вышестоящего государственного органа и должностного лица для представителей нижестоящих органов является лишь директивой, но не обязывает к исполнению в юридическом смысле. Ее исполнение может достигаться лишь принуждением. Вместо представительства как юридически связывающего делегирования прав в Российской империи представительство осуществлялось посредством доверия, эта практика не подразумевала юридических ограничений. В настоящее время президент вводит меру увольнения чиновников «в связи с утратой доверия». Что это, как не возвращение архаических практик?

Российское мышление и культура строятся на основе не рациональных, правовых, а аксиологических принципов. Право и этика содержательно не разделены. Различия между ними имеют внешний характер: специфика правовых норм заключается в том, что они исходят от власти законодателя, но законодатель у нас полностью зависит от исполнительной власти, не автономен. В работе Е. Шульман подробно исследуется процесс формирования модели российского парламента, полностью контролируемого администрацией президента, раскрывается политическая технология такого управления законодательным процессом и делается вывод о деградации парламентаризма в современной России, о его реальной непубличности и противоположной нацеленности по отношению к подлинным функциям – решению проблем общества [Шульман 2014]. В России с 1997 по 2011 годы было принято 80 новых редакций Уголовного кодекса и с 2002 года – 40 версий Гражданско-правового кодекса. Исследователи отмечают, что количество принятых законов или поправок к ним не свидетельствует об эффективности законодательного процесса, наоборот, это обесценивает закон в глазах и правоприменителей, и субъектов правоотношений. Уважение к закону возникает, если он устойчив во времени, создает основы правовой стабильности и противостоит конъюнктуре [Шульман 2014: 84]. «В общем количестве проектов, одобренных Государственной думой, постоянно увеличивается доля тех, которые были внесены президентом и правительством. К 2012 году из 334 новых федеральных законов, подписанных президентом, было внесено правительст-

вом 184, президентом – 45. В 2013-м президент подписал 448 законов, из них правительственных инициатив 251, президентских – 29» [Шульман 2014: 104]. С учетом того, что ни граждане, ни их объединения не обладают правом законодательной инициативы, и особенностей избирательной системы и системы представительства в России, не допускающей политической конкуренции, становится понятным, в чьих интересах принимаются законы и почему общее благо оказывается за рамками деятельности парламента.

На протяжении российской истории исключительно этические нормы могли связывать и ограничивать действия верховной власти, но эффективность этого регулятора была крайне низкой. Действия чиновника оцениваются общественным мнением не как действия абстрактного лица, представляющего тот или иной орган государства, а с точки зрения этических представлений о должном поведении идеального чиновника. Нет различия между поведением человека как конкретной частной личности и его поведением как должностного лица. При исполнении должности чиновник ведет себя как частное лицо, внешне играя роль лица должностного. В России до недавнего времени не было дифференциации между государством, отвечающим за право, и обществом, отвечающим за этическую регуляцию общественных отношений.

В России принцип верховенства права был и остается этической ценностью, не обязательной для исполнения, юридически не связывающей ни власть, ни граждан. У нас никогда не действовало право, отделенное от власти. Принципы уравнивающего граждан права не применялись в качестве основы для регулирования межличностных, общественных и государственных отношений. В массовой культуре доминирует тенденция инверсии должного и сущего, утопии и реальности. Разочарование в какой-то утопии порождает ее отрицание и нигилизм, бунт, анархию, и так – до рождения следующей утопии. Постепенного сближения, медиации культурных проектов и реальности не происходит. Опосредованность отношений между любыми социальными субъектами отношениями с органами государства не дает достаточной автономии местным сообществам и альтернативным политическим субъектам.

Формально реформа правовой системы в России завершена, но фактически между принятыми законами, учрежденными институтами и реальным функционированием правовой системы в России, определяющим наличный правовой статус и конкретные права частных лиц, выявляется системное несоответствие. В последние годы усилилась регулирующая роль государства и сузилась самостоятельность субъектов частного права. Правоохранительная система не является универсальным инструментом

достижения формальной справедливости для всех. Результаты исследования общественного мнения о состоянии российской судебной системы и месте правовых отношений в общественной жизни показывают следующее. Люди осознают, что «юридические службы работают на “хозяина”, прежде всего – на государство, затем – работодателя и других влиятельных клиентов» [Гудков, Дубин, Зоркая 2010: 8], а интересы и права частного человека правоохранные и судебные органы по правовым основаниям или соображениям справедливости защищать не будут. В обществе с традиционалистской бюрократией и иерархической социальной структурой кодом социальности является не право, а лояльность «своим». Механизмы регуляции посредством формальных норм закона не работают, пока не подключена активность вышестоящих, для которых ты «свой». Законы и право работают по заказу, избирательно, в зависимости от социального статуса индивида, его отношения к властной иерархии. Правовая и политическая культура разных социальных групп существенно отличается. Есть категории лиц, готовых часто обращаться в суд. Однако довольно большая группа населения относится к суду как институту, обслуживающему интересы властных либо богатых, с которым рядовому гражданину сложно иметь дело. 49 % респондентов уверены, что они не в состоянии защитить свои интересы и права в суде, 12 % затруднились с ответом, то есть 61 % людей скептически воспринимает суд [Гудков, Дубин, Зоркая 2010: 9]. Большинству граждан присуще неверие в то, что суд будет отстаивать права обычного человека так же, как он бы это делал в отношении прав «начальства». В сознании людей устойчив стереотип о негласном запрете судиться с государством или должностными лицами. За этим стоит нигилистическое отношение к судебной системе и ее эффективности, неверие в собственные способности добиться справедливости, как и в солидарные действия людей с похожими проблемами и нарушениями прав. Респонденты считают, что спор с частными лицами или представителями ведомств, должностными лицами и организациями требует разных линий поведения. Только 25 % опрошенных готовы довести дело до суда, остальные предпочитают улаживать конфликты либо путем легальным («договориться»), либо нелегальным. Ради защиты политических, интеллектуальных и хозяйственных прав многие вообще предпочитают не ходить в суд. Выделяются разные причины отказа от обращения в суд: 1) есть способы решения конфликта без суда – 22 %; 2) бесперспективность суда для респондента, поскольку отсутствуют нормы и механизмы справедливой компенсации потерпевшим даже в случае выигранного дела; 3) высокая затратность суда (денежная, временная, нервная и т.д.); 4) коррупционные или криминальные моменты; 5) неверие в спра-

ведливость суда – около 26 %. Недоверие большинства населения к судебной системе детерминируется отсутствием независимости судов от власти и неподконтрольностью обществу. Однако это недоверие основано не на опыте, а на устойчивом социальном предубеждении, негативном представлении о характере и возможностях судебной системы, ее равнодушии к интересам и правам «простых граждан».

Правовой культуре людей присущ разрыв между представлением о том, как должна быть устроена судебная система, и как она действительно работает [Гудков, Дубин, Зоркая 2010: 14]. Правовой нигилизм и недоверие к суду сочетается с представлением об использовании правовых институтов исключительно в интересах власти – для перераспределения собственности, защиты бюрократов, борьбы против правозащитников и оппозиционеров. Юридический пессимизм населения мешает видеть возможность изменения этого положения дел. Борьба с несправедливостью воспринимается как обреченная на поражение и удел отдельных «городских сумасшедших». Население ощущает, что причиной многих преступлений и несправедливости в обществе является произвол власти, состояние законодательства (доминирование подзаконных актов, ведомственных инструкций, внутрикорпоративных негласных правил жизни над собственно законами) и правоприменительная практика, ориентированная на интересы власти. Одна из самых устойчивых установок – беспомощность обычного человека перед государством или должностными лицами, его незащищенность и бессилие что-либо изменить. Собственные погрешности перед законом население оправдывает систематическими и более масштабными правонарушениями со стороны властей, их безнаказанностью. Эффективной работе судов препятствует и отсутствие равенства сторон в судебном процессе, заведомое преимущество чиновников перед рядовыми гражданами – 25 % [Гудков, Дубин, Зоркая 2010: 23]. Однако и остальные факторы – взяточничество, коррупция судебных работников (56 %), зависимость суда от власти и влиятельных лиц (46 %) – препятствуют установлению формально-правового равенства граждан и правового государства в России. Вера в право, справедливость, возможность непредвзятого правосудия присутствует в культуре россиян в качестве представления о должном, которое абсолютно не реализуемо в ближайшее будущее и противоречит практической жизни. Граждане редко считают себя и являются фактически правовыми субъектами. Развитие правовой культуры блокируется недоверием к суду и государству, которое формируется опытом коллективной жизни в условиях массового бесправия и произвола власти.

Законодательные нормы РФ, касающиеся публично-правовых обязанностей властных структур, приводящих в действие механизм ограни-

чений прав и свобод человека и гражданина в России и обеспечивающих условия его реализации, лишены необходимой конкретности и дифференцированности, допускают их произвольное толкование и не предусматривают юридических механизмов их исполнения. То же самое относится к нормам о допустимости публичного вмешательства в процессы реализации человеком его прав и свобод и об ответственности должностных лиц и органов государства перед гражданами. Законодательство и правоприменительная практика допускают лишь избирательную ответственность отдельных чиновников-изгоев, но в целом стоят на страже безнаказанности злоупотреблений и прямых преступлений должностных лиц. Традиционным основанием системы власти в России, порождающим политическое, правовое и социальное неравенство, является «правовой иммунитет российской власти» [Пастухов 2011: 169]. Суды общей юрисдикции не выдерживают баланса между свободой выражения мнения и необходимостью защиты достоинства личности, отдавая зачастую необоснованное предпочтение гражданско-правовому институту чести, достоинства и деловой репутации в ущерб конституционной свободе мысли и слова. Этот правовой институт чаще всего используют должностные лица. В России отсутствует развернутый комплекс федеральных законов, направленных на защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина [Астафичев 2011: 11].

О неравенстве социальном и экономическом, о серьезной социальной поляризации российского общества также свидетельствуют многие исследования. Для общественного благополучия и отсутствия социальной напряженности неравенство должно находиться в определенных рамках. Здесь важен не только объективный уровень неравенства, но и его восприятие. «...восприятие неравенства зависит от способности тех, кто выше, навязать тем, кто ниже, отношение к чужому благополучию или от неспособности (способности) тех, кто ниже, выработать и, что не менее важно, внятно артикулировать свое отношение к чужому благополучию» [Костарев 2015: 7]. Происходит существенное изменение во взглядах россиян на справедливость, приемлемость глубокого социального неравенства на протяжении последних пятнадцати лет. Однако вопрос о причинах этого не однозначен. Есть мнение, что «современные россияне стали более лояльно относиться к ситуации неравенства доходов в обществе, потому что для большинства из них эта ситуация перестала быть настолько болезненной» и что в силу некоторого повышения благосостояния граждан в 2000–2010-е годы и уменьшения числа бедных неравенство сохранилось, но «стало восприниматься как нечто приемлемое, допустимое» [Руденкин 2014: 239-240]. Шагов от сдержанной критики к выражению

практической потребности в конструировании проекта будущего ни одна из групп общества не совершает. Однако нельзя не учитывать и манипулятивные технологии воздействия на массовое сознание со стороны политической элиты, уголовное преследование лидеров оппозиции, разоблачающих роскошные владения, запредельные доходы, коррупцию и безнаказанность преступлений, совершенных должностными лицами, а также разнообразное давление на общественные объединения и политические партии, способные сформулировать общественный запрос на справедливость. В ситуации экономического кризиса, отсутствия каналов вертикальной мобильности, отсутствия зависимости между трудовыми усилиями, предпринимательской активностью и материальным и социальным благополучием, а также вопиющей разницы между привилегиями одних и нереализуемостью элементарных гражданских прав других, усиливается стремление к перераспределению богатства и собственности, в том числе неправовыми и насильственными способами.

Обратимся к вопросу о реализации элитарного начала. При анализе специфики существования и характера российской элиты необходимо учитывать несоответствие названия и сути явления. Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин и Ю. А. Левада называют это социальное образование околовластными кругами, аудиторией власти, «полусветом» полицейского режима», поскольку ни одной из функциональных ролей элиты оно не выполняет [Гудков, Дубин, Левада 2007: 75]. Российская квазиэлита, составляющая 10-15 % населения, – это слой специалистов, обслуживающих авторитарное руководство, заместитель советской интеллигенции. В комплектовании этой «назначенной элиты» участвуют лишь государственные органы, по сути, это государственная бюрократия, несколько трансформировавшаяся в постсоветском контексте. Она не обладает никакой самостоятельностью и не призвана к реализации общественно значимых целей, не имеет собственной воли и функций целеполагания, обсуждения или критики политики. Такая «элита» обеспечивает отраслевое директивное управление, кадровый контроль, легитимацию политического режима путем ограничения свободы информации, пропаганды, пиара, убеждения. Подобно свирепому стражу Церберу, это слой, который, имитируя посредничество и коммуникацию, фактически изолирует власть от общества. Главная функция такой «элиты» – сохранение нынешнего режима власти с помощью инструментального поддержания определенной управляемости общества. Этот слой имеет не публичный, закрытый характер, механизм социальной селекции в состав «элиты» не прозрачен. Эта квазиэлита является проводником и опорой политического режима, ведущего общество к архаизации и деградации.

Главная задача современного государства состоит в обеспечении высокого качества жизни его граждан, это утверждение декларировалось в высказываниях представителей элиты нашего государства. Этот параметр можно взять и в качестве основы для оценки эффективности правящего режима и деятельности элиты. Исследования качества жизни в разных государствах много лет проводятся неправительственной организацией International Living. На основании комплексного показателя, включающего стоимость жизни, культуру и досуг, экономику, состояние окружающей среды, свободу, здоровье, инфраструктуру, безопасность и риск, климат, определяется индекс качества жизни. Для постсоветской России индекс качества жизни составил 54, и она заняла 115 место из 192 в одном ряду с Гайаной, Замбией, Кувейтом, Кыргызстаном и другими подобными государствами [Нисневич 2013: 101]. Интересны индексы человеческого развития, благосостояния, уровня удовлетворенности жизнью, счастья и т. д. По всем ним Россия не дотягивает даже до средних показателей. Одним из важнейших факторов, влияющих на качество жизни, является качество управления государством. Это имеет непосредственное отношение к оценке эффективности деятельности российской государственной элиты. В общий комплексный критерий оценки качества жизни входят разные параметры государственного управления: учет мнения населения и подотчетность (политические права, гражданские свободы, степень участия граждан в выборах государственной власти, степень свободы выражения мнения, свободы объединений); политическая стабильность и отсутствие насилия; эффективность государственного управления; качество законодательства; верховенство закона; контроль коррупции. «...в 2010 г. для постсоветской России значения этих индексов и соответствующие им места в рейтинге составили: – индекс учета мнения населения и подотчетности (-0,9446) или в нормированном представлении 0,31 и 168 место из 212 между Габоном и Кыргызстаном; – индекс политической стабильности и отсутствия насилия (-0,887) или в нормированном представлении 0,44 и 174 место между Индонезией и Египтом; – индекс эффективности государственного управления (-0,394) или в нормированном представлении 0,42 и 123 место из 210 между Лесото и Малави; индекс качества законодательства (-0,3948) или в нормированном представлении 0,42 и 130 место из 210 между Гамбией и Мальдивскими островами; – индекс верховенства закона (-0,7837) или в нормированном представлении 0,34 и 157 место из 212 между Бангладеш и Пакистаном; – индекс контроля коррупции (-1,074) или в нормированном представлении 0,28 и 183 место между Кыргызстаном и Бурунди» [Нисневич 2013: 103–104]. Понятно, почему высшие лица государства стремятся вытеснить из России и международные

неправительственные организации, и отечественные некоммерческие организации, занимающиеся социологическими исследованиями, – слишком очевиден контраст реального положения дел в России и великодержавных амбиций высших должностных лиц.

Комплекс качеств российской «элиты» детерминируется ее зависимостью от верховной власти. С середины 1990-х гг. власть сумела вторично переподчинить едва обретающее свободу и самостоятельность общество путем формирования выгодного ей законодательства (в том числе избирательного) и реальной политики, направленной на подавление общественного представительства, ослабление общественных движений, политических партий, ликвидацию политической конкуренции путем ограничения свободы СМИ, опору на силовые структуры, усиление вмешательства государства в экономику. В настоящее время власть с помощью «элиты» всячески глушит стремление общества к формированию разнообразных каналов и механизмов селекции элиты путем отбора лидеров из разных областей жизни, обладающих значительным творческим и инновационным потенциалом, способных вносить проекты обновления соответствующих сфер общественной жизни в целях развития общества. Декларируя необходимость развития «кадрового резерва» и «социальных лифтов» для молодежи, корпоративно-олигархическая власть на деле воспроизводит советскую по происхождению систему «назначения элиты», действующую по номенклатурному принципу.

Функции элиты власть возлагает на околоставные группы, которые лишены необходимых ресурсов, а потому не способны повести страну по пути модернизации. Снижается уровень управленческой компетентности этих групп. Это связано и с реальным прекращением реформ 1990-х годов, и с притоком в околоставные группы представителей силовых и репрессивных органов власти, для которых главным средством решения социальных проблем является принуждение путем прямого или косвенного насилия. Нынешний политический режим держится не только на исторически заложенном страхе населения перед потенциальным насилием или перед публичным выражением индивидуального мнения, но и на массовой апатии и реальном отчуждении населения от политики, неверии его в возможность какого-либо участия в решении своих проблем, даже минимального влияния на принятие важнейших политических решений. Лояльность околоставных групп центральному руководству обеспечена приближенностью к власти и вытекающими из этого привилегиями и выгодами. Эти группы исполняют «высшую волю» ценой отказа от собственной политической воли и автономии и ценой подавления этих качеств в массах. Они блокируют институты и механизмы представительства пуб-

личных и групповых интересов, существенно ограничивают публичное обсуждение социальных проблем и политических решений.

Постсоветская квазиэлита – продукт селекции определенных человеческих типов, в нее отбирается «тип безынициативного приспособленца», лишенного каких-либо достоинств, который выступает «клеем», связующим элементом власти и массы [Гудков, Дубин, Левада 2007: 200]. Этот тип характеризует принципиальная неспособность выдвижения стратегических целей развития, выработки программных альтернатив развития страны, готовность к подчинению, нацеленность исключительно на обслуживание власти и интересы самовоспроизводства. Ему свойствен прагматизм, показная преданность хозяину, носителю «государственной воли», готовность показать знание или отбросить любые идеологические принципы в зависимости от политической конъюнктуры, умение симулировать занятость, казаться «государственником» и «патриотом», цинизм, аморализм, корыстолюбие. Все, кто способен помешать интересам элиты, нейтрализуются как конкуренты. Номенклатурная «обойма» выдавливает из своей системы все иные социальные типы как «чужаков». «Приспособленец» является носителем господствующей политической культуры, он связывает все другие социальные и политические роли в систему власти и авторитарный режим. Квазиэлите чужды идеи деэтизации, высвобождения общественной самоорганизации, признания необходимости автономии общественных сил, политической конкуренции. Выступая в качестве мировоззренческой основы квазиэлиты, этизм препятствует утверждению ценностей свободы выбора, ответственности, разнообразия и самостоятельности политических акторов, необходимости реальных механизмов представительства и согласования интересов. Отсутствие отбора достойных в элиту, с одной стороны, и механизмов представительства, с другой, – факторы все большего отдаления правящей группировки и общества друг от друга. Утверждаемая квазиэлитой идея безальтернативности власти, временно легитимирующая данный режим, принижает человеческий, лидерский и политический потенциал российского общества. Это слабая легитимация, она действует, лишь пока общество верит в навязываемые ему негативные оценки – собственное бессилие и неспособность что-либо изменить. Власть и ее «приводные ремни» не только отстраняют собственных критиков и слабых претендентов, но и препятствуют формированию политического и правового сознания общества и условий для развития даже потенциальных политических конкурентов. Цель сохранения монополии правящей группировки – это вопрос самосохранения зависимой от нее квазиэлиты и консервации привилегий. Осуществляемая элитой практическая политика не учитывает дифференциации общества,

его потребностей, неэффективности централизованного управления в ущерб местному и территориальному самоуправлению, необходимости опоры на множество социальных и политических субъектов. Экономика и общество находятся в плену у государства, приватизированного квазиэлитой. Собственные частно-корпоративные интересы она рассматривает в качестве государственных. Обособления элиты от государства не произошло. Руководители бизнеса, масс-медиа, деятели науки и искусства, экспертные сообщества, способные к разработке стратегии развития страны, оттеснены от публичной сферы и принятия политических решений, находятся под давлением властей. Однако политика, ограниченная исключительно целями самосохранения элиты, рано или поздно приводит к противоположному результату.

Замкнутость квазиэлиты обусловлена стремлением сохранить «тайну власти» – владения ресурсами общества как будто по праву, заслуженно, на основе исключительных личных или профессиональных качеств, а также нежеланием поступиться частью функций и полномочий, привилегий и властных ресурсов. Открытый для более широкого круга претендентов доступ в элиту потребовал бы коренного изменения политического режима и условий функционирования данного слоя. Неминуемо бы возник вопрос о способах прихода к власти нынешней элиты, о механизмах приватизации власти-собственности, об ответственности должностных лиц за исполняемые обязанности не перед вышестоящими лицами, а перед представительными органами государства и обществом. Зависимое и неустойчивое положение квазиэлиты определяет ее социальную неуверенность, стремление быстро приватизировать ресурсы общества, страх перед волей верховной власти и непредсказуемостью социально-политической ситуации в стране.

Элитарное начало в России реализуется специфическим образом. Высшие управленческие функции и статус приобретаются в силу близости к формальным и неформальным властным структурам. Это «элитарность» симулятивная, нелегитимная, самозванная, зависимая от верховной власти, несвободная, трусливая, лицемерная, безответственная. Российская элита целенаправленно монополизировала и перекрыла все возможные пути вертикальной мобильности и каналы инкорпорации в элиту, особенно политическую: политические выборы, партии, общественные движения, оппозицию, систему образования и науку. В результате возможность демократической смены первых лиц государства легальным путем отсутствует. Выборы превратились в ритуал, фикцию. Первые лица «выбираются» внутри узкой группы правящей элиты неформальным и не прозрачным для общества способом. В структуре государственного

управления переплетены два ряда формальных и неформальных институтов, напоминающих времена опричнины. Политический режим и система сегодняшней России характеризуется как кланократия (вместо республики) с соответствующими признаками – наличием вождя, опорой на ресурсы клана, системой одаривания, внепубличностью. Утвердились механизмы отрицательной селекции, на высокие государственные должности назначаются люди, обладающие не самыми высокими интеллектуальными и организационными качествами и не способные составить конкуренцию первым лицам действующей власти. Поскольку этот механизм действует одинаково по всей «вертикали», «общество не получает лидеров» [Пригожин 2011: 3]. Систематические призывы к созданию кадрового резерва для государственного и муниципального управления свидетельствуют о нарастающем дефиците эффективных управленцев на всех уровнях власти.

Российскую элиту можно рассматривать и чисто функционально – как верхушку правящего класса. «Кланы, клики, стратегические группы и группы давления, внутренние партии, обоймы образуют неформальную структуру элит [Крыштановская 2005: 81]. Корпоративно-олигархический или клановый политический режим основан на сложном переплетении разных форм слияния власти и собственности. После 1991 г. государство оказалось в руках крупных собственников, а после 2000 г. вся значительная собственность в стране начала контролироваться госчиновниками и силовиками. Соответственно менялся и режим инкорпорации в элиту. Мобильность элиты включает три фазы – инкорпорацию, ротацию и экс-корпорацию. Специфические отличия элитной мобильности в России заключаются в действии ряда факторов: 1) высокая конкуренция между кандидатами на должность; 2) неопределенность требований к кандидатам; «связи и случай тут решают больше, чем интеллект, знания и умения»; 3) большая регламентация мобильности; наличие институтов кадрового резерва и резервации для отставных членов; отсутствие открытых конкурсов на замещение вакантных должностей; 4) эзотерические внутригрупповые нормы любых перемещений кадров; 5) неформальная капитализация чиновников [Крыштановская 2005: 101–102].

Открытие элиты во время перестройки и установление выборов в качестве механизма инкорпорации в элиту к эпохе В. В. Путина сменяется реставрацией моноцентрического устройства государства, закрыванием элиты, выхолащиванием демократии, политическим отчуждением населения. Нынешний режим ликвидировал самостоятельность таких центров власти, как Государственная Дума, Совет Федерации, региональные элиты, правительство, демократическая оппозиция, бизнес-элита, СМИ, и ус-

становил прямое правление президента, а затем монополию узкой околопрезидентской группы на власть. Прямое следствие этих мер – правовое, политическое и социальное неравенство, чрезвычайная социальная поляризация. Восстановление бюрократической вертикали власти сопровождается уничтожением большинства «социальных лифтов» как механизмов инкорпорации представителей общества в элиту, и в первую очередь свободных выборов как механизма формирования системы представительства и парламента. Установилась милитократия, сочетающая номенклатурные процедуры назначения в элиту и мобилизацию военных в госслужащие. Государство расширило свои контролирующие функции, вплоть до поглощения частного бизнеса, а от функций, стимулирующих развитие общества, избавилось. Внутриэлитные процессы приобрели архаичный характер, как и способы инкорпорации на основе родственных, земляческих, кланово-корпоративных связей и отношений личной преданности. Передача привилегированного статуса – преемничество – факт обычного права элиты, не легитимного, но воспринимаемого чиновничеством в качестве естественного. Верховную власть осуществляет узкая группа лиц (стратегическая элита), составляющая путинское «Политбюро». Данный режим носит неформальный характер, хотя использует официальные политические институты, но опирается именно на неформальную группу, с высокой долей представителей силовых структур.

В России установилась квазитрадиционная система власти и управления, прячущаяся за фасадом модерных политических и правовых институтов и идеологий. Она опирается на доминанту исполнительной власти, по сути, являющейся властью-собственностью, сохраняющей существенные черты «вотчинного самодержавия», сложившегося в эпоху Московского царства [Афанасьев 2000: 83]. Одной из глубинных основ этакратизма как несправедливого политического устройства российского общества является система «власти-собственности» [Шкаратан 2009: 6]. Она препятствует экономической и политической модернизации общества, благоприятствует процветанию «торгового капитала» за счет всех иных видов капитала.

С точки зрения концепции нефеодализма (неопатримониализма), представители которой стремятся установить реальный характер нынешнего политического порядка в России [Фисун 2007; Мартьянов 2016; Гельман 2015; Розов 2016], основой социальной структуры российского общества является объем доступа, роль и статус той или иной группы населения в механизмах рентного политического порядка и распределении ресурсов. Это фундамент образования сословий в российском обществе. Взяв за основу способ получения ренты от государства, С. Кордонский

выделил следующие сословия в российском обществе: 1) служилые сословия (власть) – политические элиты, государственные и муниципальные служащие, силовики; 2) рентозависимое большинство (народ) – бюджетники, пенсионеры, сотрудники естественных монополий; 3) предприниматели (самозанятое население); 4) маргиналы [Кордонский 2008]. Первая группа составляет около 5 % населения, вторая – 65 %, третья – 15 %, четвертая – 15 % [Кордонский, Дехант, Моляренко 2012]. Принадлежность нынешних граждан к сословиям, переход между которыми (вертикальная мобильность) серьезно ограничен, отсутствие социальной свободы, связанное с массой ограничений для населения, включая сужение свободы выбора профессиональной деятельности, архаизируют всю совокупность социальных и политических отношений, порождают сословное право, рентно-сословные экономические обмены, социальное и политическое неравенство. Отсюда множество диспропорций в экономике, политике, социальной структуре, приводящих к вопиющему социальному неравенству, к дисфункциям в структуре профессиональной специализации, общественной оценке престижности видов высшего и среднего профессионального образования, в экономической оценке того или иного труда. Все это приводит к уменьшению социального многообразия – ограничению значимых общественных потребностей, сужению числа социальных лифтов, возможностей карьеры для молодежи, развитию массовой культуры ценой ограничения развития всякой иной культуры, способной вырабатывать критерии формирования элиты, отвечающие целям обновления политической системы.

Один из показателей социального неравенства – степень устойчивости и развития среднего класса. Исследования показывают, что российский средний класс (точнее, средние слои) не растет, а стагнирует. Причины этого – отсутствие экономической среды, способствующей развитию малого бизнеса. Увеличение неравенства за счет более высоких темпов роста доходов 20 % наиболее обеспеченной части населения приводит к тому, что общего роста реальных доходов не хватает для расширения среднего класса [Самсон, Красильникова 2010: 68]. Последние 20 лет в России действуют такие неформальные политические и экономические правила перераспределения ресурсов, благодаря которым осуществляется чрезвычайная концентрация доходов менее чем у 10 % населения.

Общественное сознание фиксирует несправедливость нынешнего политического и социального строя. Однако ощущение несправедливости фрагментарно и ситуативно, к тому же степень манипуляции общественным мнением, усиление пропагандистской работы со стороны государства в сегодняшней России зачастую не позволяют сформироваться сколько-

нибудь независимо от государства общественному мнению. Перехода от глухой критики к выражению практической потребности в конструировании проекта будущего на уровне больших групп общества не происходит. Однако оправдать и мотивировать необходимые изменения «может лишь претензия субъекта на справедливость», в которой должна быть выражена «утопия, будущее «общее благо» [Мартьянов, Фишман 2010: 185]. Отсутствие активного социального заказа на проект справедливого и свободного общества вследствие социальной апатии населения и нежелания властной элиты признать собственный режим управления несправедливым и не допускающим свободы, реформировать его и «поделиться властью» воспроизводит существующее положение вещей. В результате политическая, экономическая и интеллектуальная элиты сдерживают развитие соответствующих проектов, ценности и идеи справедливости как меры равенства и свободы не попадают в поле публичной политики, не рассматриваются в качестве основ практически достижимого будущего. Однако это живые ценности, составляющие пока не слышимый, но устойчивый запрос общества. И это повод для исторического оптимизма.

Литература

Айвазова С.Г. (2006). Семья как пространство частной жизни: новые функции и задачи // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.

Андреева Н. (2009). Как деревня выпала из состава РФ // Новая газ. на Урале. № 24, 11 марта.

Астафичев П.А. (2011). Механизм ограничений прав и свобод человека и гражданина и проблемы его совершенствования // Конституц. и муницип. право. Вып. 1.

Афанасьев М.Н. (2000). Клиентелизм и российская государственность. М.

Бачинин В.А., Сальников В.П. (2000). Философия права. Краткий словарь. СПб.

Бергер П.Л. (1996). Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М.

Верховский А., Паин Э. (2010). Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология особого пути в России и Германии. М.

Воеводин Л.Д. (1997). Юридический статус личности в России. М.

Воцанов П. (2004). Номенклатура возвращается // Новая газ. № 77, 18–20 окт.

- Зон Г. Ван. (2007). Культ власти в контексте социальных и экономических отношений в России // Мир России. № 4.
- Гельман В.Я. (2003). Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // ПОЛИС. № 4.
- Гельман В.Я. (2015). Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма. СПб.
- Гольц А. (2005). Вся королевская врать // Новая газ. № 17, 10–13 марта.
- Гудков Л.Д. (2004). Негативная идентичность. М.
- Гудков Л.Д. (2009). Условия воспроизводства «советского человека» // Вестн. обществ. мнения. № 2 (100).
- Гудков Л.Д. (2011). Абортивная модернизация. М.
- Гудков Л.Д., Дубин Б., Зоркая Н. (2010). Российская судебная система в мнениях общества // Вестн. обществ. мнения. № 4 (106).
- Гудков Л.Д., Дубин Б. (2005). Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. Т. 9, № 2 (29).
- Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Левада Ю.А. (2007). Проблема «элиты» в сегодняшней России: Размышления над результатами социологического исследования. М.
- Даугавет А.Б. (2003). Неформальные практики российской элиты. Апробация когнитивного подхода // ПОЛИС. № 4.
- Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год (2008) // Рос. газ. 14 марта.
- Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год (2009) // Рос. газ. 17 апр.
- Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год (2016) // Рос. газ. 24 марта.
- Зверева Г. (2005). Националистический дискурс и сетевая культура // Pro et Contra. Т. 9, № 2 (29).
- Индекс произвола (2005) // Новая газ. № 07 (1032), 31 янв. – 2 февр.
- Кертман Г.Л. (2006). Государственный патернализм как мера власти и политики // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.
- Климцев В. (2009). Кошмар для предпринимателя // Новая газ. на Урале. № 24, 13 марта.
- Козлова Е.И., Кутафин О.Е. (1995). Конституционное право России. М.
- Кондрашев А.А. (2012а). Конституционно-правовая ответственность высших должностных лиц субъектов РФ: конституционно-правовые аспекты и вопросы реализации в законодательстве // Правоведение. № 6.

Кондрашев А.А. (2012b). Особенности современного формирования политической системы России в контексте характеристики государственного режима // Конституц. и муницип. право. № 5.

Кордонский С. (2008). Сословная структура постсоветской России. М.

Кордонский С.Г., Дехант Д.К., Моляренко О.А. (2012). Сословные компоненты в социальной структуре современной России // Отечеств. записки. № 1.

Костарев А. (2015). Неравенство – до и после // Неприкоснов. запас. № 5 (103).

Кострюкова О.Н., Осипов Г.Р., Саренков А.А. (2007). Семантический анализ концепта «подчинение» в поле оппозиции «приватное – публичное» // ПОЛИС. № 1.

Крыштановская О. (2005). Анатомия российской элиты. М.

Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. (1987). Очерк истории Советской Конституции. М.

Кутковец Т.И., Клямкин И.М. (2002a). Новые люди в старой системе // Новые известия. № 170-171.

Кутковец Т.И., Клямкин И.М. (2002b). Нормальные люди в ненормальной стране // Моск. новости. № 25.

Левада Ю. (2004). Свобода от выбора? Постэлекторальные размышления // Вестн. обществ. мнения. № 2 (70).

Левада Ю. (2006). Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестн. обществ. мнения. № 2 (82).

Левада-центр. (2011). О правах человека, интересах власти и общества в России.

Лор Э. (2017). Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М.

Малинова О.Ю. (2006). «Политическая культура» в Российском научном и публичном дискурсе // ПОЛИС. № 5.

Малинова О.Ю. (2007). Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // ПОЛИС. № 1.

Мартьянов В.С. (2016). Сословное государство в модерном обществе, или Борьба с российской коррупцией как проблема сокращения статусной ренты // ОНС. № 2.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. (2010). Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.

Мизес Л. фон. (2001). Теория и история. М.

Миллер А.И. (2016). Нация, или могущество мифа. СПб.

Немцов Б., Прибыловский В. (2005). Президент простой и ложный // Новая газ. № 10, 10–13 февр.

Нисневич Ю.А. (2013). Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // ПОЛИС. № 1.

Овчарова Л. (2015). Бедность как порог // Огонек. № 28.

Павлова Т.В. (2006). Изменения в политической культуре и модели демократии // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.

Паин Э.А. (2015). Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // ОНС. № 2.

Паин Э.А. (2016). О политической инерции в донациональном обществе // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии. Екатеринбург.

Пастухов В.Б. (2011). Бес права. Русское право как ускользающая реальность // ПОЛИС. № 2.

Пашин С.А. (2013). Отечественный суд и государство // Государство. Общество. Управление. М.

Петров Н. (2009). Политическая механика российской власти: субституты против институтов // Вестн. обществ. мнения. № 4 (102), окт.-дек.

Пригожин А. (2011). Час икс: Возрождение республики // Ведомости. № 170 (2936), 12 сент.

Розов Н.С. (2016). Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // ПОЛИС. № 1.

Российское гражданство (2003) : учеб. пособие для вузов. М.

Руденкин Д.В. (2014). Почему меняется отношение россиян к неравенству в доходах? // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития. Екатеринбург.

Рыжков В. (2004). Откат // Новая газ. № 68 (998), 16-19 сент.

Самсон И., Красильникова М. (2010). Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф? // Вестн. обществ. мнения. № 4 (106).

Сатаров Г. (2004). «Воруешь? Годен!» // Новая газета. № 76, 14-17 окт.

Словарь основных исторических понятий (2014) : Избранные статьи в 2 т. Т. 1. М.

Федеральный закон от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (действующая ред., 2016).

Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (действующая ред., 2016).

Федеральный закон от 23 мая 2015 года № 133-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и в Федеральный закон «О политических партиях» (действующая ред., 2016).

Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. 2016).

Федеральный закон от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»»(ред. от 03.07.2016).

Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ».

Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 01.05.2016).

Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (с изм. и доп.).

Фисун А. (2007). Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, полномочия // Отечествен. записки. № 6 (39).

Фисун А.А. (2010). К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Политическая концептология. № 4.

Хархордин О. (2002). Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности. СПб. ; М.

Хлопин А.Д. (2006а). Микросреда – сверхценность или ресурс для самостоятельного упорядочения повседневности? // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.

Хлопин А.Д. (2006b). Российская власть и свобода // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.

Честнов И.Л. (2009). Субъект права: от классической к постклассической парадигме // Правоведение. № 3.

Шабурова О.В. (1998). Элиты // Современный философский словарь. М. ; Минск.

Шаров А. (2009). Генпрокурор вступился за бизнес // Рос. газ. 13 февр.

Шейнис В.Л. (2016). Конституционный суд в перипетиях российской истории// ПОЛИС. № 3.

Шипунова Т.В. (2016). Гражданская безопасность и насилие: российские практики // СОЦИС. № 6.

Шкаратан О.И. (2009). Становление постсоветского неозакратизма // ОНС. № 1.

Шульман Е. (2014). Законотворчество как политический процесс. М.

ГЛАВА 3. ГРАЖДАНИН В ПРОСТРАНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

3.1. Культурно-исторические основы ментальности современных россиян

Исходный уровень политической культуры россиян составляют политико-правовые аспекты повседневной, практической ментальности массового индивида, сформировавшиеся исторически, на протяжении жизни нескольких поколений людей. Сюда относятся устойчивые способы восприятия правовых и политических явлений, опирающиеся на определенную иерархию ценностей, архетипы коллективного бессознательного, которые трансформируются в определенные стереотипы мышления, поведения и деятельности. В понимании ментальности мы принимаем подход А. Я. Гуревича, который определяет ментальность как определенный уровень индивидуального и общественного сознания, или картину мира, то есть совокупность представлений о себе, социуме, общественной истории и т.д. Другими словами, это «изменчивая и обнаруживающая устойчивые константы магма жизненных установок и моделей поведения, эмоций и настроений, которая опирается на глубинные зоны, присущие данному обществу и культурной традиции» [Гуревич 1989: 454–456]. Существуют разные типы ментальности – религиозный, национальный, номенклатурно-бюрократический и т.д. В рамках французской исторической школы «Анналов» термин *ментальности* (мн. ч.) означал общие характеристики индивидов, живущих в пространстве одной культуры, но имеющих различные ментальности в силу принадлежности к различным социальным слоям. Ментальность включает следующие структурные элементы: 1) когнитивную сферу сознания (знания, воззрения, верования, чувствования), которыми обладает данная общность людей; 2) определенную иерархию ценностей, доминирующие потребности, архетипы коллективного бессознательного; 3) стереотипы мышления и поведения людей, детерминирующие специфику реагирования индивидов и общностей конкретной эпохи на события и процессы окружающего мира; 4) знаково-символические формы выражения. Ментальность представляет собой не только результат самоидентификации, то есть отнесения себя к той или иной этнической или иной социальной общности, но и определенные знания о своей нации (нации, группе), его характерных чертах, культуре, языке, территории проживания, истории. В ментальности соединены рациональная и эмоциональная сфера деятельности человека в процессе ос-

воения, потребления и воспроизводства им культуры. Ментальность характеризуется эмоционально окрашенным отношением к труду, частной собственности, семье, государству, политике, праву, религии и т.д. Характерными чертами ментальности являются, во-первых, ее неререфлектируемость и стереотипичность проявления, которые связаны с подсознательным характером реагирования; а во-вторых, высокая устойчивость, неподатливость воздействию со стороны социальных институтов. Однако устойчивость во времени сочетается в ментальности со свойством изменчивости, идущим от связанности с эмоциональными реакциями на социальные изменения.

Правовые и политические аспекты ментальности тесно взаимосвязаны, поскольку нормы права являются существенной частью политической культуры любого типа. К тому же зрелость исторической дифференциации политики, права и морали в качестве обособленных сфер общества и форм осознания этих процессов в прошлом и настоящем России проблематична. Знаково-символические элементы политической культуры и ментальности составляют их основу, поэтому важен анализ значений и смыслов слов, воплощающих в себе ценностные установки и иные элементы ментальности людей.

В целях исследования степени развития правового и политического сознания современных россиян важно рассмотреть исторические и актуальные значения и смысл основных концептов, лежащих в основе российской культуры и ментальности. Концепт «Закон» в русской духовной культуре в словаре В. Даля определен следующим образом: «Закон – предел, постановленный свободе воли или действий; неминуемое начало, основание; правило, постановление высшей власти» [Даль 1998: I, 1469–1470]. *Закон* как предел – ядро концепта «Закон» в русском сознании, видимое в этимологии слова и его употреблении, в том числе и в воровской жизни (как воровской, неписаный закон), и в современном общем употреблении (беспреддел – «полное беззаконие; произвол; развал общественного порядка и власти»). Противоречивость и нерасчлененность политических, правовых, нравственно-религиозных аспектов в массовых представлениях о законе ярко видна в пословицах, приводимых В. Далем: *Воля царя – закон; Не будь закона, не стало б и греха; Где закон, там и преступленья; Держи суд по закону; Дураку закон не писан; Нужда закона не знает; Закон – паутина: шмель проскочит, муха увязнет; То-то и закон, как судья знаком; Законы святы, да судьи супостаты; Закон – дышло: куда хочешь, туда и вышло; Где закон, там и обида* и другие. Некоторые из пословиц сохранились в языке до сего дня.

Концепт «Закон» существует в трех различных сферах культуры, отсюда три его основных значения: 1) закон юридический, 2) закон божественный (христианский), а также нравственный, 3) научный закон¹⁵. Во всех этих сферах *закон* мыслится именно как «предел», за которым лежит иная сфера жизни или духа. Следовательно, *закон* – не то, чему подчинено все лежащее в данной сфере, а лишь некая граница внутри более широкой сферы. Взгляд «из-за», «с той стороны» этого предела, неподчинение пределу – основная черта этого культурного концепта. В понятии «закона юридического» эта черта проступает, во-первых, как понятие «закона совести». Поэтому нравственность, идущая от божественных заповедей, нравственного абсолюта, здесь выше формализма юридического закона. Во-вторых, основная черта данного концепта выражается через понятие «харизматической личности», следовать образцу поведения которой более нравственно, чем исполнять букву юридического закона. В-третьих, – как особенное русское отношение к преступникам как к «несчастливым». В понятии «закона божьего» эта черта принимает вид типично русского двоеверия, переплетения языческой и православной веры, а также она проявляется в противопоставлении «ночной» и «дневной» культур (по Г. Флоровскому). В понятии «закона науки» эта черта выражается в виде протеста против «объективных» законов, открываемых и устанавливаемых наукой в естественной и общественной жизни.

Рассмотрим этимологию данного концепта. Русское слово *за-конь* происходит от *конь* «начало» и «конец», первоначально, вероятно, *кол* для разметки земельного участка, *кон* – это граница между «началом» и «концом», а *закон* – это «предел». С этим значением связаны и производные понятия: «преступник» – тот, кто пре-ступил положенный предел; «враг» – тот, кто находится за пределами «мира своих», за пределами рода, общины с ее обычаями (законами) и традициями; «изверг» (изгой) – тот, кто извергнут, отринут общиной и уподобился дикому зверю.

У древних греков у слова «закон» было два понимания. Термин *тесмос* означал неписаное установление, освященное давностью; это то, что положено, указ; это закон, установленный богами, священный закон. *Тесмос* означал часто законы Дракона (VII в. до н.э.) – записанные древние правовые обычаи. Термин *номос* означает закон, установившийся на практике, по обычаю, сам обычай, и закон, созданный и написанный людьми. Термин *номос* закрепился за законами Солона (VII–VI вв. до н.э.). В Древнем Риме термин *lex* «закон» первоначально означал всякое правило, установленное римским гражданином (*civis*) для себя или в про-

¹⁵ Данный концепт мы будем раскрывать в опоре на исследования Ю. Степанова: [Степанов 2001].

цессе сделки со своим партнером (при договоре, завещании и т.д.), – то есть как норма частного права. Затем появилось значение «общее предписание государства», то есть нормы публичного права, освященной религиозной клятвой. Высший этап развития римского концепта «закон» – значение «то, что приказывает и устанавливает народ, «*populus romanus*» [Бартошек 1991: 178-179], – стало образцом, моделью законодательства.

В славянской культуре понимание понятия «закон», близкое греческому *номос*, содержится в Остромировом Евангелии (1056–1057 гг.). В отличие от греческого «номос», славянское понятие закона соединяет в одном слове юридический и бытовой («привычный образ жизни, обычай») смыслы. В Русской Правде (X–XI вв.; XIII в.) встречается два термина – *закон* и *покон*. *Покон* – «начало; обыкновение, обычай; нрав; предания; пошлина». Концепты «Закон» и «Обычай» в славянских языках соединены в одно целое.

Исходная черта русского понятия «закон» – его формальная невыработанность, неопределенность – в какой-то степени сохранилась до нашего времени. В европейской культуре понятию «закон» противостоит понятие «беззаконие». В русской ментальности «закону» противопоставлено не только «беззаконие» как нечто негативное, но и нечто позитивное, возвышающееся над законом. За, или над сферой закона существует еще некая сфера добра, совести и справедливости (правды). Наличие этой не официальной, не регламентированной, не формальной сферы, противопоставленной закону, и есть особенность русской ментальности. Представления о двух противоположных сферах – некая нерасчлененная, многослойная, мозаичная, устойчивая целостность.

Первый и главный слой ментальных представлений о законе составляет противопоставление формальному, юридическому закону *правды* – внутренней справедливости, чувствуемой, знаемой в душе, то есть совести. Смысл концепта «Правда» выявляется при сопоставлении с концептом «Истина». Еще один слой концепта «Закон» – понятие «Осужденного как несчастного». Третий слой народной ментальности образует противопоставление формальному закону харизматической личности.

Но что означает слово *правда*? В паре противопоставленных в русской культуре слов *Правда* и *Истина* концептуализирована своеобразная духовная ценность. У других европейских народов им соответствует одно слово со значением «истина». В. И. Даль зафиксировал различие правды и истины в русском общественном сознании: «Истина – противоположность лжи; все, что верно, подлинно, точно, справедливо, что есть; ныне слову этому отвечает и правда, хотя вернее будет понимать под словом правда: правдивость, справедливость, правосудие, правота. Истина от земли (дос-

тояние разума человека), а правда с небес (дар благодости). Истина относится к уму и разуму; а добро или благо (т.е. правда) – к любви, праву и воле» [Даль 1998: II, 140]; «Правда – истина на деле, истина во образе, во благе: правосудие, справедливость. Творите суд и правду. Стоять за правду» [Даль 1998: III, 985].

Противопоставление правды-истины и правды-справедливости можно истолковать как различие истины рациональной (юридической, философской) и истины чувственной, практической, истины поведения. В толковании В. Даля истина связывается с земным, преходящим, а правда – с небесным, вечным, поскольку православие связывает понятие «правда» с «божественным нравственным законом». До недавнего времени в русском сознании *истина* связывалась, скорее, с вечным и неизменным, а *правда* – с земным, изменчивым, социальным; истина для всех одна, а правда у каждого своя. Признак «божественный закон» вытесняется признаком «научная истина». Истина объективна, а правды – субъективны. Новое противопоставление первым сформулировал Н. А. Бердяев, истина у него понималась как научно обоснованное: «...русская интеллигенция может перейти к новому сознанию лишь на почве синтеза знания и веры, синтеза, удовлетворяющего положительно ценную потребность интеллигенции в органическом соединении теории и практики, “правды-истины” и “правды-справедливости”. Но сейчас мы духовно нуждаемся в признании самоценности истины, в смирении перед истиной и готовности на отречение во имя ее» [Бердяев 1991: 29].

Однако в эпоху современных информационных войн и технологий манипуляции общественным мнением разобраться с тем, что истинно, а что ложно и что есть правда, представляется запредельно сложным. Момент относительности истины, ее детерминации экономическими и социально-политическими интересами тех или иных политических акторов становится весьма значимым.

Изучение этимологии слов *истина* и *правда* показывает следующее. Древнерусское прилагательное *истъ* первоначально означало «соответствующий определенному ритуалу (религиозному или правовому); правильно, по правилам, сказанный или совершенный; соответствующий порядку и закону» [Степанов 2001: 439]. Разница в европейском и русском понимании истины определяется влиянием политических и правовых институтов и условий на этот концепт. В европейских языках понятие истины близко понятию семейной и затем частной собственности, узаконенной обществом и государством, в русском языке такого сближения не произошло, здесь истина была связана с социальным ритуалом публичного признания, которое затем было монополизировано государством. *Правда*

произведено от прилагательного *правъ* – «правый», «прямой» и «правильный», а также «честный, праведный, поступающий по совести». Русское *правда* противопоставляется *кривде*, причем *правда* – следование прямой линии, а «кривда» – уклонение от прямой. «Правда» концептуально родственна концепту «Прямой», а «кривда, неправда» – концепту «Зло, злой». «Неправда, кривда» в предыстории оказывается родственной «злу», а «правда» – «добру» и «радости» [Степанов 2001: 443].

В русских словах *правда* и *истина* воплощено и предзадано двоякое понимание «истины»: 1) как «закона, положенного человеку извне, в виде предписаний, правил, ритуала», – истина, и 2) как «образца поведения, как нормы, исходящей изнутри человека», – правда. Носителем истины является установленный порядок, закон; носителем правды – образцовый человек, за которым можно следовать по внутреннему побуждению. У В. Даля под словом *правда* есть значение «праведность, законность, безгрешность». В. Даль говорит, что «правда – это истина на деле, истина во образе». Правда – небесная, вечная, а истина – земная. «Дело», «образ» единственны, это дело и образ Христа, они «с небес» и «вечны». Отсюда доверие к небесной (от Бога) и/или внутренней правде (Совести) и недоверие к истине как земному установлению человеческого (ограниченного) разума, к истине и закону от властей.

В современном русском языке *истина* выражает порядок вещей в мире, закономерность, закон, а также общие суждения, правила, а *правда* – конкретный случай и частные суждения о событиях и фактах. В русском языке два слова *правда*: 1) имя существительное, именующее особую сущность, 2) предикатное слово, означающее лишь признак «истинности» какого-либо высказывания. В современной русской культуре «Правда – Истина» – один из важнейших мотивов или констант. *Правда* противопоставляется преступлению, поскольку *правда* понимается как праведность, справедливость. Во всех европейских культурах преступление противопоставляется законности и правосудию (во франц. Justice «справедливость», «правосудие», «судебное ведомство»). Но только в русской культуре «справедливость» соединяется с внутренним убеждением, с «правдой» и включается в поле «истины». Во французском языке «справедливость» подводится под слово «закон, законность, правопорядок», а в русском – под слова *правда* и *истина*.

В русском слове *правда* совпадают два значения: правда как объективная истина и правда как внутренний закон, справедливость. Это явление по-разному осмысливалось в XIX в. В раннем славянофильстве появилась мысль о различиях законов как «искусственных формальностей», как в римском праве, и как естественных отношений, основанных на

«внутренней правде». Основную тенденцию древнерусского права И. В. Киреевский выражал так: «Внутренняя справедливость брала в нем перевес над внешнею формальностью» [Киреевский 1852: 48]. В понимании законности русские проявляли тяготение к внутренней убежденности в правоте, к внутренней справедливости, а не к внешней, юридической «формальности», как у европейцев. «Справедливость» у русских не соединялась с «юридической законностью», наоборот, отталкивалась от нее и противопоставлялась. Максимой русской жизни являлось выражение «Не по закону, а по совести». Совесть в данном случае осознавалась в качестве внутреннего закона, противоположного внешнему, юридическому закону. В современной философии морали считается, что русская культура регулируется ориентацией на этический образец, на «харизматическую» личность, а не на юридическое законодательство. Об объективной правде-истине и о субъективной правде-справедливости, выражающих двойственность слов и духа русского народа писал и основатель народничества Н. К. Михайловский [Михайловский 1897: 384]. Понятие «правда» у него оказалось связано с понятием «гражданственности, гражданской позиции» писателя и ученого. Так родилась идея, впоследствии получившая название «партийности» науки и искусства. Специфически русское соединение истины и справедливости, понимаемое свободно в своих истоках, эволюционировало и воплотилось в двух концептах – «Судебного произвола» и «Партийности».

В начале XX в. об опасности отождествления истины и правды, связанной с общественной позицией интеллигенции, предупреждал Н. А. Бердяев. Он писал о претензии русской интеллигенции быть «носителем правды» в отношении к философии и другим сферам культуры. «С русской интеллигенцией в силу ее исторического положения случилось вот какого рода несчастье: любовь к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу парализовала любовь к истине, почти что уничтожила интерес к истине. А философия есть школа любви к истине... Интеллигенция не могла бескорыстно отнестись к философии, потому что корыстно относилась к самой истине, требовала от истины, чтобы она стала орудием общественного переворота, народного благополучия, людского счастья... Основное моральное суждение интеллигенции укладывается в формулу: да сгинет истина, если от гибели ее народу будет лучше житься, ... долой истину, если она стоит на пути заветного клича «долой самодержавие» [Бердяев 1991: 17–18]. Н. А. Бердяев призывал признать, что «буржуазная» наука и есть настоящая, объективная наука, а «субъективная» наука народников и «классовая» наука марксистов больше напоминают особую форму веры. В таком отношении ин-

теллигенции к истине сказала «бессознательная религиозность». Роковую роль в этом сыграло народническое мирозерцание, объединившее идеологию и религию и осуществившее подмену и вытеснение истины разума истиной веры.

Понятие «партийности» стало производным от концепта «Правда и истина». В статьях В. И. Ленина (« Партийная организация и партийная литература» и др.) провозглашалась необходимость подконтрольности партийной литературы и социал-демократического движения партийным организациям и программе партии, высказывалась мечта о «связи» художественной литературы с пролетариатом, о необходимости ее «службы идеям социализма». Ленинский принцип партийности в качестве «социального, классового заказа» художнику неуклонно утверждался в советской действительности.

В результате развития концепт «Истина» оказался близким, почти тождественным концепту «Социальная справедливость». Исходная двойственность концепта «Истина и правда» периодически приводила к таким явлениям в русской истории, как сакрализации царской власти в Московской Руси, к принудительной реализации принципа «православие, самодержавие, народность» в Петербургской империи, к подмене реальности идеологией, монополизирующей и освящающей власть партийной номенклатуры в Советской России. Тенденции наделения православия статусом государственной идеологии, освящающей действующую власть, присущи и постсоветскому времени.

Значение понятия «закон» в христианский период фиксируется в Остромировом Евангелии. В старославянском и древнерусском языках понятие «законъ» связано с понятием «заветъ», слова *законъ*, *завет* и *заповедь* в повседневном обиходе являются синонимами. Христианское, новое учение – это именно завет, «договор Бога с человеком», в котором наивысшее значение имеет внутренний дух. Такое понимание свойственно древнейшему переводу Остромирова Евангелия, где греческое слово *номос* (законъ) используется в значении «свидетельство». Эта часть содержания учения Христа послужила в дальнейшем основой появления протестантизма. «Завет – все, что завещано, свято наказано, заповедано; зарок, обет, обещање, договор, условие и основанный на нем союз. Ветхий и Новый завет Св. Писания, Моисеев и Христов, наказы Господни, на которых основан союз с Ним» [Даль 1998: I, 1469–1470]. Но в обиходном употреблении значения этих слов несколько иные. Наиболее общим словом стало *закон* как синоним слова *вера*: закон христианский, иудейский, магометанский. *Заповедь* приобрело узкое значение «предписания» поведения в рамках «закона» (например, Десятисловие в Законе Моисея) или

«завета» (например, заповеди о блаженстве в Нагорной проповеди Иисуса Христа). *Заповедь* – это богопочитание, обрядность (в иудаизме), нравственные нормы (в православии).

Еще одна линия развития концепта «Закон» – концепт «Нравственный закон». Выражение *нравственный закон* в современной российской жизни почти не употребляется, между тем оно выражает основное ядро концепта «Совесь, нравственный закон, мораль». Понятие «нравственный закон», связанное с христианским законом Господа, в массовых представлениях было опорочено советскими идеологами, оно было заменено «моральным кодексом строителей коммунизма», которое в свою очередь было дискредитировано советской действительностью. Содержание православного нравственного закона наиболее отчетливо раскрыто С. Н. Булгаковым. Это «деонтологическая этика» в очень строгом, религиозно-аскетическом, монашеском варианте. «...православие не знает автономной этики... Этика для православия религиозна, она есть образ спасения души, указуемый религиозно-аскетически. Религиозно-аскетический максимум здесь достигается, поэтому, в идеале монашеском, как совершенном следовании Христу в несении креста своего и самоотречения. Высшие добродетели для монашества суть достигаемое через отречение своей воли, смирение и хранение чистоты сердца... Православие не имеет разных масштабов морали, но употребляет один и тот же масштаб в применении к разным положениям в жизни. Оно не знает и разной морали, мирской и монашеской, различие существует лишь в степени, в количестве, но не в качестве. Можно в этом прямолинейном максимализме монашеского идеала видеть нежизненность и мироотреченность православной морали, которая оказывается безответна перед вопросами практической жизни в ее многообразии. Поэтому может казаться, что преимущество оказывается здесь на стороне гибкого и практического католицизма с его двумя моральями, для совершенных и несовершенных (заповеди и советы), так же как и протестантизма с его мирской этикой повседневной честности. Нельзя отрицать, что всякий максимализм труднее минимализма и в своих неудачах и искажениях может вести к худшим последствиям. Однако негибка и максималична сама истина, которая терпит неполноту своего осуществления, но не мирится с умалением и полуистинами. Христианский путь есть путь узкий, и нельзя его расширить... Монашествование есть не единственный и, во всяком случае, далеко не всегда труднейший путь делания заповедей Христовых... Каждый должен быть монахом или аскетом в сердце своем» [Булгаков 2001: 324-326].

От древнерусского периода до наших дней в русском концепте «Закон» доминирует понятие «предела», это единое основание для органиче-

ского сочетания закона юридического и закона божественного. Закон божественный есть «предел», положенный Богом воле человека свыше. Эти два значения слова *закон* в основных русских словарях встречаются в сочетании друг с другом. Третье значение слова *закон* – нравственный, или моральный закон. Таким образом, концепт «закон» имеет три основные значения: 1) правило действия; 2) образ Богочитания – правила обрядовых действий, или вера (неотличимая от обряда); 3) естественный (Божественный) закон, нравственный Божественный Абсолют, присущий совести человека.

Закону Божественному, как и юридическому закону, в русской душе находится некая оппозиция, но оппозиция форме закона, но не его духу. Даже в этой области в русской культуре за пределами закона остается еще пространство духовной свободы. В этом пространстве Бог не отрицается, но в отношении обрядности у части россиян есть чувство протеста, стремление к свободе выбора. В противостоянии формальности, «букве» закона – одна из существенных черт особого русского двоеверия. Внутреннее чувство (ощущение духовной свободы) противопоставляется формальности закона. Альтернатива «по закону или по совести», будучи исторически и культурно устойчивым стереотипом мышления и поведения людей, сохраняет свою актуальность и в наши дни. В русской ментальности ощущается предел и для научного закона, им является пренебрежение к закону науки. Свобода воли – вот главный предел божественному закону; воля к страданию – это и есть внутреннее духовное пространство за пределами закона. Воля, противостоящая разуму и проектам благоденствия, воля, способная обращать человека не только к разумным целям, но и к страданиям – тема, глубоко разработанная Ф. М. Достоевским («Идиот», «Записки из подполья», «Бесы» и др.).

Закону в русской ментальности противостоят две стихийные силы. Первая сила действует изнутри человека – в виде его воли не только к добру, когда нравственный выбор совершается на основе Абсолютного закона Нравственности, данного Богом, но и ко злу, или страданиям, когда человека изнутри обуревают либо бессознательная природная стихия, либо сознательный протест против законов нравственности, веры (атеизм, нигилизм), разума или природы. Вторая сила действует на человека извне как безликая, бессмысленная стихия природы. За пределами закона в русской ментальности существует свободное внутреннее пространство оппозиции закону Божескому в формальном его выражении, то есть обрядности, церковности. Эта оппозиция воплотилась в особом русском двоеверии. Выражение двоеверия через противопоставление «дневной» и «ночной» культур характерно для Г. Флоровского. С введением христианства

на Руси слагались две культуры: ночная (языческая), носителем которой было народное большинство, и дневная (христианская), культура меньшинства. «Грань между этими социально-духовными слоями всегда была подвижной и скорее расплывчатой. Ее постоянно размывало... с двух сторон. Но не в полной независимости раздельность слоев. Важнее различие духовных и душевных установок». «Дневная» культура была культурой духа и ума, это была и «умная» культура; и «ночная» культура есть область мечтания и воображения. Внутренняя динамика культурной жизни всегда определяется взаимодействием таких установок и устремлений. Болезненность древнерусского развития состоит в том, что «ночное» воображение слишком долго и упорно укрывается и ускользает от «умного» испытания, проверки и очищения» [Флоровский 1991: 3]. Само различие дневной и ночной культур – это одна из констант русского менталитета. Константы, как и архетипы, спонтанно всплывают в индивидуальном сознании.

Двоеверие есть наличие в обществе двух систем законов, христианского и языческого, прежде всего, а также и иных каких-либо двух идеологических систем. Двоеверие – явление не чисто психологическое, а социальное, это некое постоянное состояние русского общества, при этом соотносимые «веры» могут меняться. «Двоеверие» в наши дни сменяется «двое-» или «многостилием». В разных ситуациях человек избирает разные «стили поведения», представляя в качестве «разных социальных личностей». Двоеверие в русском языке проявляется как его «двуипостасность», как наличие в языке элементов народной русской речи и церковно-славянского языка. Двуипостасность – явление социальное, с одной стороны, и ментальное, с другой, поскольку русская народная речь связана с повседневной жизнью, с материальным миром, а церковнославянская – с миром духовным.

В концепции Б. А. Успенского и Ю. М. Лотмана двоеверие предстает как основа дуализма, «дуальности» или «двукультурности» русской культуры и в прошлом, и в настоящем. Культура распределена на две сферы: 1) христианскую, «чистую», к которой относится «чистое» пространство, «чистое» время, «чистые» ситуации и «чистое» поведение людей в данных ситуациях (в христианских обрядах); 2) языческую, «нечистую», к которой относится все противопоставленное первому ряду. «Двукультурность», выраженная в русском языке, проявляется в наличии двух языков – церковнославянского языка, употребляющегося регламентированно, и русского [Успенский 1979; Лотман, Успенский 1977 и др.]. В контексте общеевропейской культуры тех эпох культурное двуязычие – типологическая черта великих языков европейских цивилизаций, в том числе и рус-

ского. Двухязычие выражало не только социальные аспекты языковой организации общества, но и отвечало некоей глубокой ментальной потребности всех людей в обществе, независимо от их социальной принадлежности и уровня образованности. Поэтому двухязычие – глубокая архетипическая черта индоевропейской культуры, один из ее архетипов.

Идея «двух языков» принимает различные формы и ипостаси: как различие «языка богов» и «языка людей»; как различие слов, именующих различные сущности – «небесные» и «земные»; как «два языка самих людей», на одном из которых люди говорят о «явлениях», а на другом о «сущностях»; как звучащий язык и «язык молчания» в исихазме Нила Сорского; как «язык науки» и «вещный язык» у представителей логического позитивизма XX в. и мн. др. Постигая устройство языка, мы многое узнаем об устройстве мира. В языке до нас запечатлено многотысячелетнее познание мира. Мир и его отражение в языке – нечто единое.

Концептуализация осуществляется через парные оппозиции терминов. Все парные оппозиции терминов могут быть обобщены следующим образом: в поле «Святое, священное» противопоставляются, с одной стороны, «обладающие этим качеством по самой своей природе, по сущности, следовательно – от богов» и, с другой стороны, «наделенное этим качеством в силу человеческого действия, произведенного “по правилам”, “по ритуалу”»; главный признак такого действия – отделение «священного» от «профанного», отделение неприкасаемого «мира богов» от «мира людей».

Известно, что русская культура носит сильно выраженный дуалистический характер. Двойственность «осязаемого» мира – константа, принявшая в христианстве вид противопоставления «святого» и «скверны», продолжила более раннее представление о строении мира: святой, «верхний» мир противопоставляется «нижнему», «подземному», как «рай» «аду». Общее представление о дуализме мира очень резко и полно выражено в манихействе. В современной русской жизни дуализм манихейского типа, как равносильное противостояние в мире Добра и Зла, Бога и Сатаны, находит многих сторонников, часто на уровне бессознательного.

Двойственность русской культуры касается и политико-правовых ее аспектов. В русской культуре и массовом сознании не произошло отделения истины юридической от истины нравственно-религиозной, рациональной от чувственной и т.д., – правды от истины. Исходный синкретизм распался на противопоставленные пары слов (понятий), и это состояние культуры и ментальности во многом сохраняется и в наши дни.

«Русское гражданское право как в своем историческом развитии, так и в современном состоянии, в противоположность римскому и новому западноевропейскому, характеризуется неопределенностью форм граждан-

ско-правовых отношений и, особенно, невыработанностью отдельных правомочий и обязанностей, связываемых, для отдельных лиц, с наличием между ними того или другого отношения (субъективных прав и обязанностей, как говорят юристы). Это стоит в прямой связи с историческим складом русского гражданского общества и отношением его к власти, определявшей и определяющей теперь формы проявления правовой жизни (источники права)», – такие выводы были сделаны в XIX в. [см.: Брокгауз–Эфрон 1898: 512–517]. Константой, или характерной чертой русской жизни, является незнание каждым отдельным гражданином основных законов государства, одной из причин этого являлась недоступность населению текста законов. Полное собрание законов впервые было издано лишь в 1832 г. Законодательные акты еще в XIX в. публиковались в разных номерах «Сенатских ведомостей». Законодательство, главным образом состоявшее в Высочайших указах и повелениях, сообщавшихся лишь подлежащему ведомству, для населения фактически было почти недоступным. Это лишь одна из причин неисполнения населением (и чиновниками на местах) законов, скептического к ним отношения, вообще неразвитости юридического сознания, дошедшая к середине XIX в. до правового нигилизма. Еще одна причина – инстинктивное представление народа о том, что не всякое, даже официальное волеизъявление монарха, независимо от его содержания, является законом. Публичное право оставалось произволом монарха.

В. М. Гессен писал о том, что и в теории, и в практических отношениях отсутствуют «определенные представления о необходимом материальном содержании законов», о принципиальном различии содержания законов и правительственных актов [Гессен 1911: 158]. Эта черта русской системы права, пройдя через XIX–XX вв., сохранилась до настоящего времени. Юридическая и публицистическая литература полна свидетельств о том, что законы часто носят декларативный характер и не предусматривают жестких и финансово обеспеченных механизмов их выполнения, а юридическая практика не соответствует законам, законы не исполняются и подменяются ведомственными актами.

В советское время отождествление закона и правительственных актов, в качестве которых выступали решения ЦК КПСС, то есть отождествление партийной и государственной власти, повлекло за собой прямую редукцию права исключительно к праву позитивному. Причем под позитивным правом понималось исключительно государственное право, поглотившее и отрицающее право частное, гражданское. С этим тесно связан и процесс поглощения общества государством-партией, государством-партноменклатурой, и процесс идеологизации общественных отношений.

Декларативность Конституций и законов (напр. Гражданского кодекса 1964 г.), их оформительский характер по отношению к фактической силе актов ЦК КПСС, ведомственных инструкций и подзаконных актов, приобрели устойчивый исторический характер, составляют наследие для постсоветской правовой теории и реальности. Это представление о тождестве закона и актов власти стало свойством не только законодательства и правовой практики, но и нормой повседневности, что зафиксировано в «Словаре русского языка в 4 томах»: «Закон. – 1. Нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и обладающий высшей юридической силой» [Словарь... 1981: 169].

Возможным объяснением причин этого свойства российского права является следующее. В истории русского права вместо обособления закона от обычая, произошло, с одной стороны, вытеснение и замещение обычая указом государственной власти, а с другой – отождествление указов власти и закона. Указы (приказы, распоряжения партийной власти) подменили собой и обычай, и закон (повседневные, привычные правоотношения и нормы права). Указ, приравненный к закону как явлению позитивного права, опирался в основном на административные ресурсы и рычаги (принудительные рычаги его реализации, принудительной силой обладала и идеологическая пропагандистская машина, воздействующая на общественное сознание), а не на юридическую практику. Система юридических органов, не обладающая независимостью, была частью административной (исполнительной) власти, а последняя соединяла в себе функции и законодательной, и судебной власти. По сути, и сейчас мало что изменилось. Поэтому указ даже не предусматривал юридического механизма его воплощения, как и экономического. Административное внеэкономическое принуждение подменяло собой все иные формы реализации решений. Указ, рассматриваемый в качестве закона, подразумевал реализацию силой принуждения, а не силой осуществления норм права в общественных отношениях.

Актуальный признак концепта «Закон» в юридическом аспекте – это «нормативный акт, принятый высшим органом власти в установленном конституцией порядке, обладающий высшей юридической силой по отношению к другим нормативным актам (указам, постановлениям и др.). Основным источником права в современном обществе» [Советский... 1989: 451]. Такое понятие о законе присуще лишь части россиян. Ментальность большинства населения фрагментарна, эмоциональные оценки явлений превалируют над рациональными. Отношение к закону и праву в целом неотделимо от отношения к власти, юридические знания недостаточны и смешаны с моральными суждениями. Массовая ментальность представля-

ет собой многослойное образование, в котором один над другим надстраиваются по большей части слабо рационализированные комплексы представлений и ценностей разных исторических эпох и идеологических ориентаций.

В ментальности части россиян существуют либеральные представления, ценности и установки, но они трансформируются под воздействием более устойчивых традиционных идеологических установок. Важная черта – слабость мотивации людей к реализации либеральных ценностей в собственной жизни и деятельности. Традиционализм (с патриархальным образом государственной власти, с его этактистской и эгалитаристской установками и уравнивательной психологией) соседствует с консерватизмом государственно-социалистического типа (ориентацией на коллективистские ценности, на государственный патернализм, культ персонифицированного государства, с готовностью обменять экономическую и иную свободу на порядок и материальные блага, устанавливаемые и распределяемые централизованной вершиной иерархической вертикали). Отмечается некоторое усиление русского национализма в жизни и сознании населения России в его разновидностях – патриархальном и имперском национализме. Скорее всего, это управляемый силовыми структурами процесс.

Ментальность населения, с традиционной склонностью к утопии, в немалой степени подвержена манипуляции со стороны политической элиты. Последняя сознательно консервирует и внедряет иначе названные, но по сути архаические стереотипы мысли, чувства, настроения и действия: священности государственной власти, ее союза с православной церковью, скрытого превращения православия в национально-государственную религию, воспроизводство мифа «государство – большая семья», духовного единства народа и государства, стремления заменить правовые нормы моральными ценностями, отношения государства и индивида не как соглашения граждан и власти о строгом соблюдении законов, но как молчаливого сговора о безнаказанности обеих сторон при их нарушении, взаимного попустительства. При этом степень безответственности административной власти безусловно выше, это не только реальный факт, явление судебной и иной практики и ментальный стереотип. Ответственность бюрократии за решения и действия, нарушающие права граждан или причиняющие непреднамеренный ущерб экономике, слабо представлена законодательно. Стереотипы традиционной политической культуры воспроизводятся даже при проведении модернизационных реформ: антисоциалистическая по содержанию приватизация госсобственности активизирует традиционную в России систему власти-собственности, политическая власть является условием личного обогащения. Несмотря на кампанию по

борьбе с коррупцией, за «диктатуру закона», в общественном сознании устойчиво убеждение, что государственная власть выше закона.

Массовое и элитарное правосознание проникнуто этатизмом, ментальной установкой и практической привычкой возлагать ответственность за судьбу общества на государство, трактовать право и закон не как волю общества, а как волю государства. Уровень правосознания общества характеризуется сочетанием формального признания принципов правового государства (верховенства закона) и моральной санкцией на существующие неформальные нормы, а также правового нигилизма вкупе с неправомерным поведением и чиновников, и населения.

Причинами консервации традиционных ментальных структур являются, во-первых, ключевые позиции бывшей партноменклатуры в политике, экономике, системе права; во-вторых, превращение коррупции в устойчивый способ легитимации власти, теневизация значительной части политической и экономической жизни, зависимость законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти от Администрации Президента РФ, функционирующей в интересах правящей группы, связанной неформальными отношениями с криминальными структурами.

Недоверие к закону в ментальности россиян связано со слабой самоидентификацией общества как целого, с низким уровнем самоуважения, достоинства. Власть не может самореформироваться без внятного и получившего публично-политическое выражение общественного запроса на новый, правовой тип российской государственности и ее взаимоотношений с гражданами. Такой запрос существует, но, по словам И. Клямкина, «он деформирован античиновничьим менталитетом и доправовой, морально-репрессивной природой массового сознания» [Власть... 2003: 12]. За последнюю четверть века российской истории принципиальной смены традиционных ментальных установок значительной части населения, к сожалению, так и не произошло.

3.2. Православие и формирование личности в России

Одним из трех важнейших измерений в теоретической модели гражданина является личностное измерение. Широкое распространение типа личности как развитой формы социальности – одна из значимых предпосылок становления гражданина. Необходимо в основных чертах представить особенности процесса формирования личности в России, исследовать действие хотя бы самых базовых факторов данного процесса. Таких факторов, безусловно, множество, это и институциональные

(развитие экономических институтов, в первую очередь, института частной собственности, институтов права, политики и т.д.) и ментальные (культурные) факторы. В этом параграфе мы коснемся лишь религии, которая в силу своей специфики имеет для исторического процесса формирования личности в России фундаментальное значение.

Период формирования и развития Московского государства составляет «осевое время» в истории России во многих отношениях: политическом, экономическом, духовном. Стержнем всего происходящего явилось становление новой формы социальности. Трансформация православия в этот период привела к тому, что перед обществом возникла альтернатива: православное государство или христианская личность. Каковы причины осуществления духовной культурой выбора государства в качестве доминирующей и единственной формы развития социальности?

Обществу удельного времени свойственно было движение к полной независимости свободных лиц, то есть крайнее развитие личного начала на фоне распада основ государственности. Личность здесь – целостность внешне-внутренних качеств, задаваемых и ограничиваемых внешними условиями существования. Внутренние качества слиты с внешними, не дифференцированы, аморфны. Это природная личность, особь, лицо, не связанное ни местом, ни временем, ни правом, обладающее внешней свободой и личной волей, почти не ограниченной ни извне, ни изнутри. Это личность, у которой не развито правовое, государственное и даже сословное сознание.

Социокультурную функцию осознания обществом необходимости взаимного ограничения интересов лиц извне и изнутри в русской истории выполняло православие. Каковы были конкретно-исторические возможности осуществления православием общехристианского призвания к пробуждению в человеке нравственной личности, обладающей стремлением построить «Царство Божие» внутри себя и внутренней ответственностью перед другими людьми? Специфику христианизации языческого сознания древнерусского человека составляло то, что сущность православной веры усваивалась узким кругом лиц («церковной интеллигенцией»), а масса новокрещенных христиан восприняла новую веру лишь с внешней, обрядовой ее стороны. Идеал праведного человека предстал на Руси как иноческий, аскетический. Монашеский путь спасения был принят за единственный и полный христианский идеал. Повседневная мирская жизнь русских осталась без нравственного идеала. «Мир» оказался противопоставленным «клиру».

В особенностях развития иноческого типа христианской жизни следует искать духовные предпосылки специфического пути становления

личности русского человека. Г. П. Федотов говорит о линии носителей духовной жизни Древней Руси, вехи которой связаны с именами Феодосия и Антония Печерских (Киевская Русь), Сергия Радонежского (Удельный период, XIV в.), Иосифа Волоцкого и Нила Сорского (XV – начало XVI в., Московское государство) [Федотов 1991: 304].

Послесергиевское монашество и географически, и духовно (по направлениям аскезы) разделилось на два течения. Два пути спасения мира заключали в себе различные варианты интерпретации Православной Византийской традиции. В основу московского типа подвижничества было положено внешне-деятельное, уставное служение как универсальное средство спасения мира. Выражением этого стало учение Иосифа Волоцкого о социальном служении монастырей, перерастающее в представления о спасении мира посредством устройства государства по модели монастырского общежития. Православное царство виделось ему в качестве системы «Божия тягла», куда включен даже царь. Монашеская жизнь – религиозно-земская служба, в которой молитвенное делание подчинено социальному служению монастыря [Флоровский 1991: 18]. Источником благочестия Иосифа был эсхатологический ужас и видение возможности спасения исключительно через внешнее следование христианским заповедям, внешнее покаяние и послушание. Понимание Иосифом необходимости осуществления христианского идеала в мирской жизни вылилось в насильственное подчинение этой жизни монастырскому уставу. Идеал социального служения монастыря был потенциально нацелен на превращение Московского православного царства в единый монастырь как систему «Божьего тягла». Тип благочестия иосифлян предопределил появление национально-государственной идеи Филофея «Москва – III Рим», формирование основ имперского самосознания Московского государства.

Волоколамский монастырь, строительство которого для Иосифа было строительством «града Божия» на земле, стал прообразом православного царства. Монастырь предназначен был преобразовать мир посредством жесткой школы внешнего аскетизма. Обуздать стихийного человека – значило выработать в нем привычку к дисциплине и аскетическому самоограничению, сформировать готовность к подчинению монастырской иерархии и уставному образу жизни. Телесное благообразие как универсальное средство «внутреннего хранения» чистоты православия превращалось в самоцель монастырского служения. Одним из предписаний Иосифа своим ученикам был запрет личного мнения, касавшийся не только монастырского быта, но и толкования писаний. На пути индивидуальной мысли и внутренних поисков был поставлен мощный заслон: «Всем стра-

стем матери – мнение. Мнение – второе падение» [цит. по: Карташев 1991: 412].

Дело Иосифа было попыткой теократического синтеза земного, хозяйственного, государственного и небесного, богомольного, неотмирного начал. Взаимосвязанными элементами его были идеи: богоустановленности царской власти, необходимости национально-государственного статуса церкви, идеи национально-религиозного призвания русского народа («народа-Богоносца») и царя – быть хранителями чистоты православия, установка на неизменность вероучения, связываемая с сохранением старых форм обрядности и общинных традиций народа, религиозная нетерпимость, тезис о высшем авторитете царства над священством. Последнюю идею Иосиф доводит до прямого обожествления личности царя, до уподобления достоинства государственной власти божественному достоинству.

Северное подвижничество развивало преимущественно внутреннюю, содержательную сторону православия, его идеал христианского служения исходил из примата внутренне-деятельного начала над внешне-деятельным, внутреннего аскетизма над внешним. Северное монашество стремилось воплотить в своем способе служения вне мира само существо исихастской практики: достичь в мистическом акте общения с Богом единособранности, целостности личности. Обожение – духовно-деятельное собирание собственной личности. Это космический акт, обладающий особой социальной значимостью. Невидимый людям подвиг отшельника оказывает воздействие на целый мир. Обожение (теозис) – результат синергии между Благодатью, исходящей от Бога, и индивидуальным усилием («внутренним деланием») человека. «Каждая нравственная победа в тайне одной христианской души есть уже духовное торжество для всего христианского мира» [Киреевский 1861: 277]. Тип северной святости содержал в себе ряд черт, способствующих развитию в человеке начал духовной свободы: учет индивидуальных различий людей, признание разнообразия богослужебной нагрузки монахов, многообразие личных путей спасения и служения Богу, принцип личной свободы в монашеском быту, в отношении к человеческому руководству, к писаниям святых отцов, начала разумной критики писаний и другие. Система «внутреннего делания» взамен внешней обрядовой службы была стержнем индивидуального пути спасения души.

Раздвоение монастырского идеала святости на тип северного и московского благочестия неминуемо привело к их столкновению. Самодостаточность и завершенность иосифова типа благочестия подразумевала агрессивную нетерпимость не только к иным вероисповеданиям, но даже к

иним формам православного благочестия. Дело и тип святости Иосифа оказались созвучными национально-государственному идеалу самодержавной власти московских государей, стремящихся к закреплению всех социальных сил в тягле и службе. Посредством соединения национально-государственного дела московских самодержцев и созвучного ему монашеского (Иосифова), народно-бытового идеала хозяйствования в единый московско-имперский идеал совершилась консервация основ теократического царства. Победа иосифлян оказала глубочайшее влияние на последующее развитие духовной культуры и качества становящейся социальности Московского государства. Монастырь св. Иосифа возглавил русскую церковь, и к середине XVII в. этот тип культуры стал духовным «монополистом». В религиозной жизни в качестве национально-государственного установился тип уставного, обрядового благочестия. В социальной жизни шел процесс формирования общества по модели монастырского общежития. Предпосылкой этого стала прежняя община, под действием национально-государственного и церковного строительства трансформировавшаяся в государственную общину.

Разделение начал между двумя типами служения и последующая победа иосифлян привели к окончательному разрыву между внешним и внутренним началами формирования человека, и подавлению внешним внутренним. Значение этого разрыва начал состояло в том, что все те духовные возможности развития личности, которые содержал северный идеал христианина – духовная свобода, начала разумной критики по отношению к писаниям, уважение личного мнения, критическое отношение к иерархии церковной и светской власти, духовная автономия личности в целом – сосредоточились в мистической, неотмирной сфере. Духовное развитие личности оказалось оторванным от внешне-материального, идеал от действительности. Идеал полной независимости от мира (государства, власти) – некий радикальный, максималистский способ отношения к нему. Он предлагает миру мистический выход, не предлагая выхода реального. Мирянам доставалась пассивная роль: ждать начала преобразования мира в результате мистико-космического подвига избранных отшельников.

Принцип личной свободы в северном идеале христианина содержал потенциальную возможность пробуждения нравственного самосознания личности. Однако он ограничивался сферой духовного созерцания. Попытка строительства «града Божия внутри себя» оказалась связанной с уходом от мира, со странничеством, с беспочвенностью. Такие установки северных старцев, как веротерпимость, сострадание к еретикам и гонимым, открытость к диалогу с иными учениями, к внутреннему преобразованию учения – подразумевали возможности процессуальности, динамики

в нравственном становлении личности. Но эти интенции замыкались в духовной, созерцательной сфере и не связывались с внешне-деятельным становлением личности мирянина. Последнему оставлялась позиция безучастия в решении как судеб мира, так и собственной судьбы. Индивидуально-личностное начало отдавалось в удел лишь духовным аристократам, единицам.

Человеку, стремящемуся к христианской жизни, был предложен вне-социальный, внеправовой, внегосударственный, неотмирный способ спасения и путь жизни. Но с победой иосифлян этот путь развития личности оказался закрыт для православного населения. Вместе с редукцией православия к внешней его форме произошла утрата духовной культурой и обществом начал свободы духа, духовной автономии личности. Последнее сыграло негативную социокультурную роль в истории России. Огосударственная церковь стала орудием строительства государства, средством, способствующим консервации прежних внешне ориентированных качеств личности и подчинению их единой надличностной национально-государственной цели. Задачи внутреннего обуздания человека стали решаться внешними средствами – следования церковным обрядам и послушания теократическому государству. Церковь санкционировала духовное закрепощение человека, содействуя политико-экономическому и правовому закрепощению населения Московского государства.

Человек, закрепощенный извне, так и не был обуздан изнутри. Внутренне он оставался таким же безнравственным, как и в удельное время. Внешне же был вполне благочестивым, поскольку послушно тянул государево (Божье) тягло, следовал церковным праздникам, посещал церковь, бил поклоны и «уважал» святые мощи. Ревностное обрядовое благочестие оказывалось вполне совместимым с внутренней развращенностью, потаканием стихийным импульсам, с необузданной жестокостью, агрессией, нетерпимостью. Обрядовая благочестивость человека – то качество религиозности, которое допускает сосуществование в нем несоединяющихся в одно целое внутренних и внешних качеств, несобранность, неоформленность (несформированность) личности. Жизнь человека становилась чередой времени греха и времени покаяния, отделенных друг от друга. Не происходило объединения качеств человека в единое индивидуальное целое, собирания личности.

Общество эпохи зрелого Московского государства можно представить в виде единого монастыря, игуменом которого является православный самодержец. Он и являет миру лицо этого народа, олицетворяет эту коллективную «соборную» личность. Православная церковь установила идеалы общежительной, общинной, «соборной» христианской личности,

носителем которой стал народ как внешне собранное целое. Эти идеалы стали духовным препятствием на пути индивидуального становления личности. Неразвитые внутренние качества отдельного человека были всецело подчинены внешне задаваемым образцам. Этот вектор развития духовной культуры и социальности оказался наиболее устойчивым в российской истории.

Эволюция официальной идеологии православной церкви, поначалу считавшей себя преемницей византийской традиции, фактически шла по пути разрыва с этой традицией. Идея Филофея «Москва – Третий Рим», содержащая мысль о преемственной связи с греческим православием, с византийской по происхождению теократической системой «симфонии царства и священства» сразу же начинает перетолковываться в духе замещения неподлинного греческого царства подлинно православным Московским. Акцент постепенно смещается в сторону «царства», сакрализации власти и подчинения ей «священства», то есть церкви. Теократическая линия русского богословия умирает, а вместе с ней замирает и византийская православная традиция. Всемирное церковно-историческое предание подменяется российским национально-государственным преданием.

Смутное время было реакцией массы населения на сомкнувшиеся между собой государственно-политическое и религиозное закрепощение народа в результате насильственных реформ Ивана Грозного и их последствий. Обрядовое благочестие, утверждаемое церковью, не смогло сдержать всплеск стихийного начала в русском человеке, поскольку не давало духовных оснований для внутреннего, нравственного самоограничения человека. Парадоксальным образом дух православия, связанный с нетерпимостью к иным верам, сыграл и позитивную роль вдохновителя восстановления российской государственности, когда возникла угроза ее утраты. Настолько прочным оказалось соединение церкви и национальной государственности. Но победа православия не только сохранила, но и приумножила дух ксенофобии и религиозной нетерпимости. Произошла консервация основ обрядоверия, закрепление неподвижности устоев церкви и веры. Это создавало предпосылки движения к церковному расколу XVII в. Народный протест против исправления древнерусского богослужебного чина по греческим образцам был лишь внешним поводом раскола. Его содержанием стало убеждение части населения в измене царя и церкви истинной вере, в крушении православного царства, в овладении Антихриста царской и церковной властью. Это был раскол между официальной национально-государственной идеологией, поддерживаемой церковью, и сознанием народа. Церковные реформы Петра Первого и Екатерины Второй завершили процесс секуляризации государства по протестантскому

образцу. Самодержавие перестало нуждаться в религиозном способе легитимации собственной власти. Церковь стала одним из ведомств государства, наделенным идеологической функцией апологетики самодержавия и задачами полицейского характера. Вместо дифференциации функций государства и церкви, как это было во время Реформации в Европе, создавшей духовные основания отделения гражданского общества и государства, в России произошло полное подчинение церкви государству. Вместе с утратой независимости церкви Россия потеряла духовные основания для всякой иной независимости общества по отношению к государству. Утрата церковью духовной власти над людьми, не связанной с государством, лишает ее возможности и способности быть основой развития духовной автономии личности.

Последующая эволюция православия представляет собой сложный и противоречивый процесс разворачивания уже сформировавшихся тенденций. Одна из них – сакрализация власти. Эта позиция русской церкви, несмотря на наличие периодов борьбы церкви и государственной власти, и даже трагические моменты (послереволюционное положение церкви) проходит сквозь всю историю. В этой позиции проявляется момент самосохранения православной церкви. Но цена такого сохранения – потеря церковью собственной автономии от государства. Ориентация русской православной церкви на внешнее выживание и сохранение – не что иное, как проявление внутренней установки на консервацию основ православного вероучения, причем с акцентом на наиболее полном (по сравнению с католицизмом и иными конфессиями) и верном хранении чистоты Священного Предания. Претензия на знание абсолютной христианской истины, на исключительную правоту в следовании преданию, то есть на единственность православия в преданности апостольской церкви, как раз и порождает нетерпимость к «неверным», заблуждающимся или иначе толкующим христианскую истину. Истина едина, неумолима и непреклонна, она не терпит компромиссов. Православие содержит определенную степень веротерпимости, но в той мере, в какой «инославие» (иные христианские вероисповедания) готово принять православие как максимум христианства. «Православие вовсе не есть вероисповедание, как одно из вероисповеданий, – таковым делает его история, вследствие разделения, – оно есть сама Церковь в истине своей» [Булгаков 2001: 264]. Отношение православной церкви ко всем другим исповеданиям как отколовшимся от церковного единства определяется ее стремлением «оправославить весь христианский мир так, чтобы все исповедания влились в единое русло вселенского православия» [Булгаков 2001: 262]. Иные христианские испо-

ведания оцениваются как те, куда проникли «яды этатизма, юридизма и папизма».

Православные богослужения развивают в личности верующих способность к духовно-художественному созерцанию «неба на земле», сошествия духовного мира на землю, возможного только в пределах церкви. Такая направленность богослужений не стимулирует в православных верующих развития деятельных, практических сторон личности, стремления к действительному воплощению божественных заповедей. Православие всячески избегает обмирщения, попыток впустить мир, действительность в храм.

Внутреннее постижение божественного, или уподобление человека Богу, полагается мистическим, объективным актом. В процессе богослужений и молитв человек выходит из себя навстречу Богу, в этом акте происходит их духовное касание, встреча, совершается мистерия боговоплощения. При этом мистическое чувство должно быть свободно от чувственности и воображения. Человек впускает в себя Царствие Божье, оно становится внутри него сущим. Это достигается при исполнении таинства святого причащения. Основная цель христианина – стяжание Духа Святого, соединение с Христом. Живущие во Христе узнают о себе, что не они живут, но «живет в них Христос». Тем самым в личности православного верующего культивируется способность к созерцательности, к настройке на христианский лад, к готовности впустить в себя активное оплодотворяющее божественное начало. Свобода личности состоит лишь в выборе между «впустить или не впустить» Бога, но не в выборе пути и способов христианской жизни.

Утверждение индивидуалистической модели толерантности на Западе стало возможным благодаря множеству факторов, одним из важнейших среди которых было возникновение протестантизма – и как результата, и в качестве отрицания католицизма. Католицизм как религия и теология возник в результате взаимовлияния христианства и римского права. Одной из его основ стало рационально-логическое мышление юриста. Развитие этого мышления привело к открытию юридической формы отношений Бога и человека – договора сторон на поле правовых отношений. Бог и человек оказались равными сторонами договора, одинаково связанными взаимными обязательствами и подчиненными праву. Римское правовое мышление, проникшее в католическую теологию и религиозную философию, преемственно перешло и в протестантизм и распространилось на всю культуру Западного мира, включая политическую. Следствием опоры западного правового мышления на рациональное понимание истины, признаками которой выступают доказуемость, исключительность и независимость от

места и времени, стало подчинение истине самого Бога. Фактически это означало ограничение всемогущества Бога человеческим разумом. Истинной веры стало считаться то, что не противоречит рациональной истине, тем самым произошло отождествление религиозной и рациональной истины.

Фома Аквинский сформулировал фундаментальный принцип средневековой схоластики – принцип непротиворечивости между истинами откровения и истинами веры. Схоластика XIV–XV вв. провозгласила принципиальную доказуемость всех догматов веры. Вера становилась системой спекулятивного верознания, монополизированной церковнослужителями и богословами как посредниками между Богом и мирянами, профессионально знающими Бога за мирян. В этом проявился авторитаризм католической веры.

Соизмерение истины веры действительностью вследствие данного отождествления в конечном итоге повлекло за собой превращение действительности в содержание веры, а также влияние рациональной истины на регулируемые правом сферы межличностных, общественных и государственных отношений [Халем 2002]. Конечно, признак исключительности рациональной истины, принимаемый католицизмом, создавал почву для его интолерантности по отношению к иным верам. Религиозные войны – тому свидетельство. Однако последствия развития всех признаков рациональной истины, и в частности, превращение действительности в содержание веры, – создавали интеллектуальные предпосылки для развития католического вероучения.

Католическое учение проникнуто правовым мышлением, использующим понятия частного права. Отношения между человеком и Богом трактуются по образцу договорных, эквивалентных отношений. Спасение человека есть обязанность Бога в ответ на праведные дела и заслуги человека. У человека есть право на спасение при условии выполнения им обязанностей христианского долга. У Бога есть обязанность по отношению к человеку, исполнившему свой христианский долг. Здесь и человек, и Бог – равные стороны договора, носители прав и обязанностей, то есть «лица» в правовом смысле.

М. Лютер разводит разум и веру, настаивает на непримиримости к разуму, обосновывающему веру, обличая тем самым схоластику. Мир Посюсторонний как сферу действия разума он отделяет от мира потустороннего как области проявления веры. Речь Лютера на имперском рейхстаге в Вормсе (1521) стала первой декларацией терпимости. В ней он отстаивал автономию совести верующего. Принцип свободы совести Лютера вытекал из его понимания спасения. Человек достигает спасения только по-

средством веры, непосредственно даруемой ему Богом. Каждый христианин обладает всей полнотой божественной благодати и через таинство крещения обретает священство. Нет необходимости в посредничестве церкви в общении между человеком и Богом. Из идей личного спасения и личного общения с Богом следовало и личное право христианина (в силу его священства) самостоятельного толкования Библии и защиты веры, то есть свобода совести или внутренняя свобода верующего. Лютер возвышает индивидуальную свободу совести верующего, подчиняя ее лишь Священному Писанию, но уравнивая с авторитетом папы и церкви. Оценивая собственные религиозные убеждения как индивидуальное право на свободу совести и личное призвание Богом (а следовательно определенное рабство воли, связанное тем, что он лишь орудие Бога), Лютер открыл путь к рождению индивидуального правосознания. В трактате «О светской власти...» Лютер провел мысль о наличии двух порядков – светского и духовного, которым соответствуют две системы права, «естественного» и «божественного». «Духовный порядок» – это межличностные отношения людей в качестве членов церковной общины. Они регулируются Писанием, то есть «божественным» правом, содержащим нравственные требования. «Светский порядок» – это общественная и государственная жизнь, подчиняющаяся общественной целесообразности, или «естественно-правовым» нормам. Свобода совести, по Лютеру, составляет одну из норм «божественного» права. Лишь впоследствии, в либерализме XVIII в. это право получило статус естественного и неотъемлемого права человека.

В эпоху Просвещения в западном мире произошло отделение истины веры от рациональной истины и слияние ее с правом. Право стало содержанием религиозной веры, уравнивалось с Богом. Благодаря этому лицо как носитель прав получило свои права от Бога, то есть родилась идея неотъемлемых прав человека. Права человека с этих пор для каждого лица стали играть роль защиты от интолерантности (исключительности) рациональной истины.

Здесь нет возможности проследить все этапы эволюции католицизма. Для нас важно подчеркнуть ее результат – появление протестантизма, его эволюция до осознания необходимости его мирного сосуществования с католицизмом. Антропологические основы протестантизма, освящение им посюсторонней успешной деятельности мирянина-предпринимателя, сакрализация автономии личности, развитие принципов веротерпимости – вот где истоки индивидуалистической модели толерантности. Протестантизм стоит на идее личного Бога и личного спасения. Протестантские суждения о личности задают основы современной модели индивидуалистической толерантности. Спасение человека, небесный его удел предопреде-

лен Богом. В этом смысле человек – раб, орудие и собственность Бога, но только Бога. В посюстороннем мире, в социальной и политической жизни человек – господин над самим собой и владелец собственной личности. Царство Божье резко отделено от царства земного, по отношению к ним у человека есть возможность противоположных линий поведения: человек должен быть покорен Богу, но в обществе и государстве он является независимой личностью, обладающей собственным разумом и волей, имеющей статус субъекта договора, эквивалентных обменов, субъекта права, «субъекта утилитарной автономии» (Э. Соловьев). Философским осмыслением христиански-протестантской антропологии стало политико-правовое учение Дж. Локка, сформулировавшего принципы веротерпимости, концепцию естественных прав человека и основы западной модели толерантности в целом.

Итогом распространения протестантизма (во всем спектре его течений – лютеранства, кальвинизма, пиетизма, пресвитерианства) и Реформации в Европе стало массовое формирование личности определенного типа. Ментальность и поведение личности этого типа определялись учением и этикой протестантизма. Синтез основных положений данной этики становился ядром внутренней мотивации жизни и деятельности протестантов, составлял основу их благочестия. Вот эти положения. 1. Идея избранности или призвания Богом человека к спасению, порождающая уверенность человека в собственном спасении при наличии у него истинной и деятельной веры, проявляющейся в поведении и жизненном укладе христианина. Эта идея сформулирована в выражении: «Бог помогает тому, кто сам себе помогает». М. Вебер писал, что уверенность в спасении «... является следствием систематического самоконтроля...» в повседневной жизни верующего [Вебер 1990: 152]. 2. «Расколдовывание» мира или последовательное устранение магии и мистики как средства спасения. Спасение осуществлялось не с помощью благодати, сообщаемой таинствами церкви (как в католицизме и православии), а благодаря возведенной в систему собственной святости избранников, методически реализуемой в их жизненном поведении. Методическая святость мирянина стала способом спасения. Последнее возможно лишь посредством систематического самоконтроля. «Лишь пронизанная постоянной рефлексией жизнь рассматривалась как путь преодоления *status naturalis*» [Вебер 1990: 154]. Это предполагало этическую рационализацию, то есть преобразование всей жизни верующего. 3. Идея христианской аскезы, тесно связанная с рационализацией жизни как методом жизненного поведения. Она включала необходимость активного самообладания и сдержанности человека, проверку каждого поступка и намерения на соответствие должным христианским

мотивам и нормам. Эта идея работала на воспитание личности в духе деятельной, осмысленной, упорядоченной и размеренной жизни, на сдерживание инстинктов, эмоций и аффектов – чувств непосредственного наслаждения жизнью. Она же возбуждала в личности субъективные импульсы к методическому строю жизни. 4. Идея равноценности монашеской (священнической) и мирской активности и нравственности. Каждый христианин должен быть монахом в течение всей своей жизни. Причем именно в мирской профессиональной деятельности он может найти подтверждение своей вере. Это положение уничтожило пропасть между духовной аристократией монахов вне мира и мирянами, сделав последних «святыми в миру». Это была религиозная реабилитация, освящение мира, и одновременно, ликвидация привилегий монахов в избранности к спасению. Еще Лютер приравнял призвание к определенной профессии, роду занятий и религиозное призвание, уравнивая тем самым мир священного и мир профанного и дав религиозно-нравственную санкцию повседневным мирским занятиям человека, сделав последние средством реализации веры. Идея «мирского аскетизма» получает статус несения креста [Соловьев 1991: 119]. 5. Идея профессионального призвания повлияла и на сферу предпринимательской деятельности. Деятельная жизнь и труд начинают истолковываться как исполнение призвания Бога. Причем, освящению подвергается и успешный труд, нацеленный на приобретение богатства, «честное обогащение». Осуждается неумеренное потребление, наслаждение богатством, праздность и показная роскошь. Акцентируется аскетическое значение постоянной профессии. Этим утверждается этическая приемлемость профессиональной специализации труда. Стремление к наживе и успеху истолковывается провиденциалистски, как законное и угодное Богу занятие. Это создает условия для идеализации делового человека – умеренного во всех проявлениях, трудового буржуа, «человека, всем обязанного себе, selfmademan» [Вебер 1990: 191]. Таким образом протестантизм задавал этос рационального буржуазного предпринимательства и рациональной организации труда, способствовал установлению буржуазного рационального с этической точки зрения образа жизни, и в целом создавал основы для формирования современного «экономического человека» и его поведения в социально-политической сфере.

Христианство, независимо от конфессий, утверждает сотворение Богом человека в качестве обладающего индивидуальной свободой воли. Западное христианство, отступая от ортодоксальных постулатов, выработало принципы, благодаря которым в светской практике были созданы механизмы достижения свободы личности: признание способности человеческого разума к познанию Бога как истины; признание действительности,

естественного мира в качестве одного из предметов теологии. Католицизм в силу признания этих идей откликнулся на реальные процессы, происходящие в мире.

В русском православии логический расчет не мог вторгаться в истину веры, а мысль о необходимости доказывать существование Бога рационально-логическим способом считалась святотатством. В силу несовершенства человеческого разума Бог не мог быть подчинен рациональной истине и правовому мышлению, основанному на ней. Бог и человек не могли выступать в качестве равных величин ни в каком отношении, им не мог быть задан единый масштаб соизмерения. Подобие человека Богу не означало их равенства. Русская православная церковь и богословие не делали шага к возвышению права над Богом, они осуждали католическую церковь за этот шаг. Вопрос о соотношении Закона и Благодати (рационализма и эмоций), начиная с митрополита Иллариона, в православии решался в пользу Благодати.

Православное вероучение не эволюционировало под влиянием действительности, поскольку самую действительность почти не включало в предмет своего ведения. Именно ценности, а не рационально-логические, правовые, формальные принципы выступали в качестве источника познания и истины. Критерием правды или лжи у нас испокон века была не действительность, а идеальное состояние – Царство Божье, идеал православного христианина-монаха и т.д. Источником истины в разное время выступали понятия Благодати, благочестия, традиции, симфонии, всеединства, соборности и другие. Исключительно ценности в российской истории играли и роль ограничителей произвола власти. Например, представления об идеальном «народном царе».

Нас преимущественно интересуют антропологические аспекты православного вероучения. Есть ли в нем какие-то предпосылки для развития духовных оснований автономии личности? Одно из основоположений православия гласит: «Человек сотворен по образу Божию». Это положение вызывало разноречивые толкования в разных христианских исповеданиях. В православии оно толкуется как духовное богоподобие, как основа человеческого существа, предназначающая его к становлению «богом по благодати». Условием действительного богоуподобления, обожения, является «тварная свобода» человека, призвание его к свободному сотворению в себе образа Божьего. Однако грехопадение прервало прямое богообщение, вызвало повреждение человеческой природы, утрату Божьей Благодати и тем самым ограничение свободы человека. Лишь вочеловечение Бога, соединение божеского и человеческого естества в Иисусе, искупительная жертва Христа показывают человеку путь спасения, путь его

действительного обожения. Здесь есть место духовной личности человека. Спасение – это именно личный путь каждого, путь усвоения дара Божьего личным подвигом. Этот путь – внутреннее благодатное действие в человеке, которое совершается при участии человеческой свободы. Это есть жизнь во Христе, совершаемая Духом Святым. Человеческое усилие сочетается с Благодатью, с даром богосыновства. Участие самого человека в своем обожении, в осуществлении в себе подобия Божьего, заключается в вере и делах. Казалось бы, что это, как не признание личности в человеке? Движение человека к Богу – это лишь половина пути, оно не может привести его к цели. Условием действительного обожения является усвоение человеком благодатного дара Божьего. Вот как об этом пишет С. Булгаков: «Здесь неуместна мысль о каких-то заслугах человека (должных или сверхдолжных), которыми он по праву приобретает этот благодатный дар, ибо он несоизмерим ни с какими заслугами и является благодатным... Идея эквивалентности благодати дара и человеческого подвига просто неуместна и недоразуменна. Подвиг (добрые дела) есть не заслуга (ибо благодатного спасения человеческими делами никто не заслуживает и **заслужить не может**), но личное участие человека в осуществлении своего спасения, которое вообще не имеет меры, ибо сила обожения бесконечна, как вечность» [Булгаков 2001: 154]. Тут ярко видны расхождения православия с католицизмом и протестантизмом.

Православие всегда обвиняло католицизм в «юридизме», в наличии правовых критериев спасения. В центр учения о спасении православие ставит любовь Божию, а не его справедливость. Боговоплощение есть обожение человека, то есть сообщение (дар) Богом человеку божественных свойств, то есть посредством божественного снисхождения. Спасение человечества совершено было свободным подвигом Христа. Отдельным человеком это спасение может быть лишь свободно усвоено, а не достигнуто своими силами. Свобода здесь – это приятие или неприятие общего человечеству пути спасения. Приятие достигается усвоением спасения через возрождение в себе подобия Божьего. Спасение человека – это единство объективной, идущей от Бога, и субъективной, человеческой, сторон.

Становлению массовой личности в России в разной мере препятствовала как эволюция социального института русской православной церкви, задающей черты массовой религиозности и нравственности, так и эволюция православного богословия и религиозной философии, восходящих к греческим отцам церкви и определяющих черты духовности и личности меньшинства российского населения.

Русское православие сохранило в неприкосновенности исходные принципы христианства, став ортодоксальным по характеру содержания

веры. Никакие исторические вызовы не встретили существенного отклика ни в вероучении православной церкви, ни в богословии. Ничто не могло поколебать исходные постулаты и догмы. Запрет на толкование священного писания и отеческих преданий, утвердившийся с победой иосифлян, стал непреодолимым препятствием для поисков богословами ответов на задаваемые жизнью вопросы. «...Жизнь прошла мимо «церкви» – единство, всеединство ее осталось потенциальным: казалось, народ и церковь идут разными дорогами», – констатировал Л. П. Карсавин [Карсавин 1994: 356].

Разделяя общехристианский принцип свободы личности, православие не работало над его развитием и проекцией на мирскую жизнь. Отечественная философия лишь в конце XIX в. взяла на себя смелость осмысления религиозных проблем. Однако конструктивного взаимодействия философии и богословия так и не получилось. Проблема авторитета человеческого разума в познании божественной истины осталась чуждой для православного богословия. Разум, подчиненный вере, и даже недифференцированное единство разума и веры, стремящееся к соединению с Богом, – вот догмат православной веры. Положение о знании, приобретаемом ради него самого для православной церкви было отклонением от ортодоксальных принципов, грехом и отступничеством латинства. Авторитетом для православного верующего могло обладать лишь учение церкви. Отсюда монолизм православной культуры, предполагающий не самостоятельное познание и восхождение индивида к Богу, не диалог с ним, но лишь ожидание мистического нисхождения Его до индивида, ожидание спасения как дара свыше, ниспосланного Богом.

Носителем истины для православия мог быть только Соборный разум, разум религиозной общественности. Эти начала православия во многом унаследованы и сохранены русским мировоззрением, пропитанным духом коллективизма, плохо уживающегося с индивидуалистическими мотивами мирской и духовной жизни. Преклонение перед народом как целым, который один лишь и может быть носителем Правды благодаря мистической способности его к единению – еще одна черта данного мировоззрения. Признание априорной правоты Соборного разума народа не оставляет места для какой-либо самостоятельности личности.

В последние годы в России разными способами реализуется опасное стремление высшей политической и церковной элиты к превращению православия в национально-государственную идеологию. Для этого используются значительные административные, финансовые и информационные ресурсы. Такая политика обращается к традициям русской истории вопреки реальности – характеру массовой религиозности. Данные социо-

логических опросов показывают самоидентификацию большей части населения с православием и другими традиционными конфессиями. Корректная интерпретация данных должна учитывать, что большинство респондентов имеют в виду не конкретную форму веры, а принадлежность к определенной этнокультурной среде, культурной традиции, или исходят из конъюнктурного подражания поведению высшей бюрократии. Однако указанное стремление светской и церковной власти, даже воспринятое частью населения внешним образом, а частью – конформистски, вряд ли соответствует реальной ментальности активных слоев населения и либерально-демократическим ценностям, продекларированным в Конституции РФ. Попытка свести к православному единообразию конфессиональное и мировоззренческое многообразие, а также неопределенность и эклектику, свойственную ментальности основной массы населения, способна на время возродить традиционные комплексы сакрализации власти, двоеверия, породив при этом межконфессиональные противоречия и конфликты, но вряд ли отвечает реальным потребностям общества и потому обречена на провал. В РПЦ существуют внутриконфессиональные противоречия, есть конфликты между консерваторами и либералами, сторонниками сохранения «чистоты веры», этнонациональной замкнутости, и экуменистами. Политика придания православию официального статуса откидывает страну в пройденное прошлое, возрождает в верующих былые и новые формы религиозной нетерпимости. Не следует переоценивать и возможности манипулирования сознанием масс. Политизация и коммерциализация православной церкви наносит урон вероучению и образу церкви в глазах верующих. Гораздо более последовательным было бы придерживаться конституционных норм, признающих вероисповедание частным делом гражданина.

3.3. Политическая культура россиян и дискурс власти

В соответствии с теоретической моделью гражданина, описанной нами в первой главе, феномен гражданина возникает и воспроизводится в результате динамического взаимодействия множества социокультурных факторов. Один их ряд образуют социально-политические институты, создающие объективные условия и возможности для существования гражданина в качестве социального и политического субъекта. Другой ряд – это культурные и ментальные факторы: ценности, идеалы, традиции, нормы, символы, социальные установки, стереотипы восприятия и оценки ситуаций, стандарты, модели и образцы поведения и т.д., мотивирующие

деятельность индивидов и тем самым определяющие характер функционирования социальных и политических институтов. Точкой пересечения этих двух рядов факторов является личность, которая осваивает и интерпретирует все эти объективные и субъективные формы и смыслы и выступает в качестве главной основы существования феномена гражданина. Соответственно, три измерения образуют данный феномен в целом. Гражданин – это публичная роль личности, подразумевающая совокупность прав и обязанностей. Причастность к публичной власти, участие в ее осуществлении в прямой и косвенной форме – посредством делегирования части собственной власти представителям, – определяющая функция гражданина в демократическом государстве. Институциональная основа феномена гражданина – его конституционный статус, ментальная – этос гражданина, или его политическая культура, взятая сквозь призму установок и моделей поведения.

Рассмотрим параметры ментального измерения феномена гражданина. Именно политическая культура населения является основанием легитимности наличного институционального порядка властвования. Даже в целях конструирования объекта власти необходима опора на реально существующую культуру и ментальные установки населения. Однако не меньшую роль в политике играет та или иная интерпретация политической элитой содержания политической культуры конкретного общества, ее сегментов и каждого ее члена, поскольку от этого зависит политический режим и курс развития. Наличие различных идеологических интерпретаций содержания политической культуры, их конкуренция создает возможность более адекватного отражения интересов и потребностей разных групп общества. О степени развития, распространения и признания гражданской политической культуры, или этоса гражданина можно судить на основе исследования официального дискурса, с одной стороны, и общественного мнения – с другой. Первый требует соотнесения утверждений декларативного плана, представленных в СМИ, и последствий фактических действий властей. Второе также не монолитно, но еще и подвержено значительному влиянию официального дискурса, доминирующего в масс-медиа. Нас будет интересовать ряд вопросов. Каковы массовые представления россиян о собственной политической роли? Автономна ли политическая культура граждан России? Представлен ли в ней развитый этос гражданина? Существуют ли медиативные структуры в российской культуре? Каков ее главный герой? Существует ли в ней культурный герой как медиатор, проводник, способный осуществить переход от противопоставления отношений и терминов к их сближению, а также перевод конфликта в конструктивное взаимодействие?

В публичном дискурсе последних лет бурно обсуждаются проблемы внешней политики, геополитические интересы и великодержавные претензии России. Однако проблемы внутренней политики – экономического кризиса, социального расслоения и неравенства, а также контроля общества над властью, ответственности государственных структур перед гражданами, гражданской активности, реализации политических прав граждан, изменения отношения государства к общественным объединениям и ряд связанных с этим проблем – остаются вне публичных дискуссий. В результате такой информационной политики внимание общества фрагментируется, рассредоточивается, отвлекается. Публичное обсуждение реальных проблем внутренней политики в России, состояния экономики, образования, здравоохранения и других, с попыткой выяснить причины происходящего и найти способы их решения, отсутствует. Общественное мнение отвлекается от первостепенных вопросов, в это время власть почти кулуарно проводит решения по проблемам, касающимся всего общества. Легитимность власти в данном случае опирается на нынешнее состояние общественного мнения как среза политической культуры общества и каждого его члена. Дискурс власти и состояние массового сознания коррелируют друг с другом: первый опирается на последнее, активно воздействуя на него. В этом смысле мы как общество «заслуживаем» такую власть, поскольку не можем найти ей альтернативы, однако это не столько «вина», сколько «беда» нашего общества. Происходит замещение общественной потребности в участии граждан в управлении обществом и государством, включая участие в определении целей его развития, потребностью власти в конструировании «нетребовательного политического потребителя», создаваемого в целях самосохранения власти.

Вообще существует серьезная проблема отделения собственно политической культуры россиян от всей совокупности средств и способов влияния на нее со стороны власти. Власть не оставляет общественное сознание наедине с проблемами и не дает никаким иным специалистам, ученым, журналистам, серьезно воздействовать на общественное мнение. Фактически в сегодняшней России за последние 30 лет была целенаправленно сформирована монополия государства (узкой группы лиц) на средства массовой коммуникации. Не дороги, транспорт, экономика или право связывают воедино разные регионы России, и не культура, образование или наука объединяют сознание россиян. Роль социального института, транслирующего представление о должном, объединяющего страну, играет телевидение. А. Качкаева убедительно описывает факторы, благодаря которым власть формирует «единую Россию» – «нацию телезрителей». На национальном уровне установлена олигополия: российский телевизион-

ный рынок поделен между тремя доминирующими игроками – тремя группами, это «Газпром-медиа» (ГПМ), Национальная Медиа Группа (НМГ) и ФГУП «Всероссийская государственная телерадиокомпания» (ВГТРК) [Качкаева 2016: 42]. Они поддерживают единство информационного пространства государства, индустрии развлечений, политической рекламы и пропаганды. После принятия закона об ограничении иностранного капитала в СМИ (2014 г.) фактически весь телевизионный рынок каналов, доступных населению всех регионов России, находится под финансовым и идеологическим контролем «Газпрома». Вследствие установления монополии, телевидение, использующее современные цифровые и социально-психологические технологии, было превращено в оружие медиапротивостояния («перманентной войны») России и Запада, формирующее милитаристское сознание граждан в целях и интересах правящей группы, в руках которой сконцентрирована власть и собственность. Телевидение не только и не столько использует черты и свойства инерционной культуры россиян, но применяет традиционные и новейшие способы ведения информационных войн и манипуляции сознанием. Оно занимается производством и тиражированием эмоций и настроений (патриотизма, ненависти, неприятия любого «другого», противопоставления «наших» и «чужих» ценностей, постимперского синдрома, тревожности и т.д.) – с помощью реконструкций, постановок и информационных фейков, посредством программирования динамики настроений, переформатирования и формирования установок, применяет множество различных приемов поддержания нужной властям повестки дня [Качкаева 2016: 46–47].

В качестве системы координат для выявления специфики российской политической культуры используем формулу гражданской идентичности С. Хантингтона. Гражданственность, или политическую культуру, американской нации он определяет через политико-правовые, идеологические, культурные, социально-психологические признаки, основу которых составляет англо-американо-протестантская культура; ее формула – «лояльность, патриотизм, идентичность» [Хантингтон 2004: 344]. При этом лояльность включает пассивные и активные моменты, последние обозначаются через понятие гражданского участия. Эту формулу можно использовать как некий структурный инвариант, который предусматривает конкретное социокультурное наполнение. Используя результаты социологических исследований общественного мнения, полученные Левада-Центром в разные годы, попробуем определить состояние и динамику политической культуры массового индивида, выявить наличие и уровень проявленности компонента гражданской активности (гражданского участия, или политической субъектности гражданина РФ) в общественном

мнении. Структурно-семантический каталог оппозиций как элемент нашей модели гражданина поможет нам раскрыть специфику политической культуры и ментальности россиян. Это, в частности, оппозиции участие/неучастие.

Одним из основных параметров политической культуры массового индивида является лояльность государству, власти. Как представлены в общественном мнении россиян пассивные и активные характеристики лояльности, в том числе комплекс гражданского участия? О высоком уровне лояльности в ее пассивном выражении свидетельствуют данные исследования 2006 г.: «Для большинства опрошенных независимо от их политических симпатий власть ассоциируется преимущественно с конкретными высшими государственными лицами – президентом (64 %), правительством (36 %), местными чиновниками (19 %)» [Левада 2006: 9, табл. 1]. Рядовой гражданин в массовом сознании не вызывает никаких ассоциаций с властью. Власть, персонифицированная президентом, в общественном мнении противопоставляется всей властной элите, доверие к первому уживается с критическими мнениями о чиновниках всех других уровней власти. Заслуги в позитивных сдвигах в решении социальных проблем приписываются президенту, а ответственность за негативные явления – правительству и местным чиновникам. При этом оценка «людей у власти» преимущественно негативная: «Только 16 % опрошенных считают, что для стоящих у власти более важно процветание страны, 72 % – что это незыблемость и укрепление собственной власти» [Левада 2006: 10].

Массовое патерналистское сознание не способно произвести хотя бы элементарный анализ факторов, причин и следствий неудовлетворительного состояния экономики, здравоохранения или образования, не способно дать критическую оценку руководству страны за те или иные политические решения, которые могли породить диспропорции, ошибки, привести к усилению внутреннего или внешнеполитического кризиса. Низкая степень рационального мышления, рефлексии у населения компенсируется эмоционально-психологическим восприятием ситуации. По мнению Л. Гудкова, включились механизмы психологической защиты: «недовольство отдельными «персонами» наверху становилось элементом защиты системы в целом» [Гудков 2011: 199–200]. Эти же механизмы действуют и в последние 18 лет по форме «добрый царь и злые бояре».

Активный аспект лояльности выражается понятием «политическое участие» и связан со следующими компонентами: интерес к политике, возможность влиять на принятие государственных решений, уровень готовности к активному политическому участию, возможность общественного (гражданского) контроля над действиями властей, степень причаст-

ности гражданина к государству. Помимо политической и правовой ответственности, лояльность включает и моральную ответственность гражданина за деятельность государства. Результаты данного социологического исследования последовательно раскрывают каждый из этих компонентов. «Большой» интерес к политике в 2006 г. имели 15 % респондентов, а «малый» («в малой степени» или «совершенно не интересует») – 47 %: «...во всех выделенных группах опрошенных преобладает слабый (или «нулевой») интерес к политической жизни... Этот интерес имеет преимущественно пассивный («зрительский») характер и мало связан с реальным или даже желаемым участием в политической жизни» [Левада 2006: 11, табл. 3]. Возможность «влиять на принятие государственных решения в стране» видят только 15 % опрошенных, 82 % – такой возможности не видят [Левада 2006: 12]. Молодые граждане чуть более оптимистичны (или наивны?) в оценке такой возможности (21 против 77 %), допускают свое влияние на политику. Выявляется также и отсутствие зависимости между одобряющими президента и оценкой возможности влиять на принятие политических решений. Уровень готовности российских граждан к более активному политическому участию остается весьма низким, такую готовность в среднем демонстрируют 18 % опрошенных, а ее отсутствие – 77 % [Левада 2006: 12, табл. 5]. Спустя годы данные на эту тему изменились следующим образом. На вопрос «В какой степени вас интересует политика», в среднем 10 % респондентов ответили «В очень большой (2 %)+ в большой», 53 % – «В малой + вообще не интересует +30», 40 % – «Готовы голосовать за ЕР», 39 % – «Согласны с тем, что ходить на выборы бесполезно, все остается по-прежнему» [Гудков 2016: 120]. Таким образом политический индифферентизм у государственно зависимых категорий населения со временем усиливается. Исключение составляют лишь 2014-2016 годы, когда политизация сознания была прямым результатом действия государственной пропаганды на телевидении.

Преобладание пессимизма в отношении политического участия показывают следующие данные. «Свое нежелание более активно участвовать в политических делах, ссылаясь, что «все равно ничего изменить нельзя, объясняют 25 % опрошенных, «политика – не для рядовых граждан, ею занимаются власти» – 22, нет времени для политики, поскольку они заняты «своими повседневными делами» – 19, «ничего не понимают в политике» – 17, «политика – грязное дело» – 11, «не хочется выделяться среди других людей» – 3, а преследования со стороны властей опасаются 2 % респондентов» [Левада 2006: 12]. Исследование государственно-патерналистских установок населения на протяжении периода с 2003 по 2015 гг. показало следующее. На вопрос «Чего, по Вашему мнению, такие

люди, как Вы, сейчас больше всего ждут от власти?» в 2015 г. 47 % респондентов ответили «Заботы о материальном положении» (а в 2003 г. – 50 %), 13 % – «Поддержания порядка в обществе», 17 % – «Защиты законных прав и свобод граждан», 7 % – «уменьшения налогов», 2 % – «Чтобы их оставили в покое», 12 % – «Ничего особенного не ждут», 2 % – «за-трудняюсь ответить». Получается, что степень патернализма, зависимости населения от государства за 12 лет если и уменьшилась, то лишь на 3 %. Есть увеличение на 7 % (2003 – 2015 г.) доли тех, кто считает, что государство должно заниматься защитой законных прав и свобод граждан, но это не меняет соотношения сил в целом.

Оценки людьми причин невозможности общественного контроля над действиями властей выявляют реально действующие факторы массового политического неучастия. Среди них: господствующий стиль деятельности властных структур – ответственность чиновников перед вышестоящими инстанциями, а не перед гражданами (48 %); скудость информации о деятельности властей (29 %); уменьшение роли выборов, референдумов, свободных публичных дискуссий (27 %); политическая апатия населения (18 %), сохраняющаяся надежда на заботу власти (17 %) [Левада 2006: 13]. Основой всего комплекса установок российских граждан в их отношении к деятельности органов власти является социально-политическое и моральное отчуждение массового индивида от общественных и, особенно, государственных дел. Это свидетельствует о реалистичности массового ощущения, констатирующего фактически незначительное место гражданина в нынешней политической системе, контрастирующее с декларируемым конституционным статусом гражданина РФ, о привыкании общественного мнения не доверять декларациям.

О каких тенденциях в динамике общественного мнения в период с 1999 по 2016 годы можно говорить? Больше распространение к 2006 г. получила требовательность по отношению к государству (15 % против 6 %), снижение стремления помогать («служить») государству (9 % против 17 % в 1999 г.), снижение надежды на возможность заставить государство служить гражданам (27 % против 37 %). Доминирующим остается установка «разочарованного патернализма»: не смея требовать чего-то от государства, люди продолжают ждать «отеческой» заботы, при этом жалуясь на недостаточность таковой [Левада 2006: 13].

Низкая степень причастности к власти, или фиксация отчуждения граждан от политики, порождается не только инерцией советской политической системы, но является следствием целенаправленных мер отстранения человека от власти, предпринимаемых с начала 2000-х годов. Состояние политического отчуждения раскрывается посредством такого призна-

ка, как «моральная ответственность». В исследовании Левада-Центра 2006 г. был взят узловый аспект взаимодействия, двусторонней связи гражданина и государства – динамика «моральной ответственности» человека за действия властей и происходящее в стране. «После разрушения советской модели... «безусловное» отрицание всякой моральной ответственности человека за власть и страну неизменно и значительно преобладает над «безусловным» ее принятием» [Левада 2006: 13]. Соответствующие показатели 2006 г. составляют: «отрицание» – 37 %, «признание» – 10 %. В отношениях гражданина и государства фиксируется «лукавая взаимозависимость» или «качественная ограниченность». Ответы на вопрос, «В какой мере выполняют свои обязанности...» подведены в виде «баланса выполнения (соотношения мнений («выполняют»/«не выполняют»)). Такой баланс применительно к гражданам («граждане перед государством») составляет 36:23, а применительно к государству («государство перед гражданами») – 9:54.

Представления о взаимных обязательствах и взаимном контроле государства и граждан конкретизируются следующим образом. Итог выбора респондентами утверждений, подходящих нынешней России, таков: утверждение «Граждане контролируют деятельность власти» выбрал 1 % опрошенных; «Власть контролирует деятельность граждан» – 21 %; «Граждане и власть контролируют друг друга» – 7 %; «Ни власть, ни граждане друг друга не контролируют» – 30 %; «Граждане и власть обманывают друг друга» – 31 % [Левада 2006: 14, табл. 9]. Взаимный обман невыполнение обязанностей – наиболее часто упоминаемые характеристики, свидетельствующие о показном, «лукавом» характере зависимости граждан от государства. Сходные показатели сохраняются и в 2014-2016 годы.

К признакам комплекса политического участия относится еще и потребность в политических правах. В перечне «дефицитов» («Чего не хватает в современной России?»), отмечаемых опрошенными в исследованиях 2006 г., первое место на протяжении нескольких лет занимала нехватка материальных благ (83 % в 2006 г.), второе – отсутствие уверенности в будущем (34 %), третье – культуры, воспитанности (28 %), нравственных принципов (27 %). Потребность в улучшении ситуации с политическими правами испытывает 13 % респондентов. Это свидетельствует о том, что для населения в целом политическая свобода гораздо менее ценна, нежели материальное благополучие; связь между этими параметрами не улавливается общественным мнением. Однако на протяжении ряда лет наблюдается тенденция роста показателей недостатка нравственных принципов, необходимости соблюдения законов и политических прав граждан. В 1989 г. недостаток последних ощущало 11 % опрошенных, в 1994 г. – 5 %, в

1999 г. – 2 %, 2003 г. – 8 %, в 2006 г. – 13 % [Левада 2006: 17, табл. 13]. Наибольшую озабоченность положением с политическими правами в 2006 г. проявили молодые люди. Среди одобряющих действия президента недостаток политических прав усматривали реже (12 %), среди не одобряющих – чаще (19 %). Из сочувствующих демократам – 21 %, из приверженцев «партии власти» – 9 % [Левада 2006: 15].

Интересно и то, как люди определяют свою идентичность, формируется ли гражданская идентичность? В соответствии с исследованиями Левада-центра за 1999-2009 гг. складывается такая картина. На вопрос «Как бы вы определили свое собственное положение в нашем государстве?» в 2009 г. 13 % респондентов согласились с ответом «Полноправный гражданин России, имеющий возможность влиять на власти через выборы», 24 % – «Не могу чувствовать себя полноправным гражданином, поскольку мои права слишком часто нарушаются», 18 % – «Человек, жизнь которого во всем зависит от власти, от государства», 41 % – «Человек, который живет, полагаясь во всем только на себя, не задумываясь о гражданских правах и не рассчитывая на государство», 5 % – «Затрудняюсь ответить». Таким образом, лишь 13 % ответивших в 2009 г. считали, что обладают правовым и политическим статусом гражданина, гражданской идентичностью. Весьма неоднозначное положение у 41 % не зависимых от государства людей, с одной стороны, это самостоятельные социальные субъекты, с другой – это люди, возможно, находящиеся вне правового или легального экономического пространства.

Таким образом, в комплексе характеристик политической культуры гражданина (нации), обобщенных в формуле «патриотизм, идентичность, лояльность», официальный политический дискурс в прошлом десятилетии поддерживал по преимуществу лояльность высшему государственному лицу и патриотизм. В нынешнее время эта тенденция лишь укрепилась, при этом усилилась роль прямой пропаганды и применения грубых и агрессивных политических технологий по поддержанию лояльности большинства населения по отношению к президенту и его внешнеполитическому курсу. При этом все три характеристики фактически сливаются в одну, поскольку в нынешних условиях, когда, по словам Волошина, «Россия без Путина существовать не может», получается, что государственная (национальная) идентичность основана на идентичности гражданина с президентом, да и патриотизм есть «приверженность, то есть любовь к президенту и ненависть ко всем его врагам», это патриотизм с военной составляющей, связанной с готовностью быть мобилизованным президентом, в том числе у некоторых – на войну. Таким образом, патриотизм, идентичность и лояльность – это некое триединое тождество.

Патриотизм, получивший в последнее время гипертрофированную поддержку, приобрел некоторые черты русского национализма [см.: Гудков, Дубин 2005; Зверева 2005 и др.]. Последний же, пройдя сложную историческую эволюцию, в посткрымскую эпоху потерял и этническое, и демократическое содержание, и в ходе информационных войн, организационно-полицейской, идеологической и пропагандистской работы с оппозицией и населением утратил оппозиционность и редуцировался до единственной версии – имперского национализма, почти слившегося с дискурсом власти. «У этнического большинства России развивается не этнический, а государственный державный традиционализм – ощущение гордости за принадлежность к государству с тысячелетней историей, в котором главные события связаны с военными победами и завоеванными территориями» [Паин 2016: 132]. «Русский национализм» в посткрымское время растерял и этническое содержание, и значение «приверженности обществу (нации)». То, что называют в настоящее время «русским национализмом», можно охарактеризовать как постимперское сознание, включающее ностальгию по некоторым элементам российской и советской империй, ресентимент и различные социально-психологические установки типа зависимости, страха, ненависти, зависти.

В России отсутствует рост политического самосознания общества, поскольку народ не воспринимается в качестве источника власти, подавляющее большинство населения (67 – 87 % в разные годы) считают, что не влияют на политику [Общественное... 2016: 58]. Отсутствует и другой важный признак формирования нации и гражданского самосознания – не проявляется стремление к участию в управлении государством: более половины респондентов за период с 2006 по 2015 гг. отметили, что «избегают вступать в какой-либо контакт с властью» [Общественное... 2016: 61]. Э. Паин считает, что и «во второй декаде 2000-х гг. не заметно проявления основных признаков гражданской политической нации, равно как и государства, подчиненного интересам нации», наоборот, «строительство государства в России мешало строительству нации» [Паин 2016: 135]. Отсутствует социальный субъект, способный деконструировать имперское сознание. СМИ продолжают дискредитировать либеральные и демократические ценности, базовые идеи гражданской нации, способной контролировать государство.

В официальном дискурсе, в том числе в программе партии «Единая Россия», доминирует установка на лояльность и патриотизм, комплекс демократического участия в начале 2000-х годов был представлен лишь в декларативно-имитационной форме, в настоящее время он вообще приобрел негативную публичную оценку. Фактически в публичном простран-

ве политической коммуникации дискурс гражданского участия оказался вытеснен идеалом «единения народа и власти». Вследствие уже предпринятых мер по ограничению свободы СМИ и ликвидации условий для публичной представленности мнения оппозиционных сил, «глас народа» стал отраженной копией официального дискурса.

Примером идей, поставляемых вниманию общества с 2000-х годов, является выступление замглавы президентской администрации В. Суркова на круглом столе РГГУ. Главной задачей государства он считал «профилактику революций» [Закатнова 2007: 4]. Официально тогда еще декларировались следующие цели: «Демократия – это власть нашего народа в нашей стране», «демократия – это власть народа, это власть, сила и порядок». Но уже тогда средства достижения цели назывались «от противоположного»: нам не нужны заимствования, советы иностранных правительств, «чужие слова» о свободе и демократии, «непереваренные куски чужого опыта», нужно «не путать личное мнение с общественным», партии должны не разъединять, а «объединять людей вокруг общих ценностей», «не нужно желать поражения или ослабления своей страны». И несколько позитивных: добиваться «интеллектуального суверенитета» и способствовать «попыткам своим умом добиться свободного развития». Главный смысловой стержень выступления оратора – это бинарная оппозиция *свои* («наши») – *чужие*. Оппозиция ксенофобии, противопоставления. Получается, что уже с начала путинского правления исключительно администрации президента отводилась роль единственного выразителя общественного («нашего») мнения, главного и исключительного субъекта политики, интересы которого общество должно считать общими интересами. Этот дискурс воспроизводил еще и советскую логику подавления «личного» и «частного». Интересно, что в речи В. Суркова 2007 г. присутствовало еще одно противопоставление: инновации, но не революционные потрясения, сохранение нынешней «здоровой системы» (политической структуры), а не реформирование («Перманентное реформирование так же вредно, как и перманентная революция»). Тогда еще допускались инновации в экономике и цели модернизации! Но главный скрытый мотив любых речей, деклараций и практических действий власти уже и тогда можно было обнаружить: за стремлением не пропустить «хаос» в отлаженный «порядок» стояло и стоит до сих пор желание власти не допустить никаких иных субъектов в политику. Для этой цели и были проведены все законодательные поправки в избирательное и партийное законодательство, этой же цели подчинена и «зачистка» публичной сферы под официальное мнение. Ведь отличная от официальной мысль, как известно, способна вызвать и

отличные действия, способна найти воплощение – разрушить монополию номенклатурной власти.

В настоящее время силовые группировки, преобладающие во власти, обеспокоены вопросами легитимации политики. Уничтожая реальных и мнимых политических противников, независимые СМИ, предпринимательство и т.д., силовики не просто ждут пассивной лояльности от большинства населения, но при посредничестве массивированной пропаганды со стороны СМИ, монополизированных государством, активно формируют такого рода лояльность. Массовое сознание в последние годы демонстрирует регресс по сравнению с его состоянием в 1990-е и начале 2000-х годов. Усилились «антибуржуазные» или «антисобственнические» правовые установки. Частная собственность перестала быть ценной и законной, ее экспроприация стала считаться справедливой. Это свидетельствует о возвращении общественного сознания к признанию государства в качестве «единственно допустимого правораспорядителя собственнических или имущественных отношений». Поколеблен принцип частной собственности. Была актуализирована традиционалистская приверженность масс ко всему давно сложившемуся, и в первую очередь, к государству и порядку властвования. Из этого вытекает и негативное отношение к разрушению прежнего порядка – к изменению системы государственной собственности, приватизации, ликвидации советской власти [Гудков 2011: 201–203].

В дискурсе власти последних лет, особенно после присоединения Крыма и информационных войн с Украиной и всем внешним миром, допустимость внешней агрессии в общественном сознании оказалась напрямую связана с потенциально возможными и уже осуществляемыми репрессиями над внутренними оппонентами. Должностные лица, политики, общественные деятели, депутаты, телеведущие в своих выступлениях допускают выражения, демонстрирующие «двойные стандарты» властей (по отношению к своим и по отношению к чужим, однако под вторым термином могут подразумеваться разные субъекты – Запад, украинцы, «внутренние враги» и т.д.), избирательное применение закона. Подобное речевое поведение является признаком «цинизма или аморализма властей, их привычной лжи». Оно показывает наглую уверенность данных лиц в безнаказанности их действий, в их собственной безответственности, а главным образом в подчинении населения, в принятии их любых заявлений. Такое поведение представляет собой позу агрессии, демонстрацию силы власти, опирающейся на монополию средств принуждения. Политический цинизм, по мнению Л. Гудкова, это расчет не на глупость большинства и даже не на то, что «массы всегда присоединяются к сильным», но «...это такая ориентация на снижение образа человека», которая предполагает

принятие репрессивных действий, поскольку они поддержаны силой государства [Гудков 2011: 201]. Чтобы удержать контроль, репрессивной власти необходимо принижать контролируемого человека, меру его ресурсов и возможностей. Отсюда насаждение настроений апатии, бессилия, беспомощности и беспрекословного подчинения власти (президенту, почти отождествляемому с монархом) с помощью массовой культуры, СМИ и Русской Православной церкви. Институциональные и культурные условия для негативной консолидации общества и власти производятся посредством нейтрализации гражданской солидарности, общественных объединений, публичной дискредитации внешних и внутренних оппонентов власти. Отсюда культивирование ненависти к Западу и «национал-предателям». Смысл дискурса власти, подкрепляемого работой пропагандистской машины государства – в отрицании ценности политического действия, альтернативного действию, осуществляемому от лица государства, в вытеснении такого действия из сферы возможного. Параллельно осуществляется реставрация авторитарного стиля государственного управления. Вся подобная информационная и символическая политика государства создает культурно-психологические основы для воспроизводства лояльности населения государству, аналогичной советской. Одним из важнейших источников, или оснований «легитимности» нынешней власти является «инерция безропотного подчинения тоталитарной или репрессивной власти ... – это власть в силу привычки терпеть и отсутствия каких-либо ресурсов сопротивления, ропота, инакомыслия» [Гудков 2011: 211].

В наши дни уже отменен курс авторитарной, но все же модернизации. Монопольный субъект политики обрубил все каналы «обратной связи» с обществом, лишил возможностей влияния на принятие государственных решений и политического действия все иные общественные и политические силы и движения. Однако стремление установить полный контроль над общественными процессами, без учета неминуемой неэффективности такого контроля, без понимания взаимосвязи контроля и свободы, управления и самоуправления, процессов организации и самоорганизации, обрекает общество и политику на деградацию и уже сейчас показывает свою неадекватность и несостоятельность. Исключая из большой политики всех иных субъектов, лишая самостоятельности граждан и их объединения как живых и действующих элементов политической системы, монополист лишает установленный им порядок возможности обновления и развития, и в конечном итоге подрывает основы для самосохранения.

3.4. Достоинство и ценность жизни российского гражданина

Существует огромный разрыв между глубиной стоящих перед российским обществом проблем и его готовностью их решать. Представляется, что подавляющая часть общества равнодушна ко всему, включая собственное самосохранение и воспроизводство, и выбрала для себя не путь осознания проблем и рациональной оценки ресурсов для выхода из ситуации, а путь социального эскапизма. Возможно, это связано с общим состоянием и социальным самочувствием общества, подавленным достоинством у одних поколений россиян и несформированным – у других. Идея соотнести понятия человеческого и гражданского достоинства и ценности человеческой жизни в России, по моему мнению, поможет осмыслить не только проблему цены реформ 1990-х годов и нынешнего политического порядка в стране, но и выявить одну из фундаментальных особенностей российской истории, политических институтов и лежащих в их основе принципов политической культуры и ментальности населения. Эта особенность когда-то была выражена поговоркой «Бабы еще нарожают!» Однако «бабы» рожают все меньше. Традиционное основание российского государства – пренебрежение жизнью каждого конкретного россиянина, низкая ее ценность в глазах правящих классов и самого индивида (общества), продолжает определять базовые взаимоотношения между государством и гражданином.

Конструкция демократического правового государства строится на идее внутренне присущего человеку достоинства. Такое государство, как сообщество суверенных граждан, объединенных общими законами, есть результат сотрудничества индивидов, сформировавших себя в суверенных личностей, а потому несет ответственность перед каждым из них. Достоинство человека (human dignity) – как способности формулировать ценность цели, связанной с наличием у человека разума и свободы воли, безусловно и абсолютно, это предел вмешательства в его жизнь, образец отношения к нему. На этой способности человека основываются законы и вся система права. Отсюда следует самоидентичность человека, позволяющая говорить о статусе прав человека в обществе. Базовое целеполагание, провозглашение прав человека, действий и состояний абсолютными (право на жизнь и др.) – есть утверждение равноценности индивида в отношениях с государством и другими людьми. Принцип достоинства человека перерос в принцип достоинства гражданина. Гражданское достоинство, лежащее в основе конституционализма, – это «способность индивида воздействовать на условия своего существования через общественные институты, самоуправление, собственность, прессу, суды – все то, что

гарантирует право на права», способность и возможность человека пользоваться своими правами [Хованская 2001: 56]. Возможность пользоваться правами зависит от степени невмешательства государства в жизнь гражданина, от реализации права на личную неприкосновенность и частую жизнь, от системы политических и правовых институтов, обеспечивающих реализацию прав человека и гражданина.

Наличие ценности гражданского и личного достоинства (как способности пользоваться правами) в политической культуре большей части населения – необходимость для установления отношений социального доверия в обществе, выработки ценностных оснований консолидации людей в единую нацию, осуществления правового режима функционирования гражданского общества, становления конституционализма и демократического правового государства. Для ощущения достоинства массой людей необходимы институциональные условия, связанные с социальным и политическим признанием вклада каждого в «общее дело» – высокий моральный, правовой и политический статус личности в государстве. Конституционный статус гражданина является высшим признанием достоинства человека, он связан с признанием каждого личностью, обладающей свободой воли (самосознанием, рефлексией, способностью к самоуправлению), равной с другими в свободе перед законом, а также политической и правовой свободой. Это и признание каждого другого в государстве в качестве «субъекта законодательствующей воли» (И. Кант), способного участвовать в принятии политических решений и управлении государством. Достоинство гражданина основано также на осознании личностью единства собственных прав и обязанностей, на уверенности в правомерности собственных притязаний на законные права и свободы в силу личной законопослушности и ответственности в исполнении обязанностей перед другими гражданами и государством.

Многие люди интуитивно чувствуют отсутствие в России публично-го признания государством достоинства и самоценности каждого человека. Но как операционализировать морально-правовые категории достоинства человека и гражданина? Конкретные аспекты анализа этих понятий мы связываем с рассмотрением понятий ценности и цены жизни и деятельности гражданина в политологическом, юридическом, экономическом и других планах. Необходима выработка комплекса экономических показателей стоимостного выражения тех или иных прав гражданина и обязанностей, выполняемых им для государства, и стоимости обязанностей (ответственности) органов государства и должностных лиц перед гражданином, а также адекватных компенсаций в случае гибели или ущерба здоровью гражданина, полученных во время выполнения гражданских обя-

занностей. Если гражданина рассматривать в качестве «рабочей силы» для государства, а гражданство – в качестве товара, услуг государства, покупаемых гражданином посредством уплаты налогов, и государством у гражданина посредством обеспечения политического и правового порядка и оказания управленческих, правоохранительных, медицинских, образовательных и иных услуг, то возможно построить экономическую модель стоимости услуг обеих сторон взаимодействия – гражданина и органов государства (должностных лиц). С помощью понятия цены человеческой жизни можно протестировать все подсистемы российского государства: политическую систему – на предмет реализации конституционных и, прежде всего, политических прав граждан, на степень участия гражданина в функционировании государства; правовую систему – на предмет нацеленности работы ее структур на правовое обеспечение статуса гражданина, уровень защиты жизни, свободы, достоинства и прав человека и гражданина; экономическую систему – на возможности осуществления гражданином экономических свобод и т.д. Конкретная цена человеческой жизни и деятельности оказывается в этом случае результатом функционирования всех институтов общества и государства.

Возможности, предоставляемые государством, степень реализации прав гражданина составляют институциональные основы его достоинства¹⁶. У россиян массово нарушаются и права человека, и права гражданина – и частногражданские, и публичные. Политическая и правовая система российского государства обладает иной направленностью, нежели осуществление прав граждан. Об отсутствии признания российским государством достоинства в россиянах, о низкой ценности и цене их жизни свидетельствует множество объективных фактов. Например, остро стоит проблема ответственности медицинских работников за профессиональные преступления или проступки в деле охраны здоровья граждан. В России отсутствуют даже предпосылки к созданию в системе здравоохранения единой структуры, отвечающей за безопасность пациентов [Галюкова 2007: 38]. Еще один ряд фактов – состояние криминальной смертности в России. Преступления против личности составляют угрозу безопасности и воспроизводству российского общества. Смертность от внешних причин в России (ДТП, алкогольные и наркотические отравления, самоубийства, убийства, домашнее насилие над детьми и женщинами) является одной из самых высоких в мире и составляет в среднем по стране 220 умерших на 100 тыс. человек [Ким, Михайличенко 2007]. Основная причина человеческих потерь в России – высочайший уровень повседневного насилия, ин-

¹⁶ Изучению степени реализации конституционных прав гражданина в РФ посвящена вторая глава этой книги.

ституционального (войны, конфликты, ситуация в системах МО, МВД, ФСИН, других государственных силовых структурах), и ментального – словесного, психологического, информационного. Насилие стало «кодом социальности» (Л. Гудков), вызовом для национальной безопасности. Распространенность явления «криминальной воронки» – превышения числа жертв над числом раскрытых преступлений, свидетельствует о латентности значительной части убийств, о том, что реальное число убийств в России выше, чем отражено в статистике. За эти потери и отсутствие правосудия никто ответственности не несет. Что это, как не отсутствие направленности работы правоохранительных органов на защиту жизни граждан? Возникает целый комплекс проблем, связанных не только с системой права и деятельностью правоохранительных органов, но и с целым спектром социокультурных факторов – социальной политикой, ценностными основаниями политической и правовой систем и режима российского государства. О низкой ценности жизни российского гражданина говорят и цифры компенсаций, предусмотренных государственным страхованием в случаях гибели военнослужащих по призыву, служащих в любых силовых структурах. Возможно, такие мизерные цифры выплат [Страхование жизни...] и способствуют сохранению условий, при которых гибель служащих граждан происходит систематически. Существует зависимость ценности жизни и ответственности за нее со стороны государства. Во всех органах и структурах нашего государства, где существует риск для жизни и здоровья людей, отсутствуют и система обеспеченности защиты жизни и здоровья гражданина РФ, и действующие механизмы установления юридической и финансовой ответственности конкретных должностных лиц, министерств (МО, МВД, МЧС и др.) за гибель служащих или утрату ими здоровья.

Но есть и свидетельства ментального порядка. Консервации состояния отсутствия человеческого достоинства как на индивидуальном уровне, так и на уровне общественного самосознания, служат «старо-новые российские мифы», конструируемые пропагандистами нынешней власти. Исследования Левады-Центра касаются распространенных в СМК и массовом сознании мифологем: особой иррациональности культуры и образа жизни в России («умом Россию не понять...»), изоляционизма как принципа конституции национальной идентичности («особого пути России»), состава представления и функций «Запада» в общественном мнении и отношении к Сталину [Мифологизация... 2008]. Выводы этих исследований можно интерпретировать применительно к проблеме признания человеческого достоинства в российском публичном пространстве, общественном самосознании и национальной идентичности.

Какую роль выполняют эти конструкции, как они влияют на общественное и индивидуальное самоощущение, самооценку, самосознание? Искусственные «мифы XX века» призваны замещать, имитировать наиболее фундаментальные коллективные ценности, подсказывать простые схемы интерпретации реальности. Квазимифы проецируют «прошлое на актуальное настоящее» (Л. Гудков), индивидуальные или коллективные страхи на другого или других в целях выражения собственной привлекательности, значимости и ценности [Мифологизация... 2008: 70]. Они редуцируют социальную реальность, в том числе сложные внутри- и внешнеполитические отношения, к примитивному взаимодействию в рамках противопоставления «мы-они», мобилизуя установки на самоизоляцию и враждебность и снимая индивидуальную моральную ответственность за мнения и поведение. Благодаря мифам у россиян формируется не чувство человеческого достоинства, а некий двойственный комплекс неполноценности/превосходства, предписывающий им схему самовосприятия лишь через крайние самооценки – самоуничижения либо гордыни «великодержавности». Квазимифы примиряют несовместимое и противоречивое в целях легитимации насилия государственного и частного. Это поиск достоинства в неадекватных формах. В них изъято актуальное время и действие, которое может быть подвергнуто рациональному осмыслению, – достижение, калькуляция, учет повседневных мнений и интересов возможного социального партнера. Квазимифы делают относительными базовые структуры социального доверия, блокируют дифференциацию общества, институтов, групп, сакрализуют власть в качестве символа коллективного целого, запрещая ее критику и установление ответственности. «Суть этого комплекса в провозглашении особого предназначения и великого будущего России при одновременно полном сознании невозможности его реализации» [Мифологизация... 2008: 72]. При сопоставлении с реальностью этот комплекс порождает «фрустрацию массовой идентичности», которая закрывает возможность осознания самой травмы. Разрыв высокого и низкого, должного и сущего в самоопределениях россиян конкретизируется как нестыковка духовности, связанной с «особой миссией», и лени («недеяния»).

Обеспечивая консолидацию на неадекватных, превращенных основаниях, квазимифы блокируют возможность рационального постижения себя и более сложные способы общественной самоорганизации. Они адаптируют людей к «предлагаемым обстоятельствам», навязывают фатализм, смирение по отношению к авторитарной власти, табуируют выделение альтернативных ей социальных и политических субъектов. «Легенда власти напрямую связана со слабостью подданных» [Мифологизация... 2008:

75]. Так в культуре и самосознании масс «навечно» закрепляется самообраз и роль необходимой жертвы собственной власти, не отделенной от нее. В советской культуре ценность человека измерялась его готовностью к самопожертвованию. В силу инерции имперской культуры комплекс жертвы не только сохраняется, но и препятствует выходу мышления за пределы цикла инверсии оппозиционных отношений «палач – жертва», мешает переходу к поискам субъектности вне отношений насилия и господства. С подачи кремлевских специалистов и СМИ в массовом сознании отсутствует адекватная самооценка, а есть восприятие себя в символическом единстве с властью, через отождествление себя либо с жертвой, либо с палачом в зависимости от ситуации взаимодействия. Отсюда смесь уважения и неуважения к себе в общественном и индивидуальном сознании, чередование периодов самовосхваления и самобичевания, чувство вины, неудовлетворенности собой, и стремление избавиться от него различными средствами (алкоголь, агрессия и т. п.).

Миф о Сталине ориентирует на отказ от самостоятельного действия и предоставление права быть субъектом лишь вождю. Миф об «особом пути» воспроизводит разрыв между идеей движения и идеей достижения, отказ в отсчете времени и пространства. Метафора пути в этом мифе помещает человека в некое состояние «пребывания» (небытия) героя. «Путь» вовлекает героя в движение, но движется не он сам, и неизвестно, откуда и куда, это «как бы» движение – условное, имитирующее, пустое. За неопределенностью вектора пути в мифе прячутся два основных варианта его направления: 1) установка «идти, куда пошлет власть» и разделить с ней «трофеи» и 2) сохранение возможности «уклониться», убежать, «куда глаза глядят», взбунтоваться. В этом – страх перед неудачей, уклонение от конкретности, от действий и ответственности за них, от самостоятельности. Каждый из «мифов» раскрывает (конструирует) одну ипостась национальной идентичности, а их совокупность пунктирно намечает всю ее картину. То, что эта «целостность» не органична – для массового, не критичного сознания скрыто. В этой общей картине высвечиваются и навязываются травмирующие черты национального самосознания и установка на невозможность обретения национального достоинства. Становясь устойчивыми стереотипами восприятия реальности, эти конструкции консервируют черты коллективного бессознательного, используя комплекс неполноценности/ превосходства для негативной самоидентификации населения, сохранения и поддержания существующего положения вещей. Амбивалентность «мифов» структурирует национальную идентичность, табуируя рациональное самопонимание и критическое отношение к

власти и себе, блокируя тем самым ее не инверсионное, а медиативное развитие.

Культивирование комплекса неполноценности и пренебрежение достоинством людей со стороны государства оборачивается низкой ценностью жизни граждан и перспективами катастрофической убыли населения, массой экономических и политических проблем. Усиление дефицита квалифицированных трудовых ресурсов в России может заставить привести традиционное основание российского государства в соответствие с основанием, зафиксированным в Конституции РФ. Но перспективы этого процесса просматриваются слабо. Отсутствие признаваемого государством достоинства личности является признаком не правового и не демократического характера отношений между личностью и государством. Отсутствие в политической культуре населения и элиты ценности достоинства гражданина и личности свидетельствует о неразвитости в России гражданской политической культуры.

3.5. Русская сказка как модель анализа политики

Для осмысления нынешней политической ситуации в России, безусловно, первостепенными являются научные исследования. Но они все же оставляют частичную неудовлетворенность по поводу смысла и исхода происходящего. Образ, символ, метафора могут глубже и ярче выразить нечто существенное. Возможно, поэтому социальные науки не могут без них обойтись. Тем более, если идет речь о задаче понимания ситуации, находящейся в процессе развития, ситуации в состоянии неопределенности. Однако там, где недостаточно описания событий и пока невозможно исчерпывающее объяснение, вступают в силу интуиция и воображение. Источником индивидуальной интуиции, как ни парадоксально, служит коллективный опыт прошлых поколений. Казалось бы, что русская народная сказка может дать для анализа текущей политической ситуации? Возражений для применения такого подхода может быть достаточно: нельзя смешивать научное познание мира и художественно-эстетическое; современность невозможно полностью объяснить с помощью архетипов культуры; исторический контекст возникновения русской сказки принципиально отличается от контекста современной российской культуры и политики; необходимо учитывать факторы Современности – глобализацию, информационную революцию и многое другое. И все же ...

Наша гипотеза состоит в том, что модель сказки и образ ее героя Ивана-дурака способны помочь ответить на главный вопрос: как сегодняшнюю политическую ситуацию воспринимает значительная часть населения (народ), каковы установки его культуры и поведения? По сути, речь идет о том, чтобы с помощью сказки схватить тенденции изменения массового сознания и поведения. Из ответа на данный вопрос можно было бы осторожно сделать вероятностный прогноз о политическом поведении большинства населения в будущем. И к этому суждению обязательно найдется возражение, на которое ответим мы так: результаты выверенных социологических исследований с применением чрезвычайно тонкого инструментария носят тоже весьма и весьма вероятностный характер и обладают рядом погрешностей. Поэтому рискнем.

Иван-дурак – это инвариантный социокультурный тип среднего россиянина. Он не существует реально, но во множестве современных россиян этот тип в той или иной степени устойчиво проявляется. Модель сказки в целом интересна по ряду причин. Во-первых, в сказке запечатлен опыт жизни многих поколений людей, обыграны варианты развития основных жизненных сюжетов, типы взаимоотношений и репертуар поступков всех возможных действующих лиц (героев). Во-вторых, логическая структура сказки годится для анализа любой социальной ситуации и проигрывания разных сценариев ее развития. В-третьих, многие русские сказки имеют счастливый конец, который пришелся бы кстати и в реальной жизни, – благоприятное для большинства населения разрешение политической ситуации.

Сказка генетически восходит к мифам. «То, что сейчас дошло до нас как сказки, в эпоху индоевропейского единства было мифом» [Пропп 2008: 115]. В русской сказке есть нечто «сверхнародное и сверхвременное» (Е. Н. Трубецкой), сконцентрирован значительный опыт прошлого, сокровенные мечты, фантазии, социальные утопии народа и будничные социальные стереотипы. Сказка представляет нам шаблонные реакции и действия типичных героев в разных ситуациях. Это те инвариантные элементы, которые можно выявить и в современных ситуациях, если абстрагироваться от их несущественных изменчивых внешних форм. Сказка – один из способов трансляции традиции, носителем которой был «живой народ» как конкретная историческая реальность. Создав образ такого героя, как Иван-дурак, народ вложил в него собственные черты. Но черты Ивана-дурака – не исключительно русское явление, подобные герои присутствуют в сказках множества народов. Модель сказки и ее элементы – мотивы, сюжеты, типы действий героев, мы будем рассматривать как ключи к пониманию основного смысла сегодняшней политической ситуа-

ции, используя их с учетом исторических изменений в характере героев и их действий, с учетом современного социокультурного контекста. Суть последнего можно определить как затянувшийся распад советского общественно-политического строя.

Черты ситуации распада общинной собственности, зафиксированные в сказке, в какой-то мере могут быть использованы для объяснения некоторых моментов нынешней ситуации – распада и дряхлеющего уже более двадцати пяти лет передела общегосударственной («социалистической») собственности. Герои сказки могут пригодиться для понимания персонажей современной политики. Сказочные роли хорошо распределяются: «Отец» – руководство «социалистического», а затем «капиталистического» государства, «старшие сыновья» – прежняя и нынешняя номенклатура, трансформировавшая функции распоряжения общенародной собственностью в функции владения ею, «младший сын» – народ. Сам народ (Иван-дурак) существенно меняется, часть его не прочь владеть частной собственностью, но другая часть пребывает в иллюзиях уходящего коллективизма. Роль оппозиции подобна роли «помощников» Ивана или «волшебных сил». Мы все время будем иметь в виду два плана анализа – реальный и сказочный. Сказочный план дает подсказки для реального через элементы мифов, заключающих в себе коллективное бессознательное – типичные схемы восприятия ситуаций, стереотипные, а значит наиболее вероятные ходы, решения, действия.

Е. Мелетинский указывает на комплекс правовых, социально-психологических и бытовых факторов, приведших к идеализации младшего сына. Эта типичная для сказки тенденция возникла в результате упадка минората и развития майората. «Принцип старшинства и увеличение роли старшего сына в большой патриархальной семье создают предпосылки для обездоливания младшего, особенно в случае распада семьи, когда старший сын легко становится узурпатором общинной семейной собственности (правовой майорат) [Мелетинский 2005: 95]. В условиях длительного разложения патриархальной общины минорат служил препятствием разделу семейной собственности. Русский минорат действовал при разделе наследства, ведущим к выделению частной собственности. В образе Ивана-дурака запечатлены ценности и представления, характерные для патриархального мировоззрения: равное распределение наследства или сохранение общей семейной собственности. Содержание многих сказок составляет борьба между старшим и младшим братьями за отцовское наследство, борьба индивидуального и общинного начал. Используя положение распорядителя в коллективном патриархальном хозяйстве, старшие сыновья завладевают большей частью семейной собственности и по-

степенно превращают ее в частную. И они, и частная собственность осуждаются в сказках, мораль и хороший конец сказки оказываются на стороне младшего, обездоленного сына, опекуна престарелых родителей, хранителя очага, обычаев, традиций и патриархальной морали. Иван-дурак по сути – прекраснодушный консерватор, сторонник общинной семейной собственности. «Малая семья в сказке – типическое обобщение большой патриархальной семьи, а разлад братьев символизирует окончательный разрыв родовых связей» [Мелетинский 2005: 126]. Семья, вокруг которой строится сюжет сказки, является моделью народа, или большинства общества. Герой сказки порожден конкретной социальной действительностью, но комплекс его характеристик стал основой для последующего развития персонажей искусства, социокультурных ролей и народной ментальности в целом.

В истории России периодически актуализируется – в виде дискурса о борьбе то с буржуями или олигархами, то с коррупционерами в нынешнее время, – мотив осуждения старших сыновей. Этот мотив напоминает о завладении «старшими» разными объектами общей собственности. В начале «перестройки» в качестве «старших братьев» стала осуждаться советская партийная номенклатура как распорядитель общей социалистической собственности, в конце 1990-х годов – олигархи, в 2000-е – коррупционеры. Поэтому вполне корректна, на наш взгляд, аналогия Ивана-дурака и «совка», хранителя общих «социалистических» ценностей. Современный Иван-дурак – человек, обездоленный реформами (приватизацией и т.п.) и поэтому ностальгирующий по советским порядкам.

Еще один инвариантный элемент сказки, имеющий отношение к нашему времени, – искание героем «иногo царства». Е. Н. Трубецкой выделяет следующие мотивы поиска «иногo царства» в сказке: уход от бедности к богатству и «подъем к чудесному над действительным» [Трубецкой 1990: 103]. Представления об ином царстве фиксируют желание героя уйти от бедности и обездоленности и найти страну с «молочными реками и кисельными берегами». «Иное царство» воплощает «идеал сытого довольства»: счастье – это «наесться, напиться и развеселиться». Сказка выступает в роли социальной утопии о достижении богатства без усилий, это мечта человеческой лени о «легком хлебе», «воровская утопия». Счастье в сказке достается лентяю и/или вору. Отсутствие действия и мужественности связано с «усыплением народного духа», русским фатализмом. Не правда ли, в современных представлениях значительной части россиян о счастье очень много от этого инварианта? Хотя бы «халява» для «совка»... Но есть и второе измерение «иногo царства» – это «влечение к пределу», находящемуся «между небом и землей», неизвестному, прекрасно-

му, волшебному. Подъем в «иное царство» осуществляется через озарение, самопожертвование, одухотворение, «на крыльях». Сопоставление двух измерений приводит к выводу, что в сказке одухотворяется и романтизируется «воровство», достижение блага любыми средствами.

Надежда на внезапное вмешательство чудесных сил и ее обратная сторона – «пассивность» или «бессилие героя» – одна из существенных черт образа Ивана-дурака. Е. Н. Трубецкой сравнивает образы богатыря в былине и Ивана-дурака в волшебной сказке. Богатырь совершает личный подвиг по доброй воле. Но он достигает успеха, когда решает исполнимую задачу. Образ Ивана-дурака воплощает беспомощность человека перед магическим, превосходящим человеческие силы, которое помогает ему выполнить «неисполнимую задачу». Очень просто: когда у Змея Горыныча до пяти голов, достаточно богатыря, но когда голов двенадцать, нужен Иван-дурак с его верой в сверхъестественное. От дурака требуется только «безграничное доверие, покорность и преданность той возвышенной силе, которая его ведет» [Трубецкой 1990: 116]. Отсюда «священное безумие», «вещий инстинкт», неведение, безрассудство, лень, неделание, глупость или высшая мудрость нашего героя. Сказка превозносит Ивана-дурака над богатырем, оправдывая слабость воли героя и отсутствие личной ответственности. Часто Ивана ведет «мудрая жена» («вещая невеста»), стремление к которой вдохновляет его на подъем в «иное царство». Она и воплощает «сказочную мудрость». Забвение жены, неблагодарность или неверность героя расценивается как настоящая беда. Е. Н. Трубецкой пишет, что в русской сказке воплощена женственность, «мистика пассивных переживаний человеческой души» [Трубецкой 1990: 117].

Иван обладает разными, порой не согласованными между собой чертами и свойствами. В одних сказках он доверчив, наивен, глуп, в других – человек с хитрецой и выдумкой; в нем переплетаются и пассивное, и активное – героическое начало, черты праведности и грешности, терпеливости и вспыльчивости. Среднего и умеренного маловато. В анекдотических сказках Иванушка часто изображается глупцом, совершающим нелепые, дурацкие поступки, случайно приводящие его к успеху. Прозвище «дурачок» выражает несправедливое недоверие старших и социально «высших» к способностям Иванушки. В сказочной философии есть несоответствие между внешним видом и внутренним содержанием героев. «Самое невзрачное, скромное, последнее, всеми презираемое существо – оно-то и обладает внутренней красотой. Это – общесказочный сюжет. Таков Иван-дурак, Иван Запечник, такова Золушка, такова гонимая всеми падчерица»; «... дурак и совершит потом сказочные подвиги. Он окажется бескорыстным героем, он освободит царевну, он достигнет величайшего счастья»

[Пропп 2008: 191, 245]. Момент преобразования дурака или падчерицы после всех испытаний важен как воплощение коллективной мечты о вознаграждении за внутреннюю красоту и установление соответствия между внутренними и внешними качествами.

В целом Иван-дурак – это положительный народный герой, как и Иван-царевич в эпических сказках. В волшебной сказке идеализация героя сочетается с иронией: он глуп с точки зрения его практических братьев, но по большому счету оказывается мудрым. Иванушка – тип демократического героя, «не подающего надежд», его образ выражает веру народа в силы простого человека и мечту о социальной справедливости и равенстве, но отражает и самоиронию народа. Непосредственность, близость к природе, стихийность и естественность, жалостливость, честность, христианские добродетели, крестьянская неподвижность, кажущаяся незаинтересованность в жизненных делах, покорность судьбе, терпение сочетаются в нем со сметливостью, интуицией, хитростью. В испытаниях герой, младший сын, проявляет отзывчивость, великодушие, душевную силу, благородство, любовь к отцу, сострадание к угнетенным, слабым, животным, и это вознаграждается. Старшие братья морально несостоятельны, они думают только о себе или награде. Младший сын – избавитель, когда спасает других, он не чувствует страха или сомнений. Герой заслуживает царевну, поскольку освобождает девушку от чудовища. Неслучайна и оснащённость героя волшебными средствами. Особое качество Ивана – хитрость (обман, одурачивание) как орудие слабого против сильного, становится способом взаимодействия с царем, государством, любыми антагонистами и героизируется в сказке.

Иван-дурак, как правило, действует не по собственной инициативе, он действует по чужой воле или будучи вынужденным обстоятельствами, куда-то и зачем-то его посылает отец (царь). Его воля всегда «нагружена» «социальным заказом» – тем, что нужно его семье или царю (власти). В этом залог его бескорыстия, доброты и отзывчивости. Он защитник, хоть и поневоле, и только когда «гром грянет» – в случае самой крайней необходимости. Но тут уж он развернется. Иван-дурак не рационален, а «задним умом крепок», и не либерал, а консерватор и антимодернизатор; склонность к новому в нем отсутствует, разве что радуют его подарки и обновки. Он вне и до политики, он дополитическое существо. Но удивительным образом Иван-дурак оказывается востребованным и в настоящее время, поскольку и в современной политике есть нечто более высокое и глубокое, чем борьба за власть или разногласия правых и левых. Это сама жизнь – жены, семьи, рода, общества. Эти ценности и глубинные смыслы воплощает и защищает Иван-дурак, это и есть его стержень.

Символы русской культуры показывают несколько иную по внешнему выражению, но сходную по главным смыслам общую картину истории России и ее отдельных эпох. Под царевной (невестой), которую в сказках похищают Змей или Кощей, мы будем подразумевать Россию. Для этого есть основания. Г. Гачев символически представляет Россию как «мать-сыру землю», беспредельную и аморфную: «Россия – огромная белоснежная баба, расплзающаяся вширь» [Гачев 2008: 206]. Мужское начало должно о-пределить ее аморфность границами. «Природина, Россия-Мать рождает себе сына – русский Народ, что ей и мужем становится»; «Его душа – нараспашку»; «он легок на съем в путь-дорогу дальнюю»; «Русский народ – СВЕТЕР: гуляет «где ветер да я», летучий, странник и солдат, плохо укорененный; «неважно он, такой беглый, пашет свою землю, как мужик бабу, – по вертикали, так что его даже пришиливать приходилось крепостным правом... Потому второго Мужа России понадобилось завести (уже не как Матери-Родине, а именно как Женщине-жене)» – Чужеземца огненного»; «Народ свой, родимый, любимый, да больно малый да шалый. Недодает жара»; «Вынуждена Россия варяга приглашать на порядок-форму и закон...». Далее Г. Гачев делает выводы: «...в Русском Космосе три главные агента истории: Россия = Мать-сыра земля, а на ней работают два мужика: Народ и Государство-кесарь. И оба начала ей необходимы. Народ – это тот малый, что протягивается по горизонтали... Но – бегл, не сидит на месте. Потому и понадобилось жесткое начало власти, формы, порядка... Народ=воля, а Государь (ство) = закон. Меж ними распялена Психея, душа русской женщины»; «...У народа и Государства разные темпоритмы во Времени. Народ тяготеет к натуральному развитию медленным шагом времени...»; «Так и сложилось веками, что русский человек свыкся трудиться не столько движимый своей охотой к зажиточности (он привык довольствоваться малым, как и свойственно мудрому: Сократу, Декарту и Ивану-дураку), но исполняя наряд организующей воли Державы»; «Логос русского народа – песня, поэзия, мат, блатной язык – и безмолвие»; «Модель-схема Русского космоса – “путь-дорога”» [Гачев 2008: 208–212]. На наш взгляд, в философии Г. Гачева обобщены черты ментальности россиян, которые наиболее пронзительно выражены в образе Ивана-дурака, а также представлены основные смысловые линии взаимоотношений между Россией (населением, в котором сильно женское начало), государством (царем) и мужским населением (Иваном-дураком).

Характер главного героя сказки и ее канон выражает первобытное мировоззрение народа, «бессознательную жизненную философию», «идеалы далекого прошлого» [Пропп 2008: 218]. Все это до сих пор составляет наше коллективное бессознательное. Опыт, мировоззрение,

идеалы прошлых поколений, выраженные в любимых героях сказки, в ее композиции и логике развития сюжета, создают культурную матрицу, которая становится основой социализации новых поколений и определяет усвоение ролей сына, мужчины, отца, мужа. Эта матрица сохраняется в общественном сознании на протяжении многих веков, ее инвариантные элементы актуализируются в социальном и политическом поведении людей.

Иван-дурак живет чужой силой, которая вмешивается в его жизнь и помогает ему. Поэтому в его характере проявляется взаимосвязь зависимости от случая (или волшебных сил) и внутреннее бессилие. Фантастические силы – носители коллективной (общинной) справедливости, родовых идеалов, в них запечатлелись и патриархальные иллюзии. «Чудесные силы в сказке являются фантастическим воплощением сил коллектива» [Мелетинский 2005: 215] и выражают веру в победу справедливости, а счастливый конец – выражение гуманистического оптимизма. В этом заключается надежда и для нас – самоорганизация и солидарность хитроумных «Иванов-дураков», устремленных к «общему благу», может стать средством решения проблем.

Логическую структуру сказки вычленил В. Я. Пропп, представив ее как последовательность функций действующих лиц [Пропп 2009: 25–56]. Развитие сюжета сказки мы попробуем сопоставить с развитием политического процесса в целом, а ее отдельного элемента – с сегодняшней ситуацией как конкретного этапа всего процесса, сочетание ходов в сказке будет моделью возможной последовательности действий политических субъектов. Разные варианты сказки можно представить как разные сценарии развития политической ситуации. Тридцать три приведенных В. Я. Проппом функции мы обобщим до самых основных и сразу представим их аналоги в современной политике. *Отлучке*¹⁷, при которой разлучаются старшие и младшие, сильные и беззащитные, в реальности может соответствовать отъезд главы государства, официальный визит. *Запрету*, в сказке означающему «не ходи в лес» или «не заглядывай в чулан», в политике находится эквивалент «не высывайся» («никакой самостоятельности» или «инициатива наказуема»). «Запретом» является действие власти (закон, указ), ограничивающее свободу и самостоятельность народа. Закон может носить название «О политических правах граждан...», но содержать серьезные препятствия для реализации этих прав и политической субъектности населения. Фактически это предписание быть лишь исполнителем вышестоящей воли. *Нарушение запрета* главным героем влечет

¹⁷ Жирным курсивом мы будем выделять основные функции героев сказки.

за собой *действия вредителя*. Аналогии в современной политике необходимо искать с осторожностью и конкретно, не путем поиска виновника (врага), а с учетом комплекса факторов, совокупный эффект действия которых может привести к непредсказуемым последствиям. Однако необходимо и установление личной ответственности лиц, решения или действия которых имеют отношение к обострению проблем общества. «*Вредительством* открывается завязка» [Пропп 2009: 29]. Вредитель (антагонист) обманывает жертву и наносит ущерб семье путем похищения (невесты) или хищения, отнятия, околдовывания или подмены. Глава государства вместо какого-нибудь Кощея похищает «невесту» (Россию) или обманывает ее ожидания: демократию замещает квазидемократией, имитирует свободу, равенство, справедливость, честность, доступ к власти, самостоятельность, волю, собственность, присваивая таким образом абсолютно все ресурсы общества.

В завязке сказки можно выделить противоречие, образованное парой функций героев сказки и выражающее их логическую и причинно-следственную связь. Оно задает динамику сюжета и является культурным инвариантом, способным актуализироваться и сегодня. *Недостача* (дефицит) чего-либо как следствие хищения или иного способа нанесения ущерба – это беда, несчастье. Реальным аналогом беды выступает экономический или политический кризис и его последствия, аналогом хищения или подмены – ложное удовлетворение общественной потребности, например, несправедливая приватизация любых ресурсов страны и порождаемые ею бедность, социальное неравенство и т.д. Нынешняя политическая ситуация определяется нерешенностью социальных проблем в рамках существующей политической системы, наличием не удовлетворяемых общественных потребностей.

С функции *Осознание недостатчи* начинается поиск волшебного средства для ликвидации беды. В современности отсутствие или ограничение политических прав как средств преодоления кризиса герою тоже необходимо осознать. Все вписывается в алгоритм сказки. Следующая функция и этап развития ситуации – *герой начинает действовать*, герой (участник политических событий) начинает предпринимать какие-либо действия либо в качестве искателя, либо в качестве «пострадавшего героя», жертвы. Затем герой отправляется на поиск осознанной недостатчи и *встречает Дарителя*, который испытывает героя и в зависимости от его качеств и действий награждает или наказывает. Если герой проходит испытание успешно, ему предоставляется волшебное средство. Следующая функция – «*герой и антагонист вступают в борьбу*» – может осуществляться в разных формах. Политические реформы, протесты или револю-

цию можно представить как разные формы и методы борьбы героя и антагониста. Фазами борьбы могут быть протест героя против мер антагониста, скрыто похищающего права, и репрессии со стороны антагониста как реакция на действия героя. В реальной политической ситуации существует проблема: кого считать подлинным героем – власть, оппозицию или народ? Народ, он же Иван-дурак, может быть частью и власти, и оппозиции. В этом и заключается политическая интрига.

Сказка заканчивается осуществлением функции **Победа героя и ликвидация беды** (нехватки). Разрешение кризисной ситуации тоже предполагает ликвидацию какой-либо «беды» – коррупции, несправедливости, несвободы, или дефицита – демократии, честных выборов, эффективного государственного управления. Такому варианту ликвидации беды, как изгнание жертвы в современности соответствует исключение тех или иных социальных групп или общественно-политических объединений из политического процесса, ограничение или лишение этих групп политических прав, например при фальсификации результатов на выборах.

Но иногда сказка продолжается и начинается новый цикл действий. У героя похищается только что обретенная невеста или волшебные средства (**Хищение**), вновь возникает функция **Недостача**. В сказке старшие братья могут присвоить добычу, убив (околдовав) героя. В современности аналоги этому – присвоение прибыли или передел собственности. В сказке герой ликвидирует одну беду (недостачу) в «частной» жизни его семьи. В реальной политической ситуации «беды» (кризиса) проблемы носят публичный и общезначимый характер. Следующая функция в длинной, многоходовой сказке – **Ложный герой предъявляет необоснованные притязания** – на царевну и/или царство. В нынешней жизни такое встречается довольно часто, это почти социальная норма. Настоящий герой, спасенный с помощью волшебных существ или средств, **возвращается неузнанным домой**. Но прежде он должен снова пройти испытания – в виде **решения трудной задачи**. Для современного героя трудной задачей является решение общественных проблем, например, путем свободного выражения мнения о реальных фактах, отличающегося от публично высказанной официальной точки зрения, или путем участия в честных выборах. Подобно тому, как в морском царстве герою необходимо отличить и выбрать царскую дочь из нескольких похожих девушек, так и на выборах в нынешней России избирателю приходится выбирать из кандидатов с идентичными программами, а то и голосовать за лиц, уже «назначенных» в депутаты. Но как решить общественные проблемы в таких обстоятельствах? Эту **трудную задачу** наш Иван-дурак пока не решил, но остановился перед ней. Дальше в сказке следуют такие функции, которым в реаль-

ности аналогов пока не находится: *Подлинного героя узнают; Ложный герой изобличается; Герой преображается; Враг наказывается; Герой вступает в брак и воцаряется.*

В реальности герой может потерпеть неудачу в ключевые моменты политического процесса, не выполнив этих функций. Тем не менее, можно поразмышлять, что же настоящий герой должен сделать, чтобы реальная политическая ситуация разрешилась благополучно? Исходя из логической структуры сказки, можно строить сценарии позитивного, негативного и неопределенного, стагнирующего развития ситуации. Вопрос о характере наиболее вероятного поведения большинства населения в ситуации экономического и политического кризиса разбивается на ряд вопросов теоретического и практического характера. Каковы основные политические акторы в сегодняшней политической ситуации? Анализируя думские и президентские выборы 2011–2012 годов, Л. Гудков писал, что у нас существует два народа: первый – это люди, воспринимающие выборы как формальный ритуал; второй народ – те, кто стремится к честным, действительно альтернативным выборам, люди «с Болотной площади» [Президентские выборы...]. Типу Ивана-дурака – глупца находится место среди первого народа. В другом исследовании российское население делится примерно на три основных слоя – твердые путинцы (около 20 %), твердая оппозиция, или креативный класс (20-25 %), колеблющиеся (55-60 %) [Россияне... 2012]. Общество остановилось перед необходимостью выбора, но не делает его, оно «зависло» между протестной активностью, которая в случае обострения экономического кризиса может привести к революционной ситуации, и инерционностью большинства населения. Консервативная позиция правящего класса вполне ясна, он стремится сохранить политический режим, экономический статус и монополию на ресурсы общества. Мобилизация части населения на выборах, осуществленная манипулятивными способами, позволяет политической элите провести выборы уже несколько циклов подряд и осуществить формальную легитимацию собственной власти. Оппозиция подвергает критике легитимность выборов и власти, выдвигает требования к правящей элите, но одной ей в нынешнем ее состоянии не справиться с режимом. Значит, перспективы и власти, и оппозиции зависят от политического поведения колеблющегося и ускользающего большинства населения, подобного герою русских сказок. Оно может склониться на ту или иную сторону, а может повести себя непредсказуемо и стихийно, вызвав последствия в масштабах всей политической системы. Таким образом, есть три основных участника политической ситуации: два активных – правящая элита, включаю-

шая системную оппозицию, внесистемная оппозиция, и один пассивный – большинство населения.

Политическое поведение россиян во многом определяется установками массовой психологии, сформировавшимися в ходе российской истории и культуры. У нескольких поколений большей части россиян отцы гибли на войнах или лично не воспитывали детей. Зато политические системы поставляли им неистинных отцов – царей-батюшек, генсеков, президентов. Подставные отцы, отцы-имитаторы, как правило, запутывают сознание мальчишек-сирот, бросают им в душу негативный эдипов комплекс, задают не самостоятельные роли, порождают либо солдат, либо «людей вольных» (воров), либо инфантилов, периодически впадающих то в апатию, то в агрессию. Это объясняет некоторые черты значительной части современных мужчин, которые не идентифицируют себя с родителем своего пола и не усваивают роль самостоятельного человека, обладающего свободой воли и ответственностью за свои поступки. Возможно, это плата потомков за несколько поколений господства политических систем, основанных на социальном сиротстве и образе общего (подставного) отца. Исключением не является и нынешняя политическая система, в которой президент имитирует идеального отца и мужа для миллионов неполных семей. Последствия такого социального обмана и действия системы циничной имитации уже сказываются в асоциальном и аполитичном поведении множества наших современников. Система утверждает социально-политический порядок, основанный на монополии власти-собственности-финансов, насилии и имитации многих явлений – единства нации, демократических институтов, культурных ролей, религии, морали и нравственности.

В русской сказке выполнять трудное задание Ивана посылает отец и/или царь. Куда посылает свой народ наш сегодняшний квазиотец? Во имя каких целей мобилизуется та или иная часть населения? Звучит дискурс «геополитических интересов России»... Но по сути, народ мобилизуется на охрану власти-собственности бюрократическо-олигархической элиты или на приумножение этой собственности путем экспансии – на «маленькие победоносные войны», призванные также отвлечь от проблем внутренней политики. Есть основания полагать, что это целенаправленная политика ослабления мужского начала в населении, начала, нацеленного на конструктивное созидание и преодоление социальных проблем внутри страны. Сыновья, побывав солдатами (Афган, Чечня), брошенными защищать квазигосударственные (номенклатурные) интересы, составляют значительный слой представителей силовых структур и охранников, ведущих образ жизни, не способствующий развитию экономики или нор-

мальной социализации их детей. Другая часть сыновей ушла в «разбойники». Функции обеих частей зачастую невозможно отличить друг от друга. От этих слоев населения трудно ждать участия в экономической или политической модернизации страны.

Важно учитывать социально-психологические последствия этой системы имитации любых позитивных явлений и ценностей – как архаических, традиционных, так и современных. Апатия и пессимизм большинства населения обесмысливают любые усилия, направленные на достижение значимых социальных целей. «Все бесполезно!» – внушает нам официальный дискурс, и значительная часть населения отзывается на это, смакуя случаи коррупции и беспредела, заражая друг другом недоверием, скептицизмом и фатализмом. Это прямой результат воздействия авторитарного политического режима и официальной пропаганды, жонглирующей любыми понятиями и ценностями, результат целенаправленных манипуляций общественным мнением. Горько сознавать, что наши старшие дети (30–35 лет) принадлежат к поколению «полного ценностного безвременья» и социальной пассивности, дети 22–25 лет – «к тяжелому поколению без каких-либо социальных устремлений», а младшие (16–21 год) – к «поколению голых задниц», амбициозных и энергичных, но не способных отличить главное от второстепенного, доброе от злого [Игрицкий 2012: 131–132]. Значит, на смену поколений трудно надеяться. Однако внешнюю апатичность людей ряд исследователей оценивает как сознательный отказ российских граждан от политической активности, как признак невозможности реализовать свои чаяния в нынешних условиях. Это «отложенное политическое поведение». Отчуждение от политики здесь «выражает накопление неудовлетворенности и негативной политической энергии, взрывоопасной и разрушительной» [Конфликты... 1999: 168].

При каких условиях и в какой момент народ захочет или вынужден будет непосредственно участвовать в политике? Возникают опасения: не будет ли это «русским бунтом» в качестве ответа на кризис? Среди исследователей нет согласия в оценке уровня социальной и политической напряженности в настоящее время. Многие пишут о нежелательности социальной революции, о том, что время революций прошло. Однако в общественном сознании распространены тревожные ожидания социальных последствий экономического кризиса, усиления протестных настроений и действий. Взгляд на меры профилактики революции со стороны власти показывает: серьезные политические и социальные реформы, способные решить острые проблемы общества, власть проводить не собирается, наоборот, в ответ на протест власть предпринимает неадекватные действия – вместо мер по смягчению последствий экономического кризиса власть ор-

ганизовывает репрессии в отношении гражданских лидеров и социальные провокации, ограничивает возможности для социальной и политической самоорганизации, включает имитационные и манипуляционные технологии и механизмы, усиливая риски, вероятность эскалации конфликтов на национальной и религиозной почве, социальную напряженность. Народ так и остается с нерешенными социальными и политическими проблемами, остроту которых манипуляциями можно заглушить лишь на короткое время. Значит ли это, что революция или социальная катастрофа неизбежны? Противостояние власти и оппозиции устойчиво. В этих условиях все более важным становится вопрос о том, чью сторону примет колеблющаяся часть населения? Власть или оппозиция смогут мобилизовать и активизировать эту часть общества? Власть, вероятно, легче иметь дело с «Иваном-дураком – глупцом», оппозиции ближе тип «мудрого» Ивана-дурака. Как поведет себя народ в ситуации, когда власть рассматривает лидеров и активистов оппозиции в качестве экстремистов и не допускает возможности переговоров и компромиссов? Это проблема психологии массового политического участия. В ней есть архетипическое, бессознательное, – наш Иван-дурак, но есть и современные смыслы. Внесистемная оппозиция взывает к потенциально активной части общества в целях изменения нынешнего политического порядка, предлагает новые методы и технологии политического участия, часть молодежи подхватывает и развивает их. Но степень сочетания архетипического и современного в возможном политическом участии населения вычислить сложно, как и степень изменений и наслоений в архетипическом. За влияние на разные части колеблющегося большинства и идет политическая борьба. От того, на чью сторону склонится значимая часть большинства населения, зависит вектор развития политической ситуации в сегодняшней России.

Доминирующим субъектом в данной политической ситуации является правящая группировка. Однако эффективность государственного управления большинство экспертов оценивает как весьма низкую. В политологии давно известен парадокс: рано или поздно наступает момент, когда средства манипуляции перестают действовать и в дело вступают массы. Поведение масс зависит от очень многих факторов, один из важнейших – зрелость оппозиции. Сказка и тут дает кое-какой ответ: Ивану-дураку нужен «помощник» (советчик), которому бы он поверил и пошел за ним. «Помощник» (один или команда) в категориях сказки – это «чудесные силы» и/или «мудрая жена». Оппозиция может попытаться изобрести способы легально обыграть власть по типу способа Ивана-дурака. Реальный «помощник» должен обладать сильной мотивацией к решению острых социальных проблем и прочным нравственным авторитетом, по-

ниманием средств решения проблем, энергетическим потенциалом, профессионализмом, способностью показать Ивану путь, лежащий не через бунт или революцию, а через легальные процедуры, партии и выборы. Это ставит перед оппозицией и населением ряд серьезных требований. Часть большинства населения, способная примкнуть к конструктивной оппозиции, – сам «Иван-дурак», должна расстаться со многими «сказочными» качествами. Это означает, что Иван-дурак как социальный тип уйдет с большой сцены – политической сферы общества, и останется лишь на очень малой. Выбор за Иваном-дураком: если он хочет позитивных изменений, он должен измениться сам, перестать лежать на печи и мечтать о добром царе.

В силу традиционной ментальности, усиленной воздействием официальной пропаганды, ориентирующей на сохранение нынешнего политического режима и нынешней власти, средний россиянин пребывает в унынии по поводу будущего. Он не доверяет официальным институтам власти, после парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг. его вера в первое лицо государства то взмывает вверх под воздействием прямой пропаганды, то снижается при столкновении с последствиями внешней и внутренней политики этого лица. Он скептически относится к оппозиции – и системной, и внесистемной, и находится в состоянии апатии и нежелания ни в чем участвовать. Удар по чувству собственного достоинства, нанесенный циничной рокировкой «тандема», задел часть «среднего класса» Москвы и крупных городов, развернулись митинги и демонстрации.

Завершается этот цикл противостояния власти и оппозиции: распространение протестного движения – подавление его лидеров и активистов. Впереди другие циклы обострения и спада экономических и политических кризисов. В условиях очередного кризиса важным станет настроение и политическое поведение не «среднего» класса, а верхней и средней части «низшего» класса. Именно этой части соответствует тип Ивана-дурака, или «совка», в ней он сохраняется как культурный образец, как набор стереотипов восприятия и поведения. Численности «среднего» класса может не хватить для успешного для населения разрешения политического кризиса и реальной модернизации политической системы. Нужна поддержка со стороны средних низов. «Иван-дурак» в замешательстве, его настроение неустойчиво и может резко и внезапно изменяться от наивности и доверчивости к цинизму, апатии или агрессии. Вызов со стороны внешнего врага – угроза жизни семьи-рода-населения страны – до недавнего времени отсутствовал. Однако, зная «Ивана-дурака», «старшие братья» способны создать иллюзию внешней угрозы. Возможно, политика группы, правящей от имени российского государства, в период 2014–2016 гг. – Крым,

Сирия, антисанкции, информационные войны со всем миром, помимо стремления к возврату имперских границ, экспансии, увеличения территорий и собственности, служила и этой цели.

Полного понимания внутреннего источника угрозы для нормальной жизни Ивану-дураку не хватает, но он должен выявить обман и имитацию. Население почти не проявляет себя в публичном пространстве, поэтому, несмотря на социологические исследования, не вполне ясно, понимает ли он, в чем причины общественных проблем, кто его «антагонист» и «похититель» его «невесты», с кем ему надо бороться и как? Это действительно сложно, поскольку, в отличие от сказки, в реальности сам «отец» (и властвующие группы, стоящие за ним), посылает Ивана-дурака спасать «невесту» – Россию, будучи ее «похитителем» (приватизитором)! Вот и становится актуальным мотив оборотней и подмен. В роли современного «Отца» (Государства) может оказаться Кощей, подменяющий «свое» – для населения – царство на «свое» – для корпорации силовиков и чиновников.

Мотив «трудной задачи» тоже роднит сказку и реальную политическую ситуацию. Ликвидация беды в современной политике – это удовлетворение потребности в нормальном развитии общества посредством установления эффективного политического режима. В ходе решения «трудной задачи» находится истинный герой. По способу преодоления беды существует два типа сказок – развивающиеся через мотив боя и посредством решения «трудной задачи» [Пропп 2008: 211]. Оба способа могут совмещаться в одном тексте, тогда сказка образует два хода: первый через бой, второй – через трудную задачу. Бой героя с антагонистом (Змеем, Кошеем) вызывает ассоциации непосредственного силового столкновения, бунта, революции. Современному «Ивану-дураку» придется сделать выбор между пассивностью и борьбой и между разными ее формами и способами, определить, надо ли держать «бой» с «отцом-оборотнем» или стоит разрешить «трудную задачу» с помощью хитрости (ума). «Убив» царя и разрушив «ненавистный режим», можно столкнуться с невинными жертвами и другими непредсказуемыми последствиями. Третья опасность – доверие к «ложному герою»: в современной политике такой широкий арсенал политических технологий, что Ивану трудно разобраться в том, кто здесь настоящий, а кто ложный герой, где истинный, а где ложный путь.

Суть «трудной задачи» – как создать условия для мирного разрешения кризиса и конструктивного политического развития, учитывая, что власть отвергает обратную связь с обществом, не стремится знать суть общественных проблем, не идет на компромиссы и уступки? Для Ивана-дурака разрешить «трудную задачу» – значит выдержать испытания, для

современных россиян это задача добыть «общественное благо», установив справедливый политический, правовой и социальный порядок. В какой политический процесс выльется наша политическая ситуация – одноходовый или двухходовый? Что выберет Иван-дурак – силу или хитрость? Если он расстанется со своим инфантилизмом и изобретет нечто среднее – «умную силу», тогда все произойдет, как в сказке – разоблачение и наказание ложного героя и «брак на царевне и воцарение» настоящего героя. Лишь бы не сбежал, не ускользнул он от решения «трудной задачи».

Наша нестрогая культурологическая фантазия как метод вживания в данную ситуацию приводит нас к выводам о том, что среди установок большинства населения много таких, которые вычитываются из образа Ивана-дурака в русской сказке. Это следующие черты и представления: поиск иного царства как желание перейти из бедности в богатство, подъем в неизведанное (стремление уйти из реальности разными способами, от интернета до любви к фантастике, социальный утопизм, стремление к справедливости и равенству, пассивность и вера во вмешательство сверхъестественных сил (ослабленная негативная вера), зависимость от чудесного (общества или сакрализованного государства) и собственное бессилие.

Исход сегодняшней политической ситуации серьезно зависит от поведения неактивного большинства населения, от его политической культуры, мотивов и установок. Но последнее, в свою очередь, может зависеть от некоего слабого влияния со стороны какого-либо общественного лидера, который сможет переломить массовую апатию и фатализм и вдохновить хотя бы часть населения на преодоление политического кризиса. Как говорил И. Валлерстайн, «в периоды всеобщего беспорядка значимым может оказаться даже самый слабый толчок» [Валлерстайн 2004: VII].

Литература

Бартошек М. (1992). Римское право. Понятия, термины, определения. М.

Бердяев Н.А. (1991). Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М.

Брокгауз–Эфрон (1898). Энциклопедический словарь. Т. 9. СПб. : Издат. дело, Брокгауз–Ефронъ.

Булгаков С.Н. (2001). Православие. Очерки учения православной церкви. М.

Валлерстайн И. (2004). Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.

- Вебер М. (1990). Избранные произведения. М.
Власть, бизнес и гражданское общество (2003) : Материалы дискуссий. М.
- Галюкова М.И. (2007). Профессиональные преступления медицинских работников: современное состояние проблемы // Криминолог. журн. № 3-4.
- Гачев Г.Л. (2008). Ментальности народов мира. М.
- Гудков Л.Д. (2016). Парадоксы социальной структуры в России // Вестн. обществ. мнения. № 1-2 (122).
- Гудков Л.Д., Дубин В. (2005). Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. Т. 9, № 2 (29).
- Гудков Л.Д. (2011). Абортивная модернизация. М.
- Гуревич А.Я. (1989). Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М.
- Даль В.И. (1998). Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.
- Закатнова А. (2007). Курс начинающего либерала // Рос. газ. 15 марта.
- Зверева Г. (2005). Националистический дискурс и сетевая культура // Pro et Contra. Т. 9, № 2 (29).
- Игрицкий Ю.И. (2012). Повседневная Россия // Полит. наука. № 1.
- Карсавин Л.П. (1994). Путь православия // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб.
- Карташев А.В. (1991). Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т. 1. М.
- Качкаева А. (2016). «Национальное достояние» «нации телезрителей»: трансформация российского телевидения (2014-2016 гг.) // Вестн. обществ. мнения. № 1-2 (122).
- Ким Е.П., Михайличенко А.А. (2007). Состояние и структура криминальной смертности в России и некоторые проблемы ее предупреждения // Криминолог. журн. № 3-4.
- Киреевский И.В. (1852). О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Моск. сборник. М. Т. 1.
- Киреевский И.В. (1861). Полное собрание сочинений. Т. 1. М.
- Конфликты в современной России (1999) : (проблемы анализа и регулирования). М.
- Левада Ю. (2006). Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестн. обществ. мнения. № 2 (82).
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. (1977). Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопр. лит. № 3.

- Мелетинский Е.М. (2005). Герой волшебной сказки. М. : СПб.
- Мифологизация комплексов национальной неполноценности (2008)
// Вестн. обществ. мнения. № 6.
- Михайловский Н.К. (1897). Письма о правде и неправде // Михайловский Н.К. Сочинения. СПб. Т. 4.
- Общественное мнение-2015 (2016). М.
- Паин Э. (2016). Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания // Вестн. обществ. мнения. № 1-2 (122).
- Президентские выборы в России 2012 (2012) : постэлекторальный анализ [Электронный ресурс].
- Пропп В.Я. (2008). Русская сказка. М.
- Пропп В.Я. (2009). Морфология волшебной сказки. М.
- Россияне о прошедших выборах и перспективах протестного движения (2012) [Электронный ресурс].
- Словарь русского языка (1981). В 4 т. Т. 1. М.
- Советский энциклопедический словарь (1989). М.
- Соловьев Э.Ю. (1991). Прошлое толкует нас. М.
- Степанов Ю. (2001). Константы: Словарь русской культуры. М.
- Страхование жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним [Электронный ресурс].
- Трубецкой Е.Н. (1990). «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Лит. учеба. № 2.
- Успенский Б.А. (1979). Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря Афанасия Никитина») // Вторичные моделирующие системы. Тарту.
- Федотов Г.П. (1991). Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 1. СПб.
- Флоровский Г. (1991). Пути русского богословия. Вильнюс.
- Халем Ф. фон. (2002). Историко-правовые аспекты проблемы Восток-Запад // Вопр. философии. № 7.
- Хантингтон С. (2004). Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.
- Хованская А.В. (2001). Достоинство человека: к либеральной стратегии права для России // ПОЛИС. № 4.

ГЛАВА 4. «ПАССИВНОЕ ГРАЖДАНСТВО»: ПРЕДЕЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЯН

4.1. Проблемы политической социализации россиян

Серьезное значение для политической социализации новых поколений людей имеет проблема слабой позиции отца в семье, обществе и государстве в современной России. Непросто дать глубокий и всесторонний анализ исторических и социокультурных причин размывания социального института отцовства. Констатируя эту тенденцию, попытаемся выявить хотя бы некоторые из множества ее психологических, социальных и политических последствий. Применимость методологии и результатов психоанализа к проблеме социализации обосновывать нет нужды, в политической психологии и в политической науке в целом психоанализ представляет собой одно из важных направлений исследований, касающихся поведения и психики политических лидеров, социальных групп и масс. Есть работы, детально рассматривающие проблему соотношения психологии, социологии и политологии, и выдвигающие тезис о психологии как фундаменте этих двух наук [Фишман 2004: 56].

Известны данные статистики и социологии о плачевной демографической ситуации в России, снижении рождаемости, увеличении числа разводов и неполных семей. Кризисы – демографический, семьи, отцовства, личностной и социальной идентичности, морали и нравственности, – зафиксированы в научной литературе. Специалистам понятен и вывод о социальных и психологических патологиях (преступности, насилии, детской агрессивности, распаде семьи, разного рода зависимостей, плохой успеваемости, психических расстройствах, самоубийствах и т.п.) как следствии распространения безотцовщины. Эту проблему можно рассматривать в контексте морального коллапса в современном мире и России и его связи с политической ситуацией, с перспективами развития утопий и идеологий, морали, нравственности и правового сознания [Мартьянов, Фишман 2010; Фишман 2011].

Но на нее можно посмотреть и с иных позиций. Кризис института отцовства И. С. Кон рассматривает как важный аспект трех взаимосвязанных процессов – кризиса семьи, маскулинности и власти [Кон]. Правда, с оценкой политических аспектов кризиса власти со стороны И. С. Кона можно поспорить. Он писал, что в демократических странах граждане являются политическими сиротами, привыкшими жить без «отца» как вождя

и защитника. Все дело в том, какой смысл имеет выражение «политические сироты». На наш взгляд, И.С. Кон не вполне корректно переносит характеристики российской ситуации на европейский контекст. Да, единственного вождя граждане западноевропейских государств были лишены, однако это является скорее благом, поскольку мужчины, отцы семейств к концу XIX – началу XX веков обрели политическую автономию и конституционные права и свободы. «Мультипликация авторитаризма» отцов как обратная сторона ограничения абсолютной власти монарха выступает в истории Европы одним из элементов модернизации и демократизации. Полная власть отцов над домочадцами в частной жизни стала основой развития политического самосознания и усвоения ими новой публичной роли.

Как развивался институт отцовства в России? В советское время был нанесен серьезный удар по авторитету отца в семье, обществе и культуре. История, идеология, механизмы и технологии данного процесса – тема отдельных исследований. А. Левинсон описывает важнейшие трансформации, произошедшие в семье, частной и публичной сфере, соотношении мужского и женского в период становления и развития советского строя. «Государственная система детских учреждений, учреждений здравоохранения, образования частично разделили между собой функции семьи, исполнявшиеся женщиной-матерью, приняли на себя задачи социализации. Огосударствление личных внутрисемейных... отношений было совершено в национальных масштабах, то есть поголовно, как это свойственно тоталитарному государству... Произошло прорастание семьи в государство, а государства в семью» [Левинсон 2011: 139]. Государство заменило хозяина-мужчину, каким он был в традиционной семье, но лишило его возможности полноценно исполнять отцовскую функцию социализации детей.

Каковы последствия замены отца государством? Во-первых, государство стало заместителем хозяина, отца и мужского в целом. Произошло это в силу множества причин – систематической экспансии Российской империи, колонизации пограничных и внутренних регионов, революций, войн, репрессий, коллективизации и т. д. Сокращение количества мужчин в результате систематической мобилизации их государством на внешние и внутренние войны, «освоение пространств», индустриальное строительство и т.п., мобилизации, не обеспеченной элементарными условиями жизни, – вот «цена» советской модернизации, сказывающаяся до сих пор. Во-вторых, Сталин с помощью силовых структур провел операцию персонификации власти, самовоздвижения на вершину государства. Он стал вождем, устранив не только «ленинскую гвардию», но и потенциальных поли-

тических конкурентов. Это стало способом экспроприации им целого государства как хозяйства, собственности и инструмента тотального господства над подданными. Идеологическим и культурно-символическим способом легитимации концентрации власти в одних руках стало присвоение им роли «отца всех народов». Истощение сил и энергии мужского населения – это одна из социальных технологий власти, способ предотвращения социального недовольства и напряжения. Посредством такой политики И. Сталин фактически лишил всех рядовых граждан мужского пола не только экономической роли самостоятельных хозяев или работников и политической автономии, но даже символического значения отца в собственной семье. Произошла двойная рокировка: государство отобрало многие функции у физических отцов, а Сталин сделал своей собственностью государство. Но стал не подлинным, но мнимым отцом.

Механизм обожествления, создания культа «отца», и цель, ради которой это делается, на примере культа Ленина, показывает С. Московичи. Культ личности Ленина, созданный Сталиным и другими их сподвижниками, перешел на «создателей» этого культа – руководителей партии, а потом, после специальной работы, на одного единственного вождя. С. Московичи описывает, как Сталин, уничтожая собственных конкурентов в борьбе за наследство Ленина – власть, пожирает биографии всех «свидетелей революции». «Поднявшийся на позицию единственного великого человека революции, он становится узурпатором вдвойне: узурпатором своих «братьев», или товарищей, и узурпатором Ленина, который хотел отстранить его от своего наследия. Он провозглашает себя образцом, которому каждый должен следовать и повиноваться, как своему отцу». Он похищает даже любовь, которую массы испытывали к старым революционерам. «И когда любовь становится осиротевшей, массы ее переносят на него» [Московичи 1999: 442]. Попутно И. Сталин переписывает историю революции, переплавляя «коллективную историю в биографию одного человека, ее божественного демиурга» [Московичи 1999: 444].

И. Сталин присвоил роль Бога-отца – «отца народов», создав собственную светскую религию и культ. Но свержотец – это всегда псевдоотец. Д. Ранкур-Лаферриер выявляет роль жестокого отца и слепо любящей матери в формировании психики Сталина, а также механизмы перенесения «личных мотивов с объектов семьи на объекты общества» [Ранкур-Лаферриер 1999: 501]. Интересно и то, каким образом компенсацией чувства неполноценности для Сталина стало идеализированное «Я». С ощущением себя жертвой, сформировавшимся в детстве, Сталин справлялся с помощью садизма. «...он снова и снова был своим жестоким отцом, а не своей бедной матерью, не самим собой... Его отождествление с агрессивно-

ром достигало завершенности во время совершения садистского акта». Садизм, мстительность и мегаломаническую жажду власти Сталин компенсировал отнюдь не в своей фантазии, но в реальной жизни. Главным источником этих качеств личности Сталина Д. Ранкур-Лаферриер считает не «ущемленный нарциссизм Сталина и его последующую социопатию, а плохие отношения с родителями (особенно с отцом)» [Ранкур-Лаферриер 1999: 518]. Известна зловещая роль И. Джугашвили и в отношении собственных детей. Отождествление Сталина с Иваном Грозным, другими жестокими русскими царями, и даже с Гитлером – еще один психологический механизм, общий для становления деспотических правителей в России. Э. Эриксон раскрывает сходные механизмы формирования патологических нарушений в психике Гитлера. Здесь тоже негативную роль сыграли болезненные отношения юного Адольфа с отцом, пьяницей и тираном, и матерью, прощающей отца и «предающей сына» [Эриксон 1999].

Фигура Сталина отсылает нас к первому в русской истории квазиотцу – Ивану Грозному. Психоаналитический подход (наряду с прочими) позволяет высветить фактическую, а не мифо-идеологическую роль этого царя в российской истории и культуре. Речь идет о психоисторическом «вкладе», «следах» его деятельности, архетипах коллективного бессознательного, осевших в социально-психологических установках индивидуальной (политические лидеры) и коллективной (население) ментальности. Они до сих пор сохраняются в политической культуре, определяющей политическое поведение людей. Очевидно, последующие властители совершенно сознательно использовали ту технологию концентрации власти, которую открыл Иван Грозный, но чтобы воплотить ее, нужно состояние психики, типологически сходное с психикой Грозного. Любая технология имеет институциональные (меры по реорганизации институтов власти) и ментальные аспекты. Основой технологии, устанавливающей абсолютный произвол первого лица, выступает насилие, осуществляемое силовыми структурами, в том числе с помощью методов разжигания конфликтов между аристократией и простонародьем. России «повезло» с теми, кто внутренне готов к применению и совершенствованию такой технологии.

С. М. Зубарев рассматривает политические действия Ивана Грозного сквозь призму ряда психических патологий. Одна из них – «регрессия от Отцовского Закона... к материнскому капризу» [Зубарев 2011: 62]. Причиной как главное деяние Ивана IV стала способ деления населения на «своих» (слепо исполняющих приказы царя и имеющих привилегии) и «чужих», и предоставления «своим» права казнить «чужих». Целью же было достижение абсолютной власти. Ради этого он присвоил роль Сверхотца, Бога, Судьи, устроил собственный «Град Божий» и «Страш-

ный Суд». Самообожествление является проявлением гипертрофированного нарциссизма, который становится следствием «нарушений в прохождении эдипова конфликта, в результате которых ребенок, избегнув прямого столкновения с отцовской фигурой, обесценивает и обходит ее фантазийным способом, объявляя себя, например, божеством» [Зубарев 2011: 64]. Факты биографии первого царя – утрата отца в возрасте трех лет и матери в восемь лет без полноценной их замены, – привели к нарушениям в психическом развитии, к формированию «незрелой, нетриангулированной, доэдиповой личности». Психологический портрет личности Грозного включает следующее: он был неудачливым мужем, скверным отцом – убийцей сына, правителем, оставившим после себя не только тысячи жертв, но и сквозные для российской истории проблемы. Присвоение свехотцовской роли высвечивает отсутствие реальных отцовских качеств. Страх перед обнаружением своей несостоятельности Иван IV компенсировал усилением личной власти. Террор выступал в качестве мести по отношению к «врагам» и «чужим» – тем, на кого он проецировал собственную вину за смерть матери. Одновременно это было и устранением потенциальных конкурентов. Отсюда психологическая невозможность для него выскочить из логики усиления террора.

К последствиям опричнины относятся крепостничество и Смута. Значение первого – в лишении крестьян не только права передвижения, а также хозяйственной самостоятельности, но и собственной воли и всякой, даже потенциальной субъектности. Смута же стала следствием отсутствия законной передачи власти сильному преемнику, результатом неспособности Ивана IV исполнить роль настоящего отца. Отцовство Ивана Грозного, следовательно, было ложным, он стал первой «тотальной МАЧЕХОЙ россиян» (С. Зубарев) и оставил им в наследство архетип сиротства.

Каждый новый псевдоотец в российской истории возводил свою «харизму» к предыдущим. Психологические основы их власти имеют много общего. «Сталинский “патрицид” – тотальное уничтожение отцовского авторитета в стране укладывается в ту же логику: самозванный чужеродный “братец” (товарищ старым революционерам. – *И.Ф.*) должен уничтожить не только всех возможных сибсов-конкурентов, но и саму идею отцовского авторитета. Тогда он остается единственным “Отцом народов”, а Россия, пусть в форме СССР, продолжает стагнацию как тотальная материнская структура...» [Зубарев 2011: 71]. В результате правления этих деятелей сформировалась российская социально-психологическая и культурная матрица власти «мачеха и дети», «свои» и «чужие». Она и порождает постоянную социальную напряженность и недоверие населения к власти. Все эти фигуры (в силу их самоназванности Отцами) многими

воспринимаются как отцовские, но их истинная метаисторическая роль заключается в формировании или оживлении этой матрицы властвования над населением (как «падчерицей»).

Незаменимую роль отца в семье и обществе в настоящее время никто не отрицает, однако острый кризис отцовства в России, имеющий и институциональную, и культурно-символическую составляющие, публично почти не обсуждается, разве что на страницах специализированных журналов. Как-то странно писать о вещах, кажущихся банальными: отец – основа семьи и социума, ничуть не меньшая, чем мать! Но этот простой тезис отстоит весьма далеко от практики российской системы образования и воспитания. С отцом и его влиянием на социализацию, в том числе и политическую, и властью ребенок сталкивается позже, чем с матерью, где-то на втором или третьем году жизни. Но для этого отец должен быть рядом, а в этом-то и проблема. Влияние отца в архаических обществах сказывается в периоды инициации, прохождения испытаний и признания детей взрослыми. Инициация – одна из основ культуры и общества, определяющая будущее. В современных обществах функции института инициации разобраны по разным ведомствам и сферам жизни и деятельности, он фрагментирован, а зачастую не считается обязательным. Тем не менее, значение отца состоит в помощи взрослению, в идентификации и социализации, приобщении к разным типам социальных отношений, в том числе первичным формам самоорганизации и социального действия. Условием всего этого является ограничение власти матери и материнских структур над ребенком, воспитание у него воли, способности противостоять произволу, самостоятельности, стремления к устойчивым «правилам игры» (нормам, закону, праву), морального и правового сознания.

С. М. Зубарев характеризует Россию как страну «мертвых отцов» и материнских структур, бесконечно воспроизводящих «инцестуозный симбиоз матери и детей» и инфантильность последних [Зубарев 2011: 52]. К таковым относятся все иерархические системы прямого подчинения и распределения благ – детский сад, школа, армия, спецслужбы, тюрьма, церковь, даже государство в целом, например, советское. В этом ряду есть одна массовая фигура – учительница. Она замещает отца в процессе социализации в его роли того, кто ведет в мир взрослых. Она дает детям первый образ власти, социального и политического порядка, воплощает и транслирует государственный заказ на определенный тип личности, на подчинение как господствующий стиль поведения по отношению к власти, знакомит с требованиями к политической культуре и поведению молодого человека. Учительница – это женщина, выступающая в роли отца, она воплощает весьма странную власть в системе образования. Такая

власть воспроизводится на протяжении многих десятилетий и многих поколений. Однако матери и в массе семей обладают столь же странной властью. После смерти или деградации отца мать для части детей становится мачехой, которая, добившись всевластия, присваивает имя Отца. Вот драма русской истории, повторяющаяся и на уровне политических лидеров, и на уровне масс. При отсутствии сильных отцов рядом (а это факт – для большей части населения) мать и материнские структуры опекают детей, ограждают их от влияния, агрессии и конкуренции сначала со стороны родных отцов, а потом и от всех «самцов социума». Следствием такой гипертрофированной опеки является «прогрессирующая инфантильность» поколений, сокращение рождаемости и ослабление институтов отцовства и родительства. Порочный круг замыкается.

Огромное количество российских детей проходит весьма специфическую социализацию в условиях отсутствия или ослабленной роли отцов и доминирования материнских структур. Такая социализация препятствует превращению инфантилов во взрослых и настоящих отцов, становлению зрелой личностной, гендерной и социальной идентичности. Примером подобных структур является церковь. Среди тенденций развития Русской Православной церкви существует одна опасная – фундаментализм [Степанова 2008]. Особенно остро проблема ущемленной социализации видна по советскому периоду, но и в постсоветское время физическая или моральная гибель отцов и все вытекающие последствия – норма, статистика. Всеобъемлющий контроль и подавление инициативы, самостоятельности, критичности, казалось, ушедшие в прошлое, вновь на повестке дня в фактической государственной политике и системе образования. Но что это, как не ограничение возмужания, взросления? Конечной целью такой социализации является контроль за активностью, особенно политической. Не допустить развития субъектов в любой сфере, поскольку такие субъекты рано или поздно могут начать претендовать на политическую власть – вот плохо спрятанный мотив многих реформ в образовании и других сферах.

Главное следствие повторений периодов концентрации власти – «пораженность Отца в русской истории» [Зубарев 2011: 37]. Эта проблема, которую ни общество, ни государство не ставит и не пытается решать, в свою очередь задает фундамент для латентного неосознаваемого конфликта, опасного своей непредсказуемостью для будущего. Возможно, все иные конфликты как-то связаны с этим глубоким конфликтом «между зрелыми и инфантильными субъектами обоих полов» [Зубарев 2011: 54]. Инфантильные люди, доминирующие и среди рядового населения, и, что особенно настораживает, среди политической элиты, принимают полити-

ческие и иные решения, ориентируясь подчас на иждивенческие, консервативные стратегии жизни, не опирающиеся на адекватное отражение реальности, наоборот, уходящие от нее. Какое будущее они выберут? Инфантилы, занимающие высокие должности и участвующие в распределении власти и собственности, не дают развиваться «взрослым», потенциальным отцам, способным поменять действующий социально-политический порядок.

«Тоска по железной руке» – неправильно понимаемая либо специально искажаемая потребность общества. Эту потребность стоит выразить как потребность в таком «порядке» и такой «стабильности», которую лучше бы назвать нормальной жизнью. В социально-психологическом плане эту же потребность можно сформулировать как потребность не в одном единственном на всю страну Отце-диктаторе, а во многих отцах, потребность в настоящем живом ответственном и заботливом отце у каждого, отце, приобщающем к взрослой жизни. Пора уже отказаться от веры в одного «великого Отца» и начать уважать отцов живых и реальных.

4.2. Политическое участие в современной России: возможности и ограничения

Многие исследователи отмечают низкий уровень политического участия граждан в нынешней России, объясняя это разными причинами [Гудков 2016: 122–123; Гражданское и политическое... 2013: 105–108]. На наш взгляд, оптимальному уровню политического участия российских граждан как главному критерию политической модернизации препятствуют не отдельные «остаточные» факторы и условия, унаследованные от прошлого, участие в принципе не вписывается в нынешнюю конфигурацию властвования в России. В западноевропейских странах политическое участие рядовых граждан – необходимый механизм функционирования демократического государства, обеспечивающий легитимацию власти. Однако выполнение этой функции обусловлено совокупностью объективных факторов, связанных с реальным политическим порядком, действующим в том или ином государстве. Этот параграф книги мы посвятим выявлению причин и механизмов исключения рядовых граждан из политики российским политическим режимом под лозунги о «вовлечении» и «включении».

Связь понятий «политическое участие» и «включение» фиксируется уже на уровне значений слов естественного языка. *Участие* – «часть, доля, достояние, имущество», *участвовать* – «иметь долю, часть, пай в деле,

или быть сотрудником, товарищем, помощником в деле; касаться чему-либо вещественно или нравственно...» [Даль 1998: IV, 1115]; *включение* от *включать* – «сопричислять», например, включать в члены. Ближним последнему является слово *вовлечение* от *вовлекать* – «привлекать к участию в чем-либо» [Даль 1998: I, 515, 533], «делать частью» (при-частным), приобщать. Политическое включение (инклюзия) как понятие политической науки означает введение кого-либо в состав членов определенной политической общности. Посредством разных форм вовлечения индивида или группы в те или иные виды социально-политической деятельности номинальное включение становится реальным деятельным членством, возникает сопричастность (идентичность) индивида или группы этой общности. И наоборот, исключение (экслюзия) связано с выведением кого-либо из состава членов политической общности как участников политики. Для понимания механизма политического исключения важно зафиксировать связь включения и политического участия: «...политическое участие предстает как качественно иной, практический уровень включенности индивида в политическую жизнь...» [Соловьев 2000: 28].

Понятия включения и исключения в отечественной политической науке представлены довольно фрагментарно, поскольку тенденция усиления социального и политического исключения больше ощущается нежели осознается. Реальное исключение происходит в скрытых формах, поэтому и проблема исключения не стала предметом полноценной рефлексии и публичного обсуждения. Более разработаны понятия инклюзии и экслюзии в теории социальной интеграции и дифференциации Н. Лумана [Луман 2006], созданной с опорой на теорию гражданства Т. Х. Маршалла [Marshall 1973] и структурно-функциональный анализ. Т. Парсонс под инклюзией понимает комплекс моделей социального действия, принимаемых для обеспечения «статуса более или менее полного членства в более обширной и сплоченной социальной системе» [Parsons 1972]. Н. Луман считает, что переменная инклюзия/экслюзия связана с системной дифференциацией общества, под влиянием которой меняются условия и критерии инклюзии. «...правила дифференциации представляют собой правила повторения различий между экслюзией и инклюзией в пределах общества...» [Луман 2006: 36]. Он определяет инклюзию как «форму, внутренняя (инклюзивная) сторона которой характеризуется как шанс на социальное признание лиц... а внешняя сторона остается немаркированной. Итак, инклюзия существует лишь тогда, когда возможна экслюзия. Только существование неинтегрируемых лиц или групп высвечивает социальную сплоченность и делает возможным специфицировать условия для нее» [Луман 2006: 35]. Форма проявления различия между правом и бесправи-

ем в конкретном контексте зависит от «предыдущей фильтрации через инклюзию/экслюзию». Исключенное оказывается вне права, а противостоящие ему политика, бюрократия, полиция, военные структуры решают, придерживаться ли им права в отношении исключенных лиц и групп. Аналогично происходит и в политической системе по линии деления правительство/оппозиция. По отношению к оппозиции может применяться иное «право», нежели по отношению к лояльному населению.

Ч. Тэйлор тоже видит в демократиях связь «включающей» и «исключающей» политики: с одной стороны, «демократия и, в особенности, либеральная демократия – это великая философия включения», с другой стороны, в демократии есть и исключение как побочный продукт потребности самоуправляющихся обществ в высокой сплоченности, обратная сторона общей идентичности. Сообщество граждан представляет собой «непрерывное коллективное действие, благодаря участию в котором осуществляется... свобода». Чувство принадлежности, тождественности с членами такого коллектива – это основа внутренней связи между демократией и сплоченными коллективными действиями. Государству нужна лояльность его членов, но это лояльность политической нации как сообществу граждан, а не только элите. Общая лояльность политическому сообществу как культурному, историческому и языковому единству основывается на постоянно возобновляющихся взаимных обязательствах и действиях, порождающих общественное доверие. Ч. Тэйлор считает, что «исключение... идет вразрез с легитимационной идеей народного суверенитета, подразумевающей не просто власть народа, а всего народа. Необходимость формирования нации как коллективного субъекта действия противостоит требованию включения в нацию всех, кто имеет законное право на гражданство. Вот источник болезни» [Тэйлор].

Таким образом, в любом обществе существует модель включения, социального и политического признания и полной реализации прав одних категорий людей и исключения других. Определенный социальный порядок, действующий на основе системы политических институтов и норм, формируется и воспроизводится по конкретной модели включения/исключения. Инклюзивное – это все, что оправдано, признано в качестве нормы, а эксклюзивное – все, что отклоняется от нормы, что проклято. С усложнением общества трансформируются критерии включения и исключения. Выявление модели включения/исключения представляет определенную трудность, поскольку механизмы исключения чаще всего непрозрачны. Формы и типы исключения исторически многообразны. В современных обществах существуют различные технологии и практики имитации, манипуляции и т.п., затрудняющие осознание этих механизмов.

С помощью определенной модели включения/исключения в обществе происходит дифференциация индивидов и групп, отведение им определенных мест, выдвижение требований, задающих пределы их действий и определяющих содержание социальных и политических ролей. Статус индивида в функционально дифференцированных обществах эпохи модерна в отличие от предшествующих эпох оказывается не предписанным, но приобретаемым индивидуально. Модель включения/исключения меняется, она действует не извне, а изнутри, индивидуализируется. Важную роль начинает играть участие индивида в общественной и политической жизни. Однако право добиваться более высокого социального и политического статуса требует все больших усилий от индивида. Усложнение норм функционирования политической системы приводит к росту требований к тем, кто претендует на значимые позиции в этой системе. Одновременно включается механизм отбраковки тех, кто не справляется с выполнением этих требований. Чтобы участвовать в экономической жизни, индивид должен быть правоспособным и обладать достаточным доходом. «Ценой» включенности в политику становится обязанность участия в политических выборах. Человек, не требующий тех или иных прав, оказывается виновным за собственное исключение. Возникают и формы самоисключения. Инклюзия как будто бы становится доминантой и вытесняет эксклюзию. Н. Луман называет это «тоталитарной логикой», стремящейся уничтожить противоположность [Луман 2006: 40]. Принцип включения/исключения реализуется посредством каждого из институтов политической системы и элементов политической культуры. Одним из фундаментальных политических институтов эпохи модерна является гражданство в национальных государствах. По мнению И. Валлерстайна, институт гражданства выступает в качестве двойного механизма, который, вовлекая определенные категории людей в политику, одновременно исключает другие категории населения в соответствии с критериями, выработанными в рамках определенной политической системы. основополагающая идея, заключенная в институте гражданства, «по самой своей сути всегда сочетает в себе понятия включенности и исключенности» [Валлерстайн 2004: 160]. В целях легитимации процедуры исключения в институте гражданства заложена культурная матрица классификации и дифференциации людей. Эту матрицу, описанную И. Валлерстайном, приводит О. Ю. Малинова: «...понятие *гражданин* способствовало кристаллизации... длинного списка бинарных разграничений, образующих культурный фундамент капиталистической экономики XIX и XX вв.: буржуа и пролетарий, мужчина и женщина, взрослый и несовершеннолетний, кормилец и домохозяйка, большинство и меньшинство, белые и черные, европейцы и неевропейцы,

образованные и неграмотные, одаренные и бесталанные, профессионалы и любители, ученые и дилетанты, высокая культура и низкая, гетеро- и гомосексуальность, норма и отклонение от нее, и, конечно же, обобщение всех этих бинарных противопоставлений, – цивилизованный и варвар» [Малинова 2004: 9]. Следовательно, участие в политике как процесс реализации публичных прав и как возможность влияния на принятие политических решений обусловлено соответствием каждого потенциального участника политики определенным требованиям политической системы. Включение означает допуск кого-либо к принятию решений относительно любых ресурсов общества, исключение – недопуск. Возможны и определенные степени ограничения таких допусков, так возникают определенные степени вовлеченности людей в политику.

В последние годы теме эксклюзии по социальному, религиозному, правовому и другим признакам, дискриминации и депривации «неблагополучных» индивидов и групп уделяется все больше внимания [Абрахамсон 2001; Дмитриева 2012; Степанова, Ефлова 2012]. Связь между социальной и политической эксклюзией довольно тесная: все эти люди, как правило, не реализуют свои политические права в силу отсутствия внешних и внутренних ресурсов для этого. Принято считать, что именно институт гражданства – один из основных способов включения граждан и исключения неграждан (мигрантов). Мы предполагаем, что политическое исключение может применяться даже по отношению к собственным гражданам, в рамках формального института гражданства, но осуществляется оно посредством множества институтов, практик, технологий, и не только политических.

Мы будем придерживаться определения понятия политического вовлечения как «деятельности политических акторов, направленной на расширение политического участия в долговременной перспективе, на обеспечение более или менее постоянной включенности граждан в процесс функционирования политического сообщества» [Кузин 2010]. Политическое исключение, по нашему мнению, представляет собой совокупность формальных и неформальных, явных и скрытых, прямых и косвенных мер и практик, осуществляемых правящей группой – индивидуальными и коллективными акторами, имеющими доступ к государственным ресурсам и структурам – и направленных на вытеснение или прямое удаление индивидов или социальных групп из сферы публичного права, управления и принятия решений, политики в целом. Чем больше ограничений, тем меньше степень участия рядовых граждан вплоть до абсолютной невозможности легального конвенционального политического участия. Исключение – обратная сторона включения, их взаимосвязь составляет фунда-

ментальное метаразличие, составляющее основу политического режима и его влияния на экономику и другие сферы жизни людей. Включение/исключение предстает в качестве конкретно-исторического принципа и механизма формирования общностей, групп и одновременно внутреннего структурирования общностей, выделения в них управляющих и исполнительских структур, способа отбора, дифференциации, разделения общества и властвования над ним, а также способа формирования элиты. Его основу составляет комплекс содержательных критериев, сформированных в коды. Этот механизм селекции имеет институциональную и ценностную стороны. Идеология как специфический элемент культуры вырабатывает критерии включения и исключения как способ различения своих и чужих, господствующих и подчиняющихся, равных между собой и эксплуатируемых, тех, кто будет обладать полным объемом политических и иных прав, а кто – ограниченным. По отношению к рядовым гражданам и оппозиции возможны включающие политические режимы и исключаяющие, когда исключенным из участия в политике оказывается почти все общество за вычетом правящей группы. Это связано и с соотношением эгалитарного и элитарного принципов формирования общностей, о котором мы писали во второй главе.

Необходимо обозначить контуры модели включения/исключения, которая лежит в основе действующего политического режима в России и определяет структуру возможностей участников политики. Социологические исследования фиксируют эффекты исключения в функционировании политических институтов в России. Работы исследовательского комитета по институциональным исследованиям (ИКИИ РАН) позволяют представить институциональные условия и перспективы развития политического участия в России, связанные с состоянием политической системы и доминирующими тенденциями ее функционирования [Институциональная политология 2006; Граждане и политические практики... 2011]. Необходимо учитывать различные формы активности граждан. С. В. Патрушев выделяет два типа гражданской активности: 1) гражданское участие, или пассивная адаптивная деятельность граждан по воспроизводству политических институтов; 2) гражданское действие – активная деятельность, направленная на трансформацию политических институтов [Патрушев 2009: 26]. Невысокие показатели политического участия свидетельствуют о «недостаточной институционализации арен участия», об их использовании от случая к случаю. Наблюдающиеся всплески политической активности совпадают с национальными выборами, что говорит о «мобилизационном характере участия не только на электоральной, но и на других аренах участия» [Завадская 2011: 215].

Л. Е. Филиппова использует понятия включения и исключения при исследовании динамики политических институтов в России и стратегии поведения институциональных «инсайдеров» и «аутсайдеров». Существуют два уровня стратегии – организационный, то есть стратегия инсайдеров по отношению к гражданам, и уровень норм, то есть стратегия по отношению к новой информации. Автор считает, что направленность на «исключение» – нормальное состояние институтов, являющееся условием их устойчивости. Спецификой гражданского или политического действия является его инклюзивность, то есть способность к созданию новых форм гражданского участия и изменению действующих политических институтов [Филиппова 2011а: 52]. Низкий уровень вовлеченности граждан в функционирование политических институтов, по мнению А. Д. Хлопина, обусловлен кликократией, присущей российской политической системе, и рассогласованием должного и сущего в политической культуре населения. Институциональная сфера общества характеризуется глубоким и устойчивым разрывом между формальными правилами и реальными практиками их функционирования. Неформальные отношения во властных институтах делают невозможным развитие стратегий гражданского действия, направленного на трансформацию институциональной среды [Хлопин 2011: 232].

Л. И. Никовская и И. А. Скалабан фиксируют различные тенденции в развитии гражданского участия в мире и России. Одна из них – стирание границ между социальным, гражданским и политическим участием. Авторы рассматривают гражданское участие как более широкое понятие по отношению к политическому участию: «это процессы, при помощи которых граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы» [Никовская, Скалабан 2017: 48]. Среди негативных тенденций развития гражданского участия в России авторы называют следующие. «Основной проблемой развития современного гражданского участия становится снижение его политической составляющей. Гражданская активность россиян в этом отношении носит эпизодический и несистемный характер. Политический уровень во многом остается закрытым для гражданских инициатив и строго контролируется представителями власти» [Никовская, Скалабан 2017: 51]. Гражданская активность смещается от участия в деятельности политических партий к участию в практиках неполитических общественных объединений. В развитии гражданского участия в современной России существуют препятствия. Одно из них – «несовершенство институциональных условий (административные и бюрократические барьеры) и слабое использование диалоговых механизмов

и практик взаимодействия с государством», которое преимущественно использует модель асимметричной коммуникации, основанную на «традициях монолога, пропаганды, манипуляции общественным мнением», где «государство доминирует, а слабое гражданское общество действует в узком анклавном обозначенных границ публичного дискурса, подавляет гражданскую инициативу, порождает отчуждение, общественную апатию и разочарование» [Никовская, Скалабан 2017: 53]. Чиновники закрывают рядовым гражданам и активистам гражданских объединений доступ к сферам, механизмам и процедурам формирования государственной и региональной политики, рассматривая участие общественных сил в качестве покушения на их исключительные прерогативы и суверенную территорию исполнительной власти.

Большинство граждан не обладают достаточными ресурсами для оказания влияния на общественные и политические институты. Происходит «усиление исключенности», индивиды лишаются статуса участников политического процесса и не приобретают статуса акторов [Филиппова 2011b: 263]. Рост уровня протестного голосования и отказ части граждан от участия в выборах вызвал такое изменение избирательного законодательства со стороны власти, что эти стратегии поведения граждан, направленные на изменение института и процедур выборов, оказались практически бессмысленными. Политические институты становятся не включающими, открытыми, а исключаящими и закрытыми для доступа рядовых граждан и социальных групп, имеющих отличные от власти представления о демократии. Политики, действующие от имени государства, публично не признают фактического исключения граждан РФ из сферы политики. Однако кумулятивный негативный эффект от многообразия мер – подзаконных актов, процедур, применения санкций или угроз их применения, практик, затрудняющих политическое участие в любых его формах, особенно активных, просто огромен. Он свидетельствует о том, что реальное исключение большинства граждан из политики осуществляется целенаправленно и последовательно. Формальные критерии исключения можно выявить при анализе содержания официального дискурса, представленного в СМИ, подконтрольных власти. Данный дискурс фрагментарен и эклектичен, однако за слоем либерально-демократической риторики просматривается целевая направленность. Его смысловое поле образуется двумя рядами понятий и ценностей – утверждающих норму и осуждающих отклонения, подлежащие контролю и вытеснению. Однако норма здесь предстает как двойной стандарт – должного и сущего, формального и неформального, всеобщего (для населения) и элитарного. Набор «нормального» таков: государство, порядок, государственный суверенитет, на-

циональная (читай, правящей группы) безопасность, стабильность, патриотизм, опора на традиции и православие. В ряд отклонений от нормы попадают «внесистемная» оппозиция, политическая конкуренция, критическое отношение к власти, любые политические амбиции и стремление к политическому участию, атеизм, всякий не государственно и не православно ориентированный патриотизм (он маркируется как антипатриотизм), либерализм (не имитационный), почти любая неправославная религиозность. Политическая оппозиция и ее лидеры рассматриваются в качестве источника массовых беспорядков, экстремизма, радикализма, терроризма. На практике они преследуются под предлогом финансовых или иных неполитических преступлений. Такова «нормативная семантика» дискурса власти, под государственной символикой прячущего интересы правящей группы.

Основные тенденции динамики уровня политического участия россиян систематически отслеживаются в исследованиях Левада-центра. Уровень политического участия связан с интересом к политике, возможностью общественного контроля за действиями властей, влияния на принятие государственных решений, на исход выборов, с готовностью к активному политическому действию, со степенью причастности гражданина государству, с правовой, моральной и политической ответственностью гражданина за деятельность государства. По всем этим параметрам фиксируются низкие показатели: у большинства населения наблюдается слабый «пассивный» интерес к политической жизни; неверие в возможность влиять на политику, преобладание пессимизма и фатализма в отношении политического участия и возможности отстаивания гражданских и политических прав. Основой отношения российских граждан к власти является политическое и моральное отчуждение [Левада 2006: 13]. Отчуждение, на наш взгляд, есть результат замаскированной декларациями («о необходимости гражданской социализации и выработки активной гражданской позиции») последовательной стратегии исключения рядовых граждан из политики.

Исключение осуществляется в целях ограничения политических прав и свобод посредством использования экономических, правоохранных и иных рычагов давления. Попытаемся разобраться, как действует механизм исключения «под прикрытием» включения. Современный российский политический режим В. Я. Гельман называет электоральным авторитарным режимом: «...на протяжении всего постсоветского периода спрос граждан на политические перемены присутствовал как минимум в латентной форме, и власти последовательно и систематически старались избавиться от вызовов режиму *status quo* путем выстраивания высоких барьеров входа на политический рынок, умелого использования так-

тики “разделяй и властвуй”, кооптации в истеблишмент в качестве “попутчиков” одних политических игроков и исключения из него других etc.» [Гельман 2012: 67]. Формальный институт выборов был лишь фасадом неформальных институтов властвования. В. Я. Гельман вскрывает пружины и механизмы неформальной институционализации в России, анализирует причины доминирования «подрывных» неформальных институтов. Неформальные институты – клиентелизм, коррупция, клановая политика, схемы ухода от налогообложения, селективное применение права государственным аппаратом, блат, манипулятивные механизмы приватизации, государственное рейдерство, непрозрачное финансирование партий и выборов и многое другое – подменяют собой формальные правила, вызывая негативные эффекты [Гельман 2003: 7]. Сюда же относятся и «размытая законность» (извращение сути законов посредством широкого делегирования полномочий и селективного применения санкций), и использование лазеек и умолчаний в законах о выборах, их произвольное толкование членами избирательных комиссий, предоставление последним права выработки решений, принимаемых, как правило, в пользу проправительственных партий и кандидатов, зависимость избирательных комиссий от местных властей, оценка результатов их работы по доле голосов, поданных за «Единую Россию». Монополизация политической жизни в 2000–2010-е годы сопровождалась трансформацией избирательного законодательства в сторону «допуска» своих и создания множества барьеров для оппозиционных партий и кандидатов как чужих. Политический институт выборов в России в настоящее время действует как исключаящий как минимум для трети населения, недаром эта часть граждан не считала парламентские и президентские выборы 2011–2012 гг. легитимными [Россияне... 2012; Президентские выборы... 2012]. Эта треть граждан не только не имела своих представителей в парламенте, но и не могла реализовать многие другие политические права и свободы. Она просто выдавливалась из сферы возможного политического участия, не говоря уже о политическом действии. «Логика неформального управления» в России как всегда эксклюзивна. Несправедливая конкуренция в условиях электорального авторитаризма официально закреплена законом и санкционирована и системой норм, и государственным аппаратом, обеспечивающими «нужный исход голосования». Неформальное управление электоральным процессом прямо основано на формальных институтах избирательного права [Гельман 2010: 9]. Формальные и неформальные институты находятся в сложном переплетении, симбиозе. Это не две стороны медали, а «оболочка» и «ядро», определяющее характер функционирования этих институтов в процессе неформального управле-

ния. Неформальные институты паразитируют на формальных. Этот симбиоз обеспечивает систематическую порчу институтов [Гельман 2010: 10] и составляет специфику нынешнего политического режима в России. Формальные институты – парламент, многопартийная система, конкурентные выборы – выступают в качестве фасада, предназначенного легитимировать политический режим и создавать видимость политического представительства и конкуренции, то есть якобы существующего вовлечения, допуска, «входа» оппозиции и рядовых граждан в политику. Итогом последовательного выстраивания такого режима стало установление авторитарного господства и безусловного подчинения, вынужденная лояльность элит и масс Кремлю, глубокое отчуждение граждан от участия в политике.

Формальные политические институты как универсальные нормы и санкции, стимулирующие определенное политическое поведение, функционируют именно как механизм включения/исключения. Таков, например, институт гражданства в развитых демократиях. Неформальные институты, действующие в интересах конкретного слоя общества, априорно не универсальны, партикулярны и непрозрачны, поэтому механизм включения/исключения в них определяется неписаными и произвольными правилами. Когда в обществе доминируют формальные институты, граждане могут ощущать присутствие универсального права, его верховенства и равенства всех перед законом. Становление нынешнего политического режима в России осуществлялось посредством «неформальной институционализации», то есть вытеснения формальных институтов неформальными [Гельман 2003: 6]. Эффект от действия неформальных правил и процедур исключения оказывается двойным, поскольку произвольность данного процесса приобретает всеобщий характер: во-первых, исключаются все силы, способные оппонировать правящей группировке, во-вторых, все временно не подконтрольные власти формальные институциональные условия постепенно «заражаются» неформальными «правилами игры», транслируя процесс неформального исключения в обозримое будущее. Вместе с этим подавляются и многие культурно-символические и идеологические предпосылки формирования политической субъектности в обществе. Конечно, это тенденция, которую трудно реализовать до конца, и в этом основа для относительного оптимизма. Явное и массовое политическое исключение – способ подрыва легитимности режима. Но так уж действует российская политическая система: под декларацией о демократичности институтов власти, необходимости повышения вовлеченности граждан, и особенно молодежи, в политику, из ее поля реально исключаются не только актуальные оппозиционеры, но даже и структура

возможностей для возникновения какой-либо политической активности. Одним из инструментов исключения является «прикладная» идеология как «способ восприятия тех или иных проблем применительно к политическому курсу в той или иной сфере» [Гельман 2003: 12] и как фильтр отбора и обработки информации. Прикладная идеология не нацелена на изучение социальных проблем по каналам обратной связи, на исследование долговременных тенденций и выработку стратегии развития страны, расчет социальных последствий и эффективности тех или иных законопроектов или мер. Она «заточена» на проведение интересов правящей группы, учет управленческой конъюнктуры и «тушение пожарных ситуаций» путем изучения противников и оппонентов должностных лиц. Эклектичная прикладная идеология играет роль матрицы для механизма включения/исключения и оправдания произвольного устранения противников. В последние годы правящий режим «зачищал» пространство даже потенциального легального политического участия путем принятия поправок в законы о политических партиях, общественных объединениях, установления контроля над СМИ, применения манипуляций, создания имитирующих структур. В результате принятия закона «Об общественных неправительственных организациях» (2006) усложнилась их деятельность в связи с введением множества финансовых и других барьеров. Общественные объединения были лишены возможности влиять на политику. Результатом ряда поправок в избирательное законодательство стало снижение гражданской активности и усиление политического отчуждения граждан. Принятие нового закона «Об общественных объединениях» («иностранных агентах») 2012 г. подрывает доверие населения к любым объединениям, лишает его остатков веры в эффективность солидарных действий даже в целях решения собственных проблем. «Уход» с публичных площадок, «неучастие» стали главными «стратегиями» политического поведения граждан. Нынешний политический режим методично препятствует «входу» любых альтернативных субъектов на политическую сцену. Несанкционированное политическое участие в силу этого становится более затратным и рискованным.

В рамках избирательного процесса между формальными и неформальными институтами происходит сложное взаимодействие. Формальные институты стали средством селективного наказания нелояльных партий и кандидатов [Гельман 2010], фактически исключая их из предвыборной борьбы в качестве серьезных альтернативных участников. Следствием этого является исключение из политики тех групп избирателей, чьи интересы альтернативные кандидаты могли бы представлять в органах представительной власти или политических партиях. Одна из

форм исключения из предвыборной борьбы и политики – отказ оппозиционерам в регистрации. Формальные политические (экономические, правовые и т. д.) институты таким образом служат необходимым легальным «прикрытием» для неформальных институтов, которые и являются реальными способами принятия политических решений и выработки способов их воплощения. Без такого легитимирующего «прикрытия» со стороны формальных институтов политический режим выглядел бы абсолютно одиозным. Институционализация политического участия, начиная с 1996 г. и по сей день, под лозунгами укрепления политической стабильности осуществлялась исключительно в целях сохранения действующего режима. Для этого институты политического участия отлаживались с ориентацией на формирование исключительно лояльных граждан и форм активности и на исключение нелояльных. В силу этого любая даже вполне легальная политическая конкуренция, реальное, не подконтрольное президенту и правительству оппонирование власти по общественно значимым проблемам, скажем в парламенте, было немыслимым. Причем лояльность с точки зрения правящей группы – это не просто законопослушание, это безусловное подчинение любым распоряжениям и решениям властей. Все попытки публичного обсуждения острых проблем, претензии на альтернативные поправки к законопроектам, партии, движения, любые формы отстаивания свободы информации, митингов и демонстраций отвергались. Все эти легальные формы конвенционального политического участия рассматривались властью как враждебные и недопустимые: никакой самоорганизации граждан, автономии общественных и политических организаций от государства, никакой политической конкуренции.

Вовлечение граждан в политическую деятельность партий, общественных объединений – одна из основных функций демократии и один из показателей демократичности политической системы, способ и «цена» легитимации политического режима. Осуществление этого процесса зависит от направленности функционирования всех элементов политической системы: политических институтов, политических норм, стратегий политических акторов, типа легитимности, политического сознания и политической культуры общества. Опасения, высказываемые несколько лет назад относительно негативных эффектов от «низкого уровня политической вовлеченности граждан» и «дефицита институциональных форм неэлекторального участия», чреватых углублением политического отчуждения и ростом неконвенционального протестного активизма» [Кузин 2010], в настоящее время подтвердились. Политика утратила публичный характер, политические решения принимаются без опоры на систематическую об-

ратную связь с обществом, без политической конкуренции во время избирательных кампаний и между ними. Предопределенность исхода выборов не просто снижает мотивацию масс к электоральному участию, она вообще обесмысливает и выборы, и демократию в целом. Постоянный пересмотр законодательных норм о неэлекторальных формах участия граждан (политических партиях, общественных объединениях и т. д.) в совокупности с катастрофической бюрократизацией государственного управления, а также с целенаправленным введением процедур, прямо затрудняющих осуществление гражданами этого участия, – все это ставит перед печальным выводом о двойных стандартах государственной политики. Разрыв между словом и делом обретает поистине удручающий характер. «Слово» (квазиидеология, дискурс власти) нацелено на прямой обман большинства населения, а «дело» осуществляется в интересах правящего класса путем исключения граждан и их объединений из политического процесса. Декларативная заинтересованность государства в электоральной активности граждан, характерная для 1990-х гг., в 2000-е гг. угасла. Механизмы реализации массовой электоральной и неэлекторальной активности (участия) систематически выхолащивают, дробят, нивелируют и обесмысливают любые формы не только политического, но даже гражданского и общественного участия. Получается, что цели «стабилизации политического порядка» и «управляемости» достигаются в ущерб развитию форм политического и иного участия, начал самоуправления, гражданского общества и т.д. Консервативная тенденция доминирует и сковывает развитие, отбрасывая общество к архаичным формам существования, культуры и самосознания, к расширению авторитаризма. По сути это демодернизация.

Партийная система не выполняет функций представительства интересов различных социальных групп. Политическая социализация направлена на формирование исключительно лояльных власти граждан и не допускает возможность критики власти или иных мнений по поводу решения тех или иных задач управления обществом. Учреждаемые властью структуры имитируют все – партии, оппозицию, молодежные движения, гражданское общество. Но все это работает на мобилизацию поддержки правящей группы, а не на вовлечение в систему реального политического участия. Так называемая системная, парламентская оппозиция – один из элементов этой химерической конструкции. Реальный эффект деятельности парламента состоит в том, что он парализует возможность «внесистемных» политических партий реализовывать функцию вовлечения граждан в политику. Низкий уровень доверия граждан по отношению ко всем политическим институтам, кроме президентства, соответствует их низкой

готовности к политическому участию. Это результат неверия граждан в возможность влияния на политический процесс и принятие политических решений. Отсутствие смысла политического участия для граждан – главный критерий негативной и временной эффективности этой квазиполитической конструкции, индикатор ее реально недемократического характера. Это скрытое исключение граждан из политики осуществляется постепенно и неотвратно как специальная операция, осуществляемая «под прикрытием» формально демократических институтов. «Системные» политики часто за просчеты правительства, парламента, других органов власти возлагают ответственность на рядовых граждан, ссылаясь на выборы. Эти ссылки являются не просто лукавством, но прямым обманом, поскольку «самостоятельность» волеизъявления граждан не обеспечена институционально. Невостребование собственных прав с точки зрения официального дискурса оказывается виной рядовых граждан, хотя политическое бездействие, как мы знаем, базируется на апатии масс, которая сознательно культивируется и совокупностью неформальных институтов, механизмов, практик, и технологий управления, и массовой культурой. Все формальные политические институты, процедуры и механизмы, в соответствии с положениями Конституции Российской Федерации нацеленные на расширение политического участия – парламент, политические партии, общественные объединения – вкуче с неформальными институтами власти представляют собой специфическую конструкцию, имитирующую вовлечение граждан в политику и управление, но фактически действующую в обратном направлении. Работает эта конструкция как машина целенаправленного, фронтального, но скрытого и разделенного на мелкие процедуры и практики вытеснения граждан и их объединений из всех даже потенциальных политических площадок, оттеснения от любых форм и способов участия в политике.

4.3. Протест как реакция общества на действующий политический порядок

Существо политической ситуации, сложившейся в России после парламентских и президентских выборов 2011–2012 гг., и фактически, и символически выражает слово «протест». В контексте проблемы возможности действительного, а не формального рождения российского гражданина, анализ той ситуации приобретает особое значение.

Российское общество, более четверти века находящееся в процессе периодически возобновляемого реформирования, декларируемого в каче-

стве модернизации, судя по общественному дискурсу, ощущает, что на самом деле пребывает в состоянии застоя, если не деградации. Результаты практически всех реформ оказались не просто далекими от запланированных, некоторые их последствия обнаруживают вектор, обратный задуманному. Российские реформы, как и модернизация в целом, носят принципиально незавершенный характер. Из многих демократических политических институтов, учрежденных в 1990-е годы, позже оказалось целенаправленно выхолащенным властью их демократическое содержание. Разделение властей фактически подменено неотрадиционалистской монополией «власти-собственности», принадлежащей узкой группе элиты, сконцентрировавшей в своих руках политическую власть и все наиболее важные – экономические, информационные и иные ресурсы страны, включая институты правительства, «парламента» с его «системной оппозицией», партийную систему, систему права, органы принуждения.

Первый субъект, участник политической ситуации 2011–2012 гг., это политическая элита, которая независимо от либеральных и социал-демократических лозунгов, от раздаваемых ею милостей социальной политики, несмотря на наличие внутренних разногласий внутри нее самой, фактически заняла одну-единственную позицию стража своей власти-собственности. Властная формально-неформальная группировка не шла (и до сих пор не идет) на диалог ни с обществом, ни с внесистемной оппозицией, расценивая такой диалог как слабость, а данную сторону уподобляя террористам. Острые социальные проблемы власть «решала» с помощью имитационных форм и манипулятивных технологий, заботясь лишь о собственном имидже и рейтингах. Однако масштаб и число нерешенных проблем возрастали, увеличивая вероятность и силу грядущих социальных потрясений, угроз и вызовов для самой власти. Обратная связь с обществом почти отсутствовала, поскольку каналы связи были в основном подконтрольны власти, информация от малочисленных независимых СМИ зачастую плохо доходила до публичной сферы. Эксперты и консультанты информировали верхушку элиты о необходимости политики модернизации, и лидеры на словах ее проводили, произнося речи об ослаблении барьеров для регистрации политических партий, о демократизации партийной системы и т.п. Однако всерьез власти не стали заниматься модернизацией политической системы даже в условиях начавшихся массовых протестов.

Между тем ситуация развивалась. Обществу все больше надоедало обманываться словами и обещаниями. Приходило осознание отсутствия политики, направленной на реальное решение социальных проблем посредством налаживания работы политических институтов и инструмен-

тов представительной демократии. Разные социальные слои общества продвинулись в этом понимании в разной степени. В научных журналах появились статьи, посвященные особенностям и препятствиям российской модернизации [Тихонова 2012; Лебедева, Туманянц 2012; Лапин 2012; Мартьянов 2009], теории революции [Пастухов 2011; Пантин 2011], политическому и гражданскому участию населения [Какабадзе и др. 2011], протестным отношениям [Авакьян 2011]. В публицистике доминировали настроения эмоционального и нравственного неприятия несправедливости нынешнего политического и правового порядка, ощущения обмана, раздражения, критической оценки действий власти. Некоторые СМИ выражали и критические настроения людей по отношению к самому обществу – недовольства апатичностью, бессилием и фатализмом большинства общества, допускающего произвол власти. У ряда социальных слоев и групп возникло стремление действительно участвовать в ликвидации несправедливости. В обществе нарастала потребность в реальной, а не имитационной модернизации, в коренных преобразованиях системы политического управления обществом, потребность в реализации конституционных прав граждан. Общественность требовала модернизации от власти и готова была принять соответствующие вызовы. Если потребность в обновлении посредством реформ не осуществляется, рано или поздно она проявляется в виде протеста, а то и революционной ситуации.

Второй крупный участник политической ситуации 2011–2012 гг. – общество и представляющая его внесистемная оппозиция. Российское общество было и остается неоднородным, фрагментарным, по преимуществу аполитичным. И это не случайно, поскольку одним из оснований нынешнего режима являлась в ту пору «технология поддержания общества в состоянии апатии, безальтернативности и покорности» (Л. Гудков). Довольно большая часть общества – сторонники нынешнего политического режима поддерживали и поддерживают элиту в силу разных форм зависимости от нее, страха перед изменениями и всем новым вообще, а также по причине иллюзорных представлений о будущем продолжении роста благосостояния, свойственного нулевым годам. Эта часть общества, традиционно поклоняющаяся власти и разделяющая ее консерватизм – политическая элита, бюрократия, крупный бизнес, правоохранительные органы, бюджетники, – является социальной базой путинского режима. Она не осознает несовпадения и даже противоположности между своими интересами и скрытыми интересами правящей элиты. Однако после неприкрытого цинизма, с которым обществу был послан сигнал о том, что в политике все предрешено и участия населения не требуется, некоторые группы об-

щества встряхнулись от гипнотического сна безысходности и осознали действительный характер власти, отсутствие конституционализма в нашей политической системе и достаточной степени реализации политических прав граждан, возникла потребность выразить свое отношение в протестном действии.

Начало протестного движения связано с оскорблением достоинства людей и окончательным прозрением: «Путин назначил преемником сам себя, а его решение закрепили голосованием» (А. Левинсон). Все большему числу людей стало ясно: российский парламент не является представительным органом власти и не служит выработке политических решений, касающихся общего блага; формальные выборы выборами в реальном, содержательном смысле слова не являются; отсутствует политическая конкуренция; группы депутатов Государственной Думы, называемые «парламентскими политическими партиями» собственно политическими партиями не являются, поскольку представляют интересы отнюдь не групп общества, а госаппарата, бюрократии или силовых структур. Главное – пришло ощущение несогласия с тем, что «от тебя ничего не зависит».

Последнее принципиально противоречит сути модернизации. Внутренним содержанием процесса модернизации является одновременное изменение общества и его управляющей системы в режиме постоянного согласования и взаимной корректировки процессов самоорганизации и организации, самоуправления и управления. Все большее значение в этом процессе имеет активность индивида – экономическая, политическая, иная. Эффективность функционирования обществ как все более сложных самоорганизующихся систем зависит от относительной самостоятельности индивидов. Политические теории XX–XXI вв. фиксируют рост зависимости воспроизводства и действия политических институтов и систем от субъективного участия граждан. Легитимность политических институтов связана с вовлеченностью граждан в их функционирование и развитие. Система представительной демократии основана на гражданском и политическом участии, на постоянном обеспечении ответственности общеполитических решений и режима властвования и управления перед гражданами, на соотносительности властных институтов с частными интересами, множестве институтов и механизмов контроля граждан и их объединений за институтами государственной власти.

Реальная политическая модернизация, как показывает европейский опыт, состоит в расширении слоя активных участников политического процесса, и она есть следствие потребности активной части населения в освобождении индивидуальной инициативы, в усилении роли индивида и общественных объединений (как форм ассоциации автономных индиви-

дов) в определении собственной экономической, социальной, политической жизни. К этой роли уже была готова достаточно большая часть населения. Люди хотят определять свою жизнь сами. Потребность «работать на себя», а не «на чужого дядю» или государство, сформировалась у значительной части общества. Но на пути реализации этой потребности выстроено множество бюрократических и иных препятствий. Нынешний политический режим всячески противится выходу самостоятельных экономических и политических субъектов на публичную сцену, он стремится к «пьесе», в которой играет один коллективный актер – узкая группа элиты, принимающая политические решения и политическую «игру» лишь внутри себя. Представители данной группы, осуществляющие наличный политический режим, не стремятся делиться ролью субъекта политики с другими группами общества, поэтому ждать от них создания правовых и политических институтов, которые способствовали бы формированию конкурирующих с властвующей группой субъектов, не приходится.

Для эффективного развития общественного движения в позитивном направлении огромное значение имеет вера каждого в то, что небольшое действие – участие в акции протеста, или в суде в качестве присяжного заседателя и т.д., может оказать влияние на улучшение общей ситуации. Это вера и в свой индивидуальный политический потенциал, и в силу солидарных действий. Она поддерживается эмоциями, развивающимися циклично: от возмущения несправедливостью, к желанию и готовности выразить протест посредством солидарного действия к постепенному угасанию накала эмоций, к рутинизации действия. Важна роль лидеров, способных вдохнуть в массы эту веру, мобилизовать их, выработать стратегию и тактику общественного движения, создать организационные структуры, способные привести движение к успеху. Позитивные моменты развития форм политической активности в настоящее время связаны с распространением движения наблюдателей на выборах, с ростом гражданской компетентности, с креативностью лидеров и активистов, развитием их организаторских способностей, навыков самоорганизации, солидарности, разработкой новых оригинальных форм мирного протеста.

Политическая ситуация 2011–2012 гг. стала выражением политического кризиса, в том числе и кризиса легальных форм участия, поскольку политическая элита систематически препятствовала формированию реальных институциональных и символических факторов и условий для участия масс в политике. Приводимые политиками аргументы о неготовности россиян к демократии уже не могли рассматриваться в качестве обоснованных и адекватных реальности, поскольку известно, что граж-

данская компетентность формируется в процессе гражданского участия в различных формах самоуправления, солидарности и участия. Раздражающим общественное мнение фактором становились и учрежденные властью имитационные формы политического участия – Общественные палаты, Гражданский форум, Открытое (электронное) правительство и т. п. Манипулятивные технологии власти по ослаблению протестного движения показали частичную эффективность на определенное время, однако за его рамками они перестают действовать. Протест возникает как поначалу эмоционально-психологическая, а затем деятельная и рациональная реакция активной части общества на несправедливость тех или иных действий (бездействия, или конкретных мер, политики) власти, на проявления тех или иных противоречий и пороков политического порядка в целом. Протест – это одна из форм политического участия, имеющая вначале характер стихийной активности людей, но при взаимодействии с уже имеющимися в обществе социально-политическими движениями приобретающая все большую целенаправленность и упорядоченность. В ходе протестного движения активная часть общества осознает свои реальные социальные и политические потребности и интересы, а равно и интересы управляющего социального слоя. Что же составляет содержание протеста, чего требует возмущенная общественность?

На митингах звучали требования о необходимости смены авторитарного режима, основанного на правлении клики, на действии неформальных, теневых, во многом коррупционных отношений, практик и непрозрачных механизмов принятия политических решений, действующих «под прикрытием» формальных – конституционных политических институтов. Главным требованием активной общественности было создание иного политического порядка, при котором не будет рассогласования реального и имитационного, несоответствия обещаний и практических действий. Люди заявляли о потребности в открытой и честной политической власти, политической жизни и системе управления, нацеленной на решение назревших проблем общества. Был сформулирован запрос на изменение нынешнего порядка, на демократические политические институты и открытую политическую систему, на систему государственного управления, в которую будут вовлечены граждане, и эффективность которой будет определять широкий доступ граждан во власть. В своих требованиях общественность склонялась к партиципаторной модели демократического управления, с максимальным вовлечением граждан.

Без массового политического участия невозможно осуществить ни одно из направлений модернизации. Проблема заключается в том, что на-

ша политическая элита управляла государством и обществом, стремясь осуществлять исключительно технико-технологическую модернизацию без обновления экономической и политической системы, причем, делать это, не меняя способа и характера государственного управления, а предполагая использовать население как неистощаемый ресурс власти и послушную малоквалифицированную производительную силу. Из этого противоречивого и неадекватного реальности представления о направлениях и факторах модернизации логически вытекает, что на самом деле ни к какой модернизации, даже ограниченной (например, сферой экономики), власть никогда реально не стремилась. Скорее всего, элита надеялась на возможность чисто внешней или даже имитационной модернизации, не меняющей способа управления и политического порядка в целом. Действительная политическая модернизация связана с расширением и ростом массовости политического участия населения. Российская же государственная политика направлена в обратную сторону – создания все более изощренных бюрократических и иных барьеров против вовлечения населения в политику. Под декларации о создании кадрового резерва для государственного управления и социальных лифтов для молодежи происходило сокращение выбора сфер профессиональной деятельности и возможности горизонтальной социальной мобильности. Резкая социальная дифференциация населения стали препятствием переходам с одного уровня социальной пирамиды на другой, ограничили возможности вертикальной мобильности, возникли новые закрытые друг от друга «сословия». Государственная вертикаль и правящая партия сделали чрезвычайно ограниченным доступ в политическую элиту, фактически прекратилась ее ротация.

Парламентские и президентские выборы прошлого цикла проходили на фоне процесса делегитимации режима [Россияне 2012]. Большинство общества результаты выборов были приняты, но по крайней мере треть населения восприняла их как не вполне легитимные. По данным Левада-центра, протестные настроения охватывали от 25 до 35 % населения [Президентские выборы... 2012]. Власть не позволила в судебном порядке разобратся в степени нечестности выборов, требования их отмены всерьез не рассматривались, председатель Центризбиркома не был привлечен к ответственности за возможные фальсификации результатов, но был демонстративно награжден как бы в насмешку над митингующими. Неудовлетворенность действиями властей вылилась в общественную мобилизацию. Содержательное исследование протестного движения с использованием результатов качественного анализа данных было проведено Д. Волковым. Он отметил несколько направлений развития протестного движе-

ния: «наблюдение за выборами, участие независимых кандидатов в муниципальных выборах в Москве, массовые и индивидуальные акции протеста с политическими требованиями, акции гражданского неповиновения, в том числе “прогулки”, “гуляния” и молодежный “Оккупай”» [Волков 2012: 184]. Это было живое движение, сторонниками которого владело искреннее стремление установить правду – поставить под общественный контроль не только результаты выборов, но и ввести общественную подотчетность федеральных и региональных политиков и лидеров протестного движения, установить порядок антиавторитарной власти. Поначалу протестное движение как альтернатива путинскому режиму складывалось в разнообразное, состоящее из разных общественных сил и организаций, конкурентное, публичное политическое поле.

Общественность не стремилась к насильственным формам протеста, митинги первых месяцев показали мирный настрой людей, готовность к ненасильственному и толерантному к правоохранительным органам поведению, способность оппозиции к организации мероприятий, безопасных для участников и горожан. Однако любые массовые акции не могли быть защищены от провокаций как со стороны радикальной оппозиции (анархистов, ультранационалистов и т. п.), так и со стороны силовых структур. Именно отсутствие реальных политических реформ и позитивной реакции власти в виде приглашения общественности и оппозиции к диалогу неизбежно выталкивает протестное движение за пределы легального поля политики. Протестное движение 2011–2012 гг. не имело отлаженных организационных структур, программа и стратегия действий были сформулированы лишь в самом общем виде. Однако нет сомнений в том, что главной целью протестующих было изменение существующего, лицемерного по сути, социального и политического порядка, рассмотрение его как антимодернизационного. Исследователи рассматривали разные сценарии развития ситуации – мирный и насильственный, путем радикальной трансформации и путем инерционного развития. Высказывалась мысль о вероятности сценария «Политическая реакция», который может осуществиться вследствие перехода инициативы к радикальной оппозиции и трансформации ситуации в силовые конфликты [Дмитриев 2012]. К сожалению, в условиях отсутствия реального политического процесса (наличия политической конкуренции, честных выборов, наличия действующей публичной сферы политики) возможен путь радикализации политики, чреватый негативными последствиями. Основная часть требований внесистемной оппозиции являлась модернизационной по направленности, это свидетельствовало о значительном потенциале протестного движения. При определенных условиях – появлении новых ответственных политических

лидеров, способных выработать программу, организационную структуру и легальные способы коммуникации с властью, при отсутствии провокационных и насильственных действий со стороны власти и радикалов, или при способности и готовности оппозиции такие действия нейтрализовать, протестное движение способно было внести вклад в политическую модернизацию России.

Постепенно эти силы начинали осознавать и формулировать собственные социальные и политические интересы. Однако механизмов согласования интересов разных социальных сил, организаций и движений, способов разрешения конфликтов в рамках действующего политического порядка не было. Все это вело к нарастанию социальной напряженности и угрозам разрушения данного политического порядка. Поначалу реакцией власти на общественные протесты были заявления о внесении изменений в работу некоторых политических институтов. Однако постепенно прояснилась декларативно-имитационная суть этих заявлений. Испугавшись вначале, власть надавала массу обещаний по обновлению и демократизации правил политической игры. Однако, опомнившись, она обусловила реализацию предложений и законопроектов такими ограничениями, что из них исчезло реальное демократическое содержание и остались лишь популистские заявления. Новый закон о выборах лишь создавал иллюзию свободы, но сохранял запрет на формирование предвыборных объединений и блоков, в нем принципы многопартийности были доведены до абсурда, и предложены имитационные элементы модернизации политической системы. «...осознав опасность, власть перешла к привычным мерам подавления общественных инициатив – посредством ужесточения законодательства, точечных репрессий и громких политических процессов над оппонентами, повышая тем самым риски и цену независимого коллективного действия, создавая механизмы удушения публичной сферы» [Волков 2012: 184].

Вследствие устойчивого отказа властей от диалога с обществом и его представителями возникли серьезные признаки революционной ситуации. Все легальные формы обсуждения проблем, все публичные пространства и площадки были монополизированы властью, все каналы возможного влияния общества на принятие политических решений были перекрыты. В результате такой политики в настоящее время у общества почти полностью отсутствует реальная возможность влияния на власть посредством легитимных форм политической активности – участия в честных альтернативных выборах, петициях, согласованных с властью митингах, в функционировании общенационального и местных парламентов, региональных политических партий и движений, избирательных объедине-

ний, посредством форм прямой демократии. Нежелание власти открыть эти легальные возможности и тем самым разделить власть с общественностью, ограничить себя, детерминирует латентное нарастание политического кризиса, поскольку подталкивает активную часть общества к нелегитимным и неинституционализированным формам политического участия. Жесткость политического режима по отношению к обществу может обусловить радикализацию массового оппозиционного движения. В условиях политического отчуждения большинства населения, низкой его вовлеченности в политику, распространенной становится такая модель политического участия, как модель депривации. Хроническая неудовлетворенность людей непризнанием достоинства в каждом человеке, отсутствием реализации конституционных прав гражданина, ничтожной публичной ролью, которая обществу и каждому гражданину отводится российской властью, детерминирует развитие политической активности в радикально протестных формах. В конечном итоге исход любой политической ситуации определяется комплексом факторов и соотношением политических сил. Б. Кагарлицкий как-то сказал, что «революции делаются властью» [Фан 2007]. Поскольку российская власть все более замыкается в себе, отсекая все каналы и условия прямой и обратной коммуникации с обществом, и опирается на запретительные и силовые методы управления, революционный исход развития такой политической ситуации противостояния элиты и общества в определенный момент времени не исключен.

Литература

Абрахамсон П. (2001). Социальная эксклюзия и бедность // ОНС. № 2.

Авакьян С.А. (2012). Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение // Конституц. и муницип. право. № 1.

Айвазова С.Г. (2006). Семья как пространство частной жизни: новые функции и задачи // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России. М.

Валлерстайн И. (2004). Конец знакомого мира: Социология XXI века. М.

Волков Д. (2012). Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов // Вестн. обществ. мнения. № 3-4 (113).

Гельман В.Я. (2010). «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Полития. № 2 (57).

Гельман В.Я. (2003). Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // ПОЛИС. № 4.

Гельман В.Я. (2012). Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. № 4 (67).

Граждане и политические практики в современной России (2011) : воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.

Гражданское и политическое в российских общественных практиках (2013). М.

Гудков Л.Д. (2016). Парадоксы социальной структуры в России // Вестн. обществ. мнения. № 1-2 (122).

Даль В.И. (1998). Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.

Дмитриев М. (2012). Политический кризис не закончится, даже если протесты ослабнут // Ведомости. 24 мая.

Дмитриева А.В. (2012). Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // Социол. журн. № 2.

Завадская М.А. (2011). Арены участия: Россия в европейском контексте // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.

Зубарев С.М. (2011). Хрустальный купол фантазий. М.

Институциональная политология (2006) : Современный институционализм и политическая трансформация России. М.

Какабадзе Ш.Ш., Зайцев Д.Г., Звягина Н.А., Карастелев В.Е. (2011). Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов // ПОЛИС. № 3.

Кон И.С. Мужчина в меняющемся обществе. Состояние отцовства в России [Электронный ресурс].

Кузин О.Ю. (2010). Вовлечение граждан в политическую жизнь общества в условиях посткоммунистической трансформации России. Тула.

Лапин Н.И. (2012). Об опыте стадийного анализа модернизации // ОНС. № 2.

Лебедева Н.Н., Туманянц К.А. (2012). Препятствия модернизации в современной России // ОНС. № 1.

Левада Ю. (2006). Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестн. обществ. мнения. № 2(82).

Левинсон А. (2011). Наши М и наши Ж // Неприкосн. запас. № 2 (076).

Луман Н. (2006). Дифференциация. М.

Малинова О.Ю. (2004). Гражданство и политизация культурных различий // ПОЛИС. № 5.

Мартьянов В.С. (2009). Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург. Вып. 9.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. (2010). Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М.

Московичи С. (1999). Психология харизматического вождя // Райгородский Д. Я. Психология и психоанализ власти. Т. 2. Хрестоматия. Самара.

Никовская Л.И., Скалабан И.А. (2017). Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // ПОЛИС. № 6.

Пантин И.К. (2011). Русская революция как проблема политической философии // ПОЛИС. № 5.

Пастухов В.Б. (2011). «Перестройка» – второе издание. Революция и контрреволюция в России // ПОЛИС. № 1.

Патрушев С.В. (2009). Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // ПОЛИС. № 6.

Президентские выборы в России 2012 (2012) : постэлекторальный анализ [Электронный ресурс].

Ранкур-Лаферриер Д. (1999). Психоанализ Сталина // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 2. Хрестоматия. Самара.

Россияне о прошедших выборах и перспективах протестного движения (2012) [Электронный ресурс].

Соловьев А.И. (2000). Политология: Политическая теория, политические технологии. М.

Степанова Е.А. (2008). Фундаментализм и мания идентичности // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург. Вып. 8.

Степанова Е.А., Ефлова М. (2012). Социальная эксклюзия заключенных и экс-заключенных в России // Власть. № 1.

Тихонова Н.Е. (2012). Особенности «российских модернистов» и перспективы культурной динамики в России // ОНС. № 3.

Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и «лекарство» от него?) [Электронный ресурс].

Фан И.Б. (2007). «Революции делаются властью». Интервью с Б.Ю. Кагарлицким // Дискурс-Пи. Екатеринбург. Вып. 7.

Филиппова Л.Е. (2011a). Институциональное включение/исключение // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.

Филиппова Л.Е. (2011b). Стратегии институциональных изменений // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.

Фишман Л.Г. (2004). В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. Екатеринбург.

Фишман Л.Г. (2011). Исчезнет ли мораль? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург. Вып. 11.

Хлопин А.Д. (2011). Гражданская вовлеченность в социуме клик: потенциал институциональной трансформации // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка. М.

Эриксон Э. (1999). Психоанализ Гитлера // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 2. Хрестоматия. Самара.

Marshall T.H. (1973). *Class, Citizenship and Social Development*. Garden City ; New York.

Parsons T. (1972). *Commentary on Clarc* // Andrew Effrat (ed.) *Perspectives in Political Sociology*. Indianapolis.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в этой книге представлено понимание феномена гражданина как социокультурной роли правоспособной личности, члена гражданского общества и национального государства, роли субъекта прав и обязанностей, требуемой индивидом и предписываемой ему культурой и политической системой конкретного государства в целях достижения общего блага гражданской нации. Также автор считает, что исполнение роли гражданина предполагает реализацию целого набора функций, связанных с необходимостью участия личности в воспроизводстве и изменении социальных и политических институтов и их ценностных основ. Это понимание было погружено в контекст современного политического порядка в России. Что получилось в результате такого испытания – судить читателям, для нас важно сейчас зафиксировать некоторые выводы.

С позиции доминирующего официального дискурса и формально-юридического подхода решение искомой проблемы выглядит так: в России установлен институт гражданства, следовательно, все лица, которых по закону о гражданстве можно признать гражданами, таковыми и являются. Но какова действительная возможность реализовать роль гражданина в России для массы населения? Доступно ли для каждого россиянина иметь гражданство РФ именно как «устойчивую правовую связь человека с государством, выражающуюся в совокупности их взаимных прав, обязанностей и ответственности, основанную на признании и уважении достоинства, основных прав и свобод гражданина» [Федеральный закон № 62-ФЗ, 2002]?

Содержание, или реальное наполнение, института гражданства представляет собой систему осуществляющихся на практике прав и обязанностей гражданина и государства. Реализация вытекающих из гражданства прав является комплексным критерием эффективности государства и зависит от многих институциональных условий в государстве, и прежде всего от государственного суверенитета, территориального устройства государства, правового положения личности.

Исследование факторов и механизмов реализации политических и частных прав номинального гражданина показывает следующее. Нынешний политический порядок в России пронизывает противоречие между формальными нормами внешне современных политических институтов и неформальными практиками их функционирования. Конституционализм в России почти отсутствует: конституционный статус гражданина огра-

ничен писанным законом, конституция РФ не существует в виде действующего права как системы соблюдаемых сторонами обязательств. В результате реформ (административной, правовой системы и т.д.) был осуществлен принцип разделения властей, были подготовлены соответствующие законы, учреждены соответствующие органы, обеспеченные организационно и финансово. Однако все это функционирует лишь номинально. Принципиальной независимости исполнительная, судебная и законодательная ветви власти не обрели, поскольку реально была осуществлена монополизация всех государственных функций президентской властью. В результате политической борьбы, ведущейся с возникновения Конституционного Суда РФ и на протяжении двадцати пяти лет его существования, произошло ограничение его роли и функций в политико-правовой системе государства и чрезмерное возвышение президентской власти над всеми другими ветвями. В результате многочисленных законодательных и иных изменений КС РФ утратил роль высшего органа конституционного контроля и основного защитника прав и свобод граждан.

Действующих механизмов контроля гражданского общества над исполнительной властью и, особенно, над силовыми структурами, устанавливающих ответственность должностных лиц и органов власти за нарушения прав граждан, создано не было. Таким видом ответственности вряд ли можно считать отрешение Президентом РФ губернатора от должности. Основанием для отрешения от должности высшего должностного лица субъекта РФ по инициативе главы государства считается утрата доверия Президента РФ. Однако недоверие – это весьма субъективная моральная категория, к тому же по воле главы государства эта мера трансформировалась из института конституционно-правовой ответственности в меру ответственности политической. Применение данной меры ведет к нарушению конституционных принципов федерализма, народовластия, разделения и независимости властей. Это необоснованное вторжение в компетенцию субъектов РФ по формированию органов государственной власти, связанное с концентрацией правоприменительных полномочий у Президента РФ.

Те или иные ограничения политических прав граждан начинаются уже на уровне законодательства. В результате политики последних лет, нормы функционирования механизмов контроля над исполнительной властью – парламента, оппозиции, СМИ, гражданского общества, органов местного самоуправления, были существенно ослаблены. Законы, принятые в 2000-2010-е годы по инициативе администрации Президента, значительно сократили полномочия институтов, ограничивающих его

власть и гарантирующих соблюдение прав граждан. Следствием процесса централизации власти на уровне законодательства и в практиках государственного управления стало сворачивание принципов федерализма и территориального самоуправления, уничтожение самостоятельности регионов. Практически окончательно перераспределена власть от субъектов РФ к Администрации Президента. Созданы многочисленные препятствия для существования политической конкуренции: реальная оппозиция не представлена в Государственной Думе, участие независимых кандидатов в депутаты в политической жизни стало невозможным. Чтобы понять совокупный эффект от всех этих мер, достаточно ознакомиться с многократно вносимыми поправками и применением таких законов, как «О назначении губернаторов» (2004), «О политических партиях» (2001), «Об общественных объединениях» (1995), «Об Общественной Палате» (2005), «О противодействии терроризму» (2006). В новой редакции Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ» (2016) содержатся ограничения свободы мысли и слова, политической конкуренции, основополагающих принципов избирательного права – всеобщности, равенства, свободы, тайны голосования, прямого характера голосования и разумной периодичности выборов. Анализ законодательных и иных механизмов и способов концентрации властных ресурсов приводит к выводу о том, что российский государственный режим носит авторитарный характер. Политический порядок в России детерминируется гипертрофией личной власти главы государства, привилегиями доминирующей партии, огосударствлением СМИ, тотальным контролем за гражданским обществом, отсутствием обратной связи с населением.

Политические институты, ответственные за реализацию политических и иных прав граждан, не эффективны. Подавляющее большинство российских граждан не верят в возможность влиять на принятие государственных решений в стране и в результативность индивидуального и коллективного политического участия. Основой всего комплекса установок российских граждан в отношении к деятельности органов власти и политике является социально-политическое, правовое и моральное отчуждение.

Обладает ли массовый россиянин гражданской идентичностью, то есть является ли он *своим* среди целой нации, если он принадлежит к тому или иному меньшинству или если он не принадлежит к элите? Высказываются серьезные сомнения в том, что уже сформирована единая российская нация как основа национального государства. Население России представляет собой множество, разделенное на социальные ниши, кланы,

семьи, группы, в каждой из которых – разные основания деления на *своих и чужих*. Государственная власть способствует поляризации общества, делению его на инсайдеров – «политический класс», «элисту», и аутсайдеров – подавляющее большинство населения. Массовый гражданин в нынешней России фактически является аутсайдером.

С последним связано и специфически российское решение оппозиций *эгалитарное/элитарное и господство/подчинение*. Не работают институты и механизмы осуществления абстрактного юридического равенства между большинством населения и элитами. В российской политической системе элитарность (понимаемая не как избранность в силу индивидуальных достижений и заслуг, а нейтрально, как попадание в высший слой правящих) преобладает над эгалитарностью – «элита» господствует над массой и экономически, и политически, и посредством действующего права. Установка элиты на сохранение власти любой ценой порождает непрозрачность власти, стремление ликвидировать любые законодательные и фактические возможности открытой ротации управленческих кадров, доступа рядовым гражданам, активистам и лидерам общественно-политических движений к власти. Политическая система сегодняшней России *исключает* рядового гражданина из публичного обсуждения и принятия политических решений (законов), лишает доступа к распределению ресурсов и реализации прав и обязанностей, поощряя *неучастие* граждан в политике.

Как в России обстоит дело с реализацией принципов справедливости, правового равенства – всего того, что обозначается понятием *эгалитарного* ? Результаты реформы правовой системы в России, состояние правоохранительной и судебной систем, отношение россиян к суду, возможности судебной защиты прав граждан и соблюдения требования равенства сторон в судебном процессе показывают, что принципы верховенства права и равенства граждан перед законом почти не реализуются. Правом на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство номинально обладает все население России. Оно является гарантией осуществления всего спектра гражданских и политических прав со стороны правовой системы, особенно, судебной, поскольку позволяет восстановить уже нарушенные права. Осуществление этого права предусматривает реальный доступ гражданина (и человека) к правосудию, а его массовое нарушение подрывает доверие населения к судебной власти и государству. Однако массовый характер жалоб на нарушение права на справедливое судебное разбирательство, отсутствие справедливой процедуры для всех участников судебного процесса, отсутствие беспристрастности правосудия (суда) и независимости судей и т. д. говорят о том,

что судебная система зависима от исполнительной власти. У граждан РФ массово нарушаются и политические права, и частногражданские, и права человека. Это свидетельствует о том, что в России формально-правовой статус гражданина осуществляется избирательно, то есть этот статус не является универсальным, единым для всех социальных слоев. Принцип равенства перед законом не действует в отношении должностных лиц. Рядовой индивид не идентифицирует себя в качестве гражданина, субъекта гражданского общества и правового государства. Противоречие между номинальным статусом гражданина и реальным положением лица, беззащитного перед давлением правоохранительных, налоговых и иных органов государства, пронизывает жизнь и сознание российского обывателя.

Оппозиция организация/самоорганизация служит маркером степени развитости самоуправления в России. Речь о состоянии местного самоуправления как основании развитого гражданского общества, способного оказывать серьезное влияние на государство и государственное управление. К сожалению, приходится констатировать наличие негативных тенденций в этой сфере. Р. Ф. Туровский считает, что «местное самоуправление не выполняет имманентные ему функции агента локального сообщества и вместо этого стало агентом государственной власти, как федеральной, так и региональной» [Туровский 2015: 35]. Государственная власть (принципал) осуществляет такое управление, или организацию отношений, которое существенно ограничивает финансовую самостоятельность местного самоуправления (агента), в результате полномочия агента оказываются минимальными. Снижена финансовая автономия даже городских округов и региональных столиц, города фактически подчинены региональной власти по модели сити-менеджера, городские администрации превращены в филиалы региональных правительств. Все это приводит к ликвидации прямой связи института самоуправления и местного сообщества, что в свою очередь вызывает неприятие местного населения в способности органов местного самоуправления решать важные социальные задачи. Последнее способствует распространению гражданской пассивности, выражающейся в отсутствии возможности местного сообщества влиять на формирование корпуса мэров, а также в низкой явке избирателей на выборах мэров и представительных собраний.

Ментальное измерение феномена гражданина составляет совокупность социокультурных условий и возможностей, в числе которых правовая и политическая культура населения и элиты. Исследования показывают, что массовое сознание пронизывает недоверие к деятельности

любых органов государственной власти, отсутствие надежды на повышение их эффективности и правовой защищенности граждан в будущем. Для граждан характерен весьма низкий уровень правового сознания, которое к кому же разъедает правовой релятивизм в понимании фундаментальных ценностей – равенства перед законом, свободы, справедливости, закона, права. Несмотря на четверть века с начала судебной реформы, большинство населения воспринимает себя не в качестве полноправной стороны в судебных спорах с должностными лицами и органами государства, а традиционно как просителей милости, то есть подданных.

Представление о публичной и частной жизни российского гражданина, выражаемой оппозицией *частное/публичное*, дает нам изучение политической культуры. Населению присущ политический релятивизм, инструментальное отношение к политике как способу решения личных проблем (для элиты), пессимизм в оценке возможности влияния рядового гражданина на политику. Причины плачевного состояния публичной сферы обусловлены фрагментарностью социальной структуры общества, порождающей «партикуляристскую гражданственность» и препятствующей формированию универсальных норм взаимодействия. Политика как коллективная возможность коммуникации и согласования интересов остается невостребованной. Отсутствует институционализируемая публичность, индивиды являются членами замкнутых групп, в которых не поощряется толерантность по отношению к Другому (чужому) – мнению, интересам, социальному опыту. В России не формируется сфера политики, где могли бы быть выражены и согласованы интересы и ценности различных общественных групп при посредничестве политических партий, общественно-политических движений и других организаций. Граждане отчуждены от политики, поскольку государство регулярно применяет технологии политической эксклюзии. Гражданская культура присуща лишь малой части населения. Частная жизнь массового гражданина (частная собственность, личная свобода и неприкосновенность, безопасность) также не защищена от вмешательства государства. Исторически в России существовала система власти, покровительствующая подданным в обмен на их преданность, не ограниченная правом. В нынешних условиях действует инерция сохранения односторонней зависимости российского населения от верховной и региональной власти, проявляющейся в отсутствии разграничения приватного и публичного.

Все параметры, выраженные бинарными оппозициями модели гражданина, показывают, что отнести к россиянам понятие «гражданин»

можно лишь номинально. Напрашивается вывод о том, что в России слабо реализуется проект политической и иной модернизации, так как институты государства функционируют, по преимуществу, в качестве системы отстранения массового гражданина от участия в определении целей государственной политики и управления, а граждане не становятся значимыми субъектами политики. При этом существуют институты гражданского общества, которые ведут достаточно активную деятельность по защите тех или иных прав населения. Однако деятельность общественных объединений, хотя бы косвенно связанная с политикой, критикой деятельности органов государственной власти и должностных лиц, разными способами подавляется. На наш взгляд, в России зависимость гражданского общества от государства лишь усиливается. У нас не происходит не только «превращения буржуа в граждан», не формируется «политическое гражданское общество как форма производства политической гражданственности» [Капустин 2011: 142], но законсервирован процесс формирования буржуа – среднего класса, массового «частного человека» как носителя базовых гражданских прав.

Используемая нами методология исследования отчасти основывалась на соотнесении нормативных концепций демократического транзита и реального положения отдельного россиянина, определяемого степенью реализации его политических и иных прав и свобод. Безусловно, она нуждается в развитии для более адекватного отражения специфики политической реальности в России. В последнее двадцатилетие нарастает критическое осмысление парадигмы транзита, внимание исследователей направляется на анализ реального политического порядка в посткоммунистических и иных странах, уже не представляющегося «переходным». Это требует корректировки методологии исследования с учетом неслучайного характера политического порядка в этих странах, того, что «естественные государства не больны», у них есть собственная логика эволюции и способность исполнить функции поддержания стабильности и порядка. Нужно признать, что «западные институты не могут быть просто пересажены в развивающиеся страны», и попытаться найти объяснение того, «почему сама динамика естественных государств (к которым относятся и Россия, и ряд бывших республик СССР. – *И. Ф.*) препятствует институтам открытого доступа или же перестраивает их под себя» [Норд, Уоллис, Вайнгаст 2011: 449]. Для этого необходимо отказаться от телеологии и жесткой обязательной логики поэтапного «перехода», свойственной парадигме транзита, и учета «специфического институционального наследия предшествующих режимов» [Карозерс 2003: 58]. Нужно осознать имеющиеся в ряде стран препятствия на пути демократизации:

чрезмерную концентрацию экономического могущества в руках правящей группировки, отсутствие границы между правящей партией и государством, скрытое, но целенаправленное сопротивление правящей группы и государственного аппарата реальной демократизации социальных и политических отношений [Карозерс 2003: 52, 59]. Расхождения между реальностью, складывающейся в посткоммунистических государствах, и положениями парадигмы транзита, уже фиксировались исследователями. Однако инерция в теории и методологии сказывалась на представлениях о политической ситуации.

В отечественных социальных науках существуют разные подходы к определению характера нынешнего политического порядка в России. Наиболее перспективной, по нашему мнению, является концепция неофеодализма (неопатримониализма). Она «позволяет объединить в систему разрозненные концепции, характеризующие те или иные особенности современной российской политики... Это такие концепты, как неформальные институты, клиентелизм, ресурсно-распределительная система, клановость, nepотизм и пр.» [Россия в поисках идеологий 2016: 212]. Данная парадигма позволяет исследовать сосуществование архаических, модерных и постмодерных явлений, отношений, процессов, которое в рамках транзитологии объяснить было невозможно. Концепция неофеодализма, основы которой заложены в ряде исследований, и в первую очередь в работах М. Н. Афанасьева [Афанасьев 2000], отталкивается от тезиса о тождестве власти и собственности и характеризует политический порядок в России как неопатримониальный. Благодаря этой концепции открывается возможность понять генезис и особенности политической системы в постсоветской России и характер отношений между индивидом и государством. А. Фисун выделяет следующие характеристики неопатримониальной модели государства: формирование класса рентоориентированных политических предпринимателей, использующих политические возможности слияния власти и собственности; частное использование государственно-административных ресурсов (силовых и фискальных структур), которые применяются для подавления политического сопротивления и устранения экономических конкурентов; ключевая роль клиентарно-патронажных отношений и связей в экономике и политике [Фисун 2007: 23]. Еще одна черта данного порядка – направленность к архаике, «сырьевой авторитаризм, авторитаризм без развития» (Л. Г. Фишман) [Россия в поисках идеологий 2016: 197].

Модерные политические институты в современном российском политическом порядке составляют периферию, ядро же властно-

политической организации российского общества образует «рентно-сословный политический порядок» [Мартьянов 2016: 81]. В числе этих институтов – институт гражданства, конституционный статус гражданина, как и их ценностная основа – гражданская политическая культура. Следовательно, исследуя несоблюдение российским государством политических и иных прав гражданина, мы подвергаем критическому анализу находящиеся на периферии данной организации формы, имеющие имитирующий характер, но ядра этой властной организации не затрагиваем.

С точки зрения концепции нефеодализма основой социальной структуры российского общества является объем доступа, роль и статус той или иной группы населения в механизмах рентного политического порядка и распределения ресурсов. Это фундамент образования сословий в российском обществе. Взяв за основу способ получения ренты от государства, С. Кордонский выделил следующие сословия в российском обществе: 1) служилые сословия (власть) – политические элиты, государственные и муниципальные служащие, силовики; 2) рентозависимое большинство (народ) – бюджетники, пенсионеры, сотрудники естественных монополий; 3) предприниматели (самозанятое население); 4) маргиналы [Кордонский 2008]. Первая группа составляет 5 % населения, вторая – 65 %, третья – 15 %, четвертая – 15 %.

С учетом положений концепции нефеодализма некоторые элементы нашей модели гражданина, например бинарные оппозиции, выглядят иначе. Появляется возможность объяснить, в частности, причины наличного соотношения публичного и частного. «Специфической особенностью патримониализма является ... апроприация (присвоение) сферы управления официальными носителями политической власти, а также нерасчлененность публично-политической и частной, приватной сферы социума, в результате чего государство управляется как частное владение («вотчина») правящих групп, которые на основе системы власти-собственности приватизируют различные общественные функции и государственные институты» [Фисун 2007: 9–10]. Еще одной чертой российского политического порядка является сохранение им имперской структуры: «Внутренняя империя (властный аппарат, высшее сословие, партия власти, олигархи номенклатура и т.д.) является ядром, транслирующим свои интересы и управленческие импульсы на периферию (народ) с помощью нарративов государственных интересов, патриотизма, модернизации и т.д.» [Мартьянов 2016: 87]. В имперских обществах, связанных с патримониальными режимами, распределение ресурсов и принятие политических решений осуществлялось по центр-

периферийной модели. Периферия самостоятельно не распоряжалась собственными ресурсами и не определяла стратегию своего развития.

В настоящее время в России связь индивида и государства носит иной по сравнению с модерным институтом гражданства характер. Связь эта не двусторонняя, не политико-правовая, а асимметричная, патрон-клиентская. Это обусловлено разным характером отношений в «ядре» политического и экономического порядка и на «периферии». Политико-правовой статус массового индивида определяется тем, что граждане не рассматриваются государством в качестве основного экономического ресурса, но формально-юридически вынужденно считаются политическим ресурсом и источником легитимности власти. В сырьевом комплексе страны как источнике ренты занято всего 1,5 % населения, следовательно, большинство населения для ресурсного государства является лишним. Формальное гражданство в России не смягчает ни экономического, ни социального неравенства, порождаемого чрезвычайно высокой поляризацией в обществе. Развитие человеческого потенциала противоречит логике сословного ресурсного государства. Таким образом, статус гражданина как субъекта политического участия в принятии и исполнении государственных решений, в том числе по распределению общественных доходов, не функционален для российского государства. Поэтому данный статус и не становится универсальным, в правовом отношении равным для всех. Реальный статус индивида определяется наследием имперского принципа *господства/ подчинения*, по сути подданства, влиянием новой сословности и внешними элементами модернового гражданства. Он обусловлен двумя рядами противоречий: между «оболочкой» и «ядром» политического порядка, то есть между формально-декларативным его статусом и реальным положением в системе патримониальных отношений, но еще и между статусом граждан, относящихся к патронам, определяющим функционирование ядра патримониальных отношений, и статусом граждан, относящихся к клиентам, находящихся на периферии. Более того, неравенство в статусах, а, следовательно, и правовая и социальная иерархия граждан возникает еще и между клиентами «ядра» и периферии. Но проверка данной гипотезы требует дальнейших исследований. Условия существования российского гражданина и функционирование института гражданства в настоящее время показывают существенные расхождения с характером европейского гражданства.

Афанасьев М.Н. (2000). Клиентелизм и российская государственность. М.

Капустин Б.Г. (2011). Гражданство и гражданское общество. М.

Карозерс Т. (2003). Конец парадигмы транзита // Полит. наука. № 2.

Кордонский С. (2008). Сословная структура постсоветской России. М.

Мартьянов В.С. (2016). Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе // ПОЛИС. № 4.

Норд Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.

Россия в поисках идеологий (2016) : трансформация ценностных регуляторов современных обществ. М.

Туровский Р.Ф. (2015). Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // ПОЛИС. № 2.

Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. 2016) [Электронный ресурс].

Фисун А. (2007). Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, полномочия // Отечеств. записки. № 6 (39).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Законы

Федеральный закон от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (ред. 2016) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ред. от 01.05.2016) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (действующая ред., 2016) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Федеральный закон от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»» (ред. от 03.07.2016) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Федеральный закон от 06 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (действующая ред., 2016) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Федеральный закон от 23 мая 2015 года № 133-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и в Федеральный закон «О политических партиях» (действующая ред., 2016) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

Монографии, статьи, сборники

Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // ОНС : Обществ. науки и современность. 2001. № 2. С. 158–166.

Авакьян С.А. Демократия протестных отношений: конституционно-правовое измерение // Конституц. и муницип. право. 2012. № 1. С. 3–17.

Аверинцев С.С. Древнегреческая поэтика и мировая литература // Поэтика древнегреческой литературы : [сб. статей] / отв. ред. С.С. Аверинцев. М., 1981. С. 3–14.

Аг А. Гражданское общество // Политология вчера и сегодня. М., 1991. Вып. 3.

Айвазова С.Г. Семья как пространство частной жизни: новые функции и задачи // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М. : ИСП РАН, 2006. С. 140–158.

Александр Дж. Власть, политика и гражданская сфера // СОЦИС : Социол. исслед. 2009. № 10. С. 3–17.

Александр Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт // СОЦИС : Социолог. исслед. 2002. № 10. С. 3–11.

Алкер Х.Р. Политическая методология: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999. С. 766–778.

Алмонд Г. Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999. С. 69–112.

Андреева Н. Как деревня выпала из состава РФ // Новая газ. на Урале. 2009. № 24, 11 марта.

Аристотель. Политика // Платон. Аристотель. Политика. Наука об управлении государством. М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. С.307–584.

Астафичев П.А. Механизм ограничений прав и свобод человека и гражданина и проблемы его совершенствования // Конституц. и муницип. право. 2011. Вып. 1. С. 7–11.

Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2000. 318 с.

Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. М. : Юрид. лит., 1992. 448 с.

- Баум Г. Спасти права граждан. 2-е изд., доп. М. : Сектор, 2015. 156 с.
- Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
- Бачинин В.А., Сальников В.П. Философия права : Краткий словарь. СПб. : Лань, 2000. 400 с.
- Беляева Н.Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // ПОЛИС : Полит. исслед. 2007. № 1. С. 22–31.
- Бергер П. Приглашение в социологию. Гуманистическая перспектива. М. : Аспект Пресс, 1996. 168 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
- Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М., 1991. С. 11–30.
- Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России. М. : Агентство «Издат. сервис», 2004. 544 с.
- Бляхер Л.Е. Моральная экономика и моральная политика // ПОЛИС : Полит. исслед. 2001. № 1. С. 64–72.
- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., 1986. 624 с.
- Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. М. : ФОЛИО, 2001. 472 с.
- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI в. / пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М. : Логос, 2004. 368 с.
- Вебер М. Избранные произведения : пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова ; предисл. П.П. Гайденко. М. : Прогресс, 1990. 808 с. – В содерж.: Протестантская этика и дух капитализма. С. 61–272.
- Верховский А., Паин Э. Цивилизационный национализм: российская версия «особого пути» // Идеология особого пути в России и Германии: истоки, содержание, последствия / под ред. Э. Паина. М. : Три квадрата, 2010. С. 178–183.
- Виноградов В.В. История слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : 1999. 1138 с.
- Владимирский – Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Изд. 3-е. Киев ; СПб. : Изд. Н.Я. Оглоблина, 1900. 690 с.
- Власть, бизнес и гражданское общество. Материалы дискуссий. М. : Объединен. гуманит. изд-во, 2003. 279 с.

Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1997. 304 с.

Волков А.Д., Привалов А.Н. Скелет наступающего. Источник и две составные части бюрократического капитализма в России. СПб. : Питер, 2008. 272 с.

Волков В.В. Силовое предпринимательство, XXI век: экономико-социологический анализ. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2012. 352 с.

Волков Д. Протестное движение в России глазами его лидеров и активистов // Вестн. обществ. мнения. 2012. № 3-4 (113). С. 141–185.

Ворожейкина Т., Гудков Л., Зоркая Н., Овакимян А. Мониторинг отношения российского населения к судебной реформе и судебной системе // Вестн. обществ. мнения. 2014. № 3–4 (118). С. 13–69.

Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М. : Сов. Россия ; Октябрь, 1991. 624 с.

Вошанов П. Номенклатура возвращается // Новая газ. 2004. № 77, 18-20 окт. С. 6

Гаврилов Г.А. Феномен политической оппозиции: теоретический аспект // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2002. Вып. 3. С. 217–228.

Гаврилюк В.В., Маленков В.В., Гаврилюк Т.В. Современные модели российской гражданственности // СОЦИС : Социол. исслед. 2016. № 11. С. 97–106.

Галюкова М.И. Профессиональные преступления медицинских работников: современное состояние проблемы// Криминолог. журн. 2007. № 3–4. С. 37–41.

Гарбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной власти. Опыт комплексного анализа. СПб. : Норма. 480 с.

Гачев Г.Л. Ментальности народов мира. М. : Алгоритм : Эксмо, 2008. 544 с.

Гельман В.Я. «Подрывные» институты и неформальное управление в современной России // Полития. 2010. № 2 (57). С. 6–24.

Гельман В.Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб. : БХВ-Петербург, 2013. 256 с.

Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // ПОЛИС : Полит. исслед. 2003. № 4. С. 6–25.

Гельман В.Я. Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма: Препринт М-41/1. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2015. 44 с.

Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития. 2012. № 4 (67). С. 65–88.

Гельман В.Я., Стародубцев А.В. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов // Полития. 2014. № 4 (75). С. 6–30.

Голосов Г.В. Демократия в России: инструкции по сборке. СПб. : БХВ-Петербург, 2012. 208 с.

Гольц А. Вся королевская врать // Новая газ. 2005. № 17, 10–13 марта. С. 7.

Гончаров Д.В. По ту сторону «негражданственности» // ПОЛИС : Полит. исслед. 2002. № 5. С. 34–42.

Горький А.М. Сочинения. В 30 т. Т. 23. М. : Гос. изд. худож. лит., 1953. 464 с.

Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. кол.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М. : Рос. акад. полит. наук (РАПН) ; Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. 318 с.

Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. М. : РОССПЭН, 2013. 524 с.

Гражданское общество: Мировой опыт и проблемы России. М., 1999. 312 с.

Гудков Л. Парадоксы социальной структуры в России // Вестн. обществ. мнения. 2016. № 1–2 (122). С. 122–123.

Гудков Л. Российская повседневность : доклад к X науч.-практ. конф. Гуманит. ун-та «Человеческая жизнь: ценности повседневности в социокультурных программах и практиках», 5-6 апр. 2007 г. Екатеринбург : Гуманит. ун-т, 2007. 48 с.

Гудков Л.Д. Абортивная модернизация. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. 630 с.

Гудков Л.Д. Негативная идентичность. М. : Новое лит. обозрение : ВЦИОМ-А, 2004. 817 с.

Гудков Л.Д. Условия воспроизводства «советского человека» // Вестн. обществ. мнения. 2009. № 2 (100). С. 8–37.

Гудков Л.Д., Дубин Б., Зоркая Н. Российская судебная система в мнениях общества // Вестн. обществ. мнения. 2010. № 4 (106). С. 7–43.

Гудков Л.Д., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в современной России: Размышления над результатами социологического исследования. М. : Фонд «Либерал. миссия», 2007. 372 с.

Гудков Л.Д., Дубин В. Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. Т. 9, № 2 (29). С. 25–40.

Гуревич А.Я. Ментальность // 50/50: Опыт словаря нового мышления / под общ. ред. М. Ферро и Ю. Афанасьева. М. : Прогресс, 1989.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. I. А–З / под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М. : Цитадель, 1998. 1752 стб. – В содерж.: Воля. Стб. 584-588; Власть. Стб. 522; Городить. Стб. 939; Гражданин. Стб. 962; Закон. Стб. 1469–1470.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. II. И–О. М. : Цитадель, 1998. 2031 стб. – В содерж.: Истина. Стб. 140; Лицо. Стб. 667–670; Обывать. Стб. 1633.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. III. П–Р. М. : Цитадель, 1998. 1782 стб. – В содерж.: Правда. Стб. 985; Право. Стб. 990-993.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. IV. М. : Цитадель, 1998. 1620 стб. – В содерж.: Сила. Стб. 152-154; Собственник. Стб. 341; Собы. Стб. 342; Сословие. Стб. 409; Состоянка. Стб. 413.

Дарендорф Р. 1993. Мораль, институты и гражданское общество // Путь : Междунар. филос. журн. № 3.

Даугавет А.Б. Неформальные практики российской элиты. Апробация когнитивного подхода // ПОЛИС : Полит. исслед. 2003. № 4. С. 26-38.

Джилас М. Новый класс // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1990.

Дмитриев М. Политический кризис не закончится, даже если протесты ослабнут [Электронный ресурс] // Ведомости. 2012. 24 мая. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1779345/ustalost_zrelost_konfrontaciya (дата обращения: 30.05.2012).

Дмитриева А.В. Социальное включение/исключение как принцип структуризации современного общества // Социолог. ж-л. 2012. № 2. С.98–114.

Доган М. Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М., 1999. С. 113-148.

Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год // Рос. газ. 2008. 14 марта.

Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год // Рос. газ. 2009. 17 апр. С. 11.

Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год // Рос. газ. 2016. 24 марта.

Завадская М.А. Арены участия: Россия в европейском контексте // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл. : С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М. : Рос. акад. полит. наук (РАПН) ; Рос. полит. энц. (РОССПЭН), 2011. С. 201–216.

Завершинский К.Ф. Политический миф в символических практиках властных коммуникаций: теоретические экспликации // Символическая политика : сб. науч. тр./ ред. колл.: Малинова О.Ю. (гл. ред.) и др. М., 2015. Вып. 3. С. 92–107.

Закатнова А. Курс начинающего либерала // Рос. газ. 2007. 15 марта.

Законы о состояниях. IX том Свода законов по официальному изданию 1876 г. и продолжениям 1880, 1891 и 1893 гг. / сост. А. Скоров и А. Полянский ; изд. моск. юрид. кн. магазина А.Ф. Скорова. М. : Типо-лит. высочайше утвержденного Т-ва И.Н. Кушнеревъ и К, 1895. 452 с.

Зверева Г. Националистический дискурс и сетевая культура // Pro et Contra. 2005. Т. 9, № 2 (29). С. 6–24.

Зон Г. Ван. Культ власти в контексте социальных и экономических отношений в России // Мир России. 2007.-№ 4. С. 148–159.

Зубарев С.М. Хрустальный купол фантазий. М. : Academia, 2011. 288 с.

Игрицкий Ю.И. Повседневная Россия // Полит. наука. 2012. № 1. С. 119–140.

Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семенов. М. : Весь мир, 2017. 992 с.

Изгоев А.С. Об интеллигентской молодежи (Заметки об ее быте и настроении) // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С.97–121.

Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 361–387.

Ильин И.А. О тоталитарном режиме // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1958–1954 годов: в 2 т. М., 1992. Т. 1.

Ильин М.В. Политический дискурс: слова и смыслы (Государство) // ПОЛИС : Полит. исслед. 1994. № 1. С. 127–140.

Ильин М.В. Политическое самоопределение России // Pro et Contra. Т.4. № 3. Лето 2000. С.65–84.

Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1997. 432 с.

Индекс произвола // Новая газ. 2005. № 07 (1032), 31 янв. – 2 февр.

Индикаторы развития гражданского общества в России: результаты 10 лет наблюдения, 2016 // Информационно-аналитический Бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. 2016. № 1(9), июнь. С. 6–11.

Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М., ИСП РАН, 2006. 590 с.

Историческая политика в XXI веке : сб. ст. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 648 с.

Кавелин К.Д. Взгляд на юридический быт древней России // Кавелин К.Д. Собр. соч.. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. Т. 1. С. 5–66.

Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 2. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. XXXII с., 1258 стб.

Какабадзе Ш.Ш., Зайцев Д.Г., Звягина Н.А., Карастелев В.Е. Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов // ПОЛИС : Полит. исслед. 2011. № 3. С. 88-108.

Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество / пер. с англ. Ю. Дергунова. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2011. 224 с.

Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 1998. 308 с.

Карозерс Т. Конец парадигмы транзита // Полит. наука. 2003. № 2. С. 42-65.

Карсавин Л.П. Путь православия // Карсавин Л.П. Малые сочинения. СПб., 1994. С. 343–360.

Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. В 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1991. 409 с.

Каспэ С.И. Пустое место: демократия как политическая форма // Полития. 2016. № 2 (81). С. 6–32.

Качкаева А. «Национальное достояние» «нации телезрителей»: трансформация российского телевидения (2014–2016 гг.) // Вестн. обществ. мнения. 2016. № 1–2 (122). С.41–51.

Каширских О. «Демократия начинается дома», или К вопросу о политической компетентности россиян // Вестн. обществ. мнения. 2014. № 3-4 (118). С. 70–79.

Кашников Б.Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород : Изд-во Новгор. ун-та, 2004. 260 с.

Кертман Г.Л. Государственный патернализм как мера власти и политики // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М. : ИСП РАН, 2006. С. 122–140.

Ким Е.П., Михайличенко А.А. Состояние и структура криминальной смертности в России и некоторые проблемы ее предупреждения // Криминолог. журн. 2007. № 3–4. С. 15–20.

Кимберг А.Н. Личность: перспектива идентичности // Идентичность: Личность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И.С. Семенов ; ИМЭМО РАН. М. : Весь мир, 2017. С. 255–262.

Кимлика У. Современная политическая философия: введение / пер. с англ. С. Моисеева; Гос. ун-т – Высш. шк. экономики – М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. 592 с.

Киреевский И.В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России // Моск. сборник. М., 1852. Т. 1. С. 48.

Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. Т. 1. М. : М.И. Кошелев, 1861. 312 с.

Кистяковский Б. Государство правовое и социалистическое // Вопр. философии и психологии. 1906. Кн. 85.

Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 122–149.

Клименко Е.В. Интеграция и различия. О гражданской нации в России // ПОЛИС : Полит. исслед. 2015. № 6. С. 131–143.

Климцев В. Кошмар для предпринимателя // Новая газ. на Урале. 2009. № 24, 13 марта. С. 4.

Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 6. Специальные курсы / под ред. В.Л. Янина ; послесл. Р.А. Киреевой ; коммент. сост. В.Г. Зимина, Р.А. Киреева. М. : Мысль, 1989. 480 с. – В содерж.: Терминология русской истории. С. 94–224; История сословий в России. С. 225–391.

Клямкин И.М., Тимофеев Л.М. Теневая Россия: Экономико-социологическое исследование. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2000. – 595с.

Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 1995.

Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л. : Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1986. 312 с.

Кон И.С. Мужчина в меняющемся обществе. Состояние отцовства в России [Электронный ресурс]. URL : http://www.rumagic.com/ru_zar/sci_psychology/Кон/3/30.html (дата обращения: 19.09.2013).

Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность высших должностных лиц субъектов РФ: конституционно-правовые аспекты и вопросы реализации в законодательстве // Изв. вузов. Правоведение. 2012. № 6. С. 92–105.

Кондрашев А.А. Особенности современного формирования политической системы России в контексте характеристики государственного режима // Конституц. и муницип. право. 2012. № 5. С. 21–32.

Конфликты в современной России (проблемы анализа и регулирования) / под ред. Е.И. Степанова. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 344 с.

Кордонский С. Сословная структура постсоветской России. М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2008. 216 с.

Кордонский С.Г., Дехант Д.К., Моляренко О.А. Сословные компоненты в социальной структуре современной России // Отечеств. записки. 2012. № 1. С. 74–91.

Костарев А. Неравенство – до и после// Неприкоснов. запас. 2015. № 5 (103). С. 3–10.

Костокрызов П.И. Юридическая антропология в поисках парадигмы // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 81–99.

Кострюкова О.Н., Осипов Г.Р., Саренков А.А. Семантический анализ концепта «подчинение» в поле оппозиции «приватное – публичное» // ПОЛИС : Полит. исслед. 2007. № 1. С. 62–70.

Коэн Дж. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М. : Весь мир, 2003. 784 с.

Краснов М., Сатаров Г. «Когда отсутствует воля граждан, никакие конституции не помогут» : Диалог Михаила Краснова и Георгия Сатарова // Сравн. конституц. обозрение. 2013. № 6 (97). С. 33–42.

Краснов М.А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // ОНС : Обществ. науки и современность. 2008. № 5. С. 68–79.

Краснов М.А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» // ОНС : Обществ. науки и современность. 2008. № 6. С. 27–38.

Краснов М.А. Статус главы государства как элемент авторитарного потенциала президента // Государство и право. 2015. № 1. С. 5–16; № 2. С. 5–17.

Краснов М.А., Шаблинский И.Г. Российская система власти: треугольник с одним углом. М. : Ин-ут права и публичной политики, 2008.

Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. 384 с.

Кузин О.Ю. Вовлечение граждан в политическую жизнь общества в условиях посткоммунистической трансформации России [Электронный ресурс] : дис. ... канд. полит. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/vovlechenie-grazhdan-v-politich...> (дата обращения: 27.05.2013).

Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Советской Конституции. 2-е изд., доп. М. : Политиздат, 1987. 367 с.

Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Новые люди в старой системе // Новые известия. 2002. № 170–171, сент.

Кутковец Т.И., Клямкин И.М. Нормальные люди в ненормальной стране // Моск. новости. 2002. № 25, 3 июля.

Лапин Н.И. Об опыте стадийного анализа модернизации // ОНС : Обществ. науки и современность. 2012. № 2. С. 53–65.

Лаппо-Данилевский А.С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времени смуты и до эпохи преобразований // ПОЛИС : Полит. исслед. 1994. № 1. С. 178–185.

Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. Ч. 1. Теория исторического знания. СПб., 1912.

Латов Ю.В. Призрак «революционной ситуации»: протестные действия и протестные настроения современных россиян // ОНС : Обществ. науки и современность. 2017. № 2. С. 36–51.

Лебедев А.В. Политические права и свободы граждан Российской Федерации (конституционно-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003. 26 с.

Лебедев В.М. Судебная власть в современной России. СПб., 2001. 278 с.

Лебедева Н.Н., Туманянц К.А. Препятствия модернизации в современной России // ОНС : Обществ. науки и современность. 2012. № 1. С. 16–26.

Левада Ю. Общественное мнение в политическом зазеркалье // Вестн. обществ. мнения. 2006. № 2 (82). С. 7–17.

Левада Ю. Свобода от выбора? Постэлекторальные размышления // Вестн. обществ. мнения. 2004. № 2 (70). С. 5–15.

Левада-центр. О правах человека, интересах власти и общества в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/17-11-2011/o-pravakh-cheloveka-interesakh-vlasti-i-obshchestva-v-rossii> (дата обращения: 12.04.2015).

Левинсон А. Наши М и наши Ж // Неприкоснов. запас. 2011. № 2 (076). С. 136–140.

Леви-Строс К. Путь масок. М. : Республика, 2000. 399 с.

Леви-Строс К. Структурная антропология. М. : Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.

Лейбо Ю.И., Толстопятенко Г.П. Права и свободы человека и гражданина : науч.-практ. коммент. к главе 2 Конституции РФ. 2-е изд. М. : Зерцало-М, 2000. 489 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 24. М. : Изд-во полит. лит., 1973. 568 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 34. М. : Изд-во полит. лит., 1969. 585 с.

Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. СПб.: «Наука», 1991. С.171–296.

Лисюк Ю.А. Отчуждение российских граждан от права // Общество и право. 2009. № 2 (24). С. 33–35.

Лобанова О. От обывателей к активистам – и обратно. Обзор протестных исследований в России 1991-2015 годов // Неприкоснов. запас. 2015. № 5 (3). С. 24–36.

Лор Э. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу / пер. с англ. М. Семиколенных. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 344 с.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Новые аспекты изучения культуры Древней Руси // Вопр. лит. 1977. № 3.

Луман Н. Дифференциация / пер. с нем. Б. Скуратов. М. : Логос, 2006. 320 с.

Луман Н. Медиа коммуникации. М. : Логос, 2005. 280 с.

Максименко В. Идеологема *civil society* и гражданская культура // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 1. С. 113–128.

Малахов В.С. Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество / под науч. ред. А. Смирнова. М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2011. С. 8–9.

Малинова О.Ю. «Политическая культура» в Российском научном и публичном дискурсе // ПОЛИС : Полит. исслед. 2006. № 5. С. 106–128.

Малинова О.Ю. Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии // ПОЛИС : Полит. исслед. 2004. № 5. С. 7–17.

Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // ПОЛИС : Полит. исслед. 2007. № 1. С. 6–21.

Малинова О.Ю. Миф как категория символической политики: анализ теоретических развилки // ПОЛИС : Полит. исслед. 2015. № 4. С. 12–21.

Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // ПОЛИС : Полит. исслед. 2016. № 6. С. 139–158.

Мартьянов В.С. В поисках парадигмы позднего Модерна // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2010. Вып. 10. С. 135–148.

Мартьянов В.С. Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния РАН. Екатеринбург : УрО РАН, 2009. Вып. 9. С. 230–248.

Мартьянов В.С. Политическая нация // Идентичность: Личность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И.С. Семенов. М. : Весь мир, 2017. С. 399–404.

Мартьянов В.С. Российский политический порядок в рентно-сословной перспективе // ПОЛИС : Полит. исслед. 2016. № 4. С. 81–99.

Мартьянов В.С. Сословное государство в современном обществе, или Борьба с российской коррупцией как проблема сокращения статусной ренты // ОНС : Обществ. науки и современность. 2016. № 2. С. 94–105.

Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. Россия в поисках утопий. От морального коллапса к моральной революции. М. : Весь мир, 2010. 256 с.

Маршалл Т.Х. Гражданство и социальный класс // Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество / пер. с англ. Ю. Дергунова ; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2011. С. 145–223.

Массовая политика: институциональные основания / под ред. С.В. Патрушева. М. : Полит. энцикл., 2016. 286 с.

Межуев Б.В. Постколониальный переход и «транснационализация» гражданства // ПОЛИС : Полит. исслед. 2004. № 5. С. 19–27.

Мелетинский Е.М. Герой волшебной сказки. М. ; СПб. : Акад. Исслед. Культуры, Традиция, 2005. 240 с.

Меркель В., Круассан А. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I) // ПОЛИС : Полит. исслед. 2002. № 1. С. 6–17.

Мизес Л. фон. Теория и история / пер. с англ. под ред. А.Г. Грязновой. М. : ЮНИТИ, 2001. 296 с.

Миллер А. Империя Романовых и национализм : Эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое лит. обозрение, 2008. 248 с.

Миллер А. История понятия «нация» в России // Отечеств. записки. 2008. № 1 (46).

Миллер А.И. Нация, или могущество мифа. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2016. 146 с.

Мионов Б.Н. Русская революция 1917 года как побочный продукт модернизации // СОЦИС : Социол. исслед. 2013. № 10. С. 29–40.

Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). В 2 т. Т. 2. 3-е изд., испр., доп. СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. 583 с.

Миронов О.О., Горовцев Д.Е. Гражданин России: Историко-правовой очерк / Под ред. Г.Г. Касарова. Моск. гос. автом.-дорож. ин-т (Тех. ин-т), Ин-т гумман. исслед. М., 1997. – 130 с.

Мифологизация комплексов национальной неполноценности // Вестн. обществ. мнения. 2008. № 6. С. 65–88.

Михайловский Н.К. Письма о правде и неправде // Михайловский Н.К. Сочинения в 6 т. СПб.: типогр. Б.М. Вольфа, 1896-1897. Т. 4. 1897.

Михельс Р. Принципиальное в проблеме демократии // Социолог. журнал. 1994. № 3. С. 89–93.

Морозова Л.А. Проблемы правовой ответственности государства, его органов и служащих : «Круглый стол» журнала «Государство и право» // Государство и право. 2000. № 3. С. 20–36; № 4. С. 15–30.

Моска Г. Правящий класс // СОЦИС : Социол. исслед. 1994. № 10-12. С. 187–198.

Московичи С. Век толп: Исторический трактат по психологии масс/ Пер. с фр. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 354с.

Московичи С. Психология харизматического вождя // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти : хрестоматия. Самара : БАХРАХ, 1999. Т. 2. С. 441–473.

Мошкин С.В. Россия как демократия? Екатеринбург : Издат. Дом «Дискурс-Пи», 2007. 140 с.

Мухин А.А. Бизнес-элита и государственная власть: Кто владеет Россией на рубеже веков? М. : ГНОМ и Д, 2001. 208 с.

Немцов Б., Прибыловский В. Президент простой и ложный // Новая газ. 2005. № 10, 10–13 февр.

Никовская Л.И., Скалабан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // ПОЛИС : Полит. исслед. 2017. № 6. С. 43–60.

Нисневич Ю.А. Постсоветская Россия: двадцать лет спустя // ПОЛИС : Полит. исслед. 2013. № 1. С. 100–111.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2011. 480 с.

Общественное мнение-2015. М., 2016. 308 с.

Овчарова Л. Бедность как порог. Социальный экономист Лилия Овчарова: почему в России стало больше бедных // Огонек. 2015. № 28. С. 26.

Павлова Т.В. 2013. Конституирование политического: концепции и практики // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / под ред. С.В. Патрушева. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН). 525 с.

Павлова Т.В. Изменения в политической культуре и модели демократии // Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России / под ред. С.В. Патрушева. М. : ИСП РАН, 2006. С. 277–286.

Паин Э.А. Имперский национализм (Возникновение, эволюция и политические перспективы в России) // ОНС : Обществ. науки и современность. 2015. № 2. С. 67-68.

Паин Э.А. О политической инерции в донациональном обществе // Устойчивое развитие России: вызовы, риски, стратегии : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф. Гуманит. ун-та, 12–13 апр. 2016 г. : доклады: в 2 т. Екатеринбург : Гуманит. ун-т, 2016. Т. 1. С. 53–59.

Паин Э.А. Современный русский национализм: динамика политической роли и содержания // Вестн. обществ. мнения. 2016. № 1–2 (122). С. 126–139.

Панов П.В. Институты, идентичности, практики: теоретическая модель политического порядка. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011. 230 с.

Пантин И.К. Русская революция как проблема политической философии // ПОЛИС : Полит. исслед. 2011. № 5. С. 48–69.

Парето В. Компендиум по общей социологии // Антология мировой политической мысли. М. : Мысль, 1997. Т. 2. С. 58–79.

Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Американская социологическая мысль : тексты. М.: Наука, 1996. С. 462–478.

Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.

Пастухов В.Б. «Перестройка» – второе издание. Революция и контрреволюция в России // ПОЛИС : Полит. исслед. 2011. № 1. С. 7–28.

Пастухов В.Б. Бес права. Русское право как ускользающая реальность // ПОЛИС : Полит. исслед. 2011. № 2. С. 162–171.

Пастухов В.Б. Россия в поисках «нового времени». (Циклы российской власти) // ОНС : Обществ. науки и современность. 2012. № 1. С. 57–69.

Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии. М. : Ad Marginem, 1996.

Патрушев С.В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // ПОЛИС : Полит. исслед. 2009. № 6. С. 24–32.

Патрушев С.В. Типы гражданской активности // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М. : Рос. акад. полит. наук (РАПН) ; Рос. полит. энц. (РОССПЭН), 2011. С. 35–38.

Пашин С.А. Отечественный суд и государство // Государство. Общество. Управление : сб. ст. / под ред. С. Никольского и М. Ходорковского. М. : АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. С. 285–312.

Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М. : Яз. рус. культуры, 1996. 376 с.

Перегудов С.П. Российская гражданская идентичность и политическая нация: проблемы формирования и консолидации // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. М. : Весь мир, 2017. С. 163–170.

Перегудов С.П. Транснациональные корпорации на пути к корпоративному гражданству // ПОЛИС : Полит. исслед. 2004. № 3. С. 95–103.

Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Изд-во «Лань», 2000. 608 с.

Петров Н. Политическая механика российской власти: субституты против институтов // Вестн. обществ. мнения. 2009. № 4 (102), окт.-дек. С. 5–23.

Петухов В.В., Бараш Р.Э., Седова Н.Н., Петухов Р.В. Гражданский активизм в России: мотивация, ценности и формы участия // Власть. 2014. № 9. С. 11–19.

Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. Правопреемство и русская власть. История и современность // Полития. 1998. № 1. С.5–16.

Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб. : Дорофеев С.В. ; Виктория плюс, 2011. 608 с.

Подвинцев О.Б. Имперская, постимперская, неоимперская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика : энцикл. изд. / отв. ред. И.С. Семенов. М., 2017. С. 358–362.

Полохало В. Политология посткоммунизма в Украине и России. (К методологии политического анализа) // ПОЛИС : Полит. исслед. 1998. № 3. С. 11.

Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993.

После империи / Под общ. ред. А.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. 224с.

Президентские выборы в России 2012: постэлекторальный анализ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.Levada.ru/books/presidentskie-vybory-v-rossii-2012-goda>. (дата обращения: 27.05.2013).

Пригожин А. Час икс: Возрождение республики // Ведомости. 2011. № 170 (2936), 12 сент.

Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986.

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки / сост., науч. ред., текстол. коммент. И.В. Пешкова. М. : Лабиринт, 2009. 128 с.

Пропп В.Я. Русская сказка. М. : Лабиринт, 2008. 384 с.

Пфетцер С.А. Теоретико-методологические основания анализа проблемы политического участия // Вестн. Кемер. гос. ун-та. 2013. № 3 (55). Т. 1. С. 103–109.

Ранкур-Лаферриер Д. Психоанализ Сталина // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти : хрестоматия. Самара : БАХРАХ, 1999. Т. 2. С. 481–552.

Ратленд П. Постсоветские элиты России // ПОЛИС : Полит. исслед. 2016. № 3. С. 55–72.

Риттер М. Публичная сфера как идеал политической культуры // Граждане и власть: Проблемы и подходы / Под ред. Г.М. Михалевой. М., СПб., 2001. С. 12–27.

Розов Н.С. Неопатримониальные режимы: разнообразие, динамика и перспективы демократизации // ПОЛИС : Полит. исслед. 2016. № 1. С. 139–156.

Российская государственность в периоды кризисов, войн и революций: власть, ценности, институты (к 100-летию начала Первой мировой войны) / под ред. Евстифеева Р.В. Владимир : Владимир. филиал РАН-ХиГС, 2014. 399 с.

Российское гражданство. Учеб. пособие для вузов / Под ред. Кикотя В.Я. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003 – 272 с.

Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ : монография / под ред. В. С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. – М. : Политическая энциклопедия, 2016. – 335 с.

Россияне о прошедших выборах и перспективах протестного движения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.levada.ru/print/01-04-2-12/rossiyane-o-proshedshikh-vyborakh-i-perspektivakh-protestnogo-dvizheniya.htm> (дата обращения: 27.05.2013).

Руденкин Д.В. Почему меняется отношение россиян к неравенству в доходах? // Государство, политика, социум: вызовы и стратегические приоритеты развития : междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 27 нояб. 2014 г. : сб. ст. Екатеринбург : Урал. ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2014. С. 239–240.

Русакова О.Ф. Дискурс мобильности в современных коммуникациях // Научные ведомости. Сер. Гуманит. науки. Вып. 22. 2014. № 13 (184). С. 245–251.

Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс. – Екатеринбург : ИД «Дискурс-Пи», 2012. 400 с.

Рыжков В. Откат // Новая газ. 2004. № 68 (998), 16-19 сент. С. 2.

Самсон И., Красильникова М. Средний класс в России: зарождающаяся реальность или старый миф? // Вестн. обществ. мнения. 2010. № 4 (106). С. 61–72.

Сатаров Г. «Воруешь? Годен! // Новая газ. 2004. № 76, 14-17 окт.

Селезнева А.В. Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан // Полит. наука. 2016. Спец. вып. С. 149–169.

Семененко И.С. Гражданская идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М. : Весь мир, 2017. С. 354–357.

Семененко И.С. Культурная, социокультурная, цивилизационная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М. : Весь мир, 2017. С. 312–317.

Семененко И.С. Национальная идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М. : Весь мир, 2017. С. 405–412.

Сеннет Р. Падение публичного человека / пер. с англ. О. Исаевой, Е. Рудницкой, Вл. Софронова, К. Чухрукидзе. М. : Логос, 2002. 424 с.

Символическая политика : сб. науч. тр. / ред. кол.: Малинова О.Ю. (гл. ред.) и др. М., 2014. Вып. 2. 382 с.

Символическая политика: Сб. науч.тр. / ред. кол.: Малинова О.Ю. (гл. ред.) и др. М., 2015. Вып. 3. 371 с.

Синявский А.Д. Иван-дурак: Очерк русской народной веры. М. : Аграф, 2001. С. 37–48.

Скоробогачкий В.В. Безвременье и время философии. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. 270 с.

Скоробогачкий В.В. Социокультурный анализ власти. Екатеринбург, 2002. 288 с.

Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2 т. Т.1 / пер. с нем. К. Левинсон ; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле ; науч. ред. пер. Ю. Арнаутова. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 736 с.

Словарь русского языка : В 4 т. Т. 1. М., 1981.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М., 1977.

Словарь русского языка XI–XVIII вв. Вып. 17. М., 1991.

Смирнова Е.С. Институт гражданства: статичность или перспективы национального и международно-правового регулирования // Конституц. и муницип. право. 2015. № 1. С. 24–30.

Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1989.

Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии : учебник. М. : Аспект-Пресс, 2000. 559 с.

Соловьев В.С. Русская идея // Россия глазами русского. СПб., 1991.

Соловьев Э.Ю. Прошлое толкует нас. М., 1991.

Сорокин П. Социальная и культурная динамика. СПб., 2000.

Социальный портрет лишенца (на материалах Урала) : Сб. документов / отв. ред. Т.И. Славко. Екатеринбург : УрГУ, 1996. 256 с.

Степанов Ю. Константы: Словарь русской культуры / Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект, 2004. – 991 с.

Степанова Е.А. Фундаментализм и мания идентичности // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. Екатеринбург, 2008. Вып. 8. С. 94–116.

Степанова Е.А., Ефлова М. Социальная эксклюзия заключенных и экс-заключенных в России // Власть. 2012. № 1. С. 85–89.

Страхование жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.klerk.ru/print.php?32619> (дата обращения: 12.05.2016).

Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 150–166.

Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Вехи. Из глубины. М. : Правда, 1991. С. 459–477.

Сысуев О. На месте гражданского общества зияет большая дыра // Известия. 2001. 20 апр.

Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России : сб. ст. / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. М. : Новое лит. обозрение, 2012. 960 с.

Тарасов А.Н. Ложь в политике, или желтый логарифм. Причины, цели, технологии и результаты. Российский и зарубежный опыт. М. : Кн. мир, 2007. 544 с.

Тихонова Н.Е. особенности «российских модернистов» и перспективы культурной динамики в России // ОНС : Обществ. науки и современность. 2012. № 3. С. 5–21.

Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1994.

Трубецкой Е.Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке // Лит. учеба. 1990. № 2. С. 100–118.

Туровский Р.Ф. Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности // ПОЛИС : Полит. исслед. 2015. № 2. С. 35–51.

Тэйлор Ч. Демократическое исключение (и «лекарство» от него?) [Электронный ресурс]. URL: [http:// www.antropotok.archipelag.ru/text/a061.htm](http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a061.htm) (дата обращения: 27.06.2013).

Урри Дж. Мобильности / пер. с англ. А.В. Лазарева ; вступ. ст. Н.А. Харламова. М. : Издат. и консалтинг. гр. «Праксис», 2012. 576 с.

Успенский Б.А. Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хожения за три моря Афанасия Никитина») // Успенский Б.А. Избран. труды. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: «Гнозис», 1994. С.254–297.

Фан И.Б. «Революции делаются властью» : интервью с Б.Ю. Кагарлицким // Дискурс-Пи. Екатеринбург, 2007. Вып. 7. С. 70–75.

Фан И.Б. Теоретическая модель феномена гражданина: социокультурный подход // ПОЛИС : Полит. исслед. 2010. № 6. С. 149–161.

Фан И.Б. Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 67–82.

Фан И.Б. Гражданство и миграция в политических концепциях XX века // Науч. ежегодник Ин-та философии и права УрО РАН. Екатеринбург, 2008. Вып. 8. С. 257–278.

Фан И.Б. От героя до статиста: метаморфозы западноевропейского гражданина. Екатеринбург : УрО РАН, 2006. 316 с.

Фан И.Б.. Концепт гражданина в политической мысли. Методологические подходы и теоретические модели [Текст] / И. Фан. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, KG, 2011. – 412 с. – ISBN 978-3-8433-1249-3.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. М. : Прогресс, 1986. 576 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. 672 с.

Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т.1-2. СПб., 1992. Т. 2. С. 164–188.

Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т.1-2. СПб., 1992.. 704 с.

Филиппова Л.Е. Институциональное включение/исключение // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М., 2011. С. 51–55.

Филиппова Л.Е. Стратегии институциональных изменений // Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М., 2011. С. 260–270.

Фисун А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // Отечеств. записки. 2007. № 6 (39). С. 8–28.

Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация // Полит. концептология. 2010. № 4. С. 158–187.

Фишман Л.Г. В ожидании Птолемея. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. Екатеринбург : УрО РАН, 2004. 156 с.

Фишман Л.Г. Исчезнет ли мораль? // Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния РАН. Екатеринбург, 2011. Вып. 11. С. 408–418.

Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. 601 с. [Дореформенная орфография]. Фотографированное изд. Париж, 1937 г. Paris, YMCA-Press, 1983.

Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. 269 с.

Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : Московские лекции и интервью. М., 1995. С. 211–213.

Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / пер. с нем. Ю.С. Медведева под ред. Д.В. Складнева. СПб. : Наука, 2001. 417 с.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Проблема человека в западной философии: Переводы /Сост. и послесл. П.С. Гуревича; общ. ред. Ю.Н. Попова. М.: Прогресс, 1988. С.314–356.

Халем Ф. фон. Историко-правовые аспекты проблемы Восток-Запад / пер. с нем. Т. Кобзевой и Ю. Окпанского // *Вопр. философии*. 2002. № 7. С. 26–51.

Хантингтон С. 2004. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ : Транзиткнига. 635 с.

Хархордин О.В. Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности / О.В. Хархордин. М.;СПб.:Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге: Летний сад, 2002. 509 с.

Хархордин О. Основные понятия российской политики. М. : Новое лит. обозрение, 2011. 328 с.

Хлопин А.Д. Гражданская вовлеченность в социуме клик: потенциал институциональной трансформации // *Граждане и политические практики в современной России: воспроизводство и трансформация институционального порядка* / [ред. колл.: С.В. Патрушев (отв. ред.), С.Г. Айвазова, П.В. Панов]. М., 2011. С. 217–230.

Хлопин А.Д. Микросреда – сверхценность или ресурс для самостоятельного упорядочения повседневности? // *Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России* / под ред. С.В. Патрушева. М. : ИСП РАН, 2006. С. 335–339.

Хлопин А.Д. Российская власть и свобода // *Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России* / под ред. С.В. Патрушева. М. : ИСП РАН, 2006. С. 104–122.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб. : Алетейя. 1998. 306 с.

Хованская А.В. Достоинство человека: к либеральной стратегии права для России // *ПОЛИС : Полит. исслед.* 2001. № 4. С.49–59.

Холмская М.Р. Политическое участие как объект исследования (обзор отечеств. литературы) // *ПОЛИС : Полит. исслед.* 1999. № 5. С. 170–176.

Холодковский К.Г. Российская идентичность: исторический путь // *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / отв. ред. И.С. Семененко. М. : Весь мир, 2017. С. 156–162.

Хорос В. Гражданское общество как оно формируется (и сформируется ли) в постсоветской России // *Мировая экономика и междунар. отношения*. 1997. № 5. С. 90–96.

Хьюбер Дж.Д. Два взгляда либеральной демократии на конгруэнтность граждан и политиков // *Теория и практика демократии : избр. тексты* / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. М., 2006. С. 281–290.

Черепова И.С. Конституционное право граждан на участие в отправлении правосудия: понятие и состав // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. 2013. № 3 (152). С. 186–189.

Честнов И.Л. Субъект права: от классической к постклассической парадигме // Изв. вузов. Правоведение. 2009. № 3. С. 22–30.

Чичерин Б.Н. Опыты по истории русского права. М., 1858.

Чичерин Б.Н.. Философия права. СПб., 1900.

Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : моногр. Екатеринбург, 2003. 248 с.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. Екатеринбург, 2001. 238 с.

Шабурова О.В. Элиты // Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон [и др.] : ПАНПРИНТ, 1998. С. 1031–1032.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1994.

Шаров А. Генпрокурор вступился за бизнес // Рос. газ. 2009. № 25 (4849), 13 февр. С. 2.

Шевченко Ю.Д. Политическое участие в России // Pro et Contra. 1998. № 3. С. 87–97.

Шейнис В.Л. Конституционный суд в перипетиях российской истории // ПОЛИС : Полит. исслед. 2016. № 3. С. 73–91.

Шипунова Т.В. Гражданская безопасность и насилие: российские практики // СОЦИС : Социол. исслед. 2016. № 6. С. 121–128.

Шкаратан О.И. Становление постсоветского неозападничества // ОНС : Обществ. науки и современность. 2009. № 1. С. 5–22.

Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидация демократии // ПОЛИС : Полит. исслед. 1996. № 5. С. 16–27.

Штомпка П. Социология социальных изменений / Пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416с.

Шульман Е. Законотворчество как политический процесс. М. : Моск. шк. гражданского просвещения, 2014. 184 с.

Щербинин А.И. Через полицейство к тоталитаризму // ПОЛИС : Полит. исслед. 1994. № 1. С.

Энциклопедический словарь. Т. 9. СПб. : Издат. дело, Брокгаузь–Ефронь, 1898. – В содерж.: Гражданин. С. 500–501; Гражданское общество. С. 503–505; Гражданское право. С. 512–517.

Энциклопедический словарь. Т. 33-А. СПб. : Издат. дело, Брокгаузъ–Ефронъ, 1901. – В содерж.: Третье сословие. С. 792–794.

Эриксон Э. Психоанализ Гитлера // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти : хрестоматия. Самара : БАХРАХ, 1999. Т. 2. С. 449–480.

Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. 2-е изд. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 448 с.

Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.: Полит. издат, 1991. 527с.

Alexander J. Civil Society I, II, III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and Historical Transformations // Real Civil Societies: Dilemmas of Institutionalization / ed. by J. Alexander. London, 1998. P. 1-19.

Barbalet J.M. Citizenship : rights, struggle, and class inequality. Minneapolis : Univ. of Minnesota press, 1988. 119 p.

Bendix R. Nation-building and citizenship : studies of our changing social order. New Brunswick : Transaction Publishers, 1996. 455 p.

Marshall T.H. Citizenship and Social Class and Other. Cambridge: Cambridge univ. press. 1950. 154 p.

Marshall T.H. Class, citizenship, and social development. Westport: Greenwood press. 1973. 334 p.

Parsons T. Commentary on Clarc // Andrew Effrat (ed.) Perspectives in Political Sociology. Indianapolis, 1972. P. 299-308.

Riedel M. Buerger, Staatsbuerger, Buerkertum. – Geschichtliche grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 2. Stuttgart: Ernst Klett Verlag, 1972–1995.

Somers M.R. Narrating and Naturalizing Civil Society and Citizenship Theory: The Place of Political Culture and the Public Sphere // Sociol. Theory. 1995. Vol. 13, № 3. P. 229-274.

Turner B.S. Citizenship and Capitalism: the Debate over Reformism. London, 1986.

Fan, I.B.

Political ontology of the Russian citizen: content versus form. Ekaterinburg, 2018. – 332 [4] p. – ISBN 978-5-8056-0340-3.

The monograph is devoted to the study of institutional, value and personal factors of the historical formation and existence of the phenomenon of a citizen in Russia. The citizen is considered in the conception of the paradigm of transformation, typical for the political thinking of Modernity. The author analyzes the current political situation in Russia, assuming that the existence of a Russian is determined by the inconsistency of the political form of a "citizen" with the content of the "citizen" phenomenon, which means aggregate of real (informal, actual) conditions of being an individual. The main attributes of the political form of "citizen" turn out to be problematic: the involvement of a person in activities of a self-organized and developed civil society; membership in the nation as a political community, since the existence of the Russian nation is questionable; full membership in the national state, which generates the rights of civil and political participation.

The book is addressed to specialists in the social sciences, teachers and students, as well as practitioners and all readers interested in the problems of Russia's political modernization.

Author

Fan Irina

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, senior researcher at the Department of Philosophy, Doctor of Political Sciences, Associate Professor.

E-mail: Irina-fan@yandex.ru

Научное издание

Фан Ирина Борисовна

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНИНА:
СОДЕРЖАНИЕ ПРОТИВ ФОРМЫ

Корректор Н. С. Сотникова
Компьютерная верстка Р.А. Бакшаевой

Подписано в печать 29.03.2018. Формат 60 x 84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризограф.
Усл. п. л. 19,53.. Уч.-изд. л. 21,5. Тираж 500 экз. Заказ 182.

Редакционно-издательский отдел Уральского института – филиала РАНХиГС,
620990, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66.